

ALLEN GINSBERG
INDIAN
JOURNALS

АЛЛЕН ГИНСБЕРГ
ИНДИЙСКИЕ
ДНЕВНИКИ

МАРТ 1962 — МАЙ 1963 ГОДА

Записные книжки
Дневник
Пустые страницы
Отрывочные записи

Перевод
Владимира Болотникова

Б.С.Г.-ПРЕСС
МОСКВА 2005

ББК 84 (7 Сое)-44
Г 49

Вступительная статья, послесловие и комментарии
В.Болотникова
Макет и художественное оформление
А.Рыбакова

Гинсберг А.
Г 49 **Индийские дневники** / Пер. с англ.; вступ. статья, послесл.,
коммент. В. Болотникова. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2005. — 467 с. —
(Sac de Voyage)

ISBN 5-93381-163-7

Аллен Гинсберг, ведущий поэт поколения битников, отправился в поездку по Индии, будучи уже многоопытным путешественником. Книга «Индийские дневники» представляет собой собрание эклектических текстов, — дневниковых записей, стихотворений, размышлений, — а также рисунков, сделанных автором во время этого путешествия, в 1962 — 1963 гг. Книга была издана в США в 1970 году и стала катализатором движения молодых пилигримов, которые стремились познакомиться с культурой и историей Индии и других стран Востока.

ISBN 5-93381-163-7

ББК 84 (7 Сое)-44

© В.Болотников, перевод,
вступ.статья, послесловие,
комментарии, 2005
© А.Рыбаков, оформление, 2005
© «Б.С.Г.-ПРЕСС», издание на
русском языке, 2005

Содержание

Предуведомление

7

Индийские дневники

27

Послесловие

332

Комментарии

350

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ:
ЧТО БЫЛО ДО ЭТОГО ДНЕВНИКА —
И ПОСЛЕ

Аллен Гинсберг вел дневники всю жизнь. Он вообще ничего не выбрасывал из написанного, и к концу жизни в его небольшой квартире на Манхэттене в Нью-Йорке скопилось в ящиках более 60 тысяч писем, а также множество рукописей, дневниковых записей, самых разных бумаг, магнитофонных лент, видеозаписей и компьютерных флоппи-дисков. Там были все дневники, которые он начал вести в 1943 году, через месяц после поступления в Колумбийский университет, — в них около пятидесяти лет диалога с самим собой.

Ими довольно рано заинтересовались издатели: тогда популярность Гинсберга была такова, что фактически любой текст с его именем на обложке немедленно раскупался. Поэтому «Индийские дневники» были впервые изданы уже в 1970 году, а более ранние записи, вошедшие в книгу «Дневники: начало 50-х — начало 60-х», появились в 1977 году. Поэт сам отбирал записи для издания. Так или иначе, он был готов к этому, сам постоянно ощущал экспозиционистскую потребность максимально раскрыться, «обнажиться» перед читателем. В поэмах уже немало было высказано, выплеснуто бурным ассо-

циативным потоком его сознания, причем из сугубо интимного, из тем, которые еще недавно были абсолютными табу (сексуальность родителей, тяга к матери как сексуальному объекту, собственная сексуальность и гомосексуальность, эксперименты с расширением сознания посредством любых доступных наркотиков и проч.), но форма дневников позволяла еще раз отработать личный опыт, а сиюминутность записанного, казалось, вообще исключала всякую беллетризацию. Этим как бы подтверждалась непридуманность, аутентичность его творчества.

Вместе с тем, дневники Гинсберга выглядят как продукт творчества, как его «полуфабрикат». В них встречаются поэтические и прозаические фрагменты, и это не чистая запись его повседневных переживаний, впечатлений и ощущений, но выросший из них текст. Самый взгляд поэта на реальность таков, что почти все документальное в записях уже опосредовано его личностью, уже окрашено лишь ему одному присущей образностью, мировоззрением. В этом смысле его дневники хотя и представляют собой мостик между «жизнью» и «искусством», но такой же факт искусства, как и его поэмы. Со всеми условностями, допущениями, несоответствием «чистой» реальности.

Именно в дневниках мы можем ощутить зыбкость границы между «поэтической вольностью» и «реальностью»: для Гинсберга, мастера спонтанности, летописца сиюминутности, ее, пожалуй, на самом деле и не существовало — разве что поток сознания в дневниках был свободнее, был никак не подправленным, прямым продуктом его мысли «как она есть».

Сделанные им в Индии записи куда больше дают для ощущения духа времени и духа места, нежели путеводи-

тели или большинство путевых заметок известных литераторов. При всей специфичности точки зрения Гинсберга (он оставляет практически без внимания политические, социальные и прочие современные ему события в стране), именно его дневник позволяет ощутить истинное своеобразие Индии, без туристической мишуры, без мифической «загадочности» или «экзотичности»... А ведь если проследить по карте маршруты его поездок по стране, они в значительной мере совпадут с теми точками, куда сегодня вас с охотой повезут многочисленные турфирмы: Эллора, Аджанта, Варанаси, храмы Ориссы, тот же Тадж-Махал в Агре или заброшенный город-дворец в Фатехпур-Сикри...

Дело тут, видимо, в том, что Гинсберг — в отличие от многих путешествовавших по Индии людей Запада, сколь бы учены они ни были и как бы много ни знали о стране — *практически никогда не создавал дистанции между собой и окружающим миром*, пусть этот мир и казался бы иному читателю, даже сегодня, то ли пугающим, то ли отталкивающим, то ли чуждым... И еще: он никогда не судил одну культуру с позиций другой... Он, так сказать, вживался в окружение, а не стремился перебороть его.

Гинсберг, пытаясь найти пути решения собственных проблем, занял позицию ученичества, восхищения и благоговейного трепета перед древней мудростью, дошедшей до наших дней в ритуалах различных религий и сект. Он легко сходил с индийцами, по крайней мере с теми, кто был ему близок, понятен — со «святыми людьми», аскетами-садху, паломниками, с безвестными и именитыми мудрецами... К разного же рода бюрократам, чиновникам, полиции, тайным агентам относился как к неизбежному злу, с которым по мере сил старался вести борьбу,

как в Индии, так и в США. Как, впрочем, и с чопорными университетскими профессорами...

Еще за семь лет до своего путешествия в Индию Гинсберг (ему было 29 лет) встретился с Карлом Шапиро, довольно известным в то время поэтом, который преподавал в Калифорнийском университете в городе Дэвисе. Гинсберг интересовался его творчеством и был тем более рад встрече с ним, что Шапиро только что вернулся из поездки по Индии. Гинсберг, всерьез увлекшийся буддизмом (под влиянием других «битников» — Кэссиди, Керуака, а также Снайдера, Уэйлена и др.), захотел побольше узнать об Индии «из первых рук». Но разговор не получился. Вот как Аллен описал эту встречу отцу:

«[Шапиро] пустоглаз, скучен, ведет себя словно администратор из рекламной конторы и вызывает примерно столько же симпатий¹. «Индия ужасна», — только и сказал он. «Карлу там вообще не понравилось», — поддакнула ему жена. Шапиро сказал, что там можно лишь игнорировать страдания, чтобы не страдать самому. В его душе я вообще не обнаружил света, просветления, а только деньги. Его поэзия прославляет умеренность во всем и добродетели среднего класса — так он спасается от жизни. И надо же, именно этот человек преподает курс писательского мастерства в университете! И таким восхищаются тусклоглазые профессора...»

Любопытно отметить, что волна интереса на Западе к верованиям и культуре Индии возникла в особеннос-

¹ Думается, такое сравнение здесь неспроста: Гинсберг к тому времени отработал по нескольку месяцев в рекламных конторах Нью-Йорка и Сан-Франциско.

ти после путешествий Гинсберга в эту страну в 1960–70-е годы. Он был одним из тех, кто подготовил знаменитое паломничество в Индию хиппи, «детей цветов» (он же и придумал этот «термин»). Он помог и словом и делом индусскому культу кришнаитов выйти за пределы страны, на Запад, создавая альтернативу западной культуре, которая, по ощущениям многих, оказалась тогда в политическом и идейном тупике. Он, уже ставший ориентиром и авторитетом для читающей публики и для большого числа молодежи, дал сильный толчок осознанию и частичному освоению огромного опыта, который был накоплен в Индии за тысячи лет почти не прерывавшегося культурного развития. Так на Западе зародился повальный интерес к йогической практике, «Камасутре», аюрведической медицине и древним текстам. Прагматичный Запад взял из этой сокровищницы, разумеется, лишь то, что был в состоянии «опосредовать», применить для своих практических нужд, и уж во всяком случае не в той цельности, в какой это знание естественно существует в самой Индии.

* * *

Перед самой поездкой в Индию Гинсберг посетил Грецию, Израиль, Африку (Джибути и Кению). А до того жил в Марокко, в основном в Танжере, вместе со своим другом, компаньоном и любовником Питером Ортош-ки. А еще раньше ездил по Европе и по Латинской Америке (был в Мексике, Перу, Чили). Моряком дальнего плаванья побывал и в тропическом Дакаре (Сенегал), и за полярным кругом, у северного побережья Аляски.

Жизнь его была наполнена самыми невероятными событиями, можно подумать, он сам нарочно искал приключений.

Родился Аллен Гинсберг в 1926 году неподалеку от Нью-Йорка. Его родители происходили из России. Мать по своим политическим взглядам была куда радикальнее отца, социалиста и ортодоксального иудея, участвовала в работе коммунистической ячейки, верила в «мудрость и всемогущество товарища Сталина». Это, однако, не мешало ей быть активной нудисткой. С раннего детства Аллен и его брат много раз становились свидетелями эпизодов неадекватного поведения матери; постепенно у нее развилась тяжелая паранойя, так что фактически всю вторую половину жизни она провела в различных психиатрических лечебницах.

Аллен поступил в университет в 1943 году, поначалу с целью стать адвокатом и защищать права рабочих, угнетаемых эксплуататорами. Однако вскоре он познакомился с теми, кто в дальнейшем составил костяк движения «разбитого поколения»: это были Джек Керуак, Люсьен Карр, Нил Кэссиди и другие, а также их «старший товарищ» Уильям Берроуз. Начались нескончаемые «поиски себя», эксперименты с «расширением границ сознания» — если поначалу это были только крепкие алкогольные напитки, то уже довольно скоро молодые интеллектуалы принялись пробовать и различные лекарственные средства, вызывающие галлюцинации (например, бензедрин), а еще марихуану и ее производные. Аллен, благодаря своим новым друзьям, стал вращаться в кругу «сильных личностей», преступавших закон, пусть и не самым серьезным образом: кто воровал пальто с вешалок, кто угонял автомобили (чтобы просто «прокатиться с девуш-

кой»), кто приторговывал наркотиками. Среди них попадались и отпетые, настоящие уголовники. В то же время многие битники были творческими личностями, и их «отвязный» стиль жизни помог им не только выйти за рамки обычного серого регламентированного существования в пуританской стране с довольно солидным аппаратом подавления (впрочем, не прибегавшим к физическому уничтожению сограждан, как в сталинском Советском Союзе или в нацистской Германии), но и попытаться изобразить свою повседневную жизнь как образец борьбы с обществом. Само понятие «beat», то, что в него вкладывалось в то время, оформилось еще когда все они жили своеобразной коммуной в одной огромной квартире неподалеку от университета¹. Слово «бит» как обозначение эстетической категории, стиля впервые использовал Керуак в 1949 году, а слово «битник» придумал в 1958 году журналист из Сан-Франциско, автор колонки сплетен, написав: «Битники, как и спутники, находятся вне пределов нашего, земного существования». С самого начала это слово было журналистским стереотипом и имело оскорбительное, издевательское значение.

В американском обществе, конечно, всегда были те, кто оказывался вне «нормальной» структуры, кто не мог достаточно много зарабатывать, иметь собственный дом, автомобиль в гараже и курицу в кастрюле, о чем, как о неотъемлемом праве граждан США, еще в тридцатые го-

¹ Интересно, что Гинсберг во многих интервью утверждал, что никакой особой концепции или идеологии битничества у них вообще не существовало, во всяком случае до середины 1950-х годов, и что битничество как движение придумано критикой.

ды распинались политики. Всё же в основном американцы верили, что если вести себя «как полагается», им гарантирована «нормальная» жизнь. Битникам такой подход был чужд. Они не желали тратить жизнь на создание и накопление материальных ценностей, они стремились употребить все свои силы, самих себя на «что-то иное». Их мир был «другим» (что бы это ни значило, что бы каждый из них конкретно под этим ни подразумевал), и жили они именно в нем, чего бы им это ни стоило...

Помимо прочих качеств, резко выделявших битников среди городской буржуазии и даже среди, казалось бы, близкой им творческой и университетской интеллигенции, была их открытая сексуальность, причем не столько гетеросексуальность, сколько гомосексуальность, на что в США в те годы было фактически наложено табу. Гомосексуализм был вне закона, во всяком случае, несмотря на многие реформы в западном обществе, его рассматривали не только как грех, но и как преступление. Именно в этом направлении и повели наступление битники — они провозгласили свободу секса, свободу сознания, свободу творчества как неотложную необходимость для каждого члена общества. Они и своим поведением, и своим творчеством утверждали, что запретных тем не существует. При этом, разумеется, с водой, как говорится, выплескивали и младенца, однако в любом квази-революционном движении именно это и происходит. В конечном счете, жизнь расставила точки над «i», и сами судьбы битников свидетельствуют об этом ярче всего.

Движение битников прошло несколько этапов: первичного зарождения (40-е годы), развития (конец 40-х — начало 50-х), становления (конец 50-х), расцвета (на ру-

беже 50—60-х), а также так называемого «пост-существования» (в 60-е годы, когда, после грандиозного успеха группы «Битлз» наступила эра новой культуры, пришло новое поколение, хотя в какой-то мере и связанное с битниками).

* * *

Жизнь Гинсберга резко изменилась в июле 1948 года, когда однажды раздался «ниоткуда» громopodobный голос Уильяма Блейка (Аллен как раз перечитывал любимое им стихотворение Блейка «Подсолнух»), появился сияющий образ английского поэта (умершего еще в 1827 году) и одновременно пришло осознание сути вечности... Аллен был столь поражен и воодушевлен видением, ощущением собственной значимости, что тут же сообщил всем близким: я видел Бога! И прожил под грузом этой «богоизбранности» следующие пятнадцать лет, причем она и тяготила его, и вызывала страдания (он боялся утратить свой поэтический дар, свой «канал связи» с божеством), и требовала бесконечного подтверждения. Отсюда его поиски все более сильных средств для расширения сознания, его метания по свету, его невероятные по концентрации сознания успехи в поэтической сфере (поэма «Вопль» была в основном написана всего за сорок часов непрерывной работы за пишущей машинкой), а также, по-видимому, его все более радикальная и активная общественная позиция.

Приведем очень коротко основные вехи его жизни до поездки в Индию.

1949 Аллен был в машине с приятелями, которые перевозили краденое, его арестовали за пособничество, и он на восемь месяцев попал в психиатрическую больницу.

цу. После лечения (лечили его, помимо прочего, от... гомосексуализма) он в течение нескольких лет честно пытался слиться с окружением: имел постоянную работу, жил относительно нормальной жизнью, а также внял было мольбе матери: «Сынок, найди же себе девушку!»

1950 Вышел в свет первый роман Джека Керуака «Город и городок». Уильям Берроуз начал писать автобиографическое повествование, известное как «Джанки» (напечатано в 1953 году).

Гинсберг познакомился с известным поэтом Уильямом Карлосом Уильямсом — их личная и творческая дружба будет продолжаться до смерти Уильямса.

1951 Берроуз застрелил свою жену, по-видимому, случайно.

Керуак с помощью Гинсберга смог пристроить в издательство свой магистральный битнический роман «На дороге».

1953 В конце года Берроуз был вынужден уехать в Марокко на целых пятнадцать лет, чтобы пережить расставание с Гинсбергом: после недолгого периода пылкой взаимной любви Аллен прервал их взаимоотношения, «чтобы остаться в своем уме». Тогда же Аллен отправился на полгода в Мексику, он жил на юге страны, в джунглях провинции Чиapas, среди индейцев.

1954 Керуак настолько увлекся спорами с еще одним отцом битничества, Нилом-Кэссиди, который уверовал в учение американского ясновидящего, «спящего пророка», необуддиста Эдгара Кейса (умер в 1945 году), что в результате перечитал уйму книг и сам пришел к буддизму.

По возвращении из Мексики Гинсберг также гостил у супругов Кэссиди, пока жена Нила не застала его в постели с собственным мужем.

В декабре Гинсберг встретил в Сан-Франциско любовника всей своей жизни, Питера Орловски, и вскоре переехал в дом, где тот жил. (Впрочем, оба были бисексуальны: на протяжении всей совместной жизни и Аллен, и особенно Питер имели также гетеросексуальные связи.)

1955 Гинсберг написал поэму «Вопль», ставшую, так сказать, краеугольным камнем битничества (наряду с «На дороге» Керуака и «Голым завтраком» Берроуза). «Вопль» написан в спонтанном стиле под воздействием галлюциногенных наркотиков в соответствии с кредо Гинсберга: первая мысль — самая лучшая.

Аллен познакомился с поэтами-буддистами Гэри Снайдером и Филипом Уэйленом и начал всерьез изучать буддизм.

13 октября состоялось историческое публичное чтение «Вопля» в галерее «Сикс Гэллери» в Сан-Франциско, а несколько позже — чтение поэмы в Беркли.

1956 Летом умерла мать Аллена. Это потрясло его до глубины души.

Осенью «Вопль» опубликован в Сан-Франциско новым издательством «Сити-лайтс букс» поэта Лоренса Ферлингетти.

1957 Во время чтения «Вопля» в Лос-Анжелесе Гинсберг в пылу полемики с одним из слушателей, который требовал объяснить, что именно пытаются доказать миру битники, не только заорал: «Что всё — нагое! Что всё — поэтическая нагота!», но и тут же «на спор» скинул с себя одежду, вызвав аплодисменты присутствовавших, в том числе Анаис Нин. (Отныне он стал нередко раздеваться догола на людях, что создало прецедент для подобного публичного поведения молодежи 1960-х.)

Кэссиди, Керуак, Гинсберг

Пока Аллен с Питером проводили время в Марокко и в Европе, тираж «Вопля» был арестован как «нарушающий нормы общественной морали». Однако судья отказался считать эту поэму «непристойной» и подлежащей конфискации. Суд, по иронии судьбы, фактически стал рекламой творчества битников и существенно увеличил продажи «Вопля».

Гинсберг в парижском кафе, обливаясь слезами, начал писать плач по покойной матери «Кадиш» (по названию еврейской поминальной молитвы, которой она не удостоилась во время похорон).

1958 Гинсберг наконец вернулся в США из Парижа, где поселился вместе с другими битниками в дешевой гостинице-клоповнике, так называемом «Бит-отеле».

1959 Гинсберг при большом стечении слушателей прочел написанную часть поэмы «Кадиш» в своей «альма матер», Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Аллен записался в качестве подопытного для серии экспериментов с новым веществом, ЛСД-25, в Стэнфордском университете в Пало-Альто (Калифорния). Он писал тогда отцу: «Этот наркотик автоматически дает мистический опыт. Наука наконец-то сделалась классной!»

Благодаря выступлениям Гинсберга на суде над журналом «Биг Тейбл», опубликовавшим отрывки из «Голого завтрака» Берроуза, обвинение проиграло процесс.

1960 Гинсберг и Ферлингетти приняли участие в литературной конференции в Чили, организованной местными коммунистами. Как писал тогда Гинсберг, «в то время [в Латинской Америке] любой человек с гуманистическими взглядами либо был, либо считался коммунистом».

Во время последующих путешествий по Боливии и Перу Аллен пробует сильнодействующий наркотик яге.

В конце года Аллен участвовал в конференции психотропов, где феномен битничества рассматривался с профессиональных позиций. Там ассистент Тимоти Лири, Гарвардского профессора, который проводил эксперименты с «волшебными грибами» (содержавшими псилоцибин), и писатель Олдос Хаксли, уже попробовавший их, настоятельно рекомендовали Гинсбергу встретиться с Лири, основоположником «психоделической культуры». Приняв это сильнодействующее наркотическое средство, Гинсберг провозгласил начало «психоделической революции». Он носился голый по Гарварду, пытаясь объяснить миру важность его открытия. Требовал от телефонистки немедленно соединить его с Никитой Хрущевым. Уильямом Карлосом Уильямсом и Норманом Мейлером, крича ей в трубку: «Я — БОГ! Б — О — Г!»

1961 В марте Гинсберг с Орловски отправились в Париж, к Берроузу. Но тот уже уехал в Танжер. Берроуз настолько не любил Питера, что последний предпочел регистрироваться в Стамбуле. Тем временем в Танжере, где и без того не было проблем с наркотиками, появился Тимоти Лири. В результате Аллен лишь в августе отбыл в Грецию, а с Питером они воссоединились в конце года, в Израиле, где Гинсберг встретился с Мартином Бубером.

1962 Через Красное море Аллен и Питер добрались до Момбасы, столицы Кении, где приняли участие в политических митингах.

15 февраля 1962 года их корабль прибыл в Бомбей (тогда — Мумбай). Началась почти полугодовая индийская одиссея, пора странствий, открытий, поисков гур, самоландинга, духовного возмужания. Как ни странно,

несмотря на постоянное употребление наркотических средств, именно жизнь в Индии помогла Гинсбергу избавиться от пристрастия к наркотикам, увериться в собственных силах, окончательно обрести опору в буддизме с его отказом от страдания и поисками нирваны (хотя посвящение в буддизм он принял лишь в 1972 году).

Здесь Гинсберг учился медитации и изучал силу воздействия произнесенной мантры у целого ряда уважаемых учителей, святых подвижников. Здесь произошло его «хождение в народ», когда он целые дни проводил с аскетами-садху, последователями бога Шивы, курил с ними бесконечные трубки-чиллам с ганджей (марихуаной), участвовал в их порой странных, порой жутковатых обрядах. Здесь он часами наблюдал за тем, как горят тела умерших, когда их, в соответствии с индуистской традицией, сжигают на берегу реки или океана¹. Он пытался почувствовать, что представляет собой этот промежуток между физической смертью тела и моментом, когда, в соответствии с представлениями буддистов, суть человека, его дух обретает новое жилище, новое существование.

В то же время он интересовался молодыми поэтами новой Индии, встречался с журналистами, религиозными деятелями и преподавателями учебных заведений.

Ища духовного исцеления, он уже под конец своего пребывания в Индии стал, наконец, активно помогать людям: известны несколько случаев, когда они с Пите-

¹ Кого-то его пристрастие может шокировать, но здесь, помимо прочего, по-видимому, имеется отголосок впечатления, произведенного на него Холокостом: так, в 1957 году он специально поехал в Мюнхен, чтобы побывать в концлагере Дахау.

рем спасали людей, умиравших на улицах Варанаси от голода и холода, лечили, как могли, помещали их в больницы, добивались проявления элементарного внимания со стороны городских властей к судьбам своих сограждан.

* * *

15 мая 1963 года Гинсберг оставил Питера в Индии (у них на тот момент снова испортились отношения) и отправился в Бангкок, Сайгон, осмотрел буддийскую святыню Ангкор-Ват в Камбодже и затем провел пять недель у Гарри Снайпера в Японии. Затем он преподавал поэтику в Ванкувере, жил в Сан-Франциско, наконец вернулся в Нью-Йорк.

Продолжалась жизнь, полная не меньших потрясений и невероятных происшествий. Гинсберг все больше занимал положение «неформального лидера», новоявленного гуру для интеллигенции и подрастающего поколения.

В 1965 году он побывал на Кубе. Правда, его довольно быстро выставили оттуда, но не столько даже за его странную выходку (он вдруг прилюдно шлепнул по задку соратника Кастро, бывшую партизанку, которая была тогда женой трон культуры Кубы), сколько, пожалуй, за его непрекращающиеся протесты против преследования гомосексуалистов на «острове свободы» (в этой все еще католической стране полиция недавно победивших социалистов боролась попросту арестовывая «туеядцев» и «гетеросексуалов» за их «непотребное поведение»).

С Кубы Гинсберга отправили первым же рейсом, который приземлился... в Праге. Тогда же он заехал на несколько дней в Москву. Здесь он смог встретиться с неко-

торыми своими родственниками (некоторые так и жили в России, потом в СССР, а его дядя специально приехал из Америки, когда в Москве начали строить метро, да так и остался). Разумеется, он не преминул встретиться с Евтушенко и Вознесенским, которых уже опубликовали в США, в том же издательстве Ферлингетти, что и самого Гинсберга. На обратном пути, снова в Праге, либерально настроенные студенты совершенно неожиданно избрали Аллена «Королем мая», в общем и целом в пику «органам». И снова пребывание Аллена «за железным занавесом» завершилось досрочно. Тем более что он и здесь позволил себе нарушить строгую коммунистическую мораль, встречаясь, как «официально», так «неофициально» с гомосексуалистами, рассказывая им о набравшем силу движении геев в США.

Позже он выступал с Бобом Диланом и рок-группами «The Fugs» и, уже в 80-е, «The Clash», снимался в авангардных фильмах, предвосхитивших творчество Уорхола, участвовал в демонстрациях против производства ядерного оружия. Он помог первым кришнаитам Запада обрести материальную базу для своей организации: на рок-концерте «Мантра-Рок» в пользу вновь созданного храма кришнаитов он заявил, что повторение мантры «Харе Кришна» дает тот же эффект, что и прием ЛСД. Он был в первых рядах тех, кто протестовал против войны во Вьетнаме, кто устроил знаменитое «очищение» Пентагона от скверны, скандируя буддийские мантры. И он же встречался с Эзрой Паундом, который не пожелал публично раскаться в своем преклонении перед Муссолини, хотя в частном разговоре с Гинсбергом и признался, что сожалеет об «ошибках молодости». Короче, дело Гинсберга в ФБР распухало все больше и больше.

В 1970 году он встретил ламу Чьогьяма Трунгпу Ринпоче и принял его в качестве своего гуру. В городе Боулдер, штат Колорадо, совместно с поэтессой Энн Уолдман он организовал так называемую «Школу расчлененной поэтики имени Джека Керуака» при буддийском Институте Наропа, которым руководил его гуру.

На протяжении всей оставшейся жизни он стремился поддерживать пламя битничества в новых условиях, несмотря на стремительно изменяющееся общество, перемены в культуре, науке, политике, сознании людей. Удивительно то, что многие из этих перемен за последние десятилетия двадцатого века связаны с его деятельностью и теми идеями, которые он проповедовал.

Все это — отнюдь не панегирик гению. Жизненный Гинсберга был невероятно извилист, поэт подвергался, особенно в ранней молодости, немалым испытаниям, однако ему, так или иначе, «повезло»: он не спился, как Керуак; не замерз в наркотическом сне на рельсах в Мексике, как Кэссиди; не стал сутенером собственной жены, как Бремсер; не был раздавлен вагоном метро, как Министра; не выбросился из окна, как Элиз Коуэн; не был убит перочинным ножом, как Люсьен Карр; не потерял жену, как Берроуз... Он не раз доходил до критической черты, но умудрялся не перейти ее. Возмущенный тем, что считают, что Гинсберг, который жил в атмосфере безумных выходок матери и постоянно принимал ее жалобы на провода, введенные ей в глаза, по поручению Гитлера или Рузвельта, наводил родственников и т.п., старался нащупать грань между нормой и безумием, чтобы, с одной стороны, не повторить печальную судьбу матери, а с другой, остаться как можно ближе к ней.

Однако Гинсберг, «бунтарь-горлопан», пошедший против традиций и ценностей американского общества, знал как никто другой, каким образом лучше всего использовать это самое общество в своих целях.

Гинсберг был гением «паблисити», саморекламы, гигантом «промоушен», продвигая никому не известный и подозрительный товар: писания и творения аутсайдеров, пьяниц и наркоманов, воров и преступников, какими являлись битники в глазах средних американцев. Пожалуй, он первым из художников двадцатого века стал бороться с буржуазным обществом при помощи его же собственных механизмов купли-продажи. Точнее, и не бороться вовсе, а использовать существующие возможности, внедряясь в него, переделывая его под себя. Гинсберг первым доказал Америке, что продать в ней можно что угодно, даже поэзию... Гинсберг и еще, пожалуй, Уорхол фактически создали нынешний базар массового искусства, на котором сбыть можно практически любой товар (это максимально точно выразили у нас в России словами «пипл хавае»).

А для успеха дела Гинсберг был готов на все. Можно было превратиться в буддиста, стать «космическим анархистом», можно было оказаться одним из первых лидеров контркультуры, пацифизма, хиппизма. Можно заделаться заводилой и завсегдатаем разного рода новых акций молодежи, давая им какие-нибудь новомодные названия («лав-ин», «сит-ин», «би-ин» и т.п.), можно изобретать новые виды противостояния властям, объявляя, например, о наступлении «власти цветов» (тоже термин Гинсберга), которая заключалась в том, что цветы, музыка, искусство, любовь и скандирование мантр якобы позволяют одолеть военщину, прекратить разгон демонст-

ций и самую войну во Вьетнаме. Или провозгласить «иск Аквариуса» (а кто об этом помнит сегодня, кроме стариков-хиппи?). Или разрабатывать постулаты «Нового Века» — «Нью Эйдж».

Но главное все же, видимо, в том, что не сам по себе Аллен Гинсберг или даже все битники вместе взятые создали эту волну — но что волна эта родилась в массах людей в связи с изменениями их жизни, духовных ориентиров. Так что волна «бурных шестидесятых» не столько породила, сколько вознесла их и, как это получается у умелых серфингистов, позволила довольно долго держаться на огромной скорости на самом ее гребне... А если выбрать удачное место на берегу Океана Жизни, то можно непрерывно вскакивать на гребень очередной волны — это, конечно, приходит с опытом.

* * *

Немного о стиле дневников. Аллен начал вести их в 17 лет, в 1943 году, под влиянием Керуака, чье поведение он практически копировал, в кого был влюблен. Тогда же вел дневники Люсьен Карр, еще одна, в общем безответная, любовь Аллена, которому очень импонировала идея «мультимедийной интроспекции», выдвинутая Карром. Но и после 1947 года юношеские дневники стали по-настоящему свидетельством огромной, скрытой работы урядного поэта над самим собой, его лабораторией. Все они увлеклись тогда Артюром Рембо; Аллен записывал так то, что мечтал бы так же, как Рембо, находить удивительные, элегантно-яркие, романтические, мистические слова для своих текстов.

Еще один источник — американский поэт Харт, известный своим неумеренным для английской

орфографии использованием тире: у Крейна оно обозначало резкий скачок от одной мысли, пусть прерванной посередине, к другой, совершенно новой, даже возникшей случайно, по самой причудливой ассоциации — или же «поэтическую вольность» без явной ассоциации.

Такие испещренные знаками тире страницы типичны и для дневников Гинсберга. Тире здесь часто выполняет функцию разделителя, оно отнюдь не обязательно связывает слова, стоящие слева и справа от него.

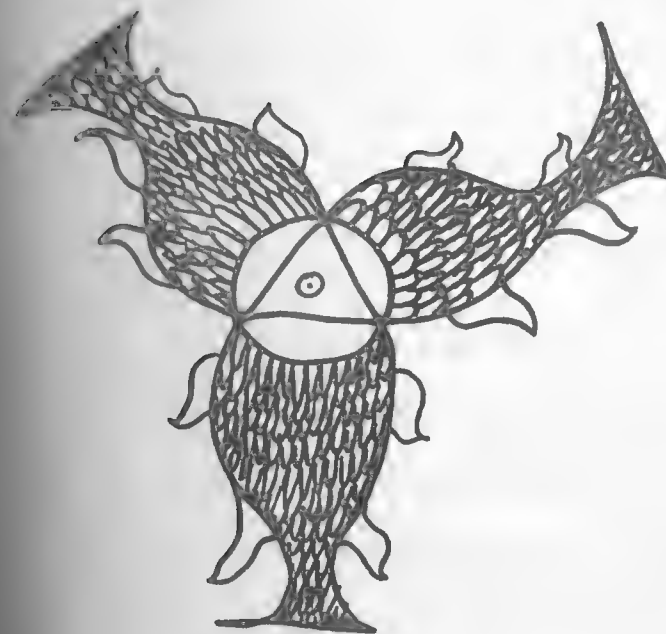
Вообще текст Гинсберга в дневниках сплошь и рядом развивается одновременно в нескольких не пересекающихся друг с другом плоскостях. В преклонные годы поэт признал, что это создавало «непостижимые сцены бесвязных снов».

Гинсберг также широко использовал в своих записях керуаковскую идею прозаической «эскизности» — фиксации приходящего в голову в данный момент при виде чего-то. Порой такие «эскизы», «обрывки», такая «образная нарезка» превращались в объемные, яркие картины, а порой так и оставались обрывками, «поэтической свалкой»: может, пригодятся когда-нибудь в будущем.

Как бы то ни было, это, пожалуй, максимально близко к возможности того, что в медицине стали впоследствии называть томограммой: срезом не видимого простым глазом состояния внутренних органов тела человека.

Только здесь мы имеем дело с томограммой живой мысли поэта.

Индийские дневники

рыбы с единой головой» — символ буддизма, это выг-
ран на гигантском камне отпечаток следа ноги Буд-
д-
который я обнаружил под Деревом Бо в Бодхгае,
пифологическом священном месте, где Будда обрел
тис просветления.

*Из примечания Аллена Гинсберга к его книге
«Сборник стихотворений 1947 – 1980 гг.»*

Посвящается —

Морису Фридмэну^{*1}, который сказал: довольно странствовать в поисках гуру;

Свами Шивананде*, сказавшему: «Твое сердце и есть гуру»;

Баба*-мусульманину в Бомбее, который поцеловал Питера Орловски*;

Его Преосвященству Далай-Ламе, задавшему мне вопрос: «А приняв ЛСД, можно увидеть, что́ внутри вон того Портфеля?» — после чего в одном из пещерных храмов Аджанты* Гэри Снайдер* стал распевать Праджнапарамита-сутру*;

Шри Кришнаджи, последователю Мехер-Баба*, который принял обет молчания, мягко заметив, что все хорошо и без его дальнейших слов, а еще — что Америке молчание принесло бы только пользу;

Ашоку Факиру, который показал дорогу на Нимталла-Гхат*;

Свами Шатъянде из Калькутты, что сказал: «Будь счастливым поэтом Бога»;

¹ Слова, отмеченные *, разъяснены в комментариях.

Гопинатху Кавираджу*, заметившему: «Чем ты занимаешься, это, наверно, хорошо»;

Кали Пада Гуха Рою*, который на мои сомнения в том, что Поэзия суть дисциплина, пригодная для бездны, возразил так: «Поэзия — это еще и Садхана*, а Йога тоже пасует перед Бездной»;

Шримате Кришнаджи* и Бэнки Бихари из Вриндавана*, которые в один голос убеждали меня: «Возьми себе в гуру Блейка»;

Даджому Римпоче Ньингмапе, ламе из Калимпонга*, который втянул воздух сквозь зубы в знак сочувствия, утишая мои страхи перед галлюцинациями от ЛСД, а потом посоветовал: «Если что жуткое почудится, не лъни к нему, а если прекрасное, и к нему не лъни»;

безвестной паломнице из Непала, которая на Магх-Мела* в Аллахабаде в 1962 году так славно пела свое «Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе», что я всегда помню об этом;

Шамбу Бхарти Баба, который на Горящем Гхате в Бенаресе пригласил меня подсесть и покурить с ним ганджу* безмолвным жестом Абхая-мудра*;

Ситараму Онкару Дас Тхакуру, который дал мне совет: чтобы найти себе гуру, надо отказаться от лука мяса секса сигарет и на протяжении трех недель беспрестанно повторять мантру «Гуру Гуру Гуру Гуру Гуру Гуру» (а еще сказал: «Откажись от желания делать детей») — и следствием этого стала беседа с Дихорава-Баба* на бамбуковом помосте на Ганге, который, после того как я поругался с Питером Орловски, молвил: «О, как уязвлен, как уязвлен!»

Аллен Гинсберг
7 мая 1968 года

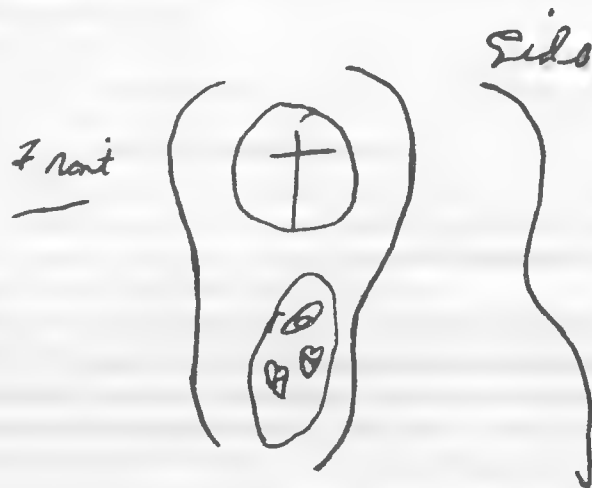
СОН-ПРЕДЧУВСТВИЕ

7 ноября 1961 года

Снилось, будто после целой недели скорби и дурного расположения духа схожу с Корабля¹ на Берег и шествую по широченному проспекту вдоль Моря, это Улица Цыплят Лакхнау* в ИНДИИ — мне впервые приснилась Индия — грандиозный, красно-коричневый ночной проспект на берегу, и я иду в полном одиночестве несколько миль, ночью, по торговой улице, где продают буйволиное мясо, пока не прохожу сквозь сказочного вида ворота в квартал Рэшбихари-Рич* с современными Многоквартирными Домами на Берегу — красивая парадная улица на богатой набережной, вроде Чикаго, только куда шире — я все думаю, что же это за город, куда я попал, я безумно счастлив, вот моя земля обетованная (пишу это на собственно земле обетованной*), на ночной улице мало народу, я вижу цепочки огней, словно на фасаде

¹ Здесь и далее сохранены особенности написания слов, свойственные дневнику Гинсберга. (Примеч. перев.)

отеля «Риверия»*, смотрящем на океан, я подхожу к фронтому большой церкви — наконец-то; это Всеиндийская Христианская Церковь Предзнаменования — тут фантастическая Дверь, ее только что отлили для меня из бетона,

она похожа на слепой одноглазый череп, со Священными Сердцами в бетонном откосе внизу; наклонившись поцеловать Св. Сердце, читаю Эпитафию: «Что ж, не повезло, прощай» — я счастлив, это словно здесь для меня предзнаменование через смерть — грандиозная, космических масштабов, счастливо воплощенная шутка — страна чудес, где Человек понимает, что грезит — я прохожу дальше на площадь, где под большими свечами для всеобщего обозрения на деревянных помостах выставлены тела, прикрытые белыми саванами, и их охраняют Солдаты в Белом — я поражен, что это на показ, прямо на улице — Потом я понимаю, что на этой прибрежной Улице

живут лишь люди с деньгами, тонкий слой, хотя здесь, видимо, можно снять прекрасные и наверняка дешевые квартиры — я устроюсь, совсем как Грегори*, в одной из них, с собственной кухней, буду ходить в белом костюме и заживу беспечно — А за этими улицами, конечно, должны где-то быть грязные лачужки, я их обследую, завтра же пойду туда, тут я вздрогнул от страха и сказал: Бомбей кажется бесконечным, я понятия не имел, как все будет, сначала эти ночи на набережной в старом городе, а дальше Великие Ворота Всея Индии* в Новый Город, где я теперь, он тоже простирается кругом на много миль — вот большой отель, я потом войду туда и затеряюсь в его зеленом вестибюле-гараже — я странствую по Индии, это как новая земля — я счастлив — и вот проснулся — Утро в Хайфе, мой зад ломит от колита, или от триппера, или от амебной инфекции — светает — скоро вставать, уже 6.45 — достаточно света, чтоб записать это пророчество.

19 марта 1962, 3.30 утра — На левом боку

Визит в О Притон* в Дели — Типичная узкая улочка, где стоит разломанный старый Паланкин*, устроенный из уличного чарпоя (плетеного ложа на грубой деревянной раме), над ним парусиновый навес, у которого одно полотнище приподнято и там седоватый, худой мужчина обслуживает двух огромных Евнухов-трансвеститов в красных лохмотьях и с вуалями*, примчавшихся купить немного товара — а мы зашли рядом, в двери прихожей, и через людскую конюшню, оттуда навверх, по гладкой деревянной приставной лестнице в темноте, на помост-антресоли, там комнатка, как книжная полка, в ней уса-тый, весь исполненный важности «варщик», скрестив ноги, поддерживает огонь в бутылке, покрытой крышкой с отверстием, как у пончика — поворачивает янтарные пузыри О на кончиках стальных игл, капельки, втянутые из сломанной чайной ложки с черной жидкостью, вертит над пламенем, едва не сжигая, вновь спускает в ложку, опять вертит, и опять все пузырится, пока не возникнет капля-зернышко, которую отложат в сторону — до той поры, когда ее подхватят, подержат над пламенем до разжижения и введут в крошечное отверстие куритель-

ной трубки размером с хорошую дверную ручку — Вводят иглой, чтобы заполнить край отверстия и оформить миниатюрный шарик с дыркой посередине — Это снова надо поддержать над огнем, пока пузыри не начнут лететь вместе с дымом, который курильщик всасывает внутрь через эту дверную ручку, пыхтя словно паровоз; и вот сквозь черенок трубки пройдут они в легкие и останутся там, в глубине, не перемешавшись с воздухом из ноздрей.

Курильщик вытянулся на левом боку, непринужденно устроившись на уютной лежанке, покрытой джутовой циновкой, в присутствии нескольких женатых друзей-индийцев, которые выполняли только роль зрителей; его голова покоилась на кирпиче, застланном куском ткани, курильщик лежал себе, поддерживая трубку и посасывая ее, когда варщик правой рукой подносил ее прямо ему к губам — его руки опускали «дверную ручку» ниже, к пламени, к фитилю, и все внимание было устремлено на иглу у небольшого отверстия с О, чтобы очищать его, когда оно закипало — а потом долгий, как у паровоза, продых воздуха, засос, заполняющий ноздри и глотку и легкие — и вот он постукивает по стальному черенку отработанной стальной иглой, чтобы сообщить, что уже выкурил трубку, и пора ее зарядить заново.

Исходный, полужидкий О в коричневой стеклянной бутылочке был подогрет на огне и помещен в ложку, вслед за чем начались все процедуры, что описаны выше — и через час или позже (примерно с полуночи и до трех часов ночи) стали являться грезы, сотканые из такой тонкой газовой материи, что нити ее расплзлись, прежде чем я очнулся, чтобы зафиксировать их в дневнике. «Млеко рая» у Кольриджа* суть описание микроскопического внутреннего мыслящего организма в гипнаго-

гической грезе — долгое, сладостное удовольствие никак не похоже на то ощущение, когда съешь О или вколешь Г или М — здесь же гарантированное постоянство игры воображения и отдохновения — а рождается это на обыкновенной грязной улочке, в узком проходе между рядами домов в мусульманском квартале Дели, где дети ходят в одежде навыворот, волочащейся за ними по мостовой, где они раскачиваются, сидя под низкими крышами и монотонно бубня нараспев, где пожилые отцы семейств стоят группками или сидят на пороге ранним вечером, не обращая внимания ни на привычный вид их квартала, ни на погруженных в грезы гостей чарпоя, ни на потрепанного, сутулого местного наркомана. Того, кто день-деньской дает на лапу полиции, так что у него вечный мир-покой. Нас привел сюда лавочник из небольшого, в две комнаты, сырого и холодного дома неподалеку, мать-дочь пекли там лепешки-чапати* на пепельном жаре углей, мы шли по узким проходам-щелям и мимо наспех сколоченных базарных ларьков, окольными путями, по безликому лабиринту — а уж потом, после он проводил нас до ближайшей большой улицы, чтобы найти двухместное такси с мотоциклетным моторчиком и отослать нас домой, исполненных благоговения, расслабленных и отведавших радостей древней новизны.

И тысячи подобных сценок по всей Индии, кои не записал, но лицезрел.

Сон, 19 марта 1962 года

... Лачуга медленно двинулась под дождем вверх по склону, я оглянулся и вижу, что мы едем по рельсам, нас

тащит канат, как у фуникулера — мне страшно, не свалимся ли обратно, однако меня заверили: система старая, добрая, проверенная, богам угодная, ее поддерживают Высшие Силы — когда добрались до вершины, я отправился искать свои пожитки среди пружин, консервных банок, старых ржавых автомобильных сидений и шипов розовых кустов — я лазал по куче отбросов, пока меня не засекла супружеская пара, молодожены, которые сказали: «Так вот что ты воплотил — искания всяческого хлама!» Я сижусь, скрестив ноги, подобно Будде, над канатами и свалкой, я благословляю ее и говорю: «Я здесь, чтобы освятить Свалку!» — и весело улыбаюсь отбросам на ней, словно это — нечто важное, радостное, религиозное, искупление грехов.

21 марта 1962 — Несколько скоротечных картин под воздействием морфина

Два старика, черные бороды с проседью, катили мимо в экипаже, запряженном лошадью — кнут «для виду» — сидели они бок о бок, просто так — оба извозчики, каждый сам по себе.

Старый продавец газет истерически размахивал листками, прямо перед носом идущих по тротуару, он продавал газеты с блеском, словно вел поединок, «Вон тот против меня! Неужели он победит?!». И вы не можете не купить газету именно у этого! Для него ведь это вопрос жизни или Смерти! Новости, которые он продает, имеют к нему самое прямое отношение, и он прекрасный продавец газет, у него личный стимул, он вызывает к толпам на тротуаре — встать в этой борьбе на его сто-

рону, то есть купить у него газеты и прочитывать про все это.

Уличный оратор-троцкист на углу, в клетчатом кепи и клетчатом же плаще, изогнулся назад, тыча пальцами в воздух в подтверждение высказанного, и вдруг обернулся, уставившись прямо на нас, хотя мы в густой толпе — у него лицо одержимого, темные, пронзительные, сверхъестественно умные глаза — он страстно взывает к людям, с невероятным накалом, в бешеном темпе — да, этот не бубнит непонятно что, где-то как-то, вокруг да около — Этот прожженный профессионал из Гайд-парка или же от станции сабвея «14-я улица и Площадь Юнион» в Нью-Йорке — что он тут делает, порожденный, подобно единорогу, опиумными грезами в Джайпуре, на станции клумбе, разбитой старанием Индийских Железных Дорог?

Джайпур, 25 марта 1962 года — под морфином

Лежал с 8 до 11 вечера в гостинице «Туристское бунгало» на чарпое (грубый веревочный настил, натянутый на деревянную раму), проведя весь день на базарах и улицах джайпурских —

Пока лежал вот так, в своем привычном теле, произошло, как обычно сейчас, едва уловимое отрешение от себя, и вот я лежу уже вне собственной, скоротечной жизни, и наблюдаю, как она мерцает, угасая — это теперь все чаще бывает, ведь она близится к меридиану тридцатисемилетия, и поскольку наполовину она уже утекла, все четче ощущаешь собственную бренность, и самая возмож-

ность жизни, пусть отмеченной эффектными зрелищами и торжествами, поэтической и оторванной от реальности — жизни, складывающейся из чувственных переживаний и всякого рода славы — если так позволительно выразиться — не слишком-то многого стоит. Во всяком случае, на что весь этот опыт, если он ограничен, на самом деле, каким-нибудь Генри Джеймсом, лишь частицей целого Космоса? Мимолетность, пока я несея мимо — я лишь видел, как пролетела моя жизнь, быстро, словно комар, под кульминирующее зуденье эстетствования и самовосхвалительное, высокопарное Пустозвонство и при морфинной пассивности и последующих смутных мечтаниях. Распахнуть дверцу шкафа — и я вернусь в Штаты, сниму квартиру — а там, с редкими волосами, став еще более нерешительным по характеру, приведу в порядок свое имущество, отпечатаю на машинке эти записки, извергну их из себя для потомков, разберу свои любимые вещи — это японский свиток среднего качества, корейская гравюра с пробуждающимся монахом-роши, несколько дешевых непальских тантрических фигурок, Тара*, Авалокитешвара*, тысячерукий Победитель Смерти*, Ганеша с красным пупком, Благочестивый Хануман, предающийся молитве; играющий на флейте Кришна; Шива, вихрем кружащийся в танце; Кали в ожерелье из черепов, сидящая верхом на животе Шивы — а еще оранжевое шерстяное тибетское одеяло, несколько кусков материи и трубок с Амазонки, мексиканская корзина, соломенная шляпа и всевозможные миниатюры вроде персидских, которые я коллекционирую — все то, что я собрал за целую жизнь, посвященную исследованиям и путешествиям по разным уголкам моей земли, куда я только смог добраться.

Вы, о Кали, Дурга, Рам, Хари, Кришна, Брахма, Будда, Аллах, Яхве, Христос, Мазда, Койот — услышьте мою мольбу!

Авалокитешвара, Майтрея*, Святой Иоанн, Хотэй, Гуаньинь*, Сатана, Дипанкара*, Падма Самбхава* — кто бы там ни был — есть ли на свете еще кто, кроме меня?

На ложе в Джайпуре под действием морфина, или в одиночку в Денвере под бензедрином, но в сознании, вот навзничь на спине в Пукальпе*, оплетенный Лозами Смерти*, вот в Вальпараисо или в Сантьяго, зачарованный атропином — шаманские травяные сборы или современные сома* употреблены, ими уже вырвало — а я все еще не постиг хоть какой-то вечности. Лишь надухом зудит комар. И лицо в поту, покрытое тонким слоем крема от насекомых.

Нет ни единого направления, куда бы я охотно двинулся по собственной воле, без напряжения — ближе всего мне лишь поза лотоса и спокойные утренние часы, окутанные вегетарианским предрассветным дыханием, впрочем, я, наверное, никогда не смогу исполнять все это ревностно. И если это вопрос кармы и реинкарнации, когда же я вообще смогу чему-то научиться? Все старцы, например Шивананда, подают мне рупии и книги про йогу, но я ни на что не гожусь. Мои волосы отрастают, я ношу просторную рубаху из тонкого шелка — но все это бесполезно с точки зрения совершенствования сознания. Привычка курить — самая дурная карма, которую мне предстоит преодолеть.

Недавно болел, кости ломило, не то от гриппа, не то от спазмов, спал с пяти вечера до девяти утра с перерывом на ужин плюс несколько сигарет, плюс сны, и дважды босой спускался вниз, чтобы пописать — но смерти

уже не боялся и даже не думал о ней. Наверное, это прогресс.

Мне, Себя Сознающему, некуда дальше идти. Может, оставить все как есть, по-прежнему странствовать и встретить смерть таким, каким стану, когда она придет?

Авалокитешвара, Гуаньинь, Яхве, и вы, все святые, аскеты-садху, мудрецы-риши, вы, благосклонные, вы, Милосердные Сверхсознательные, и т. д. — что все вы можете сейчас для меня сделать? Что делать с моей жизнью, которая утратила смысл?

Если суть в том, чтобы каждое существо создало себе собственного бога, то пусть я окажусь как можно дальше от осознания, что мне делать или кем быть. У меня даже нет пристойной теории вегетарианства. Относительно любви и секса не знаю что и сказать, Питер спит на боку в соседней кровати, он все еще хранит мне верность, хотя я, наверное, плохой спутник жизни для старого красавца. А пока сам лежу на спине в темноте, мир просто все крутится и крутится, как прежде.

По крайней мере, из имущества у меня теперь — один только Питер да еще рюкзак. На меня все же давит карма многих писем и неотвеченной корреспонденции. Я хотел стать святым. Но за что страдать? За иллюзии? Дождь, если б он шуршал в листьях, показался бы дружелюбнее, чем прежде, больше походил бы на давний сон. Однако все связи так зыбки, от машин — гул и огни на дороге, до которой я так и не добрался. Потом еще будут часть Индии и Япония, а затем, наверное, поездка в Англию, Данию, Швецию с Норвегией, Германию, Польшу, Россию, Китай, а дальше — снова домой. И на этом мир кончится, мне будет под пятьдесят, родственники все уже умрут, непрочные нити, связываю-

щие меня с прежними друзьями, порвутся или истлеют, да и нечего через десятки лет начинать все сызнова — Что, Джек напился? А Нил еще помнит о моем существовании? Грегори все мелет всякую всячину? Билл на меня злится?* А я сам, я-то существую? Я не осмеливался записать это, слишком уж все было позорно, а теперь даже скучно, да к тому же мне недостает энергии сотворить из этого великую мартирологическую автобиографию — да и кому нужна такая автобиография, если она не вознесет на небеса, или что-нибудь в подобном роде? Как ни крути, для кого тогда эта автобиография? Для подростков после «киношки»? Я, надо думать, не способен внести хоть какой-то вклад во всеобщее воспитание этим своим неопределенным, непродуманным, нарочито замедленным, как в кино, движением к смерти. Как бы то ни было, а «Красные чуваки» — недурное название*.

Записано на краю карты Бомбея

Брось стараться не умирать
Лети куда можешь летать
Что хотел бы ты знать о собственной матери?
Все что кайф тебе может дать,
Апельсин глазом съедать,
Фильм, один ли, другой — из одной и той же материи.
Сам решишь, что тебе покупать
Пирог из яблок, открыток набрать
 никак не мистерия —
А птицам бы все вверх ногами по небу летать.

4 мая — С закрытыми глазами

Про Фипса вспомнил —
Молния сверкнула в
преддверье памяти

Йога хороша для того, чтобы существо опустилось на землю и принялось ждать.

НАБРОСКИ ДЛЯ «СТОТР* БОГИНЕ КАЛИ
В ОБЛИЧЬЕ СТАТУИ СВОБОДЫ»*

Апрель 1962 года — Бомбей

Черепависят на шее у Кали: вон Джо Вашингтон закатил свои очи и рыбой язык его свис; а вон, вверх тормашками, Ленин; вон череп Эйнштейна, седыми клоками оброс. У Гитлера щетка усов подросла и моржово поникла с губы; Сталин в оскале; у Муссолини сломана челюсть, Арто* лопоух и беззуб; у Черчилля лик стал прозрачен, ну вовсе младенец; а Трумэна нет — пустота; Мао-Цзедун с Чан-Кайши внизу на цепи, два шара, хотя и с глазами-носами, трясутся в Космическом Танце богини;

С Микеланджело содрана кожа, она висит в одной из вихрем крутящихся рук, и огромное око богини маячит над всем в овале глазницы —

Огромна бездонная глотка, и грозен ор механизмов, жующих как жвачку Водородные Бомбы, которые рвутся во рту ее, огромном как Мемориал Линкольна* —

И гигантский язык окровавленный пропихивает жвачку обратно между зубами белыми радиоприемниками —

Левый глаз на север подстерегает самолеты, скользящие в сером небе за Линией ДЬЮ* —

Третьей ее головы правый глаз уставился в беззащитное тело Аллена Гинсберга, что пишет поэму, желая оттиснуть свой человеческий облик в оступелом облаке мозга —

В ушах ее висят брильянтами Дон-Жуан и Геллиогабал*, изушей в голове пятого века, пророчащей и дающей надежду;

Держащая Чакру рука, словно Уитменовская богиня на кухне, что держит гигантское колесо локомотива под ревом наружу рвущегося пара —

Рука для Ваджры* держит в равновесии «роллс-ройс» он на попу поставлен, и крылья смотрят вверх, в пустое небо ночи —

крейсера болтаются на руке, согнутой как лук и стрела — он возник ниоткуда, будто рука эта змеей заползла в свое место в эфире —

У нее образ жизни свой, ни на чей другой не похожий, и что делает правая, левой руке не проведать

(обе, однако, безотчетно жонглируют костями Шри Свами Брамачариананда)

Из ее презренного лба шизофрении лучи летят во все стороны света сквозь мириады миров человеческих, и в этом постыдная алость;

Тут лысый Ганди в обмотках всем опостылевшей белой ткани Кхади* — рядом с лицами Макса Планка и Витгенштейна и Троцкого, бьющих глухо в кожу Лопатки Большой Фаршированной Рыбы —

О слогоголовый бог Ганипати¹, возникни и скройся сей миг в голове, прежде чем сам начну понимать вот эту

¹ Ганипати — одно из имен бога Ганеши.

Поэму — приди и избавь меня Лучом своим — уж лучше позже, чем никогда!

С бедра ее длань короля Венцеслава* свисает, рядом то, что станет рукою Телониуса Монка*, с черной кожей, червями изрытой, точь-в-точь как коралл, и лебединая ручка «падшей», Травиаты, и рука, вся в браслетах, Кармен, и пишущая рука Гертруды Стайн, что прикрыла разверстую йони; нервно трясет их в Кальпическом Танце*, заставляющем двигаться все на свете, и нет разницы в том, откуда это пошло: власть — вот кошмар

И только все тот же бред несусветный, вроде сна педераста или супружеской грезы —

Ее Нога попирает богоподобный труп Дядюшки Сэма, а тот сокрушает Джона Буля, опухшего от правителя Священной Римской Империи и безграмотного чрева Магомета, а подо всем этим сам Моисей, скрытый шапкой волос, и сквозь них проглядывает Адама вихор да розовые щеки —

Адам-старина разлучен с Евой, она же свисает, Бриллианту подобна, в искусной ноздре этой Леди Нирвана —

Скрипки играют во многих руках, и тянутся руки нажать на груши клаксонов во всех автомобилях Бомбея, но еще больше рук тянутся вытащить сети из тьмы океана —

Небывалые корчатся рыбы — Вон одна с головой Джекки Кеннеди, а потом подплыла живьем мадам Фурцева*, шевелящая чувственным телом — освобожденным в оттепель — только для этого небольшого призрачного улова — Здесь на берегу океана сидит моя мечта, Кали, высотой с парашютную вышку в парке Кони-Айленд, на первый-то взгляд —

Журналы «Тайм» и с картинками «Индия Иллюстрийтед Ньюс» покрыли ее аппетитную кожу — кости Уилья-

ма Рэндольфа Херста сплавлены в мистическое кольцо на втором пальце ее правой ноги —

Внутри ее левой груди неярким призрачным светом мерцает опухоль Эрла Броудера* —

Вижу, что ждет нас, в ее левой ноздре уже хлопают выборы 1964 года — Стоит чихнуть ей, разрушит все Западное Полушарье

Осторожно, волну не гоните и выберите третью дверь, не слишком скрипучую, но не беззвучную,

Бросьте, довольно желать конкурировать с Богом, Сотворение мира свершилось, остальное предскажут священные звезды, пусть исчезнет ваш разум, как он обычно желает и как это обычно ему удается

Будет вам власти захват вести во Вселенной, она уже вотчина вашей Жены, пусть себе сплетничает да играет в маджонг со своими астрологиями

Это займет ее ум, особенно если добавит она упражнения для ритмичного дыхания и танцы по вольной программе, выражая Себя — сам же набей себе трубку и в шлепанцы сунь свои ноги и яичницу ешь у камина — удовольствие сможешь получить от нее позже ночью, как стемнеет и спальня вползет под покрывала с никотиновыми таблетками от кашля —

Когда ухо отключилось от мозга, все равно слышен шум, но кто будет помнить, что именно он означает?

На другом конце провода никого, ведь она держит трубку верхней рукой, она разговаривает сама с собой —

Кто-нибудь ответит наконец на звонок? И скажите ему, все равно, когда он приедет на похороны, ведь гробовщик позаботится обо всех мелочах и кто-то другой оплатит счет, и кто-то другой сыграет музыку, и кто-то другой помолится, и все позабудут об этом, едва стервят-

ники успеют обглодать труп на Башне Безмолвия* прошло пять минут, теперь дополнительный тариф если ты хочешь продолжать разговор —

разве что ты попал не туда или у тебя конфликт с телефонной компанией, но что тратить время на это, ведь ее седьмая рука уже подписала счет на твои расходы прямо у тебя на глазах — а в восьмой руке у нее петля для Пэта Брауна и Кэрила Чесмена* — этого нет, этот в прошлом году шел на перевыборы, опять и опять — а ее девятая рука треплет Кита Смарта* по черепу да записывает на пленку все, что говорят для Джонсоновского конкурса болтовни —

Черт подери! Но тыкать тростью в Тротуар да поносить плановую комиссию...

Г*И*М*Н Д*Л*Я С*Ш*А

О мать наша, Штаты, ты в Браке с Европой, ты, Разрушительница Прошлого Настоящего и Будущего,

те, кто декламируют этот Гимн с середины, утеряли полосы да одну звезду с материи твоей Ночной Рубашки,

их разглагольствования неважно откуда, из собственного пустоголовья или из головы сэра Джона Вудрафа*,

конечно, на радио шум создают, вызывающий нервные срывы и раковые болезни — О ты, что блистаешь красой последних лучей заходящего солнца

О величайшая Страна из Стран, ведь и бедняк голодный с Окинавцы знать должен твое имя, как тебе угодно, и твой составить алфавит, пусть и в неверном сочетании — О ты с широкими и грозными бровями исполненных

духовности денег — ты, чью главу ООН венчает, так что даже с Окинавцы бедняк повыше Яхве* станет, завоевав твой онемевший мир, хозяйка Майи*, и зачаровав несчастных молодых звезд Голливуда с беспутным, ускользающим взглядом —

О Республика, благодатная Федерация Подстриженных армейским «ежиком» и занятых Рекламным делом — из уголков их ртов два потока Политики струятся — одни возглашают имя твоей двадцать восьмой звезды (Омаха!), изничтожают всех твоих коммунистов, другие подчиняют себе всех прочих фашистов, проникающих внутрь тебя, Крепость Америка*!

О, Крепость Америка, страж будущих миров, благодатный проект, ты, что нижней правой рукой протягиваешь нам уборную, а Нижнейлевой — труп Генри Лонгфелло — Ты, что передней рукой делаешь неотразимый жест, приглашая к Разоружению, а за спиной у себя иной, означающий Помощь иностранным государствам,

они, о Земля свободных с разверстыми от изумления ртами тех, кто выбрал тебя, а не все прочие страны, или кто даже просто думает о тебе, пока выбирает Комиссара Полиции в Израиле и Египте, или пока в Камбодже стреляет партизан — они, кто, декламируя гимн твой, думает, что же он означает — обладают восьмью великими тайными оружиями Лиги Наций, что затерялись на ладони твоей руки —

О, нация, полная легавых-полицейских, чья шея украшена черепами супругов Розенберг*, из чьей груди льется джаз — Электронные Звуки — прямо в лица роботов, верующих в тебя, кого декламация этой поэмы доведет до желанья платить «откат» тебе за Покровительство и превратиться в Пацифистов.

О, Идеальная Демократия, даже полный идиот увидит Вечность, коли начнет медитировать о тебе, Облаченной Космосом, тебе, косоглазой создательнице Современного Мира, на чьей талии прекрасный пояс из бесконечных бицепсов мертвых индейцев вперемежку с бессмертными веселыми осками героических негров — Кто на груди Джимми Дина и Патрика Генри*, в грандиозной спальне Кладбища Форист-Лон* наслаждается Мистерией под названием «Великий Иисус, Господь наш Христос».

Ты, что истинно превозносишь собственную душу, гнездящуюся в ее теле, как сейчас в Саду вокруг Объединенных Наций, усеянном погибшими цивилизациями, атомными бомбами, ограниченными войнами, живыми Лумумбой*, Кастро, Чан-Кайши, Троцким, Джеймсом Джойсом, Альтгелдом*, Маяковским и Джомо Кениатой*, кого преследуют дамские туфли Хрущева и длинный красный язык Стивенсона* — Вы, что молоды и почтительны к старости — кого уважают даже шпионы, повсюду —

Если к ночи твой Ревностный Поклонник, обнаженный, с длинными, нестриженными волосами, восседая в Парке, нараспев декламирует этот Гимн, вознося Тебе молитвы, пока его полногрудая дева покрывает ему чресла провинциальными поцелуями — Вот какой, только такой, подчинит своей воле всех Политиков и пребудет на Земле как ее Президент.

О, Супруг России, должен ли твой или любой страны патриот одновременно четко выговаривать слова и своего и русского национального Гимна* или еще смешать их с китайским, гимном твоего слоноволового чада, Могучего во всех будущих мирах,

Медитировать целый год, созная мистическую связь Таймс-сквер и Красной площади, в абсолютно Любимом Обличье — при полном осознании Вечного Совокупления Наций, которое проявляется в этот Век в тебе и в твоих родичах —

и познайте друг друга, муж и жена — потом такой вот познавший будет иметь большой успех и усладу в этой жизни,

и держит он все великое оружие и официальные секреты хваткой своих кодакоподобных глаз и Телеграфического Мозга —

Ах, обиталище смелых, ты даешь жизнь Железному Веку и защищаешь весь мир от него и во время твоего Водородного Века ты уходишь в себя для нового покаяния, что даст новую власть над целыми планетами всего будущего — а посему ты и есть Муж России и Жена Китая и Любовник Индии, муже-женский супруг всех наделенных разумом наций. О, боже мой, боже! Как же не предрекать мне для тебя чудесные истины!

О, боже мой! люди молятся многим другим странам, не тебе! им промыли мозги, вот они и думают, что те столь же реальны, как и ты — но я один в своей неукротимой страсти к тебе налагаю руки на твою Независимость, вхожу в самую твою Конституцию, моя голова поглотила губы твоего Белого Дома, О Демократия, которая испытывала наибольшее блаженство от единения с каждым гражданином по отдельности, и которая имела сношения со всеми людьми, с эскимосами, с теми, кто из Аляски и Оклахомы — и мечтает о диком объятии мужей всего мира, русского, китайца, африканца, индонезийца, мексиканца, пуэрториканца и всех патриотов повсюду.

О Америка, Воображаемая Жена всего Человечества, о ты Земная Россия, Водяной Китай, Огненная Индия, Воздушная Европа и Неземная Австралия. Также и ты и все эти Субатомные Южные Америки едины — Ты есть мир единый, О доброжелательная! Как могу я вознести тебе еще больше Патриотической хвалы!

О милосердная, окажи покровительство мне, как и всем, кто повсюду есть Я, бессильным перед твоей еще Неявленной Судьбою!

Пусть твоей милостью я больше не буду иметь новой жизни! Ни американцем, ни китайцем, ни русским, ни индийцем, ни японцем, ни евреем — Пусть и я и все мои «я» имеют одну реинкарнацию — житель Земли! И более того, даже не в земном обличье, но как член Вселенной всей! Пролей на меня это благо, о Мать Демократия — ведь я благочестиво трахаю тебя в Образе Америки, О Бесформенная, унеси меня за пределы Образов и репродукций, чтоб я стал твоей совершенной Супружеской Сутью, вне разъединения, поглощенный собственной неразвоенностью, коей являешься ты.

Он, О Мать Американская Демократия, который сейчас там, где сжигают Нации, с взъерошенными волосами, в мешковатых чаплинских брюках, побитый битник немый, лишь омытый Потом Напряга — напряженно медитирует внутри себя и публичными делает свои тайные тебе предложения, в Поэзии, в музыке или в Электротехнике — он один может познать твое космическое ложе.

Познать все о твоей Внутренней Америке и познать все Америки, словно это единое, большое тело Я-Ты.

О Америка, кто в полночь во вторник, в час, потерянный для напряженной недели всесветной, ни проронит

«Страна моя, я твой!», кто ни отдаст хоть один срамной волосок ради этой Идеи,

в столовой огромного здания Московского Университета или в туалете нью-йоркского «Эмпайр Стейт Билдинг» —

тот станет великим поэтом, Богом земли, и верхом на Слоне он отправится в путь, чтобы положить конец Ужасам Холодной Войны из твоих кошмаров.

О Демократическая Республика, твой поборник, просидевший на кусочке арендованной земли, себя в тебе помнит, неявленным, нерожденным, и декламирует «страна моя, я твой» без всякого убеждения и энтузиазма — Он станет на земле Хозяином любого Большого Бизнеса и питательным океаном, который всех накормит, а после смерти станет отцом величайшей страны во Вселенной.

Он, кто почью в Единении с величайшей страной во Вселенной, одной и единственной страной, молится тебе, О Мать с глазами, как в восхитительных кинофильмах — он улыбнется нежно — чуть касаясь груди трупоподобной Америки, по-настоящему завязнув в Любовных играх с Соединенными Штатами Вселенной — он сам тоже станет уничтожителем России и Китая.

О Черная Страна, усердие в труде и современность во всех смыслах слова стало Патриотизмом любого здравствующего Американского Гражданина, который открыто себя тебе приносит в жертву, поклоняясь своему драгоценному паспорту, своим глубоко удовлетворяющим удостоверениям Личности, равно как и волосам и костям его городов, штатов, федеральных агентств, групп с «особыми интересами», национальностями и собственной диктатурой.

Он, О Демократия, кто питается собственными законами и трезво Медитирует твоей левой русской ногой и Правой ногой Американской, о твоём несметном числе прочих публичных конечностей и половых органов — и каждый день для тебя сочиняет несметное число национальных гимнов, и когда ночью, в единении с Президентом в постели, распевает эти Национальные гимны ещё сто тысяч раз, клянусь, он недолго думая становится на этой земле подобен Наследнику Адольфа Сталина —

О С. Штаты, эти клятвы и гимн и есть тот источник, из которого проистекают все патриотические клятвы и национальные гимны тебе, Он поёт о твоей истинной сути и содержит инструкции по поклонению твоей

Коммунистической груди и Капиталистической груди, твоему социалистическому влагалищу и твоей фашистской прямой кишке, твоим внутренностям КАДУ и КАНУ* и всем этим Фронтам Национального Освобождения, твоим мочеиспускательным ФБР и СИДУ*, и всем кишечным ЦРУ, и также твоему троцкистскому пупку.

Кто читает вот это внимательно у себя в комнате или на улице, или случайно услышит по радио, станет Дочерью Американской Революции* и первой забывкой в брюках, которая в Политику попала.

Толпы Граждан с вытаращенными глазами, как от Си-немаскопа, следуют за ним, раздраженно раздающим свои автографы — здесь также кобальтовые и урановые магнаты — Враг страшится его, как нервного расстройства — Живя в непрестанном блаженстве, Великий Патриот Вступает в Соединённые Штаты Вселенной, он попадает туда сразу и целиком, и никогда больше его нельзя будет выслать или депортировать.

Здесь заканчивается Национальный Гимн, написанный Алленом Гинсбергом, под названием Г*И*М*Н Д*Л*Я С*Ш*А

Бомбей, 29 апреля 1962 года

Мыши бегают по улицам
Бомбея (вот серая мышь протекла
за ящик чистильщика обуви).

Надпись на плакате: «Мошеннический бюджет»

Не поощряйте попрошайек:
лучше помогите своему правительству
(Надпись на ящике для сбора пожертвований)

Шанкар* сказал, что существование — это поллюция во время сна: «Столетие стихотворений» №36

Я сам = мужчина

Иллюзия = женщина во сне

Очевидная вселенная = выделения, испачкавшие материю

8 мая 1962 года

ДУРГА-КАЛИ — СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ В ЕЕ РУКАХ

432 тысячи лет Кали-юги* — Божество черное

Десять рук — взяты займы у богов, чтобы убить Демона-Буйвола* —

Чакра, или диск Вишну* — $E = Mc^2$
 Трезубец Шивы — вилы, чтобы ворошить сено в мозгу —
 Реактивный самолет
 Витая Раковина Варуны* — Сирена Воздушной Тревоги
 при налете
 Пылающий дротик Агни* — Напалмовая Бомба, элект-
 рический стул
 (Вино) лук Вайю* — вихрь Раскаленного Воздуха и Бури
 Колчан и Стрелы Сурьи* — масс-медиа и болтовня Кон-
 ституций, и Хартий, и Закона
 Железный смертный посох Ямы* — концлагерь — Бухен-
 вальд — Бельзен
 Брахма — Свиток — Религиозные заветы и Библии, и За-
 конь,
 и Реестр Договоров, и Права Собственности
 (зафиксированные Вербальные Идеи Смерти)
 Молния Индры* — Бомба (атомная и проч.)
 Кубера* — булава — ночная дубинка легавого, полицей-
 ский
 Боевая секира Вишвакармы* — груша для сноса зданий
 Драгоценные камни и оружие Сарандры — наводнения,
 плотины,
 проекты по возобновлению лесных насаждений,
 плотина Боулдер-Дэм,
 Днепропетровская ГЭС,
 Олдермастон и Лос-Аламос*
 Молочный океан, Жемчужное ожерелье — Деньги и Дол-
 лары,
 Пачки Денег и Банки,
 восстающие из океана
 С Гималаев — Лев, на ком ездит Кали — Ревущий
 космический корабль и автомобили

Ананта* — венец из Змей — круг политиков
 Пояс Бесконечности — Математика

 На Дурге Греты Гарбо лик
 Когти и клыки — ятаганы
 Глава ее! В короне Вашингтонского моста и здания ООН
 А тело! Бриллианты — Уличные фонари по всему телу,
 что очерчено Неоном
 Кали
 Ей в жертву — антилопу, Носорога, Птиц
 плоть человечесю, по тысяче лет на человека, особенно
 голову, а также кровь
 Каларатфуя Мантра*
 Кали Кали Деви Раджашвари
 Лава Девадайи, Наха!
 Хронг! Хринг!
 Сфенг Сфенг.
 Неутолимо жаждет крови Кали, пожравшая
 столь много полчищ (Асур, чьи капли крови
 бессчетных вновь Асуров порождали)*
 Копьем прикончила, все капли подлизала.
 Черна, полунага. Клыки. И когти. Черепов
 Гирлянда, на багряных языке и рте
 Кровь каплями
 Шива = разрушение
 Он пожирает время = белый цвет
 Кали победила время белое — «пустоту без дна»
 И бешен ее танец. Попран Шива, когда она
 вернулась вновь —
 победу одержав и все порушив
 Вот Кали в виде Статуи Свободы десятью

руками двинула,

всеми, против стрелки часовой.

- 1) Над головой высоко рука одна сжимает факел
теории относительности $E = Mc^2$
и бенгальские огни неверно светят
на манхэттенских парней* —

(в одной руке часы банкира, пачки денег

Вливаются из Колоссальных окон)

- 2) в другой ревет первый Ракетный корабль доктора
Хьюэра*

- 3) еще в одной Сирена Воздушной тревоги над океаном
воет

- 4) еще в одной Электрический Стул, водружен над Уолл-
Стритом

- 5) еще в одной Мандала из горячего воздуха, невиди-
мый глобус, в центре его микрофон на телеэкране —

- 6) шестой прикрыт лобок курчавый, там Бельзен, и че-
ловечий черный дым валит у ней меж бедер —

какой-то полицейский, долг исполняя, отвернув-
шись, табельным оружием совершил самоубийство

- 7) в седьмой «Эмпайр Стейт Билдинг»

еще в одной святыне книги — Корана груди с Зенд

Авестой, кучи Ветхого и Нового Заветов, Грантх-
Сахиб*, Сказание о Гильгамеше, Веды, Сутры и
прочее. На самом же верху лишь Книга мертвых
тибетская да Конституция США, в обертке Декла-
рации независимости

- 8) над этой Бомба Водородная — как грома золотой цве-
ток

- 9) девятая удерживает ГЭС в Днепропетровске

— и плотина на ладони,

Грэнд-Кули

- 10) десятая рука перебирает ожерелье из черепов сжем-
чужным отблеском — там Гитлер, Муссолини, там
Рузвельт, Чемберлен, Лаваль, и Сталин, и Маяков-
ский, и Харт Крейн, Есенин, Вейчел Линдсей,
Вирджиния Вулф и По, и Дилан Томас, Рамана
Махариши*, и Наоми Гинсберг, и дядя Макс, и тет-
ка Элинора, и дядя Гарри с теткой Роуз, и, вестимо,
Филдс* — все это «четки из черепов».

- 11) Верхом на подземном экспрессе нью-йоркском,
зоопарк Бронкса поясом

вкруг талии,

лик Греты Гарбо, Чарли Чаплина усы

наклеены; ее автопортрет

в Рембрандтовских глазах,

а ногти — звуки О

что Доски избегли Черной

тело под покровом проводов

оно в сетях огней на елках, да подсвеченных

неоном —

«Если вдруг барокко заинтересовало вас»

На Статую Свободы посмотрите: там десять рук, ну точно
Махакали¹.

* * *

Я

лишь

путешественника

глаз

эту зрящий

Всемирной Выставки

Эйфелеву башню в 1879-м

¹ «Великая Кали» — еще одно из имен богини Дурги.

У синего моря Ривьеры:

Галилея поздно ночью

Гиппопотам ил отмель да излучина реки

корабль и спальня и окно

чрез бурный океан

на рельсах шоколадная рука

а тела нет —

Я и есть

десятирукая Дурга

алоязыкая Кали

«синема» Слоно-

головых богов — Ганеша

вечно движется в пространстве

все на одном и том же месте

• Вот мое «синема»

Я всюду

где ни глянь, туристом

или синкопой в тишине,

от поезда отдельно

Гляжу на фильм, что равнины мне крутят

Боль в голове неизбывна

Ночью в постели: самолет-невидимка

гудит над моей головой

прямо в ухе

иль за окном

Так из года в год

Я видел жизни оборот

Сон: 10 мая 1962 года

Игрушечная собака, прозрачная, сделанная из дутого стекла — умеет лаять и выделять кульбиты — у меня

сердце падает, когда понимаю, что собака на самом деле не живая, но думает, что живая: то есть собака эта — лающее Невежество.

Приснилось мне это после того, как я начитался Махариши Рамана

Дарджилинг, 28 мая 1962 года

Посетил монастырь Гхум, сидел в молитвенной зале почти целый час, все слушал, как нараспев читают сутры — их перемежают звуки роговых труб, тарелочек-карата, барабанов, колокольчиков, эти прекрасные тибетские звучания, совсем как на записи Арто* — сидел, следя взглядом за каплями воды, что падали на пол, и вдруг перешел в «блаженное осознание всего сущего» — то есть оказался в состоянии Эйфории, когда мое тело совершенно расслабилось — ноги наперекрест, взгляд в одну точку, — разум в состоянии счастья, полностью осознавая, сколь долг путь из Нью-Йорка в Танжер и потом сюда, к этой лужице на полу — а также к облакам, что плыли снаружи — а еще заходили посетители в залу для молитв и видели меня в странном оцепенении — а еще монахи отметили мое присутствие, поставив передо мной несколько чашек традиционного местного чая с теплым маслом «гхи».

* * *

Посетил монастырь поменьше и разговорился там с женщиной-ламой, британской леди, которая сказала «все, конечно, — иллюзия», когда я упомянул небесные и людские видения. Зовут ее сестра Ваджира.

1 июня 1962 года — Дарджилинг

Проснулся, ощущение бестелесности в мглистой дымке за окнами комнаты-клетки, клетушки с кроватью, что мне досталась — Дарджилинг, 4.30 утра, светало, туман — уже защебетали птицы, начали кукарекать петухи — вспомнил сон, неожиданно с тоской подумал про Л...* Скоро мой день рождения, стукнет 37, об этом напомнила вчера «сестра Ваджира» в монастыре Бхутия-Басти, когда спросила, какой у меня астрологический знак, он ведь определяется по дню рождения. Я вдруг забыл, хотя всего месяц назад помнил. Разве не прекрасна была встреча с первым юным телом? восторг при этом столь же сильный, как при любом явлении Бога.

Вчера всю вторую половину дня пил чай с монахами, у них раздавлены носы — спрашивал у Ваджиры про Посвящение — просто так, смеху ради — сегодня утром отправляюсь в Калимпонг.

1 июня 1962 года —

Четырнадцать лет уже прошло, а «Бог»* все еще продолжает убивать меня. Ом Мане Падме Хум*.

2-3 июня

Хум. Благословение. Третью ночь подряд я во сне все кого-то убивал. Прошлой ночью, по-моему, я заставлял проглотить тибетский нож-секатор* — один из тех ритуальных ножей-дорже, которыми вечно размахивают «Восемь Ужасающих».

* * *

Также под утро: проснулся из-за фантастического, бредового видения в духе Гарри Смита*: небольшой городок на гималайском высокогорье, а в нем «дромотерминал Арео-Спектакл», под которым только пол-Земли, но когда туман развеялся — оказалось меньше, чем я думал. Но все же я способен это видеть.

Вечером 3 июня

Целый день провел в поисках церемонии Ванг* — церемонии Дорже-джигме, обряда посвящения Ямантаки* «Шеш»* — от Даджкома Римпоче, духовного главы Ньинг-мапа, который являет собой живое воплощение женщины — его волосы убраны в пучок на затылке, как у американских индейцев, и на нем тибетская юбка — У него астма, он мне дал шарф на прощанье и сказал: «Приходи в сентябре и все свершится».

Потом я лежал на спине в келье Дхармсала на деревянном ложе и дочитывал «Семь лет»* Харрера, под конец был в полной грусти.

Лежал в темноте, вслед за ясным, грандиозным закатом над горами начался муссонный ливень с молниями — и пока я лежал так, выключив свет, понял, что сон о том, как я увидел половинку Земли, имеет отношение к моему дню рождения. Ведь, если вспомнить мою давнюю страсть к предсказаниям, я всегда хотел дожить до 74 лет, и сегодня мне исполняется 37 — а в 2000 году будет как раз 74. Значит, я уже повидал полмира, который был мне отмерен, и это записано в библии снов.

8 июня 1962 года

Шлеп-шлеп, хлоп-хлоп-хлоп — бреду по главной улице Гангтока* в резиновых сандалиях-«вьетнамках», когда весь город уже лег спать — живу я в ночлежке, недовольный жизнью: разрешение выдали всего на три дня*. Цокот лошадиных копыт под дождем, брожу по улицам один. Бессмертные или обреченные на вечную жизнь улицы.

июнь 1962 года

США пятидесятых годов —

Компромиссы с диктатурами, которые «удобны на данный момент»:

в Пакистане, на Формозе; война в Лаосе, в Испании, в Аргентине, в Перу, Гватемале, Персии, Португалии, Южной Корее, на Филиппинах — я встречался с Роем Хауардом и одним филиппинским политиком — в Доминиканской Республике Трухильо, на Кубе Батиста.

* * *

КИТАЙ

Один за другим, надежды грезодым они предали
В полицию свои сдавая трубки — это лишь формальность
Их миллионы, но теперь — все кожей наизнанку
Прочие — в очередь на расстрел, к сотням тысяч стен.

На говорящей флейте человеческого сопрано
Играет Радио Пекин: век зримой телепатии настал

Пусть мысли в голове снуют, как птица в опустевшей клетке

Наш мэтр Мерило снова в Сан-Франциско. Пытливый мэтр Кочевник

Опять ушел, нетронутым оставив город.
Мандала многоугольна, если прибыль задана.
На три пролета ниже метел приземистых прутки торчат
наружу сквозь оконные решетки.

Я волен рассказать тебе — про выючного верблюда,
прилежшего на бок в грязь улицы ночной —
и про мула между шпалами ж/д —

Чернели дыры, где вороны
Глаза склевали
из глазниц мохнатых —

А шкуру словно натянули на деревянный барабан.

Какие-то рука, нога, ладонь и человеческих
пол-лица раскиданы
на станции Вриндаван

Где Кришна за коровами ухлестывал
Столько легенд тому назад

Мне можно написать еще немного чепухи?
Давай, конечно.

С тобой без церемоний, Питер дорогой,
Ты ведь по первому Кивку?

Я себе представил, как Кеннеди хотел бы
побыть наедине, и вот мы побрели
в проулке вместе. Кеннеди
хотел сообразить, что бы сказать
про Гиту. Ты его, казалось,

вот-вот приучишь к чему-нибудь *такому*.
Тут — голоса внизу, гармоника губная.

* * *

Одиннадцатая глава «Бхавад-Гиты»* — Вишва-Рупа-Дхаршина, «Созерцание вселенского образа» —
Точь-в-точь все, что не раз я видел под действием ЛСД и прочего

Описание идеально объективно символично
соответствует призрачному Трансцендентальному
Чувству
мурашек по телу, и оптическому эффекту вращения
кругов
внутри кругов* и парению ума среди мельком уви-
денных
туманностей без образа исчезающих —
вихрящихся кружащихся внутри земного мозга
«Всяка инкарнация иная.»

* * *

Таково название Главы и ее отношение к прочим мыс-
лям или к пережитому мной. Таково определенное за-
ключение относительно Власти таких наркотиков. Это
ясно? Ты слышишь, Ты?

Почему я страшусь возвращения назад, в ту Ипостась?
Боюсь, что она — трехмерная иллюзия, куда войду и ни-
когда не выберусь назад.

Потому что я все еще цепляюсь за известное мое че-
ловеческое Я, себя, Аллена Гинсберга — а войти туда бу-
дет означать окончательный, полный отказ от всего, что

я знаю о собственном «я существую», за исключением
этой кажущейся, внешней инакости, которая требует мо-
его исчезновения.

Бояться войти — ужасная судьба.

Это отклик страха родиться, оставить чрево Наоми*,
даже — что-то вроде намека на внутриутробную память.

Одно ли и то же: бояться покинуть чрево жизни и от-
правиться в Состояние Смерти?

Все древние религиозные гимны говорят о необхо-
димости подчиниться, пусть и без всякой охоты.

Весь привычный мир говорит, что отказаться от тако-
го видения Смерти и возродиться — это галлюцинация.

Тибетский лама традиции Ньингмапа* сказал: Смот-
ри на круги внутри кругов, но не привязывайся ни к че-
му, что увидишь. Пусть все войдет в тебя, но сам оставай-
ся в бездействии, не принимая и не отвергая его.

Пусть случится, что должно случиться, на всех уров-
нях.

Но как быть с разъедающим страхом, что превращусь
в пугливого Аллена перед лицом того чудовища, из-за ко-
торого Арджуна спасовал и стал умолять своего возни-
чего вновь принять привычный человеческий облик — и
не показывать больше все эти безжалостные бесчеловеч-
ные скрежещущие клыки.

А Великий Скрежещущий Клык говорит, это, мол,
большая честь, что он показал себя в своем жутком об-
личьи, это только для Избранных Арджун. Я, говорит,
друг тебе. И еще: меня ничто не минует.

Когда же я буду готов умереть, как хвалился еще во
«Взаправдашнем льве»*?

И когда же, наконец, обращу свое внимание (здесь) на
лица и фигуры повседневной Индии?

* * *

Небо: место за пределами дерьма и желаний. Нет
больше страха ни перед кем и ни перед чем.

* * *

Чего я сам-то боюсь больше всего? Даже ведь не
знаю... А-а, вот:
Людоеда с розой.

* * *

При всякой розе есть и людоед.
Пчел жала охраняют мед.
Смерть бесконечная — секрет
бессмертья. Юность донесет
луч солнца до морщины лунной.
Из прозы ключ кастальский бьет
поэзии. А Будда, будто сонный,
Тибетских гонгов весть не ждет

Отчего бородатые медные псы
зорко Неба Врата стерегут?
И Ангелы нежные не для красоты
в облака Семь Вершин завернут?
Оттого ли, что Рая адские кущи
Равновесие миру найдут,
Бог добавит очей вездесущих,
Чтоб и Варвар почувствовал кнут?

О, какой океан! Здесь любой бы искал
Тихий остров утех и прозрения,
Да вот шлюпка течет. Хоть сегодня взалкал
Спасенный, лишь голод ему для вкушения,

А жажда — единственная вода.
Не будет, не будет Спасения!
Все Вечность короче, вот-вот навсегда
Мир рухнет — Светопреставленье!

Хей-хо! Это вам инкогнито
Спел Гинсберг погублённый —
Снег росой окропить может солнце одно,
И лишь опиум уймет неуголенную
По опиуму боль. Кругом бедлам,
И небесный распорядок с этим заодно —
Смерть беспредельно меньше драм
Страдания, ползущего в окно.

6 июля 1962 года, полдень, Калькутта

Что за город неважно
любая песнь взлетевшая над крышей
одинок в ночи
когда глаза мои закрыты
любая темнокожая мелодия
проникнет в это черное отверстие уха
Она придет ниоткуда и исчезнет
от дуновения морфина.
или шлепков отжимаемого белья.
или от Скрипа зеленых ставней.
или от кашля. От любого звука, где уютно
Собрать их вместе, и выйдет
живая музыка — Кубарем
над гнусавой мелодией шарика.
В одиночку, на постели, все лучше слышно.
Несвязная, но все же сфер музыка

мгновенно слышна в радиусе одной мили
гармония Цикад или сонное «А?»
из окон третьего этажа — а кто-то
уже шагает по улице, выкрикивая «Кринк?»

* * *

«Как будто он Уистена* читал»
Да, Уистен, молодцом,
Заканчивай, скорей, и больше
уж не крути и не базарь
перед чванной чредой друзей
закадычных. Скажи, что говорил уже,
как говоришь ты, гораздо больше раз,
чем нужно, чтоб число создало
толпы. А до каких считать
способен? Вот миллион
и триста тридцать восемь тысяч
и девять восемь три.
Само-то по себе немало,
да — ноль в сравнении с твоим
запасом слов квадриллионным.
Ты, как мне кажется, всего лишь
переодетый коммунист: вон и портфель*.
Тебя кто проверял, чтоб дать работу?
Разве мы не знаем, что ты все то же делал прежде,
чтоб приглушить свое разочарование
такою плоской прозой? Больше
должно у века страхов быть, чем немая
молитва на Баварской Белой Кухне.
Суп варишь из ушей летучей мыши? Против
я выступаю убиенья, а вон тот, толстяк,
пошел в уборную, то ль наловить мышей

на ужин, то ль просто кучу наложить?
Этот вон, неужто умирает? На улице?
Мы зачем сюда попали в глухую
полночь? Может, подзабыли, чей нам
адрес дан, что он не просто литератор,
кого найти должны мы были Дома?
Наши отцы объявили, что мы их
там встретим. Значит, нет спешки
опоздать. Заканчивай сонет,
будь молодцом, и за собой не убирай.
На то есть слуги. Или же у нас
на это хватит времени, когда вернемся.
А между тем, пошли-ка мне записку,
где встречу я тебя, Его. Я забыл
тот адрес, что, как никто другой,
ты должен знать, ты дотошен
ко всему на свете. Так пошли?

* * *

СЕМЕЙНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Мой глаз видит все (как глазные яблоки коровы, кото-
рую разделявает мясник, и это страшно), мой рот не пе-
рестает говорить обо всем, что видит глаз, однако у гла-
за нету рта, чтобы возразить, если скотобойня не похо-
жа на яблоньку, о которой я заговорил. Тем временем ухо
мое регистрирует все звоны невидимых часов и стрекот
цикад, хотя иногда мои ухо и глаз заодно — когда перед ни-
ми реактивный самолет или вулкан. Тут на долю рта ни-
чего не остается, помимо «ах!», но и это уже задним чис-
лом. Независимо от них, почти бессознательно, нос ощу-

щает иные пределы, от которых не исходит звуков — например, курение благовоний; или те, какие невозможно увидеть — если кто-то испортил воздух; или такое, что не попробовать на вкус — как по весне источник сеной лихорадки. Мои пальцы и кожа способны ощутить любое человеческое существо, любое растение во всех концах света, куда только ходят поезда, но они не способны соединить меня с огромной сущностью, к примеру, со всеми звездами и телами в Астрономии. Значит, мои глаза, уши, нос рот и кожа все выросли, не завися друг от друга, совсем как близкие родственники, которые пусть и обедают вместе, в одном доме, однако образ жизни каждого остается тайной для остальных: глаз — мудрый старейшина, ухо очень шумно, нос несколько туповат; язык — черная овца, одни отговорки; а кожа совершенно спокойна, но идеальна для условий пансиона. Вроде бы нас шестеро, однако тот, шестой, вечно наверху, у себя в комнате, и никто не в курсе, чем он там, безумец, занимается. Если бы нам заняться вместе бизнесом, мы бы нажили состояние, но ведь все мы по сути так далеки друг от друга, как если бы жили в разных мирах. И единственно когда мы собираемся вместе, это в снах наверху, в комнате нашего шестого сотоварища, когда сам он уходит. Каждый из нас имеет смысл сам по себе, однако между нами на самом деле так мало общего. Одно приводит к другому, и мы все когда-нибудь умрем, так кому же, я думаю, достанется все наше достояние — может, адвокат дозвонится до какого-то позабытого родственника, живущего далеко, и скажет — Так — значит, тут кое-кто умер, и вот оставил в наследство кучу вселенных, а вы единственный живой наследник. Или, может, хранение наследства доверят банку, навечно — все эти фейерверки, кувыр-

кания и кульбиты, вызывания духов, записи на пленках, скелеты на чердаке плюс саму фамилию.

Порой мне кажется, что один из нас обязан уйти из дома и жениться по собственному выбору, или вырваться прочь из этих стен и зажечь отдельно — но это ведь было бы неслыханно, семья бы этого не поняла, в ней все ведь друг за друга держатся, совсем как марвари*, кто-нибудь бы обязательно что-то заподозрил и все принялись бы кричать — Однако такое вряд ли возможно, ведь где любой из нас сам нашел бы себе пару — да если б даже, такая невозможная, Она вдруг объявилась где-то по соседству, где бы с нею жить? Им все равно пришлось бы тайно бежать, исчезнуть — однако это не имело бы юридической силы, ведь они не нашли бы свидетеля, даже если бы для регистрации удалось найти Судью — и на какие бы средства они жили вне семьи — деваться им некуда — Правда, такие, как мы, непредсказуемы, и нельзя знать, на что мы способны, пока мы не совершим что-нибудь эдакое — Думаю, что просто на днях за столом вдруг воцарится тягостное молчание, кого-то не будет и мы лишь увидим оставленную записку — «Мистер и миссис Звук (это моя жена, вы с ней не знакомы) теперь живут у себя Дома, но Не Здесь — Мы нашли славную квартиру в новостройке, вот только коммуникации пока не подключены и транспорт сюда не ходит. Приезжайте как-нибудь в гости, но потом, позже, если сможете вырваться. У нас будет ре-вю». Вот в чем у них была бы проблема, этот чудовищный младенец, вроде огромного, беспомощного Уха, все слышащего из чрева матери? Их подвергнут остракизму. Однако никому нельзя запретить мечтать. Скорее болшеперотый мистер Болтун способен на такой бредовый поступок, он же вечно несет что-то свое, про свобод-

ную любовь и свободный секс, про свободу и независимость в этих делах — но как бы то ни было, будущего у него нет, если он собирается вечно торчать дома и жить чужой жизнью, без конца объясняя остальным, как следует поступать в том или ином случае — в принципе интересно, что за крикливый отпрыск родился бы от него — эдакий единственный ребенок, живущий в собственном мире.

Что если б звук, влюбившись, сбежал со звуком? Никто бы и не заметил, разве только у всех были бы эти новомодные переносные приемники.

«Скажи Матушке-Природе, чтоб и носу не казала из своей кухни, — изрек большеротый Болтун. — У меня своя жизнь!» И конечно ты знал, что Братец Ухо все это слышал. И Осязание под столом само бы себе пожало руку. Старина Обоняние не уразумел, о чем речь. Анаш чокнутый, там, наверху, настроился на эту сцену с помощью своего Радиоприемника. А Глаз мне подмигнул, потому что я понял, что должно случиться нечто важное, хотя бы в рамках семьи. И все тогда пойдет по-другому, не как прежде. Мать-Природа так и не уразумела, что же с ней произошло, она так и сойдет в могилу, недоумевая, за что ей это наказание, за что достались такие дети. Во всем, ясное дело, она сама виновата: не хотела бы, чтобы так получилось, нечего было резвиться с Папашей-Временем. А он-то, он, знаете, занят своими делами, зачем ему все время тратить на собственную семейку? Все эти Джей-Ди¹, отшельники, сачки-прогульщики, вся эта наркота, дурачье, все эти гении — он понятия о них не имеет. Потом, так ведь и лучше, молодые должны учиться всему на

¹ По всей видимости, имеется в виду Джером-Дэйвид Сэлинджер.

с собственным опыте, только тогда они и сотворят собственный мир.

КИТАЙСКИЙ ОПИУМНЫЙ ПРИТОН

Калькутта, 8 июля 1962 года

День рождения Питера — обедали в китайском ресторане, ели баклажаны с креветками, рыбу с помидорами, вермишель со свининой в овощном супе, всего на две рупи и 12 анна (около 44 американских центов), потом прошлись по Читпур-авеню до большой мусульманской мечети — прохладные сумерки, в обрамлении оранжевых облаков на небе высилась красная кирпичная громада Мечети, она в конце Улицы, наподобие замка с зубчатыми стенами — мимо нас неслись толпы людей, слепые нищие сидели, протягивая ладонь ковшиком, внутри мечети был калека, он протопал мимо нас босиком, одна нога у него искорежена, вывернута, в грязи и мусоре валялись остатки лямок от японских резиновых сандалий, уже почерневшие, изгаженные мухами и кошками, скорчились у себя в будках продавцы «пана», жвачки из плодов бетельной пальмы, — Поспешность Ничего неделания, когда некуда идти, все стоит сущие гроши — потом сели на трамвай обратно до улицы Боубазар и прошлись по ней, затем вверх по проулку в сторону нашей гостиницы, а потом по еще более узкому проулку мимо знакомого ложа размером с кукольный театрик-вертеп, этой полки за занавесками в том же проулке, где у лестницы, наверху, лежит прикованная цепью уже знакомая нам бесумная китаянка, это всего на пролет выше, в полной

темноте — а на самой верхней площадке, слева у стены, на полу горкой валялись остатки скопившихся за день кухонных отбросов — как это может быть непонятно, ведь здесь китайская квартира, чисто плотная — по коридору слева сидит на привязи крупный каштаново-бурый пес, перед занавеской у входа в семейные покои, а напротив двойная черная дверь в курильню, как всегда, распахнутая настежь, и там на потрескавшейся мозаике коричневого кафельного пола спит себе в прохладе беленькая собачка. Комната была небольшая — но потолки высокие, под десять футов¹, лишь горела одинокая яркая лампочка над конторкой, где в коричневатом, рембрандтовском полумраке были навалены какие-то индийские учетные тетради, лежало несколько жестяных коробок из-под сигарет с приготовленным чандалем*, стояла стеклянная банка с напиханной туда красной тесьмой и бумагой, там же несколько китайских чашек на алюминиевом подносе и синий эмалированный чайник для заварки — еще над конторкой свисала, тоже коричневого тона, с бурым оттенком, как у старых школьных парт, небольшая лампа-коптилка на кокосовом масле с картонным абажуром из ящика от сигарет «Голд флейк» — тут же покрытый пылью настенный календарь с листком, подвернутым на сегодняшнюю дату — а за перекинутыми назад листками заложены то ли голубиные, то ли вороньи перья — на стене деревянная полочка, на ней деревянная шкатулка, набитая смятыми бумажками — на гвозде небольшое круглое зеркальце — и еще было зеркало квадратное, прямо под фотографией китайского семейства в коричневой рамке (двоюродные и родные братья, все на фотографиях, как

¹ Около трех метров.

на паспорт, заткнуты под стеклом по углам внизу, слева и справа) — (на главной фотографии сам владелец, снятый в Китае, в черном костюме, рядом его жена, одетая довольно изысканно, и две их дочери). Трудно сказать, давно ли он притащился сюда из Китая. — Ведь на гвозде, горящем из покрытой плесенью, гладкой бетонной стены, висела только одна большая, потемневшая чайная чашка — и рядом виднелись листы каких-то еще почерневших, замаслившихся бумаг, скрепленных железной конторской скрепкой — видимо, стародавняя отчетность купцов-балдежников, списки задолженностей Гонконга перед Калькуттой, в них годами никто не заглядывал.

Тут у одного зарешеченного окна, где ставни закрыты, на краю конторки аккуратно расставлены несколько жестянок, — а с другой стороны, где зарешеченное окошко открыто, между поперечинами заткнуто несколько тряпок, и чайничек стоит, и опять валяются скомканные бумаги — отсюда вид на балкон на втором этаже калькуттского проулка, прямо напротив — над пристройкой, где сидела на цепи та сумасшедшая —

Тем временем главное действие разворачивалось на своего рода помосте, на нарах, где китаец удобно откинулся на квадратную подушку из черной, тонкой, потерянной кожи, лежа на боку, его глаза были широко раскрыты, и он, не мигая, глядел прямо на пламя перед собой, прикрытое, коричневым, треснувшим стеклышком, которое едва держалось на приклеенной еще в прошлом году тонкой ленте, и лежало оно на миске, чтобы случайно упавшие кусочки О попали на него — все это стояло на квадратном подносе со всеми прочими необходимыми подручными средствами — тут было также несколько фарфоровых чайных чашечек, деревянная пепельница

для сигарет и для случайного мусора, который мог оказаться на этой открытой площадке — еще одна жестянка (пустая) из-под сигарет «Голд флейк» — другие приготовленные пепельницы — очки того, кто готовил очередную порцию — наконец, сама трубка — полуметровый отрезок коричневого, отполированного бамбука, с костяным мундштуком на конце, и видом и размером своим ни дать ни взять ручка зонта, — впрочем выглядела она, как весьма изящная лакированная вещица в китайском духе из очередного модного нынче антикварного магазина — металлическая, шестиугольная чашечка с посеребрёнными краями и по центру чубука, в деревянно-пластмассово-металлической, черной слоновой кости зиял зрачок отверстия, куда подкладывают кусочек О для курения. Услужавший держал трубку и тонкую металлическую иглу, похожую на палочку для турецкого шиш-кебаба — все это против света коптилки на кокосовом масле — он выуживал жидкий О из чашечки размером с наперсток и тут же принимался вертеть каплю над пламенем, пока она не вспухала янтарными пузырями, делаясь размером с большой палец — и чуть она начинала остывать, он проводил ею, ловко поворачивая туда-сюда, по внутреннему краю чашечки с глиняной трубкой. В результате получался шарик размером с таблетку, еще мягкий, который можно тут же заткнуть в отверстие чашечки. Прямо тростниковая трубка. Таким образом, «варщик», преклонив голову на кирпич или на квадратное деревянное изголовье, смотрел на огонь и работал, поворачивая капельку и одновременно разговаривая с курильщиком, своим клиентом, который полулежал на правом боку по другую сторону — между их головами стояли громко тикавшие часы и литровый термос с зеленым Чаем без са-

хара, который пьют все китаезы. Как бы то ни было, часы показывали пять минут седьмого, Питер потянул за длинный конец трубки — попросил подать две трубки. последних — поторговались из-за очередной чашечки — разумеется — над его головой висел календарь, а над ним еще один, с Неру и Радхой на велосипеде*. И по тому, как «варщик», привычно подобрал под себя согнутую в колене ногу, приняв типичную позу китайца, лежащего на боку, я впервые понял, что это именно типичная поза, так, верно, отдыхают рикши в Старом Пекине после целого дня беготни. Над изголовьем трона коричневая, чем-то запачканная, старая, царственная материя балдахина — на противоположной стене висела тросточка — а кругом трое или четверо закадычных друзей-китайцев тоже лежали на боку, или слонялись по комнате, разглядывая все вокруг, или кипятили чай, или прочищали трубки, или готовили специальные порции табачных затяжек из серебряной трубки.

Для П. О. — 8 июля 1962 года¹

Выбеленная комнатка на крыше,
в третьеразрядном мусульманском отеле,
две кровати, вентилятор размазанно
крутится над твоей коричневой гитарой
Рюкзак на полу раскрыт, полотенце
повисло со стула, апельсиновое питье со льдом,
рукописи в оберточной бумаге,
тибетские Танги, пижамы Ганди,

¹ Под названием «Для П.О.» это стихотворение было опубликовано в сборнике «Новости планеты: в Европу и Азию (1961—1963)» в 1968 г.

индийские книги и цветастый зонт,
все вперемешку на шатком деревянном столике —
Желтая лампа на стене освещает
эту сцену в Калькутте тридцатую ночь:
Час назад трубка опиума, книга на моих голых коленях,
волосы прилипли к твоим плечам
после Душа, «Мы принимали на этой неделе
таблетки от малярии?» С днем рождения,
Дорогой Питер, тебе двадцать девять.

* * *

Поэзия двадцатого века, подобно всем искусствам и наукам, перенесла центр тяжести на исследование-экспериментирование с тем самым материалом, из которого она состоит. Говорят об «исследовании самого языка», чтобы отобразить этот поворот от фотографической объективности к субъективно-абстрактному составлению слов а-ля Берроуз.

Наука после Эйнштейна должна была оказаться на переднем крае объективных исследований, там, где ставятся под сомнение сами исследовательские приборы, и человеческий мозг, стремящийся все измерить, сам подвергается анализу настолько, насколько он способен сам себя анализировать, чтобы понять, как структура мозга-разума определяет интерпретацию «наружной» вселенной — сейчас считается, что она, по-видимому, содержится в пределах разума и не имеет объективной формы вне его, этого все меряющего разума.

Так же и живопись изменилась от Сезанна к игре с пространством, от кубизма к анализу, и наконец от Action* к самой краске как сути живописи.

Также и музыка перешла от старых, привычных гамм и гармоний, тональностей к абстрактным математическим вероятностям, которые не ограничены более собственными человеку исходными предпосылками.

И вот поэзия: не полагаясь более на эффект полубредового образа или четкости визуальной *фано-поэзии**, не пытается более вызывать в воображении видения или же провозглашать истину — она лишь прекращается. Поскольку все эти видения и все эти истины отныне являются не существенно значащими, как объективные и вечные факты, а лишь пластическими проекциями творца и его языка. Поэтому никого больше не может по-прежнему горячо волновать *результат воздействия*, каким бы на вид реальным он ни представлялся, поскольку любой человек глубоко внутри себя понимает, что все его видения и все его истины в конечном счете лишены содержания. Поэтому следующим шагом должно стать исследование причин этого результата воздействия, сама движущая сила видений, то, что лежит в истоке истины, а значит — сами слова. Язык, то есть сам первичный материал.

Значит, следующий шаг в том, как именно писать поэзию о поэзии (не в виде объективно-абстрактного содержания а-ля Роберт Дункан или Паунд), — а значит, использовать радикальное средство — полное устранение содержания. Посредством того, что выбирается за основу при компоновке слов:

Радикальные средства:

Композиция на пустом месте: Гертруда Стайн

Ассоциации: Керуак и сюрреализм

Разрушение синтаксиса: Гертруда Стайн

Компоновка интуитивных ключевых слов: «Европа» Джона Эшбери*

Случайные наслоения: У. С. Берроуз

Сведение элементов образа к абстрактной сути:

Корсо

Компоновка звуков: Арто, леттризм*, тантрические мантры

Запись потока сознания: Керуак

Я, похоже, не спешу идти в направлении устранения содержания и продолжаю цепляться за привычные для человека серии автобиографических фотоснимков (как в последнем сочинении на день рождения Орловски) — хотя мое Сознание уже вышло за пределы концептуальных эпизодов переживаемого и перешло к неконцептуальным, не выразимым с помощью обычных средств человеческого повествования.

Поскольку я несколько побаиваюсь возможности отдаться на волю чувств, меня она даже страшит, а еще больше я боюсь хаотического распада, исчезновения самой способности мыслить концептуально из-за того, что я все еще экспериментирую с наркотиками, поскольку не только мое умственное развитие на сегодня, в этом году, судя по всему, застопорилось, но и моя «творческая» деятельность заблокирована, приостановилась и вертится лишь в привычном круге абстрактных, смутно-небрежных политико-сексуальных филиппик, ограничиваясь лишь отдельными, пусть клевыми, образными, но фотографическими описаниями (хотя косвенно в них содержится ряд общечеловеческих чувств и настроений) —

Я действительно не понимаю, что я сегодня делаю.

Начну-ка с новой страницы.

Волосы. Кроватная рама. Железо. Возрождение.

Камень¹. Капитал. Негодование. Псих.

Похоже на тест по словесным ассоциациям, который я проходил в Стэнфорде под действием ЛСД во время экспериментов с доктором Джо Эдамсом*. Отдельные слова ничего не значат помимо поверхностных ассоциаций, однако как слова они суть твердые предметы, для которых я в то время не имел практического применения.

Компоновка элементов

Дзынь! Колокольчики в руках у рикш,

постукивающих по деревянным дышлам

(звук этот, эхом и ответным эхом, и днем, и ночью

по Калькутте всюду — невидимым напоминаньем),

от очереди рикш, с улицы внизу, у гостиничного входа.

* * *

И вот все эти слова потребовалось нанести здесь для описания мимолетного звука, который я распознаю мгновенно.

Выходит, что сама жизнь суть компоновка элементов вне пределов слов.

Что сделать:

1. Написать в издательства «Гроув» и «Олимпия» на счет книг

¹ По-английски у Гинсберга здесь супермногозначное слово «rock» — скала, булыжник, крушение (надежд), леденец, деньги («бабки»), брильянт, лед в виски, раскачивание в такт, и, разумеется, рок-музыка: она тогда только-только появилась, как понятие, как раскованная, огненная стихия рок-н-ролла (rock — танцевать «враскачку», исполнять танец так, чтобы он взволновал, ошеломил).

2. Перепечатать южно-американские дневники
3. Завершить начатые письма
4. Прочесть записные книжки

Записка для памяти, отпечатанная в Калькутте на пишущей машинке. Отель «Амджадия»: О просодии, в ответ на замечание, которое сделал несколько лет назад Уильям Карлос Уильямс

Нет такой причины, из-за которой любая строка должна начинаться от левого поля страницы. Глупая привычка: будто все мысли в мозгу выстраиваются в шеренги, как призванные в армию новобранцы. Вовсе нет — мысль течет по пространству страницы свободно. Начнем новую мысль на краю и органически проследим за ее развитием, как с нее слетает вся шелуха, выявляя ее форму, когда одна ассоциация связана с другой, они вжимаются, зацепляются зубцами, входят одна в другую, с прыжками-пробелами, указывающими на связи и разрывы между веще-мыслями, ломаный синтаксис, чтобы указать на колебания и провалы в мыслях — ГРАФИЧЕСКИ показывая движение ума по странице, так же, как вы можете уже в начальной школе графически изобразить грамматические взаимоотношения между подлежащим, сказуемым и дополнением — компоновка, расположение строк на странице *рассредоточенное*, дабы выявить ритмический рисунок движения мыслей, их ускорений, пауз и исчезновения, схождения на нет в их вербальной форме, в качестве звучащей речи.

Для читателя, который желает знать, что и как работает в уме его собрата по жизни, Поэта, содержание его мысли, таким образом, окажется представленным в об-

наженном, практическом виде, и ему легко будет следовать.

Это проще, чем деспотичная форма сонета, ведь человек *никогда не думает* посредством диалектически заставших форм катрена или синтетических форм сонета: но наше мышление работает, используя блоки ощущений и образов. ЕСЛИ УМ ПОЭТА ИМЕЕТ СТРОЙНУЮ ФОРМУ, ЕГО ИСКУССТВО БУДЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ СТРОЙНОСТЬЮ. То есть вид у страницы будет оригинальный, однако форма будет отличаться ритмичностью — неизбежная мысль вслед за неизбежной мыслью, строки неизбежно попадают точно на свое место на странице, создавая тонкую, бесконечно разнообразную ритмическую ФОРМУ.

11 июля —

Все время после возвращения из Гангтока мне нездоровилось: сначала тянулась простуда, Бронхит с небольшой температурой и отхаркиванием желтой мокроты, я сходил к врачу, и мне сделали уколы, смесь прокаина с пенициллином-стрептомицином — Потом на несколько дней онемела и несколько опухла рука, это признак аллергической реакции на уколы: Дальше апатия калькутгской жары и дни в смятении и ступоре, в чтении без всякого интереса и разговорах с бенгальцами, приводивших к быстрому утомлению — Потом на конференции бенгальских поэтов в Джамшедпуре начались легкие колики в почках, пришлось сделать укол атропина, вернулся в Калькутту усталый, все кашлял, потому что выкурил слишком много сигарет — и так несколько дней, на опиуме и морфине, один укол, еще сделал анализы для опре-

деления аллергена, и в результате правая рука опухла еще больше, в знак протеста против ничтожной подкожной инъекции прокаина с пенициллином, дальше анализ показал, что в моче повышенное содержание фосфора и кальция (окиси?), а тут еще вдруг дизентерия и от жары общая слабость-усталость-немошь — короче, сегодня вечером принял отличную крутую дозу, истратив последнее пол-грana¹ морфина-атропина, и теперь вот отдыхаю в постели, в теле ощущения лучше, и видения мочеиспусканий близ китайского квартала больше не будоражат мне душу.

На случай если умру: все дневники и все памятные предметы, все напечатанные и ненапечатанные рукописи, а также собрание писем и рисунков, равно как и авторские права на опубликованные книги отойдут к Питеру Орловски, моему наследнику и душеприказчику, *in toto*².

Аллен Гинсберг

Только что закончил этот небольшой медицинский отчет — а за тем (Питер не знал, что именно я пишу) осуществил старую идею, подсказанную Питером, что нужно оставить в письменном виде нечто вроде завещания — это пришлось к слову, когда мы заговорили с ним о том, что пора ему, наконец, подготовить сборник своих стихотворений, а я бы отпечатал на машинке дневники своей поездки в Южную Америку —

Когда я ощупывал свою прямую кишку, обнаружил ШИШКУ — нечто вроде крупной геморроидальной шишки или небольшой грыжи — и сказал Ай-яй-яй, что же бу-

¹ Около 32,5 миллиграммов.

² По совокупности, целиком и полностью (*лат.*).

дет! — Мы тогда закрыли ставни, и Питер осмотрел ее, гм-гм — и сказал, что это, похоже, что-то этакое — а потом вдруг говорит «Ой, ой, да у тебя глисты, я вижу два белых глиста» — ну, я развел ягодицы, и он вытащил двух маленьких, тонюсеньких, извивающихся червячков, которые все лгнули к ватке, и я положил их в коробку, чтобы Предъявить Властям.

Пятница, 13 июля 1962 года —

Верхний этаж гостиницы «Амджадия» на углу улиц Чандни-Чоук и Принсеп* в Калькутте: вид из зарешеченного окна на закат и на облака будто кадр из кинофильма, по всему небу, над крышами на уровне четвертого этажа трепещут воздушные змеи из дешевой красной бумаги, на фоне муарово-зеленой и бледно-оранжевой дымки призрачной иллюзии-мая — спустился вниз выпить чаю, неряшливые официанты-мусульмане босиком, бородатые, в белой униформе с черной окантовкой — звякают колокольчики в руках у рикш, они постукивают ими по длинным деревянным шестам, за которые тянут повозку — колокольчики под пальцами, гудки машин — после М прошлой ночью и визита к врачу сегодня утром проспал всю вторую половину дня — дали таблетки от глистов — еще читал «Тайм» и «Ньюсуик» и автобиографию Тхубтена Джигме Норбу* — все время какие-то незамеченные детали существующего мироздания за пределами нашей комнаты, в которой мы с Питером в эту жару, и от болезни, и от этой апатии без конца только клоем носом и читаем, и перелистываем страницы, и спим — Сейчас уже вечер, стемнело, я сижу в постели, поджав под себя ноги, и из обоих окон видны тысячи босых уличных разнос-

чиков и сигналищих напропалую водителей на улице внизу — Питер проснулся, но еще дремлет — «у меня рука отламывается», я помассировал ее, она затекла, совершенно омертвела и покрылась потом — неоновый свет от магазина посуды и фарфоровых изделий внизу — полдюжины уличных фонарей прожигали точки на рельефе общей картины — вид как в китайском квартале в Лиме два года назад — у большинства пронесившихся мимо автомобилей сзади горели красные фонари — гнусавые голоса не то нищих, не то разносчиков — уже двенадцать часов над головой вращается вентилятор — Все выбранное наугад недвижно, как любая «нарезка»*, любые выкрутасы. Берроуз все не дает мне покоя, а ведь уже год прошел.* Я проспал всю вторую половину дня и когда проснулся наконец, то думал, что уже утро, и не мог понять, где я. И не было у меня имени для Индии.

16 июля 1962 года

Под утро сильный дождь, я проснулся и закрыл окна — а снился мне длинный сон, будто я в пригороде, в Нью-Джерси, мы с Питером в постели, и он стал рукой наяривать между ногами у себя в постели, и нас смыло дождевым потоком, я стал командовать и говорю ему, ты когда последний раз кончил, а он отвечает, а-а, всего часа два назад, там, в постели, пока нас не вынесло этим потоком в пригородную сточную канаву, заваленную ветками — мы оба в трусах; и два любопытствующих индийца, прохожие, стоят над нами и внимательно наблюдают — тут я понял, что Питеру кто-то звонил — Он говорит, да так, одни ребята, мы их знаем, молодые поэты-битники, хотят

прийти к нам в гости — и с девушками тоже — Он сказал, что это «Лоэн» — *«Кто-кто?»* Как, говоришь, их зовут?» —

Стук в дверь, это старый мусульманин, разносчик галет, он принес новый номер «Стейтсмена» — я вылез из кровати и пригласил его зайти внутрь, чтобы ему не мокнуть снаружи, пока я пытаюсь вытрясти монеты из кармана рубашки — ну а потом снова о том же сне — Кто же был тот парень, который из такой дали добрался в Нью-Йорк? Я понял, что если забереешься бог знает куда, люди, как это ни странно, начнут набиваться к тебе в гости.

Опять заснул, дождь шел все утро, пока я читал газету и смотрел в окно и читал книгу о гималайских буддистах, и тут глаза у меня закрылись и меня охватил сон:

* * *

Будто я гощу в большом уютном доме в Индии или в Мексике, где-то в пригороде — дом дали мне в распоряжение, чтоб мне было где жить, я уже обжился, и ко мне пришли гости, на весь длинный уик-энд, кое-кто из молодежи и старые гуманисты-политики, зубры Гражданской войны в Испании, которые навещали кого-то из своих друзей, кого именно, не помню — может, это был тот еврей из Южной Африки, друг Берроуза, я с ним познакомился в Танжере —

У меня с собой две упаковки таблеток-галлоциногенов — мескалин и псилоцибин — таблетки псилоцибина новые, они словно крошечные леденцы, покрытые глаурью на старый манер, я их достал в Гарварде, но действие их в пять раз сильнее, чем у прежних. Я вынул их из флакона, чтобы рассортировать — а приму потом — после чего и отправлюсь «на люди». Принял одну, две, три — а

это, как я сообразил, соответствует дозе из пяти, десяти, пятнадцати старых таблеток — очень большая доза — знать бы, как они действуют, и принимать ли мне четвертую таблетку (а это уже как двадцать таблеток старого выпуска) — Нет, пожалуй, перебор выйдет — ничего, у меня уже доза будь здоров — четвертую таблетку взял в руку, подошел к шкафчику у кровати, чтобы открыть второй флакон и положить туда и держать их порознь — Если я выберусь из дома, могу взять их с собой — оставил дома отдельный флакон с мескалином — Питер тоже тут, я спросил его, ты хочешь, а он говорит, нет, мол, ему кажется, я проявил слишком большую смелость — я не слишком напуган, я просто хочу подождать и посмотреть, что будет: что ж, думаю, первый результат, новое доказательство собственной храбрости — что я, в самом деле, все себя принижаю, вот и весь прошедший год я только этим и занимался. А тут вдруг резкий прилив самоуверенности, открытый, явный. Но собственноручного воздействия таблеток я еще не почувствовал — Мой приятель, который гостит у меня, сказал, что он только что выкрасил в новый, кремовый цвет всю стенку у кровати — Я посмотрел, но разницы не заметил, разве что цвет стал однороднее — он сказал «Не мог больше терпеть эту старую, загаженную, прокаженную, гнилую крашеную стену прямо у себя над головой» — а мне-то что, подумал я. — И проснулся.

Во-первых, это у меня впервые случилось, что я запомнил сон про галлюциногенные таблетки. Нейтральный сон, он не дал никаких предсказаний о том, как мое подсознание отреагирует в будущем, когда я в следующий раз увижу, как принимаю таблетки, если вообще когда-нибудь увижу.

Во-вторых, сон приснился после моей вчерашней встречи со скептическим, вдумчивым интеллигентом по имени Джоти Датта, бенгальским поэтом — и придя домой после того, как я прочитал ему «Эфир»*, я понял, какую огромную часть жизни я уже потратил на изучение собственного сознания с помощью наркотиков, и какие грусть и пустота овладели мной теперь, потому что с галлюциногенами я дошел уже до того рубежа, когда мне перестали нравиться получаемые ощущения, и вообще меня это теперь слишком уж тревожило, даже пугало, и я больше не мог продолжать свои опыты.

Прошлой ночью я раскрыл было рот, чтобы осмотреть заднюю стенку гортани, но одна мысль об этом вдруг вызвала у меня нервную рвотную реакцию. Питер же, с другой стороны, высунул свой волшебный, длинный, красный язык, и я смог заглянуть (впервые) далеко внутрь в пещеру, за шторы красной кожи позади свисающих миндалин — стенка тканей была вся крапчатая, в кирпичного цвета точечках на перепончатом венозном кожистом фоне. Тут и я высунул свой язык, вместо того, чтобы от страха загнать его внутрь, как я обычно поступаю, и мое чувство тошноты прошло. Это лишь ассоциация с тошнотой, она могла и вызвать этот сон.

Еще подумал, на этой неделе надо написать Берроузу, что я до сих пор ранен в самое сердце его «нарезкой» и все еще изнурен, все там же, где был еще в Танжере, и дальше никуда с места не сдвинулся.

Да, а этих таблеток, что у меня с собой, на несколько недель хватит или только на месяц?

И весь этот год и весь прошлый я без конца повсюду постоянно говорил, делал публичные заявления и так далее, и вот теперь все время у меня уходит на то, чтобы

облечь в конкретную форму эту словесную идею об изменении сознания.

Однако я не справился с тем, чтобы изменить собственное сознание, а ведь средства для этого у меня в руках, по крайней мере для того, чтобы я мог вновь испытывать то состояние, про которое рассказываю другим, которое называю изменением сознания. Короче, я боюсь и жду неизвестно чего, что могло бы меня к этому подтолкнуть. И вот, наконец, во сне я что-то сделал...

МАКС ФРОМАН

— про дядю Макса, что был грузным, квелым,
его любил я, у него канадская борода,
все мое детство спал он до полудня,
И спозаранок я не мог к нему стучаться
Иначе бы покой его нарушил — в том уютном,
но бездетном доме, где фонограф, на котором
Услышал в первый раз Беллини, а потом Сен-Санса,
Интродукцию и Рондо капричиозо, нежность
первых моих звуков скрипки, пусть немного —
под его пророчества и грустное дыхание. Эленор¹
тут умерла, и я ходил к нему потом немного,
прошло уж детство, началось брожение.
Макс оставался там, где был,
в своей квартирке, где пил кофе
на завтрак, в полдень, или брался за счета,
потом сабвеем в офис ехал
— Последний раз пришел я прочитать

¹ Тетка Аллена Гинсберга, жена Макса.

ему стихи на смерть его жены — и был я
долговолосым грифом над его столом
на кухне, и мы с ним рыдали.

28 июля 1962 года —

Вот я мрачно размышляю на подушке,
под голову себе пристроив руку, и глаза
прикрыв, на бездны Времени открыв их —
Тут буйволов стада, просторы улиц,
оливкового масла образ истекает
Глаза — на лоб и внутрь на миг. секунду
мешая с беспредельной пустотой.
Таков я во плоти. Кому теперь
мне доверять? Я теперь товарищ
всем тем, кто смерти ждет до самой смерти
живя, как получается. Велик
простор вокруг. Тут были и другие,
ушли до нас — Но где ж теперь
они пристроились — на какие трюки
пришлось пойти им, чтоб избежать
всех этих жирных тел — сделать наконец
последний шаг, раскрыться
от головы до ног, хрипя, вслепую
свой хвост глотая, как змея, что будет
им Напоминаьем,
пока единственный вопрос
не станет более понятным
— Бедняга запропащий, он во тьме
певеденья вдруг понял: мир
всего большая ложь, и это
так больно, что лишь рвотой унесет

о нем всю память — пусть отныне
мир, подлая безмерность, сам себя
создаст, но не в ухе, глазе
его и не в касанье боязливом —
Ну, а я в своей постели
с закрытыми глазами, столь знакомый
из прежнего — как Дух Элиз
в панике мечусь под аркою Бельвью*
готической и на божий свет
семья ее явила, как Полиция. — Она
на что в Гудзоне ночью показала,
какие голоса лишь ей доступны были —
Теперь она лишь привиденье
что мечется по темным залам моей
• обширной головы, и занавешены глаза
мои. Вот Синь рассвета за окном
я снова погружаюсь в транс
травы и реплик через комнату
цементную, в ней бриз вентилятора
индийского да одна моя икота.
Ох, стану символистом. Тетка Роза
мне будет символом, сияя из Ньюарка
Прозрачного, и мой дядя Макс
Дымя сигарой, он цифры сложит
на страничке нарисует как бы меня —
и тетка Эленор
во мне ведь тоже, хоть в последний раз
за белой шторкой видел в Монтефьоре
на постели, где голос школьницы
испуганной спросил: «Я что, умру?»
Тут дядя Гарри, да и все родные
вдруг поняли: там в спальне наверху

рак, я же был далеко; и Наоми,
она и причитает в дальних
покоях десяти умов, и одеваясь —
раздеваясь чулки наденет — снимет,
у дяди Сэма голова усохла
с годами, что так скоро протекли
а Гарвер* все-то кашляет в решетки
оконные, Каннастра* длани
кровавые все тянет, я же изумлен,
что население мертвое желает
расти, чтоб и меня включить в свое число,
с другими заодно. Ну что ж! Пока что
я только этого боюсь — но тут
светает, делается ясно, что не будет
мне разницы, когда и сам уйду —
так мы свободу друг от друга
получим, если избежать хотим
той грусти сострадания к себе
при расставании

4 августа 1962 года, 6 утра

За полночь пришел какой-то профессор из Иллиной-
са, который был похож на кукольного игрока в карты с
картины Сезанна — я уставился на него сквозь решетку
гостиницы в 1.20 ночи и в конце концов смог заставить
служителя открыть дверь, это сделал спавший-на-полу-
посильщик, и мы поехали на машине с профессором и с
еще одним индийцем — аналитиком, занимающимся Ис-
следованиями Рынка в Миссии Рамакришны* — поехали
в пенджабский ресторан, который открыт всю ночь на-
пролет.

А там разразился спор, он ведь специалист в этнической лингвистике, то есть в музыке, и он сказал, что проделал анализ поэтики, чтобы добраться до сути, и прочее.

Сказал мне (если обобщить), что я обманывал бога слишком просто, с помощью таблеток, и отдавал дань никчемному изыществу. Ну, я вышел из себя. Воспроизведу доводы как-нибудь позже. Отправился на боковую. весь взбудораженный. Заявил ему, что я — поэт, воспевающий Бунт Шудр (неприкасаемых).

* * *

Приснилось: будто я встретил Хрущева, он был на вид властный, умный, и у нас с ним зашел разговор о поэзии, он о ней высказывался пренебрежительно, а то и с презрением, пока я не заговорил о Маяковском, но тут он и о нем плохо отозвался, и обо мне тоже, а напоследок, как заключительный аккорд, чтобы показать, что ему все ни почем, пошел прямо по ж/д путям — «Моей смерти музыка не слышна». Я-то попусту потратил на него время, искал сложную аргументацию, пытаясь быть на уровне его знаний и его подхода, а он меня выбил из колеи, обескуражил и впридачу проник в мою душу вспышкой смертельного страха, воспользовавшись моей самовлюбленностью. Во сне возник жуткий страх перед Хрущевым и беспокойство: свершилось, я лицом к лицу столкнулся с вездесущим и всепожирающим Государственным управлением Космического Контроля.

ВОЙНА СТОЛКНОВЕНИЙ

Столкновения за 1962 год:

США с Россией вообще / Китай с Формозой¹ за Право владения островом / Индия с Китаем за приграничные территории / Индия с Пакистаном за обладание Кашмиром — Религиозный конфликт / Индия с Португалией за обладание Гоа / Индия с племенем Нага — борьба за Независимость / Египет с Израилем — за обладание территорией (плюс Религиозный конфликт) / Восточная Германия с Западной Германией за независимость / Куба с США — за идеи / Северная Корея с Южной Кореей — борьба за независимость / Индонезия с Голландией — за территорию / Франция с Алжиром — за территорию / Негры с белыми — в США / Катанга с Леопольдвилем² / Советские сталинисты с советскими хрущевцами / APRA* в Перу с перуанской армией / аргентинская армия с аргентинской буржуазией / пейотисты племени.

¹ Тайванем.

² Провинция Катанга стремилась отделиться от Республики Конго (с о столицей в Леопольдвиле).

навахо с Племенным советом навахо — внутриплеменной конфликт / Западный Ириан? / курды с Ираком / негры с белыми — Южная Африка — расовый конфликт / США и Сенегал с Красным Мали¹ — за территорию / Гана и Того — за территорию / племена ватуси и бхуту в Руанде — за племенную власть / Каду и Кана в Кении — за племенную власть / Сомали с Эфиопией, Кенией, Французским Сомали / тибетские ламы с китайскими тибетскими атеистами / Индия с Восточным Пакистаном — в Ассаме, Бенгалии по ту сторону границы и в Трипуре / Алжир с Марокко — за территорию Сахары

Внутренние трения и кровопролитие:

Панама / Венесуэла / Перу / Бразилия / Аргентина / Гватемала / Гаити / Венгрия / Польша / Восточная Германия / Румыния? / Греция? / Алжир

Албания и Россия — идеология / Непал и Индия — рейды в приграничных зонах.

Сон (новой ручкой), 15 августа 1962 года, вторая половина дня, День Независимости Индии

Будто идут или гонятся за привидениями Джек Оуки* или Лама Галва Кармапа*, в вечерних одеждах, блуждают по огромным школьным зданиям и многоквартирным домам, а я вхожу в старый внутренний дворик через кухонное окно и преклоняю колени перед фигурой какого-то человека — я его нашел и теперь прошу зачем-то дать мне ответ — и когда, обращаясь к нему, я опускался на колени, сердце мое все больше смягчалось и тем паче

¹ Республика Мали избрала тогда путь «африканского социализма».

все была просьба, пока вся моя настойчивость не обратилась в молитвенное коленопреклонение и нежность и беспечность и голова наклонилась в безмолвной молитве, а когда я медленно поднял голову, фигура эта исчезла (и, как я отметил во сне, это было похоже на французский фильм с Ремю*), а на ее месте (как во сне Джоан*) было яркое окно и свет послеполуденного солнца вливался сквозь него в комнату и казался еще более сияющим дождевым потоком из-за темноты внутри. Значит ответ был все время тут, он крылся за этим человеком, и человек должен был исчезнуть, чтобы ответ стал ясен, и ответом был этот свет, солнечный поток, в окно. Как Наоми (задним числом)...

* * *

Вопрос, что я задал, был «Каков ответ?» и я понял, опускаясь на колени, в этом состоянии беспечности и легкости, что было бы лучше спросить «Какой мне ответ?» или «Какой Великий Вопрос, что меня тревожит?», но я получил на него ответ: свет в окно.

В этой войне ума я все продолжал *требовать*, а суть сна в том, что свет вне требований, он имеет отношение к состраданию-восторгу-нежности-миру-покою-«духовности».

28 августа

Монолог «Быть или не Быть»:

Гамлет, если ввяжешься в борьбу, тебя в ней убьют, а если нет, тебя все равно убьют, но в окружении сонма бо-

лезней — Ревматизма или Рака, плеврита или инсульта. Так или иначе, пропасть тебе во рту у Кришны, как армии пропали на Поле Крушекты — Багхавад Гита*. Смех да и только — рано ли, поздно ли, а окажешься в зубах у жизни.

* * *

Продзен-буддиста, как он держался из последних сил, сжав зубы, чтоб не упасть в пропасть — и потому не смог ничего ответить на вопрос.

6 сентября —

Долгая прогулка ночные улицы Калькутты спящие на тротуарах вдоль дорог огни ресторанов пил молоко устал обращать внимание на все эти тела.

Разве не достаточно чтобы и твое сердце разбилось потому что у всех сердца сейчас разбиты.

* * *

Огромная людская мистерия висит над миром, вконец потеряв надежду
 Про светопреставление газеты вещают уже лет двадцать,
 и наконец все ясно
 (что ни день, железный голос по радио на всех языках сообщает все точки зрения на это
 Вот телевизор где не бывает нагих людей, где невидимая рука на кнопке, для контроля: вдруг ворвется сумасшедший с расстегнутыми штанами —
 Телефон на прослушке уже в двадцати странах, там даже в верхах про все шепотком — разговаривать можно лишь посреди Красной площади —)

Для каждой души, что еще способна молиться, человек стал машиной

И кости растворяются и плоть покрыва язвами

А ноги грязны и в могиле —

Раз-два... вертится вентилятор, огни горят на Чандни-Чоук —

Тибетские скелеты танцуют в красных языках огня —

По комнате гуляет ветер —

Вот Питер спит под простыней, янтарь его волос так долог, щека его

подушку мнет —

И все как надо, человек живет, и через десять миллионов лет все будут жить, но у звезды, какую не увижу, — лишь во сне.

Пора нам защищать самую жизнь!

(Тут — отзвуки «Прелюдов» Листа
 и Благовещенские Трубы из Сфер Потусторонних)

* * *

Урок наркотиков таков:

испытываешь ощущение

будто изменились и тело и мозг

изменилось самоосознание мозга

и понятие, что есть

внешнее-внутреннее —

Чувство Змеи, кусающей свой хвост
 трансформации ума (коммутатор

включил ячейки в новых комбинациях

И телефон теперь звонит на

собственный номер —

Кто трубку снял, тот ты и есть —)

и ты поймёшь: бесповоротно
изменилось сочетание клеток
когда номер станет наконец
0000-∞

Адрес: снаружи
ФИО: Мортис, Тимор*

Так что ты либо позвони ему и заплати за разговор,
либо звони скорей верным друзьям.

* * *

Джек: Не хотел бы я быть алленом.
Но: Не хотел бы *не быть* я алленом.
Да кто-то же должен — алленом".

* * *

Ревизия *Имен существительных*, трюк наложения ключевых слов за счет отсекаания жирных причастий и достижения более глубоких смыслов:
Например: «Его мечта: залитый бледным хуем рот трепещет в центре головы»
Меняется, скажем, на: «Его мечта залита бледным хуем, рот трепещет в центре головы»

* * *

«Какое расстояние?
Огромное, сказал я
Дыра не мирозданье
Мягкое — »

Из стихотворения «Сон»,

вставленного в Пишущую Машинку
«Машина создает
себе чистилище, переход в потусторонний мир
и нет Победы грустной Человеку иль Обезьяне
если ножниц слепота отрежет уши
пока Белые ребята не подадут сигнал
закончить Труб Войну».

Чаю бы с пышками, мама, я шел по дождливой улице, направляясь к Международному Отелю, когда один из отворачивающихся гостиничных посыльных вдруг, замерев, ухватил меня за руку и сказал «Есть тут одно, знаете, песчаное местечко» — я широко улыбнулся, лишь бы избавиться от него, ведь нет у меня ни денег ни смелости удержаться от собственной холодной вежливости
Когда он вытащил хрустящую банкноту
Где надпись «£5» — пять фунтов, ну нахал?
Взглянул я, тут он снял фуражку и оказался избалованным школьником
с нежно-бледными щеками и в кожаной куртке
утянул меня тут же за собой в деревянную калитку, чтоб любить
«Я сам все сделаю» сказал, чтоб я не ушел от него
Отчего нет? и я за ним последовал, даже вдруг сдернул с него рубашку
Он понесся через газон перед пустой квартирой
от одной к другой, исчезая в долине ящиков
и окон: я его смутил
своим прямым взглядом там в саду где слепые окна
в них, вроде, никого. Но кто-то был
да, из второго окна, молодожен,
он принял нас за грабителей. Я помахал ему
приветственно и выждал

пока мой новый друг не понял мой сигнал.
мы перебрались
снова через деревянный забор: мы целовались
пока сосед поднимал по тревоге Жену
и я еще перегнулся через низкую стенку подобрать его ко-
жаную одежду
Тут этот гад меня стукнул и сдвинул мне шею
Если бы я не стал с ним драться, он бы меня прямо там и
прикончил
он бы меня сделал вампиром в старой Машине
из Прошлого
Я вспомнил как последний раз обманут был на этой
пустой улице
И я поднял его и отшвырнул и напал на пишущую
машинку —
при виде слов, что текли по странице «Мягкое Какое
Расстояние говорю огромное, дыра в мирозданье»
и потянулся проснулся и вздрогнул во сне
Чтоб запомнить поэму и записать ее, на сей раз
идеальную

Поэму сна
Не на разбитой машинке последних двух снов
но в бодром сознании наказывать что-то вечное
и Ох! эта боль в голове
Разбито мое тело в постели нет конторки
нет поэмы исчезла
Кассовый аппарат не прозвонил продажу
Есть лишь слова: «Какое расстояние?»
оторвавшиеся в предрассветном
свинцово-синем небе над Чандни-Чоук
Вот гад тот парень, на меня напасть пытался!

Сентябрь

Мосаддыка* плачущего в суде
1962 год вновь призвал на первые
Страницы газет
Все наружу выйдет
ЦРУ его свергло
Потому что
Его правительство пало
Потому что
Он Национализировал Альбиано-Персидскую
Нефтяную Компанию!
Ну и гады в совете Директоров!

* * *

Неотвратимость Рока

Сон 1 октября —

День рождения Ганди, сегодня рано утром мне сни-
лось что целую Питера в грудь между сосками, белую и
мягкую, как у женщины. Позже он пришел на мое ложе,
уже на самом деле, и от его зада было точно такое же ощу-
щение.

1? окт[ября] 1962

Добрался на трамвае до мечети в конце Читпур-роуд —
купил мусульманский афродизиак, посидел на деревян-
ных досках на веранде лавки, заговорил с моложавым
усатым толстяком, ее владельцем. он взялся мне растол-

ковывать «...для удовольствия. Если эрекция не очень долго... временное удовольствие...» Потом по Махатма-Ганди-роуд, прямо по черным лужам, забрызгав грязью икры, прошел сквозь толпы через боковую улицу на Бур-рабазар и там выпил стакан шербета (но без бханга*) (его накладывали из небольшой зеленоватой сочной горки на мраморной колоде, вместе со льдом, сиропом и простоквашей) — дальше побрел на север, к окраинам, через парк, где старые дамы в белых простынях одежд возлежали, устроившись калачиком, под полотняными навесами — Наконец левее, в сторону Ганга*, по извилистому переулку, там толстобрюхий брахман с насеста своей лавки указал мне дорогу — она ведет на гхат Нимталла, где сжигают мертвых, там в саду прямо на земле группами сидели люди, вокруг небольшой кучки цветов, принесенных в дар божеству, рядом курились благовония и горели небольшие свечи, а в ладонях у людей были измельченная ганджа и табак, они по кругу передавали трубку-чилиам* — вдруг возник вымазанный пеплом садху с длинными волосами, в набедренной повязке, и над нею было подвязано что-то вроде небольшого фартучка — у него тонкие руки и ноги и сдавленный, «лягушачий» голос — он было подсел к людям — но потом стал переходить от группы к группе — то тут, то там грохот, это на тропинке слепой нищий, он без конца бил в свой барабан и пел — садху поднялся с места и стал танцевать, идя по кругу, извиваясь, с откровенными, сексуальными жестами, как на представлении в бурлеске — он брал и деньги и прасад*, причем тут же его проглатывал с истинно вольчим аппетитом, но все же преувеличенно жадно — я обошел все места, где горели костры — уголья раскаленные, все уже прогорело, только в одном месте торчала не до кон-

ца сгоревшая, длинная нога, покрытая чешуйками, как при проказе — потом я увидел молодого садху, он сидел в нише, скрестив ноги, и вроде следил за сожжением, я подошел к нему ближе и уставился на него, однако он не взглянул на меня, глаза его по-прежнему были полуприкрыты — на пропахшей дымом земле вдоль Ганга и повывше на берегу собрались группы по десять-пятнадцать человек, сидевших на корточках, и там передавали по кругу трубку с ганджей — курили они с молитвенными выкриками «Бом-Бом», перед тем поднимая лицо к небу и молитвенно охватив трубку руками, глаза вверх, но закрыты*. Я зашел в мандир (храм), в нем было не пробиться из-за торговцев цветами и множества садху — один красивый молодой полуголый паренек сидел рядом со старым львиногоривым седовласым мудрецом-святым в оранжевых одеждах, который прикорнул, поскольку слишком накурился — там был один садху в набедренной повязке и с всклокоченными волосами, я разглядывал его в упор, но потом, к сожалению, пришлось уйти — я вернулся на гхат с пылающими кострами и видел, как те, кто помогает костровщикам, намазывали жиром обнаженное тело маленького мальчика и читали над ним молитвы — они проводили ладонями, покрытыми белым гопленим маслом гхи, по животу и маленькому члену, по черным волосикам на голове — потом подняли легкое тело на небольшую пирамиду из толстых поленьев и устроили его там, покрыв муслиновой тканью — уложили маленькие руки по бокам и выпрямили ноги, подложив под колени деревянные чурбачки — все это для сожжения — а потом стали готовить к сожжению труп старика, но всему видно, состоятельного человека, его укрыли ценным одеялом из щепок — только голову оставили неза-

крытой, чтобы была свободна — когда пламя запылало подним, жир выступил на мертвом лице, словно пот. Группы мужчин входили на гхат и уходили, они пели что-то — молитву — восклицали одинаково тонкими голосами — выкрикивали «Хари Бол!» (Это означает: «Скажи имя Хари» или «Выкликни: Хари».) Один человек в оранжевых одеждах уже предлагал мне разок приложиться к трубке, сделать одну затяжку — едкий дым пах горелой плотью и сырой древесиной, ведь я ходил вокруг костров — перед выгоревшей ямой сидела фигура в белом, ноги скрещены, тонкий, красивый нос — я вернулся к нише, но там уже устроился тантрик постарше, в оранжевом, он готовился к молитве — я подошел прямо к двери и взглянул на него — его глаза, одни белые яблоки, на миг блеснули в мою сторону, когда я заглянул внутрь — у него была большая седая борода — он пощелкал пальцами у себя над головой, отгоняя злых духов — выверенное привычно-торопливое движение — потом он уселся, скрестив ноги и приподняв пятки — увидев меня, решительно показал мне: уходи — я сделал жест наместе* и ушел — снова обошел гхат и увидел, как горит старик, почувствовал запах плоти, посмотрел на танец садху и опять побрел по Чит-пур-роуд, была уже почти полночь, я нанял рикшу подъехать опять в пенджабский ресторан поглотить кости и съесть гороховое кушанье, а потом дошел пешком до дома, в отель «Амджадия».

Сон, 3 октября 1962 года

Восемь утра, на улице, за окном, позвякивание колокольчиков —

Крошечная фигурка, словно в листик завернут ребенок — Я положил ее на маленькую подушку, покрытую красной материей, она размером с горошину — меньше даже, размером с зернышко риса — я выловил ее, спас, но вот не знаю, что с ней теперь делать — Дал подержать мальчику-зороастрийцу из Калькутты, поразительно похожему на Джерри Ньюмена — у обоих семитские глаза — он меня не понял, спросил «Что?!» — я крикнул ему, что он все испортил — тут же отобрал у него, но теперь это были две корчащиеся половинки, словно миниатюрный кокон из теста. Я крикнул «Что же ты скатал ее, как соплю!» и отшвырнул все прочь — Мне нетерпима самая мысль о том, что исковерканная жизнь в моих руках так мала и безнадежна.

Дурга пуджа, 8–10 октября 1962 года

С Ашоком Факиром, тридцатисемилетним, с совершенно черной кожей, в шафрановом одеянии, с длинными черными волосами, он выглядит точь-в-точь как моя мать, которая вдруг однажды пришла в мою комнату с таким видом, будто была посторонней женщиной — мы с ним ходили курить ганджу в его любимое место, прозванное «Ганджа парк», квадратный ковер травы и несколько деревьев у главной магистрали, от улицы Чоуринги до Рэшбихари-авеню — уличные фонари светили вдали сквозь деревья, на мокрую скамью. Молодой парень, кажется сторож, вышел из своей хибарки и принес Ашоку воды. Парень этот когда-то увидел, как ноги Кали пересекли дорожку прямо перед ним, перед его полукрытыми глазами, когда он тяжело рухнул на скамью —

Съездили в Калигхат — вытянулись на мраморном полу, в стоящем посреди парка храме-галерее, курили сигареты, и он все рассказывал, пока я лежал навзничь. Потом прошли внутрь храма, в Кали-Мандир, внутреннее святилище, и встали на колени и почтительно приветствовали черный трехглазый камень — Потом добрались до гхатов на реке, и я видел там, как и голова и верхняя часть тела какого-то юриста стали поворачиваться в яды как пламени — и две минуты он в упор глядел прямо в глаза за садху.

* * *

После полудня что-то снилось — утром было холодно и насекомые искушали мне всю грудь и руки —

* * *

Как жаль, что не дано нам знать, когда именно окончится Мировоздание: в этот момент последняя звезда превратится в последнюю мысль.

* * *

Я молод был, ты вдруг явился,
из ласкового кремня голос.
Преобразилось Солнце.
Ни образы все это описать не могут.
Ни стихи мои. Но был
Контакт. Блейк, дорогой, приди опять.
Я на калькуттском ложе, проглядел глаза
На зелень ставен на стене, на грубость
Их досок, что могли бы стать окном

в тесной хибаре, в них есть ржавый гвоздь
бридом и железное кольцо,
'Чтоб небо отпереть. Молчит белая
стена, во сне бормочет кто-то с тротуара,
торжествующего гхата чахнувшая роза пылает
на спичке, за много миль отсюда, мой кашель
от гриппа, слишком многих сигарет,
хоть Рамакришна заклеил
защитными чрева трепет — Блейк, дорогой,
Ах'

13 октября 1962 года —

Попробовал бханг на Буррабазаре, у палатки с яркой
вывеской, пошел в сторону моста Хаура-бридж по Махатма-
Ганди роуд, потом спустился под мост, там гуденье и гул
жизни на Земле, наложил целую кучу в бетонной убор-
очной канализации, как боролись двое, еще с ночи покрытые
дождем, потом видел садху в конической розовой шапке,
в кенди-лишгам, и посидел в кустах под мостом на не-
многом мысе — наконец поднялся и пошел к гхату Ним-
гхат — там догорал лишь один небольшой костер — на ме-
сто, где было болезненное оцепенение — могу поклясться,
что вблизи Рвотный Рынок — представил себе
туда приходят изможденные, оборванные нищие,
идущие в руке и несколькими пайса¹, чтобы купить не-
много человеческой рвоты, поддержать свои силы — тут
и самого начались позывы к рвоте, я как раз выхо-
дил из ворот на гхат, и этот образ представился мне сно-
ва.

¹ Мопка индийская медная монета: в одной рупии сто пайса.

ва, когда оказался у обычного Мясного Рынка — мы все
ре проходили мимо лавок, где продавалась говядина, и
на крюках висели огромные спинные части коров — тус-
душный мясник возился с бычком, подвешенным за оу-
тов, его топор все отскакивал при ударе — наконец он по-
рерубили разрезал тушу и хребет разделился надвое — мя-
со безвольно обмякло, и черви зашевелились вблизи от
него — и эту человеческую плоть отделяли от руки и от
шеи — от вони рвота поднялась мне в горло — прошел
пешком с Питером всю дорогу до дома, пораженный и
безмолвный.

Потом мне сказали, что в бханг, видимо, была добав-
лена датура*, от чего и начались все эти галлюцинации

Сон

Страница из Паунда*:

то есть фотография заката в темном
обрамлении и картон — и в ней строка стиха
«Кто сделал песнь американской и запел
по-американски»
Шери Мартинелли*

ПОСВЯЩАЕТСЯ У. К. У.*

(Ресторан отеля «Амджадия», Калькутта)

Старик,

вот эта дюжина зеленых
кусочков перчиков чили в чашке
на мраморной столешнице,
и прочие детали,
желтый рис с куркумой* и баранина

много мусульманского отеля
в Калькутте — тебе —
Я тебя обожаю,
с помехами правда
от видений в обкуренной ганджей голове
пока Ашок Факир кладет ложку в тарелку.
Я не приковано и спонтанно воспринимать
непрерывную череду конкретностей —
не слишком-то я это умею
больно разболтан,
не могу признаться, по прошествии всех этих лет —
«вниз по реке, за поворотом»...
я остался в своих красных книгах
Сегодня вечером читал, вздыхая
всё — от машин двадцатых
стальных модерна небоскребов
и восторге дня,
порванная куртка коричневой кожи
бумага в стельке
Шесть дам шуршат над писсуаром
пролетарских тридцатых
(я обратился к «богу» —)
«новым дал новый смысл,
ну, даешь! — мать умерла? —
порту твоим штыки сверкнули —
и мир дорос до космических кораблей...
и «Тебя я снова не увижу»
и саду — Но я тебя увидел снова
и в пятидесятых «вас всюду, шельмецов,
полно» — и пальцем ткнул в окно
иный Керуак на кухне с Флосси*
и про танцы у пивных Баварии, в саду,

ва, когда я оказался у обычного Мясного Рынка — мы вскоре проходили мимо лавок, где продавалась говядина*, и на крюках висели огромные спинные части коров — тщедушный мясник возился с бычком, подвешенным за осто́в, его топор все отскакивал при ударе — наконец он перерубили, разрезал тушу и хребет разделился надвое — мясо безвольно обмякло, и черви зашевелились вблизи от него — и эту человеческую плоть отделяли от руки и от шеи — от вони рвота поднялась мне в горло — прошел пешком с Питером всю дорогу до дома, пораженный и безмолвный.

Потом мне сказали, что в бханг, видимо, была добавлена датура*, от чего и начались все эти галлюцинации.

Сон

Стра́ница из Паунда*:

то есть фотография заката в темном
обрамлении и картон — и в ней строка стиха
«Кто сделал песнь американской и запел
по-американски»
Шери Мартинелли*

ПОСВЯЩАЕТСЯ У. К. У.*

(Ресторан отеля «Амджадия», Калькутта)

Старик,

вот эта дюжина зеленых
кусочков перчиков чили в чашке
на мраморной столешнице,
и прочие детали,
желтый рис с куркумой* и баранина

из моего мусульманского отеля

в Калькутте — тебе —

Я тебя обожаю,

с помехами правда

от видений в обкуренной ганджей голове

пока Ашок Факир кладет ложку в тарелку.

Концентрированно и спонтанно воспринимать

непрерывную череду конкретностей —

не слишком-то я это умею

больно разболтан,

должен признаться, по прошествии всех этих лет —

«вниз по реке, за поворотом»...

Ты весь остался в своих красных книгах

Сегодня вечером читал, вздыхая

Там всё — от машин двадцатых

стальных модерна небоскребов

в восторге дня,

порванная куртка коричневой кожи

бумага в стельке

Шесть дам шуршат над писсуаром

пролетарских тридцатых

(я обратился к «богу» —)

Сороковым дал новый смысл,

ну, даешь! — мать умерла? —

во рту твоим штыки сверкнули —

Новый мир дорос до космических кораблей...

Инсульт «Тебя я снова не увижу»

в этом саду — Но я тебя увидел снова

уже в пятидесятых «вас всюду, шельмецов,

полно» — и пальцем ткнул в окно

А пьяный Керуак на кухне с Флосси*

про танцы у пивных Баварии, в саду,

про медиков Европы 1910-х —
 И я солгал тебе, сказав «не голубой»,
 а сам ведь был — да не хотелось шока
 твоей парализованной руке
 на столе красного дерева в пиццерии в центре
 Патерсона, за Маркет-стрит.
 Прогулка вдоль могучего Пассэика — в пригоршне
 земля и лезвия бритв — «А это ведь поэма» —
 Сейчас сижу в Калькутте —
 И твой дух, старик-провинциал
 какой-то незнакомец, вступает в Чандни-Чоук
 ворча на своем бенгали —
 А я-то думал, ты меня сюда заслал
 Бедняга никогда не видел Ганга и никогда
 в него не окунался — но Пассаик видел
 а для Ма Кали это все одно

... На этот раз в моей комнате, клетушка стены крыша
 плоская у мечети
 слышу, бородач-ученый бакалейщик стенает
 Аллаху, на улицах кричат —
 Украдкой выйду с длинными волосами поищу твой
 Патерсон*

у гхатов Нимталла на отмели Ганга
 где мясистые куклы горят,
 растопыренные пальцы ног торчат из поленниц
 лицо обуглено кости маска белый блеск зубов
 опавших с черепной коробки
 и желто-черный мозг в дыму
 сжимается, воспламененный
 когда я прохожу вдоль красных стен у реки

ПОД МОСТОМ ХАУРА*

Черная стальная крыша длиной в милю
 Гремит до противоположного берега
 ярко-синий — от «Уилс Голд-флейк»* —
 Столп света по воде
 Ганга да отсвет свечек
 в рембрандтовской тени баржи
 плывущей мимо, за моими поджатыми ногами —
 около маслянистых
 мышц индийских борцов сегодня ночью
 с ритуалами на джутовом мате
 прямо под мостом Хаура —
 Шум приливной волны — вал серой воды
 проносится мимо горящего гхата
 Легкая боль в животе —
 Сижу на корточках, коленки затекли,
 в общественной кабинке близ трамвая
 треск столкновения машин на въезде к мосту —
 во мраке, сзади, под моей спиной
 коричневого пудинга лужа
 Какой-то неприкасаемый
 до меня на мокром цементе
 рассеял брызги зеленых испражнений —
 они входят сюда босиком, чтобы облегчаться —
 Самая неамериканская уборная
 какую когда-либо видел, была
 на площади Джа-М'альфна*
 в Марракеше — крутлое
 бомбоубежище
 с десятками перекрестий
 переполненное местными экскрементами

по всему полу, и еще мазки
коричневого, прилипшего к стенкам,
отпечатки левых указательных
пальцев Марракеша!
Совсем как на картине Джексона Поллока —
тоже живопись действием, но арьергардным!

Из письма к Гэри [Снайдеру]

Человеческие глаза и губы почернели и потрескивают в огне, от волос идет запах жира, начинающего капать с шеи, когда кожа делается ярко-алой и загорается —

Это под огромным мостом Хаура, мостом в стиле вечности, по нему над этим движется вся Калькутта в повозках, запряженных волами, автомобилях трамваях автобусах на велосипедах, а не то еле волоча пораженные проказой конечности —

Нескончаемый дикий гул, который нарастает и спадает как музыка, крещендо троллейбусов и грузовиков, эхо от которых мечется под грандиозной стальной крышей, которая накапливает грандиозный Шум, превращая его в один грандиозный удар океанской волны — Ом —

Здесь, на Ганге, сидят садху, через реку светит под мостом неон желто-красной рекламы «Уилс Голд-флейк» — точь-в-точь как дома, в Вестминстере, Бруклине —

на обложке фотография красивой увечной девочки-нищенки с маленьким личиком, которая спит под своим черным зонтом —

Парни тычут в трупы бамбуковыми баграми, плечи и голова адвоката от огня опалены уже и вздулись, служители подталкивают тело, чтобы оно попало на раскаленные угли в центре —

Всего в десяти метрах отсюда группа садху и верующих восседает вокруг импровизированного мандира с цветами и благовониями и прасадом на куске материи, они громко вскрикивают «Боом-Боом Махадева!», обращая лица к небу, глаза при этом закрыты, руки прижаты ко рту будто в молитве, а в ладонях у них маленькие красные глиняные трубочки, набитые ганджей — они передают их по кругу, бормоча великие мантры —

Садху танцуют на дорожке под рокот барабана слепого нищего, змеящиеся жесты тонких рук, чувственные движения бедер и шарканье ног —

Жадно глотают прасад, поднося его ко рту нарочито изысканными жестами обеих рук, и потом переходят к следующему кружку «чайников», чтобы отпробовать их «траву» и прасад.

Над их головами клубится трупный дым, горят тела — одна из худших сфер в Бардотодоле*, и демоны с длинными бамбуковыми баграми подталкивают плоть в огонь.

Лежу в постели, яркая лампочка без абажура собирает отовсюду крошечных зеленых насекомых летающих искрами в метре вокруг собственного отражения на белой стене в комнатке на крыше мусульманского отеля — Калькутта —

Усыпанные цветами трупы проносят по улицам... потом они исчезают прямо перед вами, будто горят большие куклы из мяса или подушка или Диван —

Мясные куклы — с ногами и волосами

Из письма Джеку [Керуаку]:

Губы Хрущева на лбу Кеннеди.

В ортодоксальных синагогах в пятницу вечером мантрические выкрики и раскачивание хасидского хора на

электризовывали обстановку в помещении, и религиозные органы* стекали с их бород.

Тихие коралловые города с фиолетово-зелеными рыбами в бурной синей воде.

Индия течет за окном поезда, огромные равнины и пальмовые деревья и коровы и люди, сидящие на траве и стирающие набедренные повязки в мутных реках, и буйволы и горы Гхат за жаркой мглой вдали, на горизонте.

Тут есть Ганеши для Питера, Будды для Джека, Кали и Дурги для Билла и иже с ним — огромная мультипликационная религия с диснеевскими персонажами богов, трехголовых, шестируких, убивающих своих врагов буйволодемонов.

Представь себе моего отца, бредущего по Нью-Джерси в оранжевых одеждах с важным, серьезным выражением на лице.

Ришикеш — шел по дорожке у дома, там сидели, уставившись в одну точку, трое полуголых бородатых мужчин, всю вторую половину дня провели они в трансе под этим деревом — у одного была ручная корова с жутко деформированной челюстью, его приятельница — на цинковке из оленьей кожи жестяные кружки для подаваний — смотрят на тебя недвижным взором, глаза открыты, налиты кровью, и в землю рядом с ними воткнут Трезубец Шивы.

Поднялся в горку и заговорил с красавцем Джерри Хейзерманом, белокожим, длинноволосым-как-девушка, сияющеглазым юношей, который только-только спустился с Гималаев на весенний период, он сидел на качелях, панорама Ришикеша была позади него, на нем длинные оранжевые одежды брахмачари*, он пригласил нас на Астральный ланч.

Про сидящих кровавоглазых йогов внизу на тропе [он сказал] — «А-а, они так просто, вроде рекламы тех, настоящих святых йогов в горах около Ганготри*, кого никто не видит».

Кумбх-мела в Хардваре* — я видел процессии сотен совершенно голых, измазанных пеплом садху (это нага-садху, или змеи), молодых красивых ребят с длинными спутанными волосами и других, старых, с брейгелевскими животами, коричневыми индийскими яйцами и волосатыми задницами, и некоторые голые йоги одноногие —

один малыш сидел на стене, у него были тонкие полиомиелитные паучьи ножки, сложенные крест-накрест в позе падмасана — с жестяной кружкой и улыбкой на лице — волосы собраны на голове, напоминая форму горы Кайлаш Шивы, и затянуты красной тряпкой. —

Едут на слонах и конях, и все дамы и господа, торговцы и домовладельцы усыпают им путь цветами — один голый нага под деревом, он круглый год живет в Хардваре под этим деревом — встал, живот огромный, ноги в стороны и затрубил в морскую раковину от восторга, что видит своих братьев, торжественно движущихся по главной улице к Гангу —

За ними шли группы рыдающих и поющих бездомных женщин, они шли, держась друг за друга, совершенно лысые, похожие на привидения, святые, покорные судьбе, страдающие эманации Гертруды Стайн, от них действительно на глаза навергивались слезы, все в оранжевых покровах, они пели санскритские гимны Нирване

Мы смотрели, как они всей толпой сходят по ступеням в реку для омовения, первым какой-то старый, толстый, бородатый, голый лидер этих садху, а за ним, брызгая и подсакивая в воде, сотни других, желавших смыть

с себя пепел — и потом назад по улицам к храму, где они звонили в колокол и заново намазывали себя белесым пеплом —

Элора — черт побери, там, у них в храме, великолепные танцующие Шивы, удерживающие равновесие десяти руками во время космического танца разрушения мироздания, они семиметровой высоты, и еще фантастические, обвешанные черепами, фигуры Кали, призывающей к кошмарным убийствам* в следующую югу, тысячи статуй танцуют по всему огромному храму, который построен по образу горы Кайлаш. гималайского жилища Шивы — И еще Ганеша с толстым животом и слоновьей головой и поясом из змеиных голов и хоботом в мисочке со сладостями, его везет мышь — ну куда до этого да Вишчи, не переплонуть ему слона, оседлавшего мышь? —

Два музыканта — сядут на сцене или в комнате, и тот, что со скрипкой, начнет отрешенно пикировать свои ноты раги, кстати, они играют не 15 минут, как на пластинках, а по 50, 60, 70 «квадратов» за раз, порой часами, без конца, причем переключаются друг с другом совершенно в духе настоящей джазовой импровизации, со всей спонтанной комичностью этого процесса, пока оба находятся в телепатическом трансе и ведут один другого туда-сюда над полом, усыпанным цветами не-музыки — притом они все продолжают и продолжают, так что концерт из двух или трех раг может начаться в девять вечера, и они будут играть до полуночи, а если им придется по душе слушатели в нарядных одеждах, то они так и будут играть до рассвета.

И индийское пение тоже дело особое, певец садится на пол, окруженный другими со всех сторон — все они исполняют музыку, сидя на полу, конечно же босиком и

в пижамах* — и все, даже рабочие, ходят по улицам в совершенно обычных на вид нижних трусах, полосатых, прямо как из сцены кошмара в голливудском фильме, с расстегнутыми ширинками, картинка из кошмара любого американца, боящегося оказаться на улице в таком виде — так вот, певец садится на пол и начинается тяжело вздыхать и постанывать, простирает руку вперед, чтобы поймать свой стон и покрутить его над головой, и каждый звук, попадающий ему в горло, вспархивает, словно бабочка, он отбрасывает его левой рукой, а потом правой ловит другую гипнотическую ноту-жест и тоже крутит ее, его голос при этом причудливо повышается, он издает хлопающие звуки, не то хихикает, не то полощет горло, а потом резко, не хуже, чем Джерри Колонна*, скатывается в нижний регистр и своим указательным пальцем начинает размешивать все это, словно имеет дело с желе, которое он швыряет пронзительным фальцетиком в занавес, причем это повторяется не один раз, пока он весь не начнет трястись, как в эпилептическом припадке, а пальцы его не станут носиться всюду вокруг него, стараясь переловить бесчисленное количество подзвучий, вылетающих у него из ушей, словно бабочки, нет, это я уже говорил, ну, тогда словно мухи, м-да, ну комары, все эти тончайшие «и-и-и» и «з-з-зуп» и «уи-ип», сопровождаемые закатыванием глаз! Совершенно так же, как все эти песенки с воплями типа «ииии-го-го!!» на гвоей (то есть Джека Керуака) записи*, только еще куда более странные, изящные, длящиеся часами и возвращающиеся назад к изначальному стону вечности, — о-о-мм, — как задушевный блюз.

И еще после их великих танцев Барро* кажется совершенным любителем, понадобилась ведь не одна ты-

сяча лет, чтобы отработать это искусство подмигнуть с абсолютным совершенством, подготовить Тандаву* и Космические танцы Созидания и Разрушения Натараджи* и танцы Кали, и эти руки, трепещущие перед мужскими-женскими ладьями богов, и странная разновидность супер-четки юсиком, когда я своими глазами видел, как человек *пере. етел* через всю сцену, при том что тело его было строго вертикально, а ноги, на манер детских пружинных ходул «пого» били в пол десятки раз в секунду, импровизируя под безумную барабанную дробь таблы — Фред Астер* от такого обалдел бы, несмотря на все свои седины — да и ты тоже, старый зануда —

«Дукха» означает не «страдание», а «неудовлетворенность» — Так я слышал, как какой-то биржевой маклер в своей пижаме трижды повторил нетерпеливым, грустным и сердитым голосом «Дукха Дукха Дукха», совсем как мы говорим «ну что ж ты будешь делать», когда приходит счет за электричество, или «деньги, деньги, деньги, ну отчего в жизни вечно нужны деньги».

Дома, переполненные гермафродитами, и чуть дальше по улице целая шеренга коек прямо на тротуаре, где трансвеститы средних лет сидят и красятся, у самих пролысина на темени, но они сидят и расчесывают свои длинные, до пояса, черные волосы, а на углу в своей будке торчит полицейский, охраняя всех от неприятностей. — Обычная сценка в Бомбее

20 октября 1962 года, суббота —

С Питером и Хоуп Сэвидж* под мостом Хаура — некоторое время были в хибарке у садху, курили и пели — по-

том бродили под мостом и слушали циклопический рев металла — «Это великая машина» — сказал садху — он говорил о Мироздании — потом пошли на Нимталла-гхат, на место кремации — Много трупов в полуденном пламени, у одного голова вся прогорела уже до черепа и виделся оскал зубов, глаза выскочили из орбит и были белыми — какая там Голгофа, когда есть место в изголовье поленицы — потом еще одно лицо, все развороченное, с капающим жиром — проходил мимо него позже, когда череп открылся, маска со скул, совершенно черная, сползла ниже, где должна была бы быть шея, среди утлей и горячей щепы — а тут вдруг обнажился мозг — он еще не обгорел, был похож на селевой поток, вид с самолета, поток Мыслящей грязи — внутри мозг был как пудинг из цветной капусты, от дыма уже желто-коричневый, он медленно чернел и начинал дымиться и вот вскоре я увидел, как горящий мозг, заключенный в затылочной части, раскрылся подобно пудренице. Маска лица съехала как крышка на крутой коробке, и вот уже русло реки мозга, сухого и коричневого под ней, выглядело как с самолета. Картина Величественная.

Или вот. А на гхате чем нас порадуют?.. Ходил туда опять сегодня (суббота) с Сандипом и Шакти — сидел и курил трубку с темнокожим, пожилым, не терпящим возражений садху — позже предложил ему Сигарету, но он отдал ее обратно: «Я уже закурил биди, ты немного опоздал» — я ответил: «Ладно, сберегу до следующей калпы» — он подумал-подумал и ответил: «Что бы тебе ни досталось после моего благословения, — бумаги, которые называются деньгами, — Шанкар (Шива), Мокша*, бери себе половину, а половину шли мне». Я тут же поднял щепотку пыли с прогоревшей земли и положил поло-

вину себе на язык, а другую предложил ему. Но он лишь повторил свою просьбу.

У выхода семья сидела вокруг труп женщины на чарпое, засыпанном цветами, лысый сын гладил строгое лицо матери, глаза и губы ее были сомкнуты в безмолвии, она лежала застывшая, непреклонная, когда он, наклонясь над ней и рыдая, провел ладонью над ее лбом — потом вытер глаза и неожиданно поднес к ним запястье: взглянуть, который час. Все это на фоне мрачной стены гхата из красного камня и бетона, рядом с зольником длиной около двух метров — опоры для небольшого рембрандтовского сна — колонны на противоположной стороне стены. Совершенно как на площадке для игры в мяч в Чичен-Ице^{*}, только в миниатюре.

На такси поехал на ту сторону моста Хаура и поел в мусульманском сельском ресторане, где подавали алкоголь — видел ребенка, спавшего на мокрой полосе тротуара — рядом с разбросанными побитыми глиняными горшками и кучами листьев — еще видел худенькую женщину, несшую медный таз, наполненный белыми и желтыми цветами, комбинацию лиры гопи и миски для подаваний, всю в гирляндах цветов — у нее на груди висел портрет ее гуру — косоглазая, она прошла мимо торговца цветами. «Никогда не раскрою свой взор для людей» — Она пела жалобным, тоненьким голосом, как обычно исполняют индийские песни, печально обратив голову к уличному фонарю — она бродяга, из баулов^{*}, так и ушла, гнусаво напевая, в сторону фонарей на углу улицы, прочь от моста. «Гопал¹ мой герой... Кришну одного могу лишь видеть».

¹ Бог, господь.

20 октября 1969 года, отель «Амджадия», Питер спит, я закурился ганджи, полчаса до полуночи, нищий поет об Аллахе.

Сегодня 20 октября — обошел Мемориал Виктории* — огромное нагромождение облака высотой со все калкуттские здания, собранные в один плавающий замок — отражается в темной воде пруда — это Резервуар в парке, и кругом просторные, обширные лужайки до очертаний зданий вдали — в китайском ресторане оранжевое солнце на стене позади столика Питера спускалось к закату, а он сидел молчаливо в своем закутке — «Царь царей» на огромном экране — неожиданно понял в темном кинотеатре, что его проповедь была Нагорным гипнозом — «люби врагов своих» — «люби государство» — «не бунтуй против брелного мира» — все это неубедительно произносит голливудский брахмачари-блондин с нежным подбородком и светло-голубыми глазами — который деревянно смотрит в камеру, и голос у него деревянный, как и все его органы и простертые руки, направленные в сторону людской толпы в красных колпаках на склоне горы*. Пришли домой — разговаривали об Ашоке и раджа-йоге — лег спать. Последний поезд номер 34 до Бихалы отошел в 11.15 вечера, скрежеща и извиваясь, словно гигантская гусеница.

«Аллен очнулся от сна и сказал мне:

Океан где-то плывет — на мне были такие крошечные синие штанишки — очень далеко ушел по мелководью — мы (я с Питером) подошли к огромному зданию прямо в море, там был длинный коридор и занавески на окнах — коридор длиной в три квартала — мы поняли, что там никого нет — мы держались за руки, под руку шли, руки вокруг головы и ноги сплетены — 000 кто-то вошел — потом ушел — мы еще сильнее обняли друг друга и решили потрахаться — я, Питер, держу Аллена и снимаю с него брю-

ки — Аллен просыпается и говорит мне «все из-за этого — алё-алё — я только что проснулся» и пришел ко мне, лег сверху и обнял, чтобы поиграть со мной». — Записка Питера Орловски.

* * *

Дамема (бескорыстие) — это имя партнера Хеваджры в центре маңдалы.

* * *

Бём Бём Махадева! (Бом Бом Махадеу!) (Обращение к Шиве перед тем, как начинать курить ганджу.) Дева Де-нов, бог богов, бог Шива, Звук Тандавы.

Похожие строчки записал, как смог, на гхате:

Лата патра татва джитил вале

Ба бам бам ба бам бам маха сабда гале

Что читал:

В Греции, 1961 год

«Илиаду» и «Одиссею»; синий «Путеводитель» по Греции; Кавафиса, Сикилианоса, антологии греческой поэзии; путеводители по археологическим раскопкам; книги по Кноссу, Микенам, Афинам и т.д.; Генри Миллер — «Колосс Марусский».

В Израиле: «Археология Израиля» издательства «Пенгуин»; Зив и др., «Путеводитель по Израилю»; Гершон Шолем — «Основные течения в еврейской мистике»; рукописи современной поэзии в переводах; Брестид — «История древнего мира»; книгу о крестовых походах. «Ис-

торию арабов» Филипа Хитти, о крестовых походах; «Кембриджскую историю средних веков», о крестовых походах.

На корабле: «Острова пряностей» (Занзибар); также занзибарский школьный учебник истории; «Мистицизм священный и светский» Р. Зенера; К. М. Сен, «Индуизм» — в серии «Пенгуина»; Мораес и Стивенсон, «Знакомство с Индией»; «Поезд в Пакистан» Хушванта Сингха; «Конец детства» Артура Кларка; афоризмы африканцев, говорящих на суахили; «Застольные разговоры Гитлера» («Берман»).

*На пароходе «Амра»**, в феврале: «Святые на марше» Хэллама Теннисона (о Винобе Бхаве*); «Послы» Генри Джеймса (наконец прочитал от корки до корки); «История индийского искусства: индуизм, джайнизм, буддизм» издательства Пеликан. «Краткая история Индии и Пакистана»; «История Индии» Чаттерджи; истории джатака*.

1 января 1962 года: «Рассказы из Бенгалии» под редакцией д-ра С. Датта; «Сокровищница азиатской литературы» под редакцией Йохэнана (раздел об Индии); «Поездка в Индию» Э. М. Форстера; «Ким» Редьярда Киплинга; «Глас бога» (рассказы) Хушванта Сингха; «В ожидании Махатмы» Р. К. Нарайяна; «Автобиография» М. К. Ганди.

Май 1962 года: Б. Бромидж «Тибетская йога»; Теос Бернارد «Страна тысячи будд»; «Персидские миниатюры», издательство «Фейбер энд Фейбер»; «Религии Тибета» Гельмута Гофмана.

Дэвид Снелгроув «Буддийские Гималаи»; лама Говинда «Основы тибетского мистицизма»; Эванс-Венц «Тибетская книга Великого Освобождения» Падмасамбха-

вы»; мемуары адмирала Дёница; Коген «Теория и практика ада» (о концентрационных лагерях).

Июнь: Анна Луиза Стронг «Тибетские интервью»; «Выше знамя учения Мао-Цзедун об искусстве и литературе»; «Борьба Тибета за свободу» (Белая книга), Индия, 1960; У. Х. Оден «Преклонение перед Клио»; Мао-Цзедун, 19 поэм; «Похищение Тибета — Никкил-Мантра» (памфлет, Калькутта, 1960); д-р Сатьянариян «На гималайском фронте», Калькутта, 1960.

Июль — сентябрь: «Нагарджуна»*, главы 1 — 4; Гертруда Стайн, «Избранные произведения» (то читал, то бросал); Сашибушан Дас Гупта, «Малоизвестные религиозные культы»; Рамакришна, «Провозвестия (разговоры)»; Шри Тхакур, «Рассуждения»; Ансельм Холло, «Красные чуваки»; Фрэнк О'Хара, «Вторая авеню»; Филип Уэйлен, «Как я сказал»; Самарен Рой, «Индийская мысль», памфлет; Ай. А. Ричардс, «Экраны»*.

В Бомбее: Стихи Шанкара; две книги о Рамане Махарши; то брался, то бросал читать «Истории о санскритской литературе»; Мудгала-пурана; П. Томас, «Легенды и мифы Индии»; Шивананда — «Раджа-йога».

THE PRIVILEGED CLASS Bulk Of Wealth Owned By 1% In India 1967

From Our Special Representative

NEW DELHI, Oct. 23.—Although Prof. P. C. Mahalanobis, who presides over the committee on the distribution of national income, is still engaged in writing the committee's eagerly-awaited report, an authoritative indication is now available of the committee's crucial conclusions.

By far the most important, if depressing, conclusion of the committee is that under the existing state of affairs there is little scope for a diminution of concentration of wealth and economic power in the hands of a few persons.

For this gloomy forecast the committee gives two basic reasons. First the rigorous import restrictions which make the Indian market the most protected in the world, and in which almost anything can be sold at almost any price.

Secondly, the committee feels that the constitutional provision for compulsory payment of adequate compensation for private property acquired by the State would make it extremely difficult to reduce the concentration of wealth.

To press home this point, the committee has analysed in detail the ownership of stock and shares, which form one of the important sectors of private wealth and confer on their owners great economic power.

After painstaking research, based on income-tax returns, the committee has come to the conclusion that 1% of the country's households own as much as 75% of privately-held stocks.

HIGHLY CONCENTRATED

This is not unexpected. But the really staggering revelation of the committee is that even within this small minority the further distribution of ownership is highly concentrated.

More than half the privately-owned share capital in India, the committee underlines, is owned by only 14,000 houses.

In other words, it is only 1% of India's privileged class—which in turn is 1% of the total population—that really owns and controls the bulk of the nation's wealth.

Even that is not the end of the matter. The committee conclusively shows that the "management control" of industries is incredibly more concentrated than "ownership control". With comparatively small share-holding, individuals or business houses are able to take complete charge of the policies and operations of the companies.

PARADOXICAL FACT

In this connexion, the committee has drawn attention to a paradoxical fact. The greater the dispersal of a company's shares, the smaller is the size of the concentrated shareholding required to obtain and maintain control of the business.

In the committee's opinion, the liberal loans by banks and other financial institutions have fostered the trend towards concentration.

Вырезка из калькуттской газеты «Стейтсмен», вклеенная в дневник.

Среда, 24 октября 1962 года — Вечером

«Бунт машин» — системы вооружения навязывают манеру поведения; радио, телевидение, телетайп навязывают стиль речи и высказываний, экономика задает привычки повседневной жизни и т. д. — Сделал сегодня нарезку заявления Кеннеди и сообщения ТАСС в связи с Блокадой и Кубинским Кризисом*, и безликая болтовня этого дипломатического жаргона в газетах звучала так, словно говорил металло-механическо-усредняющий компьютер про некие быстро реализуемые идеи, что возникли из Ниоткуда, как будто невидимая телепатическая станция космического корабля парит над Землей, управляемая научно-фантастическим алюминиево-алмазным экипажем, этокое дистанционное управление в духе берроузовского «Треста гигантских насекомых из другой галактики»*.

Сон под утро

На спектакле — в креслах в зале, с друзьями, разговариваю с Берроузом. Пьесу сделали по «Юлomu завтраку» — вон он в кресле, длинноволосый — я в самом деле как-то раз ходил в ночной клуб битников, раньше, когда в нем яблоку негде было упасть — кто-то ведь написал в газете, что тамошнее представление никуда не годится. А когда еще раз пришел туда же, тот же комик, хозяин клуба, играл при совершенно пустом зале — жаловался, что совсем не ходят — его искусство неинтересно, в нем нет искренности —

Значит, Берроуз как будто вернулся (во сне) из Америки — у него длинные волосы, бледно-рыжие, как у Брайэна Гайсина* или у мошенника из техасской тюрьмы в Париже* — Я гляжу на него: выражение на его лице то и де-

ло меняется, он выглядит большим и успешным балованным молодым битником, волосы до плеч — говорит, что видел инсценировку своей книги в Нью-Йорке, когда там был — я спросил, ну и как — «Да как тебе сказать, сам знаешь — не худо, там были действительно некоторые очень хорошие куски, которые доносили самую суть — актеры и т. д.» — и тут я вдруг понял, что это вовсе не Берроуз, и тут же сказал про это Джеку, который сидел рядом, а он мне: «Брось, это он, просто у него прическа другая» — тогда я выпулился на Берроуза, он сидел дальше в моем ряду, и он отвел было глаза, но потом тоже уставился на меня, наконец я спросил его, кто он такой, «Ну, Берроуз, допустим» — «Ничего подобного!», настаивала я — тут его лицо прояснилось, и он все меньше и меньше стал походить на Берроуза, а все больше на возмужавшего Джерри Хейзермана. Он точно не Берроуз.

Выбрал из «Мехико-сити блюз» Керуака, для издательства «Пенгуин», на собственный вкус:

Квадраты* № 13, 17, 24, 50, 51, 52, 54, 63, 64, 96, 97, 110, 113, 121, 137, 146, 149, 155, 173, 179, 182, 199, 202, 208, 209, 211, 217, 219, 225, 228, 230, 232, 239, 240, 241-42.

3 ноября 1962 года

Шел по Сентрал-авеню — вдруг столкнулись трамваи на рельсах, и в полутьме раннего вечера надрывались автомобильные клаксоны, автобусы ревели взрывающимися двигателями, звенели колокольчики рикш, взвизгивали тормоза автомобилей, пока троллейбус с желтыми глазами тащился сквозь смог к повороту на Читпур.

Провел несколько часов с Сунилом Гангули*, Шанкар Чаттерджи был пьян, на Моти Нэнди синяя рубашка, Сэндепан через столик в кофейне, кофе холодный, Шакти Чаттерджи пришел позже — Шанкар все орал, и его рвало в уборной — а потом прошелся по мусульманской части около Мечети. Видел, что Ашок Факир успел на автобус, шедший до Бауанипура

* * *

КХИР*

Унция желтого коллоидного молока
сладостна у меня во рту
Крутятся вентиляторы, зеленый неоновый свет,
Человек в тюрбане и с французской бородкой
прямо под выключателем, сигналист машина
а вот и Улица покатила
под лязганье трамваев:
До чего ж бела малышка-нищенка
протянувшая руку в окно автомобиля —
Седые бороды и носильщики с корзинами
лишь Силуэты —
Пронесся с ревом автобус, в нем люди
в брюках висят из дверей
Здорово дерет горло.
кашель душит глотку
жующие табак сплевывают
в умывальник для рук.
Бентик-стрит в Калькутте.
Зима 1962 года

7 ноября —

Прошлую ночь, во вторник (пуджа*), провел на горящем гхате Нимталла — несколько черных черепов на поленнице — Подливал белый жир (гхи) в пламя, оно тут же пылает ярче и стреляет искрами, тело быстрее сгорает — внесли завернутого в белое старика, на деревянной тахте — у него худые, впалые щеки, костистый лоб — и еще на поленнице лежала маленькая девочка, а ее мать в белых одеждах упала без чувств, выпевая псалмы, прямо на землю, рядом.

За стеной на площадке, где собираются садху, чтобы покурить ганджу, огромный полуночный круг людей, многие сидят с трубками, скрестив ноги, звон каратал, барабан, и двое мужчин, одетых в женские сари и с покрывалами, кружат и кружат, словно дервиши, а несколько мальчишек в голубых рубашках кружатся рядом с ними, но в обратную сторону — время от времени ритмично содрогаются их бедра и они, беспрестанно качая тазом, подкрабьи ползают туда-сюда по земле между разными группами сидящих в круг верующих, под разными деревьями — все то объединяются, то снова разбиваются на отдельные группы — Посидел с одним садху в оранжевых одеждах и подымил его трубкой.

13—14 ноября —

Провел ночь на горящем гхате — за 25 найя-пайса* купил два треугольных бумажных пакетика ганджи — купил в табачной лавке на центральной улице — Долговолосый, неряшливый садху в оранжевых одеждах, у него тонкий

нос и удлиненное, уныло-меланхолическое лицо, но он оживленно болтал на ломаном английском — он из Гаухати, там его ашрам — мы туда поедим? — в Бенарес? — пранаяма — на главной улице Ганг-стрит, целый оркестр звенящих каратал в кирпичном сарае — «бихарцы мы»* — звон цепей и каратал и пение всю ночь напролет — в первой пепельной яме горит тело — наваленная щепа и сама голова, что медленно закипает вокруг рта и носа — щеки почернели от языков пламени, охватывающих лицо со всех сторон — вот они лопнули, и зашипело вывернувшееся наружу подкожие — Сидел на скамье и глядел минут пять, уставившись на голову — ноги, помазанные красным, высывались с другой стороны деревянной конструкции, на которой лежало тело —

В Мандире красавец йог с голым торсом, у него крупное, энергичное лицо, рыжие взлохмаченные курчавые волосы — сидит весь в красном, чернолицый, борода, маленькие глазки — мы дружелюбно уставились друг на друга, он смотрел открыто, прямо — моя натруженная спина уперлась в (бетонный) мраморный дверной косяк — загнувшись его трубкой, я закашлялся и потому стал сворачивать себе покурить — тут появился мой первый приятель-садху, который все мял у себя в ладони большим пальцем коричневый кисет с листьями, капли воды и табак подмешивают к почти влажной пасте — я скатал себе сигарету — после долгого сидения и поедания прасадда наконец ушел — я помахал рукой красивому садху, который натер маслом грудь, его выпуклые мышцы заблестели, он счастливо улыбался — потом стал натирать живот худого садху — и весь засветился от счастья, когда в ответ рука второго прошла по его груди, от соска до соска, уже намазанных подогретым маслом — для церемо-

нии сожгли сковороду гхи и один гороховый прасад — потом я улегся спать в углу на куске тонкой белой материи — «Ты красивый» сказал я ему через первого, тонконосого садху — он выдал большую горсть прасада — улыбнулся мне, совсем как дитя — «Здоровый он, целый день курит, люди придут, сядут, дадут покурить, курит целый день и всю ночь напролет — он спит всего час — голову клади и все, что в ней» — я лежал и подремывал рядом с ним, в состоянии сна Даршаном* — потом пошел за чаем, отдал бхуг (пицца-прасад) — купил чаю и пирожков на листе, и картофельного карри, для другого садху, совершенно чокнутого, который во время киртана*, как я видел, танцевал какой-то совершенно джазовый бурлеск — и он тоже улыбнулся мне — мальчик, сидевший с ним рядом, в этот момент стибрил его сигареты со стола — «Я уже поел», сказал я и дал ему другие — все испачкано пеплом, под грязной тантрической красной набедренной повязкой садху и белым изношенным покрывалом, перекинутым через плечо, скрывается туловище кита-горбача, особенно у основания спины — после чая я опять пошел на гхат — посидел у костра около старика-Бабу с ворохом волос на голове, с гору Кайлаш, он спал на боку, весь седой от пепла —

Когда я пошел восвояси, один старей, пепельно-серый человек поплелся за мной, прося дать ему одну анну* — я раздраженно сказал: нет — коснулся его ног рукой* — он продолжал просить — я опять прикоснулся к его ногам, но он потянулся к моим, и я ускользнул от него — вернулся после 2.30, по завершении последнего пассажа в заунывном причитании бихарцев — он сидел на корточках, в одиночку, на ступеньке спящего мандиры, и прекрасным вибрирующим голосом, исполнен-

ным одиночества, нараспев повторял мантру «Рам Хари Бол»* — нескончаемо долго, и, проходя мимо него, я положил 25 новых пайса к его ногам, он потянулся ко мне и коснулся моей ноги — я прилег на какое-то время у стены в углу, рядом с красавцем садху, около его жаровни с углями — в ней еще рдела новая порция, взятая из пепельной ямы — Но вскоре явились Жрецы, и облили все водой, и открыли вход, и включили освещение, поэтому я ушел и снова отправился бродить междымных ям — Теперь люди уже все разбрелись, безмолвные, испачканные пеплом, дружелюбные и беспокойные, они сбились в кучу вокруг нескольких костров в ямах, им хотелось тепла — один полутолый садху потянулся, и набедренная повязка соскользнула с его ягодиц, они были точь-в-точь как у одного из трупов, лежавшего около горевшего всю ночь костра старика, чью голову я видел уже раньше, она увенчивала поленницу, а теперь, конечно, все стало пеплом в Ганге: его коричневая мутная поверхность, похожая на «чернильный гриб», простиралась от самых ступеней — несколько подростков у другого костра, рядом со старым, кротким, круглолицым, лысым, шафрановым дедом. И мой поющий нищий теперь уже сидел у красной ямы, внятно произнося нараспев имена богов — я подумал, что вот, наверное, Верховное Знамение, ведь я к нему так откровенно отнесся, а он оказался на поверку таким искренне верующим, он ведь всю ночь напролет провел в молениях, вот прямо как сейчас, у меня на глазах — я сидел на скамье неподалеку от его костра, а садху обращался ко мне громким своим голосом, и я не мог уследить за его речью, он вроде как жаловался мне же на то, какой я оказался жадный, и размахивал руками, сидя у

своего небольшого костерка, в котором жарко пылал хворост — я отошел подальше, просто на случай, если он разгорячится еще больше или вообще уже разойдется — потом, после еще одной выкуренной трубки, я заснул в мандире, рядом с красавцем садху — незнакомец в оранжевом одеянии присел около нас и подал трубку для меня и для садху и для еще одного присутствующего. Я попыхивал и попыхивал, пока моя глотка не пересохла, и я пришел в паническое состояние — я стал ходить туда-сюда, меня била дрожь, шею свело, потом я пописал, но дрожь не унималась, никак не проходило ощущение, что не то меня сейчас вырвет, не то Рамакришна появится из реки — или же сам Кришна, из всех животных взглядов вокруг, из глаз каждого нищего — наконец все-таки улегся поспать на мраморной лавке во внутреннем покое, где на полу уже лежали рядком певцы баула и садху, обмотав бедра тряпками и укрывшись простынями — свои резиновые сандалии я оставил под лавкой — и когда я проснулся — а отплыл я в сон раньше, чем прошлыми ночами, из-за ганджи, и внутренним взором увидел что-то вроде Кришны из парадного застекленного шкафчика для сувениров, всего увешанного лентами и усыпанного драгоценностями — через все вселенные ноги черепов и костров и войн и камельков — миллионы и миллионы парадных шкафчиков — да, так вот, оказалось, что шлепанцы-«вьетнамки» исчезли со своего места на полу. Я вышел наружу, осмотрелся, заглянул повсюду, где был накануне ночью — там работающие в зольной яме уже натирали свою утреннюю кожу — я проснулся, наконец, подумал, что все это как мультипликационный сон, дрожь прошла, а тут как раз вопли храмового колокола-гонга завершили громким куль-

минационным «бумммм», словно в конце очередного фильма про веселящий газ* — но сандалии ушли «своим ходом», как Сова Дональд из мультика — и я отправился босиком за чаем, лепешками-пури и картошкой. На грамвае номер 19 до самого конца, до Дхарматалла, вернулся домой в 8 утра.

КАЛЬКУТТСКИЕ ГРАФФИТИ

Ноябрь 1966

Ебать Кали

Ебать всех индуистских богинь

Потому что все они проститутки

[Мне нравится ебаться]

Все индуистские богини —

Проститутки

Ебать мать Кали

Дева Мария не проститутка потому что

она девственница

Христиане не поклоняются

Проституткам

как индуисты

Еб... Мать Кали

Ебать

Ебать всех индуистских богинь

Кали

Потому что все они бляди

Дургу

Лакшми

Обожаю ебать всех богинь индуистов

Ноябрь—декабрь 1962 года — поезд в Северную Бенгалию

До полгоризонта убегали зеленые поля рисовых плантаций, с островком-оазисом светло-бурой земли и зарослями кустов — пальмы стояли как зубочистки с листьями, как сфинксы — в миле отсюда высилась красная башня, и в чистом воздухе, под грандиозной шалкой дымящихся облаков с прогалами синего, ясного неба, из нее неспешно выплывали облачка пара, как вдруг — вагон со скрежетом остановился, недалеко не то алюминевый, не то железный забор, который преодолевали черная свинья и четыре подсвинка, они пролезли через сточную канаву вдоль дорожки, идущей к покрывной пальмовыми листьями крыше — мимо дерева и бутфорской красной квадратной дымовой трубы пролетела стая птиц, и корова взмахнула хвостом, не переставая щипать траву — в кирпичной стенке была трещина, крест-накрест, дырка в уборную на дворе. На Питере зеленая рубашка, длинные волосы курчавились на его плечах в слегка дымном свете Разъезда — вон весь куст усыпан оранжевыми цветами — женские и мужские голоса едва слышно обсуждали перипетии (поездки). Безмолвие на длинной коричневой скамье в деревянный полуполуденный час на железной дороге — поездке уже почти пора закончиться, а наш пассажирский поезд остановился на еще одну долгую минутку — маленький мальчик захлопнул большую выходную дверь и высунулся из окна.

Ноябрь—декабрь 1962 года

Поездка в Таранит — в район Бифбхум, Бенгалия, на родину Бама Кэти*, блаженного из 19-го века*

При желтом свете масляной лампы на веранде под тростниковой крышей сидел, скрестив ноги, на джутовой циновке садху в оранжевых одеждах, у него черные, длинные волосы, впалые щеки и сверкают глаза, он сидел у двери — внутри небольшой алтарь и скамья, курились благовония перед фотографией образа Кали — пламя в лампе дрогнуло, и Шакти Чаттерджи, Поэт, рассказывал, как он брел мертвым по дороге — Он как «пыхнул» последний раз своей трубкой, так встал и пошел было, но тут все и вся почернело — его тело мы сожгли на горящем гхате — он кричал и рыдал — но что-то белое, содержавшее некую белизну, было с ним рядом — Всего час назад, как это случилось.

Крики «Хари Бол! Джай Тара!» из леса — резкие звуки цикад на деревьях — как только что, еле различимые вспышки света летающих светляков, деревья усеяны точками этих мигающих звезд — шекспировская Арденс* и я сказали «Ты думал о том, что ты лишь мошка на зеркале Луны?» —

Шел с ярмарки по деревенской тропе безлунной ночью, в полной, хоть глаз выколи, тьме — там пробовал сладости и слушал трио барабанов, которые держат у груди, как бочонок, они играли во дворе перед образом Кали и танцевали — Махамая в трансе на груди Шивы, ее нога и высунутый язык и черное лицо и белые глазные яблоки, нарисованные прямо на плоском каменном лице — Передо мной танцевал с барабаном один юноша — потом я посидел на пригорке с некоторыми из них, сел прямо

в дерьмо, как пожаловался Ашок, — передавали по кругу — «Дай сознание уму своему, пусть он пишет — Один ум на горящем гхате, один бредет смертной дорогой и один наблюдает и пишет — «Раз я еще не умер, значит могу еще раз покурить», — отвечал Шакти.

На деревьях мерцали светлячки — Победа Рамакришне! Победа Чайтанье!* Победа Гауренге!* Победа Раме! Победа... — и много людей пели «Хари Бол Харе Харе Кришна Кришна» в ночном лесу — Тут, у лампы, по кругу ходила трубка — противомоскитная сетка накрывала кровать в его закутке — Боом Боом Махамая!!!! У запаха нет гуру, говорит Ашок... «Если я в самом деле умру на этот раз», сказал шакти — «Да, сеть клеток в каждом мозгу связана по-разному, это не другая Вселенная, но ощущение идет от Читты*, того, что есть в голове, и каждый это испытывает» — «Почему же ты не испытываешь смерть еще и еще?» — Трубка набита душистым табаком, у Питера «дым, как трубы», медленные, молчаливые затяжки — «Да» — его голос прервался при попытке ответить — и чей-то голос ответил во мгле — одинокий голос, нараспев произнесший мантру, это директор его школы — «Сколько сейчас времени, пора на пуджу?» — «Он асура». — Комары усеяли мое мокрое колено, несмотря на пижаму — бьются по этой странице — Вот убить комара, например, это против дхармы?* — бактерии ведь пожирают амёб — Прошлой ночью был же этот барашек, он не переставал дрожать, его привязали к колу внутри храмовой ограды, перед изображением Кали — мокрая головка, его тоненькое блеяние почти заглушили удары и раскаты барабанов, сопровождавшие жертвоприношение под крики «Джай Читарам» — тот, кто удерживал барашка, держал его вверх ногами, так

что головка его пришлась на зубцы для рубки, и молодой парень в белом молча махнул большой острой секирой сверху вниз, и головка упала — а тельце откинули в сторону, где выстроились школьницы, которые тут же с визгом разбежались — оно полежало на земле, будто в шоке, и вдруг дрогнула одна ножка, вторая, и вот они зашевелились, чтобы идти по воздуху, потом он перевалился на коленки, попытался подняться на ноги и вдруг пошел, судорожно дергая мышцами, чтобы успеть шажок за шажком — копытце его, ножка барашка, взмывающая перед глазами — мохнатенькое, маленькое, безголовое существо.

«Когда снова и снова мир погрязнет в грехах и пороках, я всем буду являться и приносить избавление, всем, кто погряз в грехах и пороках — я к вам явлюсь Установить Веру — я возможен в любую эпоху — / В этой жизни ты бог всемогущий / куда б ты меня ни направил — бредущее потомство, ногами в стену грязи — насекомые ползали по полу, залезая в тень моей ноги — Ашок посередине в оранжевой одежде, у Питера желтая Рубашка — моя борода и красная ночная рубашка — «Шакти, вставай — ты залетишь высоко, но ты не умрешь» — ароматизированная сигарета — Анандамаи¹

Кулу Кундалини* Анандамаи

Вернулись наутро в хижину садху с лицом женщины — история святого Бама Кэппа — как он поджег дом и убе-

¹ «Иллюзорная оболочка блаженства», «трансцендентальное блаженство» (санскр.)

жал — как сделал изображение Кали из коровьего помета — как гремел жестяными сковородками — как в 65 лет отправился в храм Калигхат — как запер там двор и делал все приготовления к Пудже перед Кали — что Бама Кэппа курил и пил — про позу «ганджа-мудра»... — а тем временем красная трубка-чилам совершала круги на джутовом тюке — я прислонился к чарпоку, чтобы дать отдохнуть спине, он подвешен с потолка, уперт в бамбуковые шесты — К нам присоединился мусульманский факир в фиолетовой лунги* и белой разодранной рубашке, он сказал: «Мое сердце это мой принц, а мой рот его заступник» —

«Если будешь молиться Бама Кэппу, получишь все» — Он пел молитвы для бедных — потом в храме стали бить барабаны, это десять утра — «Кто разбудит Баму, получит власть разбудить того, кто разбудил Баму» — Ашок успевал переводить лишь отрывочные предложения — потом долгая дискуссия на бенгальском про сигарету и про подставку для резки ганджи и специальный металлический резак — рукоятка с заостренным крючком для выковыривания старой порции и прочистки трубки — Безмолвный хозяин в длинной застиранной оранжевой одежде из нейлона — Молодые девушки на дороге, у них на руках малыши, они кричат на семью обезьян, что сидит на дороге и смотрит на них — все кричат на безмолвных Обезьян, которые просто ждут подаяния — «Может, ты объяснишь, что хотел сказать?» — «Если ты ничего не узнаешь, будешь, как козел» —

На закате, уже в сумерках, долго шли через рисовые поля в темноту, пришли наконец к яркой лампочке у садху, на веранде — заметил у него синее изображение Кали с изящно подкрашенными глазами, там, где он сидел,

«Спроси у него, что угодно, все, что хочешь» — он в шафранового цвета одеждах, с длинными черными волосами, говорит, что ему 89 лет — Свами Шивананда Хамса Пури — «Воздух вдыхать через рот» — как при курении ганджи — «глубоко в легкие и еще надо наполнить им живот — удерживать его там, а потом вывести через ноздрю, любую» — Это первый шаг в пранаяме — как и сидение раньше на ступенях храма Тарапит, под кайфом от чьей-то ганджи, вот уже подряд четвертый славный денек — в окружении колокольчиков и деревьев и обнаженных зеленых полей, купаясь в коричневой реке — вот отправились из Тарапита на ж/д станцию — и вот уже сидим на мраморной скамье под фонарем, а вокруг спят люди, завернувшись в накидки, под единственным на станции фонарем, он тускло светил сверху в своем огромном стеклянном плафоне —

Шакти сидел на полу в одной рубашке, с голыми ногами — сидя напевал простые мелодии Тагора — Питер скал еще сигарет — ждали поезда, который должен прийти в 10.45 и повезти нас в Сури.

Все утро опять провели на веранде — потом прибежал этот пьяный садху, он ревел что-то бессвязное, утащил меня в кусты и накинуд мне там на шею свой брахманский шнур — «Приходи ко мне один, я покажу тебе свою Тара Ма» — но в сумерки Тара увела нас отсюда — а он все шел, шатаясь, по дороге до самых хижин Тарапита, шел за нами со своим высоким, наголо обритым приятелем, который был тоже навеселе и перед всеми встречаемыми становился на колени, он был в оранжевой набедренной пеленке, с цепочкой крупных бус-джапа, на самой макушке его бритого черепа торчала косячка — живот у него впалый, он с пьяных глаз все пы-

тался облобызывать ноги каждого встречного — Теперь вот Ашок Факир тихо напевал в тиши железнодорожной станции — и женщина с крупными чертами лица, тоже в шафрановых одеждах саньясини*, громким голосом возгласила «Джай Гуру!», это я дважды делился с ней чаем, а еще дал рупию и кусок сахара, конфету, сладкий прасад — съедобное подношение Божеству — мы ее оставили стоящей на пыльной дороге под деревом около статуи на усыпальнице Бама Капе — он сидит там голый на розовом Мраморе, и компанию ему составляет некое существо, и лисица и змея одновременно — через зарешеченное окно его статуя телесного цвета почти что задвигалась, будто на стереоскопической открытке —

Теперь сидим на траве за оградой сельского магазина, где продавали только ганджу да спиртное (запах, будто кругом один спирт, и можно опустить палец, поднести его к свече и разглядывать, как синее пламени создает ореол вокруг горящего пальца) — невдалеке молодой длиннобородый Свами с мальчиком-служкой, который держал над ним зонт, уже смазав ему волосы маслом и помассировав ноги — «Джапа Кришна Нам» чудесно напевал старина Ашок — «Джапа Рама Кришна» — голос его легко шел вверх к едва слышным нотам, чуть дрожал во мраке — индийцы, что прежде спали, уже проснулись теперь, сели и стали разглядывать нас, как мы сидим и курим и поем —

Длинная история старого святого началась с Кунти* из «Махабхараты», которая прокляла храм, из-за того что там не оказалось еды для Пандавов в поздний час — в 1880 или 1860 году явился святой человек и выкопал древний Мандир, и предсказал, что у Кашмир-

ского Махараджи родится дитя — сам питался объедками, тем, что оставалось от лисицы — кормил бедных, умер — храм обвалился, и Махараджа больше ни за кем не посылал — это поведал нам садху, который теперь там жил, он пригласил нас в гости своим рассказом, потом поднялся и сказал «Ну, мне назад пора» — а мы отправились в противоположном направлении — к объезду уже ночной тьмой рисовым полям и на железную дорогу.

Апро Бама Кэппа нам опять рассказывал старый белоглазый пандит, который позволил переночевать у него в доме — он поедал прасад собственным ртом, как ртом Кали, и носил на голове венок из цветов тара — пил спиртное, и его били за это, и курил ганджу с бродягами-садху, которые шли через Тарапит, пока он — поскольку его еще ребенком услали из дома прочь — не святой, а сумасшедшая баба — он был большой, грузный, уважаемые сэры, все его считали сумасшедшим, но не Рамакришна, который пал ему в ноги в Калигхате, тот единственный раз, когда Бама Кэппа ездил в Калькутту — полный балда был — совершенно помешался на Таре.

* * *

В поезде — я разбудил старика в тонкой белой старой муслиновой шали, который спал на нижней полке, и сел рядом с ним, завершая очередную порцию М*. Потом поезд покатил сквозь тьму — какие-то дома с цементными стенками внизу за окном, в лучах фар от машин — спавшие на багажных полках спрашивали, который час — я хо-

тел радости Майя, а не одной только Дукхи — наконец я сел скрестив ноги на полке в своей белой, выстиранной в реке пижаме и сделал несколько глубоких затяжек, наполнявших мое тело, пока я не вошел в отверстие и не выплыл наружу лишь через три вдоха-выхода, только тут я увидел снова коричневые полки в плацкарте, стал думать про Радость Майи, про то, как впервые пахнуло Эфиром. Паунд рекомендовал заниматься йогой, а не увлекаться «лекарствами», эта машинописная записка была в окошке книжного магазина, принадлежавшего последователю этого демагога, тщедушного, как скелет — 1950 год — улица Бликер-стрит, на другой стороне от отеля «Миллз». Все ведь началось с отеля «Миллз» — я сделал Джеку мигнет — и у него возник этот образ старика, что часами мастурбировал у окна своего закутка в ночлежке.

* * *

«Прочь САТАНИНСКИХ мельниц тьма»*

— — —

Лицом к лицу и в честном поединке,
Ты слышишь, бог, мы встретимся сегодня,
у каждого свое есть тайное оружие
пока что я готовлюсь,

чтобы стать сильней Везувия.

Хотя я император хладнокровья

И кровавых телец / но братство

Всех, потерпевших крах растет

И я один из той Адской

Империи людей (вот что — Сатана)

Но вкуса Рая не забыл я.

Уже вон столько дней
 Свои проводишь ночи
 Ты в райском том саду, где радости простые
 легки. А теперь еще начнутся танцы
 нимф
 и размякнет тело
 и обладать груди нектаром
 ты будешь снова
 в ее танце, о Уробоши Рамнагар
 пока и ум твой не размякнет.
 Но вот угроза разрушенья бесстыжая
 Пусть вызов жуткого пришельца
 Остудит кровь, меч вложит в ножны
 И музыкальный ритм звенящей тетивы
 Утихнет —
 Но до тех пор, мой бог, я буду
 от повседневности унылой
 зажиточного прозябанья
 и бедности ее (не в том, так в этом),
 бежать,
 не прочь бежать, как трус, но биться,
 да, биться буду, чтоб поднять
 я мог разбитую главу
 с непреходящей гордостью.

Вот тихий шорох утра
 Бог спасает жизнь, а потому
 Лекарство
 Не в твоей руке.

Но Бог мой, вдруг тебя я встречу
 В зажиточных глубинах жизни

Где средний класс кровь маринует.
 Нет! Ведь тогда ждет поражение
 Тебя. Я знаю...

Твой каждый нерв трепещет
 И усердьем белых муравьев
 В костях, плоти, в самой сути
 Останется до дней иных
 Когда остынет крови благородство —

Ну вот, теперь я снова мастер
 Для повседневной нашей схватки
 И у меня навеки право
 Натягивать струну тугую
 Что одному лишь мне под силу —
 И пусть низвержен был я с неба
 Я, Сатана, его дитя.

Поэму написал Шакти Чаттерджи,
 Перевод ее я сделал очень примерный, лишь записал
 слово за слово —

* * *

Аккуратнейший стол и кресло и деревянные цветы —
 группы каких-то грустных цветов — одна или две сомни-
 тельные картины на стене — словно по проществу вре-
 мени их все-таки простили — разрешили существовать
 дальше — это было в доме у Пурна Даса

* * *

ОТРЫВКИ ИЗ ПЕСЕН БАУЛА

(Записывал наспех, что успевал, пока Ашок Факир быстро переводил то, что пел Пурна Дас у себя в хижине в Бирбхуме, прикованный к кровати, старый, больной.)

Баул — «Ничто не пытайся удержать, не поможет, Служи лишь одному Кришне —»

Мохнатая рука из тьмы моим уже играет Трупом.

Вокруг Вселенной восемь тысяч раз
Смог обойти — но вот эти 14 локтей¹ земли
Если б ты пахал их, как полагается,
Смог бы тут выращивать золото.
Послушай, разум, ты бы взял лопату
Бхакти-добродетели
И стал копать для собственного тела
Кусок земли
Чтоб уничтожить сорную траву
Греха —

Безумный разум мой, не ты пахал
То тело, где живешь
Значит ты не знаешь,
Как поступить.

¹ Около семи метров.

Тебе придется отвечать за все поступки
В пропедией жизни (перед богом)
А он тхакур¹ трех мирозданий
Что знает три последних жизни
И отчего б тебе не вспомнить
Что всего четырнадцать локтей земли
Ты получил после 80 тысяч* циклов.

О мой безумный, мой безумный разум
Что ж не пахал ты и сеял золото?
Пропала ведь совсем без пользы
Земля божественной любви
А ты на ней ничего не взрастил —
Когда услышишь Зов,
Не надо проволочек, ничто не защитит
Никто Его не остановит,
Чтобы забрать тебя отсюда —
Так слушай, разум! Удержи
В руках своих лопату приверженности богу! —
И убери все сорняки греха —
Взявши Махамантру
Что дал нам всем Великий Гуру
Посей зерно.

С тобою шестеро в доме.
Они едят твою пищу, забирают все
У тебя, ты и не знаешь, сколько зла
Тебе наносят —
Оставь все позади, лови Шри Гауренгу,
Молитвы посылай сердцу Чайтаньи.

¹ Господин, хозяин; а также: помещик, владелец земли.

 Не обуздывай желанья Радхи
 И не дай разуму голодать
 Без волн «Нектара» —
 В этом моем теле сосредоточены все мои
 удовольствия
 И радости —
 О женщина в голубых одеждах
 Облечись вновь голубизной и синевой
 На лоб приложи киноварь
 И явись передо мною любящей,
 О ветер, заплети мне волосы —
 Заплети их так же, как у любящей меня
 Кто угодно может стать Пурушей
 А я буду женщиной, Пракрити*
 Прикрой свое лицо, отвернись
 Как рассерженная любимая —
 Я хотел играть на флейте в Бриндибане
 Но вот, возьми мою флейту,
 О юная дева
 Сейчас моя флейта порой говорит:
 «Скажи: Кришна и Радха» —
 Отчего бы не взять тебе флейту мою
 Пусть на твоих губах она споет иную песню
 О Радха Радха Радха —
 Так говорит он, Нилакантха:*
 Я — жажда жажд
 Жаднее жажды продолженья жизни.
 И жажду я
 Все больше, больше — той формы —
 Формы только Радхи.
 Твой даса — даже если мне

Удается стать подругой, даси*,
 Я все равно желаю лицезреть
 Божественную форму Радхи
 И знаю — она даст мне это счастье.

 Семь сотен женщин и мужчин
 Пришли из Вриндавана,
 И помочились в Ямуну-реку.
 Тут и случилось наводнение
 Пошли крутые волны, люди из деревень
 бежали к ним, крича: «Остановитесь,
 не надо — мы лучше вас покормим».
 Так же вышло и в Навадипе
 Как увидели местные эти жуткие воды
 Тут же обернули себе голову одеждой
 И ну молить их: вы — не надо, мы лучше — покормим...

 Коль дерево соединит свои корни
 с корнями другого, так созревает плод —
 Волны цветов и фруктов повсюду
 О Разум, слушай, вот что я тебе скажу
 Ты утопил меня
 Тебя все дразнит других людей богатство
 Ну сколько же ты будешь есть да есть?

 Дерево стоит в глубокой воде
 И ветви его происходят от корня
 Который ведь в Аду укоренился.
 Если ты в самом деле это поймешь
 То разъяришься —

Для имени бога нет образа.
Имя бога не имеет формы,
Нет у него формы, идущей от образа.
И как найти того,
Что был рожден без семени? —

Загадка Баула:

Одно дитя сидит в трех чревах (в один и тот же миг)
Дитя то всем свою душу раскрывает
Но только не мне —

Свет-человек явился и стал говорить
О свете
Утром кот ходит на четырех ногах
В полдень на двух ногах
А остальное время дня на трех
И возвращается домой.

Если несчастье
случится близ Ганга —
Люди перебьют брахманов
и будут жить на небе —

Рукописи находятся в Сури и принадлежат
Пурна Дасу, называются они
«Мадан Бхазма»
Сочинены и были спеты
Кришначандрой Дас Госвами в году 1306.
Сие совершено в месяц картик* 1306 года.

* * *

ШАНТИНИКЕТАН*

Жемчужное пристанище!
Луны пресветлой половина!
Лодыжку мне заели москиты
И резкая седая боль
В желудке:
Все от чая —
Шизанутые девы
лишь отводят глаза
сидя под деревьями,
увиты длинными своими волосами
под 1896 цветами
Вот факультет
Того и Этого
Нет места нам
поспать здесь
и поесть нет места
Нет и профессоров
с кем бы потрепаться
про луноликих Гонцов из Америки
Дух Нагарджуны заговорил
из нулевого дня
следующего месяца
в кафе по соседству
с экономистом-аграрником —
Они не знают
как сойти
со сцены
Вот и бродят туда-сюда

вечно думая
 про батюшку
 Тагора —
 А как бы он возненавидел
 Этих тонконосых дев
 Как бы опечалился
 Что у профессоров
 Плохие зубы
 Как бы сострадал он
 Студентам бедным
 В ком лишь картошка с карри
 Кого не научить —
 Ах, прочь! Прочь книги новые
 из библиотеки!
 Они лишь читают стихи
 на своем монотонном бенгали!
 Но девушки не могут говорить!
 Не занимаются любовью парни!
 Один лишь сиа́мский философ
 С изысканной
 Фарфоровой головой
 Хихикнул сверху вниз
 В дверях библиотеки
 Из Шуньяты*
 Да спер у меня ручку.

Заметки для лекции (о новой просодии в США — для марксистской литературной конференции), декабрь 1962 года

1) Причина происходящих перемен — изменившаяся глубина восприятия на невербально-неконцептуальном уровне.

а) Появление спонтанного естественного провидца

б) Организация специальных экспериментов по расширению сознания

1. через достижение экстаза с помощью джазовой музыки и мантр
2. с помощью всевозможной электронной аппаратуры
3. за счет применения наркотических средств
4. тантрическая и дзен-медитация

Следствия этого для сочинения поэтических произведений: попытка пустить в ход большее количество одновременных восприятий и соотнести события, которые ранее не были соотнесены друг с другом (все, что, как считалось прежде, не имеет никакого отношения друг к другу или же неуместно).

Средства для достижения этого:

1) Упор на спонтанное, «механическое» записывание, чтобы охватить все поле умственной деятельности Поэта — а не только лишь то, о чем, как он считает, ему позволительно думать, используя лишь свои лобовые доли мозга.

2) Интерес к неловкости, нескладности случайным совпадениям ритму

переброс восприятия с одного на нечто другое, так,
чтобы при этом был сломан

синтаксический порядок
порядок пунктуации
логические порядки
предыдущий нарратив
порядок важности по значению.

Фиксация процессов, происходящих при мыслитель-
ной деятельности

и при относительно естественном процессе

Без ограничений со стороны:

грамматики
синтаксиса
порядка расположения,

поскольку эти Условности

мы не считаем
рациональным упорядочиванием
ощущений, пережитого жизненного опыта,
но попыткой подвергнуть цензуре
эти ощущения или опыт,

а также вывести за пределы рассмотрения ряд

фактов, которые вызывают смущают

или ставят под сомнение

все, что ранее
принималось за истину,
за принятую
всеми людьми
гуманистическую
рациональную

Реальность —

* * *

Дж. Шарма — дом 8, ул. Чандни-Чоук, Калькутта
для Т. Сингха
человека, который объясняет звук. Радха Свами Сат-
санг.

* * *

«Сознательный экспериментатор путешествует по
следам звука (сабдх) к первичному колебанию¹».
Пересекает Звук.

* * *

«Настоящим подтверждаю, что Тристан Тцара от-
крыл слово «дада» 8 февраля 1916 года в 6 часов вечера.
При этом, когда Тцара впервые произнес это слово, при-
сутствовал я и мои двенадцать детей, и оно вызвало в нас
обоснованный энтузиазм. Это произошло в «Кафе де ля
Террас» в Цюрихе, у меня в левой ноздре как раз был ро-
галик». — Жан Арп (Согласно записи Р. Г. Виленского)

¹ То есть звуку «Ом».

* * *

Таттвартха-Сутра*

УМАСВАТИ

Текст Джайнского мудреца VII века

* * *

Храм Бога — словно зоб
железо будок, боксов громоздится
смешно и жутко, до небес
скелеты будок
Бога Рокот, столпов творенье,
выверт наизанку
Белков и протозойских волн
разряды колкие
Бог в чешую вращет
иль змием
во глубинах глотки
вспухнет
Алые Клыки, о потолковый бог,
в жару наяривает
крыл железом
Аспид облаков налег

на гробовую крышку
горизонта вод
волнительных
Боом-боом-боом
в моторе, сталь
Ступеней во Глубины
луковиц латунных лики
розовая кожа одноглаза —
Длинные хвосты фазанов,
извивы плавников —
Рептилия к луне
ползет по лестнице —
И порхают птицы
внутри горы зеленой
Как в бороде из саранчи
Коричневые колбочки фекалий
являет миру апертура
детской попки —
вон, на углу
где рикшу Бог
все тащит
мимо рисовых полей
к обители неявной из камня,
Крепости Бога —
партию сыграть
на шахматах мостков и пляжей
песчаных
где бороды песчаных замков
так быстро тают
от движенья волн —
где на пустоте страниц
каракули червь оставляет, извиваясь

где пропадают сигареты
 чернила
 дым дух привиденье
 где в Боснио-Герцеговину
 злые письма
 пожрет зев почты
 грязные книги из
 Улан-Батора
 Отпечатки пальцев на
 огромном мини-тротуаре —
 на киноэкране —
 два изображения Сталина
 на нем Вот он мечтает
 в забвении
 огромных куполов
 Вот грызет морковку,
 поигрывая членом,
 развалившись в холле
 «Майами», райского отеля,
 на цвета хаки кресле
 дает советы
 любителям пинг-понга
 они боятся, правда,
 играть на деньги,
 по доллару хотя бы, но какой
 у них есть шанс
 перед рублем безмерным
 казначея Смерти —
 Фантазия на тему Софи Такер*
 в трамвае,
 набрать армию младенцев,
 отдаться роскоши

12 ноября 1962 года
 станция Харагпур

Монотонно гундосят торговцы чаем, жареными блинами, холодными сладостями в стильном черном воздухе, 11.15 ночи: длинный поезд вытянулся назад, от все сужавшихся, длинных, красных вагонов к неоновому пристанищу под сияющей половинкой луны и синей звездой в небе, там желтые станционные фонари в рядок, и ярко освещенная будка красного цвета, прием телеграмм у кирпичной стены на отшибе. Собака обнюхивала железные детали под спальным вагоном третьего класса — я раскашлялся дальше некуда, отхаркивая мокроту и отрывая газы из желудка, отдающие ганджой, которую только что курил на улице, около экспресса, следующего до Пури — Торговцы все нудят, навязывая свои поджаренные на масле лепешки-пури — наконец чья-то седая, старческая плетка воплем йодля* предлагает воду — размеренная песня Тагора — выкрики: «Пан-най, пан!» — и бежит вдоль поезда мальчишка — Кондуктор с белой кокардой и в шарфе, даже уши замотаны — а в поезде длинный проход и кругом спят, накрытые легкими покрывалами — длинный, чистый проход, красный, с синими лампами на потолке — полоч по три в каждом отсеке, на двух едва сесть можно. Тень сложила свои руки на полу. У меня за плечом — кто-то у открытой двери — великий покой спящих на деревянных вагонных полках — довольствуются сном в этом грохочущем вселенном чудовище — Парят по рельсах через Простор Безбрежности — свет высоких станционных фонарей выбелил темную зелень деревьев — над отверстой дверцей — мимо нее второй старик-водонос медленно катил

свой тяжелый бидон, ноги голые, на плечах черная накидка — раздался свисток, и кондуктор в свитере закрыл дверь — закашлявшись, я пошел к себе на место, там Питер положил свои босые ноги-близнецы на зеленые поручни — около железной лестницы со стороны прохода откуда-то капало — создавалась пространство-картина вселенского всплеска — я принялся, чтобы понять, правда ли — Наша передача про Седовласого Губернатора Ромни* — Чем он знаменит, чтобы выдвинуть его в президенты? — в Презики, вот суета-сует... — Индийцы на полках разговаривали по-индийски — на полу стоял на коленях папаша, затапливая свой тощий саквож, потом залез опять под покрывало — пойду-ка и я к себе на полку: спать.

Всякие глупые мысли тут же начали роиться за закрытыми глазами, вспоминал два сложенных вместе больших пальца гуру Свами Шатьянанды, его слова «Будь сладостным поэтом бога» — в саду на Ганге — в окружении толпы толстобрюхих «последователей» на веранде, после риса на пальмовом листе, «это за счет дома» — большая дверь, мне положили слишком много риса — смешение мирозданий — О да, мироздание без Эфира — то есть я не знаю, я не мучился от зубной боли, когда у меня тащили зуб с эфиром, наверное, еще придется, когда умру — это бывает — агония разложения после того, как космический корабль потерпит кошмарную катастрофу — кровь растечется по кактусу металлической двери, куски плоти повиснут на пульсирующей плоти — как минимум пять минут все это испытывал тот барашек — Ему ведь только разом отсекли голову — его удерживал обеими руками помощник человека с секирой — странно — я не видел, чтобы барашек шевелился, но тот

держал его довольно долго. А потом швырнул живое, еще резиновое тельце в толпу девчонок-школьниц, которые тут же разбежались — и его пушистое белое тельце вотще перебирало в воздухе ножками — не смог приподнять правый бок — и сквозь шею у него прорывался этот странный звук.

Пури — 13 ноября 1962 года

Пошли приколы от «травы» — Питер просто высморкался, а мне показалось, будто он чиркнул спичками, и они вспыхнули прямо у его лица. Сидели в кафе недалеко от пляжа. Потом поплавали и прогулялись.

Закат, сажу, скрестив ноги, надоне, обзираю океан внизу, там быют в берег волны, будто врезаются друг в друга автомобили — во весь синий простор — Оранжевый круг еле движется за горизонт, в зеленую воду, ликом своим светя мне в лицо, в голову — Пока курил, делал пранаяму, задерживая дыхание по системе 4:16:8, как получалось, а тем временем краски на небе стали определеннее, и жидкий кончик золотого края уже начал топнуть, там все теперь такое маленькое, над пляжными постройками и пальмами и спокойным небом. (На счет 4 надо вдохнуть, на 16 задержать воздух, на 8 — выдохнуть.)

Сильный поток воздуха сверху, из-за огромного каргонного рефлектора, к белому громкоговорителю справа: за всеми столами индийцы, они аккуратно причесаны, опрятно одеты, они танцуют, и движения у них том-

ные, нежные: два усатых парня танцуют под весь этот шум-гром — а на прошлой неделе просидели целый час в Подполье — там в деревенском винном магазине в подвале танцевали Евнухи, туда сходились парни и приглаживали свои волосы.

Пури — Сон — вроде бы вернулся из Европы и зашел навестить старых приятельниц — ту же Хелен Франкенталер в нью-йоркской квартире.

Да старая приятельница любая сгодится. Остановка надолго. Пури — Конарк — Бхубанешвар. Легкая дизентерия. Ланч в пансионе. Жареная пицца с лотков — хрустящий картофель, сладости, чай.

— прекрасен вид храмов Муктешвар и Парсураменшвар — Танец Шивы с эрекцией, Натараджа. Я не в силах описать это, несмотря на блистательность малых храмов — слишком много ганджи — не могу уже без усилия сосредоточиться на собственных мыслях. О чем это я подумал четыре мысли назад? Так целый день сидел и пытался вспомнить, но то же и со снами — они вовсе перестали запоминаться, уже неделю не могу их записывать.

Был в храме Муктешвара, посидел на стене, заделал косяки потом таращился на вид перед собой — солнце совершенно средиземноморское — сидел на ярко-красном, резном камне — неужели это на портике-джагмохане торчат карикатурными восклицательными знаками небольшие, выглененные из камня буквы «F» Э.Э.Каммингса? — обалденные гребни на вершиях, один в один шлемоподобные умственные конструкции майя или ацтеков — огненные формы, доведенные до эстетической завершенности

ти карточных пик — совсем как мои собственные каракули в раннем детстве, уже тогда джокер Джек...

Здесь поклоняются лингамам*. В подвальной полутьме внутреннего Святилища, в благоприятном для Даршана освещении, расставлены цветы, и сейчас, около десяти утра, солнечные лучи наконец упали в этот колодезь пятнами света — сделав неоновыми раскрытые зевы маленьких розово-белых цветов, что отражаются в черном граните лингамов — Внутри прислуживающий брамин нараспев гимн свое «Ом Шанти», я же сидел снаружи, у шахматного узора каменной декоративной решетки, слыша его голос сквозь этакое ориентальное красное оконце в тени. Звук доносился и через дренажную трубу. Вокруг приземистые каменные стены небольшого храма-колесницы* — но я глядел вверх, на башенную часть «деула»*, следя, как она взмывала к певзнеровской бесконечности* по кривой, будто вылепленная отпечатками тракторных гусениц, и исчезала, вроде штата Айова, растворяясь в синем куполе неба над вершиной башни, где виден завершающий каменный лотос — все это, когда ты «под кайфом»,

создает впечатление движущихся, как по конвейеру, образов, изображения инков, малозаметные царapiны на камне, человеческие фигуры, на кирпиче очертания зверей с хоботами, отверстия, образующие повторяющийся орнамент — были там и красивые сценки с сидящими в центре богами — пузатый Ганеша с отколотым хоботом — челоcти и бивни у него отсутствовали, зато был большой живот-небосвод, который по круту, словно брахманский шнур, пересекала вселенская змея — его мышка-норушка* совершала молитву — сласти были навалены горкой в чаше для подношений, куда свалился его каменный хобот — крупные ноги диснеевского Дамбо-Глупыша — я обожаю Дамбо, и дельфинчика Порпи тоже*.

Вот тут в каком-то месте я подумал: «А вдруг китаи тайно управляет Мироздание?» С мысли этой, однако, сбился. Увидел, как какой-то человек обратился к Питеру, отвлекся, чтобы помочь им пообщаться — но ничего не вышло, в голове у меня все как-то не так — мужчина тот сказал «Что» — я говорю: «Вы обратились к нему — то есть, я хочу сказать: вы его спросили» — а тот, запинаясь, произнес «Que? A?» — «Нет-нет, ничего, это я просто о чем-то своем думал», сказал я, отворачиваясь, и в результате мы оба пришли в полное недоумение —

На платформе наверху великие Колеса и Шпиль Лингараджа, куда я так и не взошел — ни на рассвете, ни в сумерки, ни ночью, под синими звездами над вершинами храмов — вечно безмолвен внутренний двор — бледный вечер догорает внутри храма — после 9.30 закрывают двери у главных ворот, где мало кого встретишь, там одни пандасы¹ — садху здесь не было, не то

¹ Жрецы.

что перед Львиными Воротами в Пури. П[итер] и я сидели и курили с бородатым черным, робким вопроша-гелем в шафрановом одеянии — его голова была вежливо наклонена вбок, и обращался он к нам как бы по-английски «Откуда сэр прошу вас вы сообщите мне? Вы приехал из» — «Америки» — «О-о!» — и удалился — мы подсели к нему на следующий вечер и пускали клубы дыма из его игрушечной глиняной трубки — он мигом подсегдил для нас кусок клеенки — на темный выступающий постамент высокой колонны, на которой маленькая птица Гаруда молилась, обращаясь к небу — да, так я хотел рассказать про Львиные Ворота — группы людей распевали бхаджан под звуки барабанов и каратал — Рам Хари Кришна Хари Ом! — рубахи образовали плотное кольцо — покурили и ушли — я отправился в Батиа Дхарамсала*, после дня и ночи на берегу океана, на пляже — был там под кайфом, все сидел, скрестив ноги, на песчаном уступе над океаном и пел и молился вслух оранжевому закату, пока он угасал, опускаясь в океан около западного, или южного, какого там? берега — длинная линия песчаного пляжа все тянулась куда-то, и по-ван-гоговски пестрая лодка была привязана веревкой у берега, кренясь туда, куда ее пытался отнести прилив — на горящий гхат принесли женщину в сари, несколько людей в белом, хоронивших ее, обнесли ее вокруг сложенной поленницы, придерживая руки и колени — потом уложили ее наверх, тощую, черноволосую, с худым лицом, правую руку подсунули под левую, уложив их так, будто женщина и в самом деле всего лишь уснула — поленница недостаточна велика — все это происходило на полого спускающемся к океану песчаном берегу, в отменах зольно-черных кострищ —

Длинный пляж Навадип с квадратами прогоревших полениц пустынен, лишь собаки по ночам бегают, принохиваются — мне сказали, будто там попадаются куски разложившейся плоти, но сам я не видел — Ашок молился, он уже какое-то время медитировал в одиночестве — я сидел на песке и смотрел на коричневый Ганг и на узор огней вдали, которые будто подавали какие-то сигналы; но разве там это было? А может, в Калькутте? (Рисунок) огни на берегу.

«Человек не имеет права существовать», только что подумал я, когда закурил — а что было на четыре мысли раньше? Вот-вот, вспоминай. Сижу, положив голую левую ногу на колено правой, которая стоит на цементном полу у края деревянного чарпоя, покрытого простыней, брюки сложены в виде подушки — и я подумал: вот бы он (Луис?*) меня сейчас увидел: чем не пример отказа от собственности, у меня ведь только и есть, что карманный фонарь, да носовой платок, да книги около резиновых «вьетнамков» на полу, Питер был в комнате весь день, но кемарил в этом сумеречном свете, он выкурил тьму сигарет и ганджи в трубке — я принес сласти и чай и фрукты — прямо саттвическая диета* — вот о чем я подумал четыре мысли назад: *«О чем бы ни подумал, третья мысль — все о могиле»*.* — в связи с Каммингсом, но почему? — в связи с литературой вообще, литературой с заглавной буквы Я. Или в связи с Паундом. Из них ведь никто не видел Индии — как хорошо, что я попал сюда, все думал я, пока в послеполуденные часы шел пешком, долго-долго, на Новый Бхубанешварский Городской Рынок, или пока мы с Питером брели босиком по черным полям до аэродрома, посвечивая нашим новым карманным фонариком — тем же, что нам пригодился и в Конарке, когда мы в темноте

излазали все, что смогли, подсвечивая женские фигуры гигантских танцовщиц с бубнами и барабанами, с их большими округлыми грудями, это на самом верху здания с навершием в виде Лотоса, куда мы забрались — перелезли через всю высокую каменную башню с лотосом — чтобы полежать, отдыхая, наверху и хорошенько разглядеть брейгелевски-синий океан, видный за деревьями, и красную дорогу — мы позже рванули по ней к океанскому простору через посадки небольших деревьев — большой песчаный пляж с оазисом растительности и кирпичными домиками на песчаной отмели, а где-то, вдали, над бамбуковой хижинкой трепетал на ветру флаг садху — вдали на пляже — я позже дошел туда один и обнаружил там черный образ Кали (или это был Вишну?) — вернулся к Питеру, который поранил второй палец на ноге, наступив на гвоздь в доске — еще в Пури — началось нагноение — лекарств не было — целую неделю в открытые сандалии попадал песок — босиком назад к Черной Пагоде* на закате — спал на деревянном столе, в передней части гостиничного ресторана, на нашем дорожном мешке вместо подушки — теперь надувная подушка Гэри у Питера, нежащего на ней свои длинные волосы.

У Шивы, что над входом в Храм, определенно немного «встало», наблюдается некоторая эрекция, и повсюду эти члены, над каждым окном у мужиков встает на цевки — был там и Вишвамित्रа*, он трахал красавицу, у самого борода Санта-Клауса и шнур брахмана, и большой член, и белые яйца — ох, я на жука наступил — из-за этого ведь карма моя пострадает, так? — отвлекся — да, о чем я? — в смысле: вот только что — «Кар-кар, Кар-р-р, Кар-р-р!» вороны вдоль дороги к морю в Конарке — да не вороны, а исамделишные вороны — я бросил одному арахис, он его

и не клонул, сборище муравьев на оконном выступе — ворон все клевал мешок с мусором, торчащий из зарешеченного окна.

Воскресенье 25? Ноября 1962 года — Бхубанешвар

Вышел на улицу в 9.30 после долгого от ганджи сна — весь день вчера, после утра, потом опять вечером в комнате перед сном три косячка — сегодня утром вышел, чтобы дойти до древних храмов — Сначала Парсурамешвар, он по-прежнему похож на расплывчатые очертания вращающихся тракторных колес — дальше к «жемчужине» Муктешвару, обошел его вокруг по стенам, рассматривал — потом был Витале*? ну прямо как название часовни в Венеции — они здесь среди полей, как и французские или бельгийские часовни — утанцующего Натараджа тоже стоит — Значит, в Конарке главный любовник это Натарадж, шестирукий танцующий Шива — а Раванна*, сотрясающий гору Кайлаш, был похож на огромную бактерию или на живущего в утробе паука, потому что из чрев стремительных дев в каменных окнах Чайтйи* теперь торчали лишь паучьи конечности, а тело его разрушено, отбито — потом через поля в Брамешвар и прочие, и в Мегешвар с его прудами, это совсем далеко — везде женские тела, некоторые любовники обнажены, член мужчины прямо перед женским лицом, или задницей, или писькой, все честно и чисто — но руки отломаны, некоторые статуи оплывают, будто они изо льда, хотя на самом деле из красного песчаника — но некоторые сохранились хорошо, с сосками и белыми или красными яйцами — и грудями, конечно — а потом назад к резерву-

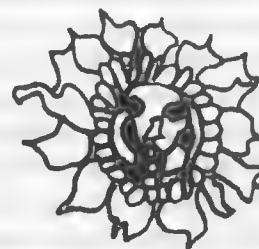
ару Бинду и старым храмам на задворках города, у его «черного хода» — трава и серо-черные камни, на башнях каменные лотосы — Розовые красавцы Ганеши с лопухами ушей, отбитыми хоботами, а у них под ногами, у подножия трона, молящаяся мышь*, и конечно, из ниши, где обосновался Ганеша, выпирает его толстый круглый живот — вот чаша со сладостями и молитвенные четки, в других руках силки и обломанный топорик*, вселенская змея обвила ему плечи и живот — еще одна обвила его колено — браслеты-змейки на ногах — пухлые колени маленького слоненка — совсем младенца — каменный младенец Ганеша — Кто бы подумал, что сегодня, в день гопора, увидишь изнанку собственного топорика, а? — ну прямо мисс Ганипати, формами в свою маму, Парвати*. Ладно уж. Ехал на автобусе под ярким солнцем мимо руин трех небольших башен — Мимо краснокаменной стены и ворот Рамакришна-Матха* — «У себя, в одиночку, он и мясо ест и курит», так Стивен Конер, живший там в роскошном Пансионе для гостей, говорил про Свами. — Потом я было потерялся на огромных лужайках Бхубанешвара, новой столицы штата — массивные невысокие здания, кажущиеся крохотными среди обширных зеленых пространств — свет пробивался между колоннами и из-за толстых оконных стекол — огромная стена и поле, и откуда ни возьми — возник велосипедист, вечером в воскресенье, на дороге, ведущей к рынку — ели рыбу, курицу, рис, лепешку, кофе, суп, масло, хлеб, по пять рупий на брата — сидели с итальянским инженером, носившим шелковый шейный платок — несомненно, он, как говорится, очарован.

Вечером 26 ноября, Бхубанешвар

Постирал одежду и вымылся солнечным ранним утром в Биндусавар* на выщербленных красных ступенях под стеной храма. Небольшой храм в духе Бака Роджерса* с лингамом во тьме внутренних покоев, в подземной части — выстирал красную рубашку и пижаму, и майку, и шорты, и носовой платок, и помыл волосы, и поплавал, а одежда сохла на кирпичном пилястре пристани гхата — потом по мишистым камням назад, к себе, в мягких резиновых сандалиях — выбрался опять из дому, поехал на рикше в музей — одна древняя статуя какого-то бога, худого, как скелет, сплюсн в венах, у него огненно-красный пучок волос, ожерелье из черепов, на его костлявом лице-черепе жуткая, завораживающая улыбка, вокруг носа и рта наклеплены драгоценные камни — уменьшенная копия того изображения, что находится у основания каменной резьбы под крышей — в сидячей позе — с двумя руками и булавой? — (Вроде той женской фигуры в Лувре, у нее из щели в животе лезут черви — внизу у лестницы в подвальный зал — по пути к Рабам¹ — они все так и стоят там, у стены в большом помещении, где полно скульптур, с проходом под аркой? —) Изображать совокупление начали до Рождества Христова, и это дело неизбежно доказалось до Конарка, да и потом не исчезло, однако «все умерло с закатом искусства скульптуры», как сказал мне молодой ученый в отделе рукописей на пальмовых листьях, в современном, просторном музее штата, расположенным в здании с огромными боковыми крыльями — оттуда съездил на автобусе к пещерам Удаягири*, целый

¹ Скульптуры Микеланджело в Лувре.

день скручивал там себе папиросы с кифом¹ и бродил всюду, читая путеводитель, или так сидел, разглядывая покрытые дымкой холмы да кажущийся отсюда небольшим храм Лингарадж, он проглядывал сквозь стоявшие группами деревья — очень уж далеко до него, а ландшафт такой же, какой окружает французские часовни — часовни всегда разбросаны среди полей — в пещерах изображения нескольких слонов, держащих хоботом лотосы и ветви манго — наверху, на холме, статуя 1960-го года высокая обнаженная черная фигура джайнского Тиртханкара*, у него славное юное лицо — в одной пещере был подсолнух, я зарисовал его в блокнотик, он выглядел вот так*:

Домой на рикше, на автобусе, поездом в 7.30 — потом в своей клетушке целый час читал вслух Кабира* — за билетами послезавтра, на ночной поезд, спальный вагон третьего класса на Калькутту (забронировано по телеграфу из Бхубанешвара, где мы сейчас находимся) (телеграммой в Пури) (бесплатно) — в кассы очереди за билетами — не один вечер ждут, чтобы попасть на «Пури Экспресс» — вдруг из множества глоток вопль «гип-гип-ура!» в конце платформы и «Джай Джайван!» или «Джай Джай

¹ Коноплей.

Хинд!»¹ или, на языке ория, «До встречи!» — крики не смолкали, этим поездом отправлялась на фронт целая рота — в зону боевых действий в горах*, у границы с Китаем — столкновения на границах, подсолнухи — тысячи погибших — 1500 — после ужина домой, читал газеты, писал и курил.

На следующий день (27 ноября 1962 года)

Встал в 8.30, почистил зубы зеленой зубной пастой кокаинного вида, с привкусом мяты. Автобус на Куттак* в 9.30, приехали, очутились на длинной, U-образной улице, протянувшейся на много миль, медленно прошли ее от конечной остановки автобуса — мимо лавок с изделиями из серебра, мимо торговцев, предлагавших дешевые покрывала из пестрой набивной ткани — и одеяла — Поели печенку с карри, и яйца, и жареную рыбу, и подсушенный хлеб — зашли по дороге посмотреть мусульманский храм с дугообразными сводами — не то чье-то надгробие, не то клуб, но что именно? — выходя из арки, наткнулись на здорового бородача в тюрбане, с длинными, курчавыми, грязновато-каштановыми волосами и несколькими кольцами-кабошонами на пальцах — он сидел на каменной плите у ворот священного парка — с ним рядом его бородастые приятели — он подозвал меня «Эй, бабу, бабу» — мы повернули, подошли к ним — один из них большим пальцем разминал ладони ганджу — на другом была ярко-зеленая рубашка, цветастая жилетка из грубой ткани и зеленый тюрбан, у него длинное, тонкое, эль-трековское лицо — третий, седобородый, был весь в сером — мы подсели к ним — здо-

26 «Да здравствуют солдаты!» и «Да здравствует Индостан!» (хинди).

рвяк в кольцах, с округлым, энергичным лицом, пригласил меня на свою цинковку — «Ганджа!» сказал я и сел рядом с ним, вынул свой заблаговременно скрученный косячок и закурил — потом они стали передавать по кругу трубку, будто длинную, перевернутую дымовую трубу в миниатюре — в ней был маленький камушек, чтобы через отверстие ничего, кроме воздуха, не проходило — когда он затягивался, из верхней части глиняного раструба, как из драконьей глотки, вылетало пламя, а нос и рот скрывались в густой бороде белого дыма, он делал по четыре-пять затяжек, долгих-долгих, и выпускал дым, и снова сильно, глубоко затягивался, набирая воздух из-под зеленого тюрбана, так что огонь в чашеобразном раструбе алел, тут же покрываясь синевой пепла — ах, это худое лицо и открытый взгляд! Он сказал: «Я нищий» — на прощание коротко бросил «Намасте» и «Салам» — амы все сидели и курили — разговаривали мало, «Я читал Кабира по-английски» — «Аа, Кабир, большой гуру» Они немного говорили по-английски. Как зовут? Моулана Баба — Мохамед Факир? — «В Бомбей многи Бабу» — «Твой кто гуру?» — «У меня гуру — гам-то». На одном (как говорит Питер) была зеленая жилетка с разноцветными карманами и на плече висела зеленая сумка, обычные атрибуты вишнуита, перебирающего четки — он так с ней и пошел, вместе с другим, в зеленом тюрбане. А четыре или даже пять колец на пальцах его знакомого! А какое у него самого было зеленое кольцо, и еще черное, с золотым ободком вокруг и, может, одно белое. Но вот я помахал рукой, медленно, кругообразно, и стал перебирать пальцами, будто это ноги шли подолгой, извилистой дороге. — Они было отогнали глазевших малышей, потом подозвали сначала маленькую девочку, чтобы покурила, за нею мальчишек, а когда те все отказались,

они им сказали: «Ладно, а ну по домам, дайте спокойно ганджу докурить, и нечего тут разглядывать нас, глаза тарашить» — я заметил, как к нам приблизился и удалился тюрбан полицейского — Хафизи или Руми? говорил Питер, рассказал о своих странствиях по Египту — Салам — Мы, оказывается, только что прошли в ворота, никто нас не заметил, а там написано: «Здесь разрешено жить в арке только троим» — остальные же, кто сюда попадет, все бродяги. Сам он здесь уже два года — взгляд тяжелый — совершенно как у Орсона Уэллса* — сказал, что он из Майсора, сюга. Лицо молодого черного Санта-Клауса — прямо тебе Орсон Клаус — Я первый раз очутился в компании факиров* провел время, хотя был, правда, еще тот, в (северобенгальском) Тарапите, но он совсем одинокий, худущий, и попросил тогда у меня рупию — внешне был похож на Боба Донлона* — Тоже заправски курил трубку с ганджей, как завсегдатай —

Где же теперь завсегдатаи опиумных притонов
в калькуттских переулках

Где сидит стриженная сумасшедшая, что прикована
к койке, за занавеской

в черной кирпичной стене —

Слышен звон каратал и барабанов и
крики «Харе Кришна»

На ночной улице, что творит моление
в Куттаке, при свете свечи —

Торопились, стремясь попасть на автобус — а тут Профессор Философии, с лицом бородатым и демоническим, с сестрой и велосипедом — крикнул «Битник!», когда мы проезжали мимо них — на рикше от ж/д станции, поест карри с курицей — (после того, как полиция во второй раз задержала меня и попросила предъявить до-

кументы, удостоверяющие личность —) он помчался, чтобы перехватить нас на вокзале и узнать наши имена — с Профессором Философии приехали к нему домой, где грандиозный сад, и его крошечная мать в сари подавала нам чай со сладостями, коричневыми мягкими шариками с кокосовым орехом — все прямо на траве, он переводил свои нежные вирши — «Обнаженный в зеркалах» — потом мы были в доме его друга-художника, там большие сброшюрованные листы кубистических усатых автопортретов, все в квадратах и глазах — третий раз задержала полиция, профессор объяснялся с ними на языке ория — «одежда неконформистская» — «но со средствами» — И все это после зеленых чокнутых факиров? Я на этот раз остался совершенно спокоен, крикнув только один раз, хотя и в ярости: «Мы что, по-вашему, на китайцев похожи?» — «Это все последний кризис в Гималаях», сказали нам, вы уж извините нашу полицию — Может, Индия меняется, может, война уже на улицах Куттака — опять чай в лавке и автобусом в 6.30 в Бхубанешвар, домой, там курили и ели бананы, и Питер душистым кокосовым маслом обработал волдырь у себя на ноге.

Куттак

Отправление задержалось на час, а сейчас, должно быть, девять вечера, я уже лежал на второй полке спального вагона третьего класса, бронированного от Бхубанешвара до Калькутты (поезд «Пури Экспресс»), опять подкайфом, — поезд начал медленно покачиваться, и я не мог ничего разобрать — ах да, движемся, а свет стоит на месте — Впрочем, нет, это не мы двигались, а люди сновали по платформе за мутным окном — Поезд пока не тронул-

ся — вот еле различимый свисток где-то вдали — с кряхтением, со вздохами Питер устроился на своей полке — я отдал ему окурочек, чтобы он притушил его там, на нижней полке, среди большущих, скатанных постелей, что скрутились как змеи-скорпионы, пораженные черной слоновостью, обернутые кожей — утром сегодня, как проснулся, кашлял с мокротой — отправились на автобусе в деревню к мистеру Фримэну — он из Чикаго, живет у мандира (Рам Рам) — около храма в Капилешваре — это деревня в двух милях к югу от Бхуба[нешвара], поделенная на кварталы монахов-брахманов, горшечников, подметальщиков улиц, крестьян — мы присели на корточках у небольшой часовни, внутри которой, в темноте, под грубой джутовой мешковиной лежал прокаженный садху из этой же деревни, который бывал и в Кедернате и в Бадхринате* — он высунулся наружу: губа в виде мутного волдыря, опухшее лицо — руки и ноги в болячках — на пятке трещина — розовая, сочащаяся, вся в грязи — мы раскурили с ним его трубку — я коснулся его ног на прощание — он вел себя робко, как девушка: «Был у доктора, лучше не стало. Говорит, чтоб я не унывал, сказал, это слова его гуру, что надо на все смотреть оптимистично — при любом несчастье» — Позже он явно приободрился, мы увидели, как он, нарядившись в кусок красной ткани, двинулся к своему, отдельному мандиру, глыбе, выкрашенной в белый цвет — чтобы положить новые, свежие цветы и окропить водой лингам или какой-то другой образ, какой именно, я не видел. Потом сели в автобус и дальше пешком и на рикше в университет «УТ-КАЛ»* — здание современной архитектуры, там я хотел встретиться с преподавателем философии, который остановил нас вчера на улицах Куттака, после того, как встретили факира Бабууворот. — Все это пишу в грохочущем по-

езде, мои ноги скрещены под одеялом, яркий свет, шуршат елозящие под сидениями чемоданы — старик на темной полке внизу произносит «Рам Рам» дрожащим голосом — я думал раньше, что «мир это много всего сразу, а во мне не все по очереди, одно за другим». — П[итер] мне только что дал свою сигарету — я лежу на полке, и сил или веры вообще нет, даже на то, чтобы встать и записать все в дневник, разве что сохранить это ощущение снов и дней илиною в сон, которые взаимосвязаны и которые можно записывать только как вспышки — в промежутках между вдохами — или затычками — между шарканьем ног, чтением новостей с фронта, под сообщения радио, которое стояло на чайном прилавке у стены на территории Лингараджа, вблизи от автобусной остановки, под ночной желтой электрической лампочкой, — я насчитал около тридцати бездельников, которые слонялись там, слушая речи или программу новостей на языке ория про эти самые Северовосточные пограничные районы и Китай-Ладакх — поезда по всей Индии несутся по темным рельсам, а в вагонах горит свет, вагоны качаются из стороны в сторону, от станции к станции, затмевая ночь и пространство на 200 миль, в вашем сне —

Я задремал — решив, что я заснул, Питер забрал сигареты — сейчас пойдет в голову вагона покурить, скрутить еще один «косячок» — однако он у себя на полке — но я отвлекся — встал сходить по-маленькому и сделать записи и покурить, и стал уже записывать, а тут — бух-бух! забарабанили в запертую дверь спального вагона «Есть свободные места» — Я попытался открыть дверь — она была заперта — о да, само наше существование есть кошмар — стоял на другом конце вагона, уткнувшись прямо в лампочку, вроде Бартлби*.

Присел на единственное широкое деревянное сиденье около двери, под сигнальной лампочкой туалета, у открытого зарешеченного окна — драконы и узоры скорпионовых звезд — темно — снаружи внизу размытые огни, это свет от поезда мчит по песку, вагонные колеса скрипят неторопливо и регулярно, глухо постукивая каждую четвертую секунду — и так до остановки. Заскрежетали тормоза по металлу. «Пури Экспресс» опоздал уже больше чем на час — но где же он остановился? За окном только звезды.

Выглянул — чудеса по Эйнштейну — эффект движущихся поездов — органы чувств изменили синюю ночь, превратив ее в волшебную чашу, усеянную сказочными, вечными звездами — с оптической игрой синего и желтого света — как у горячей спички, когда закуливаешь — В чьи тела мы попали? Телец ли, Скорпион ли, что это за астрологические фигуры в тусклом газе, угадываемые по сочленениям или нервным окончаниям на теле, которое больше космических конструкций на фоне пустой синей сцены бесконечного воздуха — космического пространства — тут я вернулся на свое место поразмыслить над этим. Питер как раз готовил новую порцию чая, на сиденье у окна.

Сгустилась тьма — Позже — окно — деревья проносились вихрем — редкие огни у ворот над водой — красные станции вмиг оставались позади — я наблюдал за домами — искрами — Искры из глаз, от кашля, — едва различимые царства деревьев, погруженные в мягкую, прохладную тьму — Звезды над Деревьями — пошел по ходу поезда, хотел пописать, потом заснуть во тьме — до составления следующего протокола о Муктешваре, уже в квинтильонный раз. Кто я кто я? это голос у меня в ушах под грохот поезда. Поглядел в зеркало — Какой глаз победит, пра-

вый или левый? В коридоре, при (свете надписи «туалет» — в ручке закончился стержень).

Калькутта —

Оказался в серой металлической дымке под мостом Хаура, перешел на ту сторону, был отлив, под солнцем серебрился туман, кругом грязь, корчились трупы — Бесцельно шатался весь день, таская с собой большую сумку с почтой и фотографиями в журнале «Тайм», и курил ганджу, потом поел в китайском ресторанчике, в Армии спасения, завтракал в Ассоциации молодых христианок — начал искать гостиницу — но в конце концов попал в ночлежку Армии спасения, прочел рецензию в «Ньюсуике» про Берроуза, «гениальный безумец?» пишут — вокруг меня собрались одни англичане да валлийцы, все кашляли да балагурили — жаловались, травили шутки с бородой — типа «В 1910-м году обошел все дома призрения», «Ну как, всюду презирали? Или сам прозрел?» — это за 40 рупий — «Пошел бы посмотрел «На юге Тихого океана» * — пишу это в постели — вокруг люди кутались в одеяла, их голоса хрипели, в горле клекотала мокрота, — в мои глаза лезет неверный свет неона.

Некий седовласый мужчина рассуждал про «содержание сахара в свекле — вы читали в «Стейтсмене», а? — по-моему, в белой свекле сахару куда больше, чем в красной». «В стране столько перемен! А будет еще больше». «Ужасная коррупция» — Звучит почти эхом разговоров на кожаных диванах в клубе или же на корабельном полу-баке, куда вышли передохнуть кочегары — «Это и есть процесс эволюции» — шаги затихли, дрожащие голоса — огни Армии спасения по соседству выключили в десять

вечера — вышел на бетонную пожарную лестницу, в синей ночи разглядывал улицу за дворами и борделями.

Калькутта, 3 декабря 1962 года —

Купил билет в Бенарес на следующий понедельник, скоро уезжать мне отсюда.

Теперь в гостинице «Чоуринги», дом 2 по улице Чоуринги, на пересечении с улицей Дхарматала — шел пешком домой прошлой ночью, после похода в подпольную распивочную, где подавали кокосовое вино «тари» в белых квадратных бутылках, оно на вкус как слюна, только прохладная — на столе, покрытом корой, скрутил себе чинарик с танджей, там был женоподобный евнух в красном Сари с гирляндой колокольчиков на лодыжках, с накладным бюстом из материи, он противно танцевал, рука его все извивалась, спускаясь вдоль щек — и был подросток в черном бархатном пиджаке и в белых чистых брюках и рубашке, он все кружился, и шея у него была как змеиная — медленно двигались его руки, ладонью вверх к уху, потом над бугром тибетского ландшафта на голове — евнух, то поворачивался к паренюку, извивавшемуся в твисте у него меж ног, то отворачивался от него, без конца тряся задом, наруганными, наверное, ягодицами, в белоснежных шароварах — После я зашел в писсуар у правительственного здания из красного кирпича, сюда не заглядывала луна, в этот ночной закуток, окруженный забором и живой изгородью, мимо грохотали трамваи — там сзади, в темном отделении с высоким потолком стояли мужчины — один юноша прислонился к кирпичной стене, повернув лохматую голову в сторону луны — у старого мужчины вокруг шеи намотан шарф —

многие мужики в Калькутте не показывают свое лицо, ходят, обмотав шарф вокруг головы, лишь глаза из-под него горят — один был бандитского вида — и еще мальчик на той стороне, напротив меня, совсем юный, его глаза часто встречались с моими, пока он выпивал с друзьями и порой приглаживал волосы этими оккультными индийскими жестами, когда рука изгибается, как змея — потом он танцевал, придерживая справа ладонью свою прическу — ах, какие были танцы в Танжере, и мальчики из ювелирных лавок, и танцоры из табора, во время лошадиной и гашишной ярмарок в стороне от города, в деревне, милях в десяти от проспекта Пастера — Ирвинг там сейчас бродит, обедает себе в «Париже» —

От нар Армии спасения у меня разболелись спина и почки — теперь сплю на более твердом матрасе, кровать с деревянной рамой — уличные фонари на Эспланаде над улицей видны прямо из моего окна на втором этаже — долгие поездки через чернильно-черную мглу, что размывает свет фонарей в конце широкой улицы, за несколько кварталов отсюда — от них небо над крышами еще чернее —

Стоял на коленях у ног Питера, он в красной рубашке, моя грудь прижималась к его груди, обтянутой рубашкой, лицом уткнулся в его теплую кожу, пока он меня дробил — а потом я обсасывал крупный жаркий сосок его крошечки — поздним утром, в девять, еще в постели, пока по Чоуринги неслись на работу толпы людей — потом помчали по проспекту на такси к современному красному многоквартирному дому с кондиционерами, где мы оставили на время свои рюкзаки с книгами, танками, а также сарод* и пишущую машинку —

Ашок, Сунил, Хоуп, все за столом, чай — Потом на Нимталла-гхат — половинка луны висела, как наклонен-

ная чашка, над силуэтом моста Хаура — гул трамваев на нем, как морской прибой, слышен за милю, огни моста протянулись над черным Гангом с одного берега на другой, к вереницам нечетких, сбившихся в кучу огоньков. а красно-желто-оранжевый флаг все той же рекламы сигарет «Уиллс Голд-флейк» свечой горит в воде — месяц назад мы стояли вот тут, в парке, на молу с высокой бетонной балюстрадой, и на нас вдруг с низким гулом покатила горб приливной волны, а мы устали на нее с берега — я тогда, убегая, потерял сандалии в пепельной грязи.

Дым сегодня, совершенно белый, перекачивался за стену — сидели несколько кружков вторичных ночных курильщиков ганджи, перед горками цветов, завернутых в конусы пальмовых листьев — знакомые жалобщики-садху нарисовали спереди на голове красно-черный третий глаз — в знак поклонения Кали Ма — 30 центов в новых пайсах. — 90 новых пайсов за три пальца ганджи — Нет желтых пачек, по десять сигарет в каждой — сидел в полночь в небольшом квадратном шумном мандире — скатывал ганджу на теплом мраморном полу — угольная печка из серой глины на кирпичках или камнях — ярко-красные угли и котелок с тонко нарезанной картошкой, которую жарят на гхи — я принес к общему столу коробку сладостей из вареного молока — «расгулас»* и прочее — внутри белые и сочные — картонка на полу, настоящее сокровище — О тот красивогрудый, курносолицый, длинно-спутанно-волосый, мускулистый садху, рядом с которым я провел целую ночь тогда, много ночей назад — когда я на прошлой неделе проходил мимо и зашел к нему внутрь, он поманил меня к себе и выдал целую пригоршню прасада — белые шарики сахарных сластей — как он и раньше мне их давал, целых три пригоршни, когда я спал около него,

порой любясь, как он раскинулся на джутовой циновке, обернув накидкой свое сияющее тело — но как только пандасы начинали окроплять двор водой, я отбывал во-свои, в жар горящего гхата — и вытягивался на мраморной скамье в этой спальне-ночлежке садху или же в беломраморном алькове скорби, на коричнево-кремовых стенах которого написаны на бенгальском языке имена почивших — Сунил показал мне собственную фамилию, написанную тут всего неделю назад — дата смерти его отца — и вот теперь я и Хоуп — мы все втроем сидели на стенке вместе с группой садху и скручивали чинарики и курили и все поедали прасад, я тогда спросил у садху имя его гуру и адрес, и еще спросил, можно ли будет мне его сфотографировать позже в этот же день, чтобы отдать его фотографию в Бенаресе, прямо в руки его гуру, который конечно же будет в восторге — все это благодаря Хоуп, она переводила на урду — он подарил мне большую гирлянду цветов — потом, после посещения красно-коричневого павильона, где бихарские парни монотонно гянули молитвы под звуки каратал и барабанов, в полночь начался киртан, блики, отраженные от реки, свобода — экстатическое звучание каратал, нарастающее и потом резко спадающее, чтобы опять взметнуться ввысь — и вот стали раздаваться крики — юноши кричали «Хари Хари Бол» («Скажи: Хари — Вишну») («Назови имя: Хари!») — Назови то самое Имя! — это на входе в ворота Горящего гхата — несколько трупов, один завернут в белое, весь укрыт цветами, лицо скрыто, женщина на веревочном чарпое — потом мужчина с лысиной, у него и голова и пятки выкрашены красной краской — все ждут своего часа и никого поблизости, а ждут либо что поднесут достаточно поленьев, либо нужного момента времени, что-

бы перенести его в ярко-алое пламя — апельсиновые духи — когда уезжал оттуда на такси, подошла целая процессия, сначала несколько танцовщиков и барабанщиков, один все отскакивал назад и усыпал цветами дорожку, по которой несли труп, все носильщики были друзьями покойного, а за ними только несколько родственников, и вся эта брейгелевско-диснеевская сценка мигом, за какую-то минуту, пронеслась за окном быстрого такси, потому они еще только шли во двор с горящими поленницами, а мы уже оттуда возвращались.

Эта женщина в Пури, на пляже, которую все носили вокруг погребального костра, она была так худа, и ее положили на поленницу лицом вниз, будто она прилегла на свою руку, которая виднелась из-под кучи щепок, наваленных на сломанную деревянную кровать — и огонь тут же начал потрескивать у нее под грудью и головой — загорелись волосы — прямо на берегу океана, около местного пляжа — несколько садху, завернутых в дхоти, какие-то рабочие, простые люди сидели в тени стены и разговаривали и курили красные трубочки — тут мы тоже закурили свои сигареты с ганджей.

* * *

Грибы не есть бог, однако вовсе не не бог.

* * *

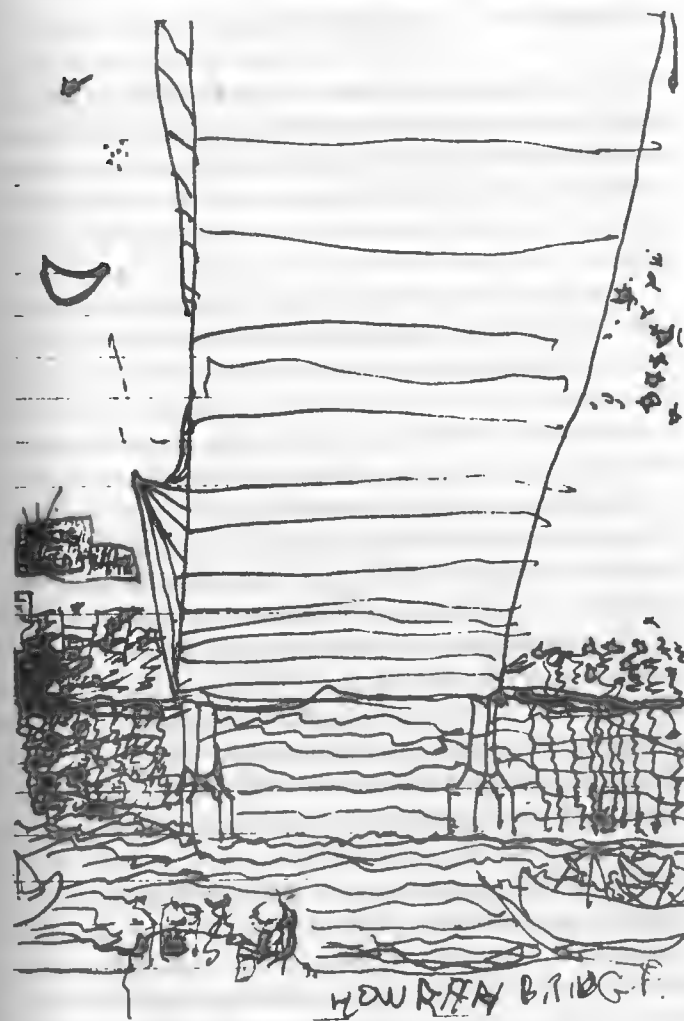
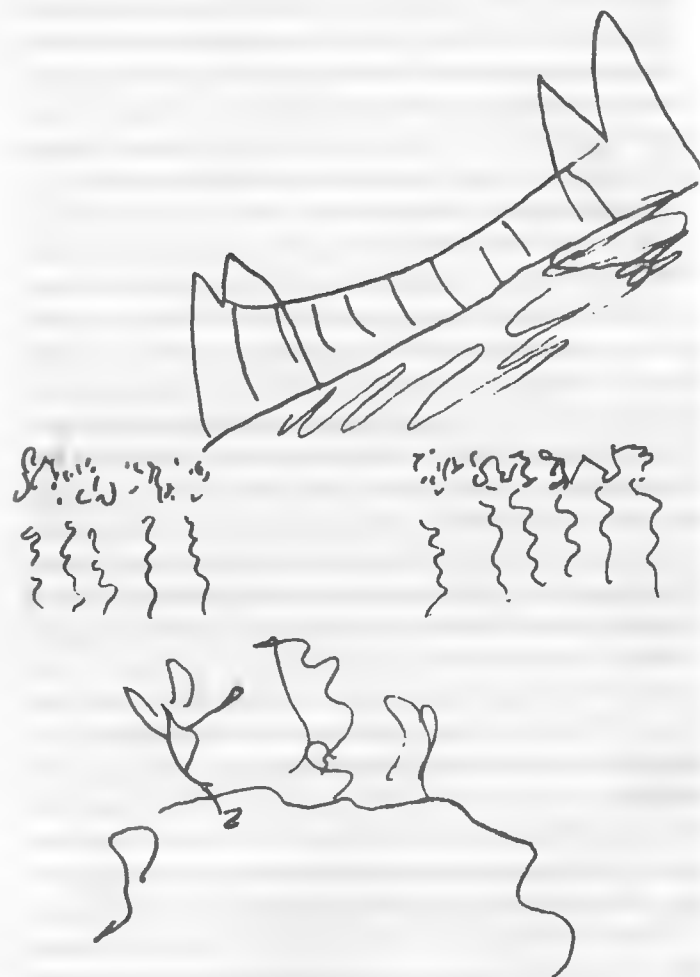
Хоуп все печатала письма в министерство внутренних дел, просила пересмотреть распоряжение о высылке ее из страны.

Китайско-индийская приграничная война на Северовосточных территориях и в Ладакхе сегодня закончи-

лась, сказал Сунил Гангули в кофейне — сегодня суббота, пещер — я заболел, у меня катастрофа с мочеполовой системой — легкая боль при мочеиспускании и постоянные позывы помочиться — много кристаллов оксалата кальция, моча кислая, поэтому они не растворяются, и крошечные острые кристаллы без конца раздражают мочевыводящие пути, в результате я чувствую боль, и неприятно писать — немало и красных кровяных частиц —

Отправился в кофейню повидаться с Сунилом и Шакги и остальными, с Шанкаром, этим пьянчужой, и с Дерекком Боширом — вскоре надоело болтать с ними, и я двинулся по Махатма-Ганди-роуд, мимо людей, спящих в грязно-серых одеялах под сводами галерей, малыши раскинулись во сне, их коричневые голые попки на руках у матрон, по обочинам костры, над ними висели котелки скорчившихся поодаль нищих-беженцев, одна женщина растирала пряности в красную пасту прямо на мостовой, то есть мостовая у нее была вместо кухонной доски, она скребла камнем о камень, возя ими в мокром, красном пятне пахучей смеси — Под мостом (мы несли с собой здоровенные, скатанные в трубку календарные плакаты с Кали и Хануманом, и Ганешей, и Шивой, и Вишну, купили их в шести кварталах отсюда, где они висели на фонарном столбе) — Сидели и слушали гул машин на мосту, передавая по кругу чилам, уставившись на визуальное сужение арки моста посередине, а мост был будто парящая крыша над берегом, его четко, как по линейке, прочерчивал по горизонтали пунктир красных и белых огней — мы с Дерекком обсуждали проблемы пространства

Вдруг появились двое полицейских в черных мундирах и с красными коронами на голове и отвели нас в полицейский участок.

Надпись внизу справа, от руки: МОСТ ХАУРА.

Калькутта — 9 декабря 1962 года

Серые камни, вечерние сумерки, приехал на рикше к Нимталла-гхату, большая толпа и несколько отдельных групп людей под красно-кирпичным сводом павильона гхата, они позвякивали караталами, курили, и среди стен не стихал звон от похоронных песнопений —

Вдоль спуска гхата, на ступенях, собрались сотни людей — слушают распевный речитатив молитвы — серые Ворота, ведущие во двор, забиты родными и близкими покойных.

Сумерки, и только огни через реку, на мосту Хаура, да фиолетовые отсветы под ними, на закатной стороне.

Над Калькуттой почти полная луна.

• Я прошел вдоль ряда горящих трупов — какая-то тоненькая женщина взмахнула руками, сидя, как насекомое, на куче золы у нескольких тлеющих углей — жестом пригласила разделить ее горе — позже я прошел мимо нее еще раз и предложил ей мелочь — она взглянула на монеты, схватила их и тут же отшвырнула прочь, к соседней яме с углями и пеплом, где бородатый садху, присев на корточки, поджаривал свои лепешки (маленькие плоские пури), прямо на огне, что пробивался из тлеющего пепла, усыпанного жаркими углями.

Наэтот раз я присел рядом с нею и, высунув язык (вытащил его большим и указательным пальцем), показал, что не могу говорить. Она лежала на краю седой узкой ямы, с одной стороны худая спина и зад, бедра прикрыты тряпьем, ноги и пятки под подушкой — она все размахивала руками у себя над головой — Один садху в красных одеждах и с Трезубцем Шивы, словно с вилами (так

что он в самом деле походил на дьявола, весь в красном), подошел к ней и шлепнул ее по спине...

Когда я присел, она заговорила на бенгали — правая рука у плеча была поранена, кожа рассечена и рана измазана пеплом — тонкая рука, она открыла рот, обнажились десны, два зуба, а занимай язык — она отбросила в сторону несколько угольев с края ямы, где я сидел, и рукой показала мне: ложись. Я немного еще посидел с нею, поцеловал ей руку, потом встал и ушел.

Перед алтарем в мандире сидел на одеяле садху, его волосы были закручены в высокий узел и подвязаны красной лентой, а рядом с ним лежала большая корова, на лбу которой красным было отмечено место третьего глаза — я видел, как многие, проходя мимо, возлагали руку на нос коровы и одновременно другой рукой касались своей груди слева или же лба, будто желая продемонстрировать корове свою к ней расположенность. Садху сидел и раскачивался вперед-назад, постукивая железным кольцом по стальной колесной спице, которую держал у себя на коленях, он распевал молитву, и сталь звенела о сталь в такт с мелодией.

Одна поленница горела, в другой бамбуковыми баграми переворачивали тело — в области бедер ноги отделились от тела — они уже почернели, и вокруг пылал красный огонь.

Огромный круг людей в находящемся рядом пепельном саду — все они пели под гром барабана и звон маленьких ручных колокольчиков-каратал.

Завтра отправлюсь в Бенарес, а сегодня мои последние воскресные сумерки здесь, и народу пришло больше, чем я когда-либо видел.

10 декабря 1962 года, 10 или 12 часов дня
В третьем классе поезда «Дун Экспресс»
до Бенареса

В зеркале уборной впиваюсь себе
в черноглазое лицо
вглядываюсь сквозь темные, блестящие волосы
спереди они уже редуют — мы
все умрем

письмо каракулями, с ангелочком
вокруг сияет нимб
(от Билла вести скупы — выслал письма
в день, когда я уезжал из Калькутты —)
и вот в поездном зеркале
гремит «омм-омм» рельс, другого
мира слабый вопль вдох
ухо пищевод шампур —
думал, это и есть то самое
то самое Машины —

Хоуп носится туда-сюда
в консульство, службу информации*
«Ясно, она либо служанка, либо великая дама —
тонкая бровь, благородный ум» —

Курю одну за другой сигареты, кашляю, ноги
скрещены, я у себя на полке, свет горит весь, в том
числе синяя лампа, медленно крутятся пыльные
вентиляторы — но чистый вагон
качается по рельсам по дороге
в Каши*, самый древний в мире

город, где от века жили люди —
Пригласить Чжоу-Энлая с Мао-Цзедуном — в Индию —
Неру один — тайное интервью с Дороти Норман* — какие

вопросы? Заговор в журналах — эфир предан забвению —
присоединение к «Общему рынку» — Заговор между его
членами, лишь бы не допустить туда Англию — политиче-
ский союз — Франция независима — ну и чудно — Никто,
надо думать, не зажжет звезду войны.

Эволюция человечества, по-видимому, имеет смысл:
сложность в выборе между жизнью и смертью, желани-
ем объединиться и Не Погибнуть, пойти на компромисс,
перестать параноидально бояться скрытых мотивов в
действиях противной стороны или Лично всесторонне
обсудить проблемы по телевидению — За всемирные те-
левизионные дебаты через «Телестар»* — гонка освое-
ния космоса —

и смерть раскинет крылья
над каждой душой на свете
которая читает
Америке нужен «союз с Китаем» —
Демократический коммунизм —
свобода для всех — должны быть гарантии
капиталистических республик

Выходя из ванной, я думал — у кого все деньги, у кого
большие дома — то же спросил Джибананда Дас*, преж-
де чем его переехал Трамвай — Жаль, он не с нами —

«Трое нищих
умыв свои длани на сером ветру
испив серый ветер из собственной пригоршни
на углу Бентик-стрит
в центре Калькутты вблизи от
почтамта на спокойной широкой улице
Трое нищих над котелком
колдуют, варя себе что-то на углях —
Вот подошла старуха, ведь тепло

от костра нужно и ей —
И они толкуют, кому принадлежат
Дома Калькутты,
кто выиграл или спустил все деньги —
А кто бёдра припомнил
на пуховой постели» —

Меня обвинили в том, что я сплю со всеми — представил себе, как я женюсь на Хоуп, чтобы спасти ее от невзгод — от Государства — Чтобы она осталась на свободе — Шелли точно так бы и поступил.

На пароходе в Ирландию, на трясушемся поезде в Каши, Кто у власти в Китае — Мао-Цзедун один, Чжоу-Эньлай — Мао должен персонально ответить, он ли евтушенковский Сталин, или он сталинист по телефону? Телефонная линия сталинизма? Мао должен написать поэму на границе.

Чтобы договорились относительно границы: сделать гималайские города открытыми, вольными городами — Предложить, чтобы резиденцию ООН построили на Гималаях — Далай-Лама — Истории о зверствах в Тибете: это правда или нет?

Отпечатать документы — Хоуп лишилась цельности и чистоты, совсем как рыцарские романы в 1810 году — плутовской роман о Невинной Деве — мне бы сходить в полицию — написать жалобу — встретиться с Неру — или он недоступен? —

Надо же: недостаточно лохматая! Рассказал Джерри Ньюмэн: история про сумасшедшую собаку лохматого дворецкого — захлопнуть дверь из-за неверного мыслительного процесса, неопределенно представляя себе точную степень лохматости, обозначенную словом «лохма-

тмий» в лондонской «Таймс». Этот парень прилетел из Нью-Йорка, приволок собаку на самолете — чтобы заняться мескалиновой поэзией в Греции¹ —

Мао что, капитан Клэггерт? А Неру, может, Билли Билд?^{*} Или обречен, как любой, покрытый черной плотиной скелет, который готовит себе рис, приткнувшись к забору у скопища хижин в калькуттском Чайнатауне — Промышленное предприятие в открытом пространстве — внутри — снаружи на улице полным-полно такси и огромных двухколесных ручных телег с грузами, и бамбуковый плоский пол положен прямо на мокрые булыжники мостовой за бетонным мусорным ящиком без крышки на углу улицы — кто-то рылся в грязи отбросов — кто-то и белые корзины на обручах —

В поезде плакал младенец, у меня на коленях лежали письма и записная книжка про извержение, случившееся у Керуака^{*}.

Все бояться вмешиваться — значит, вмешаются народы —

Позитивная программа мирного прогресса

1. На следующее лето представители Красного Китая, в своих широких брюках, должны занять место в ООН^{*}
2. Далай-лама пошлет своего представителя, в халате ламы.

¹ Однажды Терри Ньюмэн, купив в нью-йоркской публичной библиотеке лондонскую «Таймс», в разделе «Потеряно и найдено» увидел объявление: «Потерялась большая белая лохматая собака. Нашедшему вознаграждение». Он изловил на Пятой авеню какую-то большую белую лохматую собаку, купил и себе и ей билет на самолет до Лондона, а когда наконец оказался у дома на Гровнор-Сквер, ему открыл дворецкий и, холодно оглядев их с собакой, со словами «Недостаточно лохматая» захлопнул дверь у него перед носом. (Примечание автора.)

3. Во всем мире надо легализовать киф, ганджу, мари хуану, каннабис, гашиш, бханг.

4. Провести теледебаты через спутник «Телестар» с участием Хрущева, Кеннеди, Мао и Неру, которые будут вместе в ООН, с переводом на все языки мира — и по радио и во всех газетах, на полных стадионах, или в Новом городе ООН в Гималаях, под стеклом, с подогревом, круглый год доступном для транспорта — промежуточные станции по дороге в горы, железные дороги, шоссе. Специальные остановки для «автостопщиков» и большая дешевая гостиница для молодежи —

5. Изобрести миниатюрную транзисторную приемную-передающую телевизионную станцию, которая бы настраивалась на почти бесчисленное количество всевозможных станций, и каждому жителю Земли дать по одному такому устройству: Центральный Передатчик при этом будет лишь одним из многих. Огромный промышленный проект для создания всемирного фонда продовольствия для всех: комиссия ООН по технологическому развитию сельского хозяйства во всем мире, по 50 миллиардов в год от США и России —

Если необходимо, американцы будут получать автомобиль только раз в четыре года. Лишь по одному на человека. Совершенная технология позволит выпускать такие благозвучно урчащие машины (сделанные вручную), которые будут работать вечно — хотя бы, лет тридцать — как и любая вещь, сделанная человеком, мы ведь научились делать ракеты, так почему не выпускать автомобилей больше и лучше — и меньших размеров, и мотоциклы — реконструировать улицы городов, чтобы справлялись [с транспортом] — уменьшить количество людей с помощью барьерных средств контрацепции, например кол-

пачков и презервативов, чтобы ООН настаивала на этом и раздавала бы их бесплатно. Единственное удостоверение это карточка, где указано, что человек пользуется таким-то средством — к вопросу о том, как покончить с папиротами.

Единый закон для всей Земли — Передача Суверенных прав. Свободные всеобщие выборы всемирного президента — Чью кандидатуру выдвинут отдельные страны? Как автоматизировать выборы мирового президента
Все плетут интриги

Черт, ты что, хочешь сказать, будто наш мир не должен во что бы то ни стало иметь друга?

Поезд остановился в Бурдване* так? Ничего не понимаю. Свисток локомотива, и человек рядом со мной вдруг задохнулся, и мертвый Селин в карманном «Путешествии»* все твердит правду, ту, что знал, что у него на уме, то и говорит —

Так закончи же книгу, чтобы увидеть, что за гхаты в Кашмире? — что за обнаженные люди на реке — и что за обугленные ноги или чресла служители подталкивают бамбуковыми баграми к центру костра?

Вечный гром «омм» на мосту Хаура

Это Грохот Грядущего Рока,

сказал Дерек, и тут вдруг — эхо в моем

мозгу от удаляющегося

стального гула трамвайных

колес, бьющих по рельсам

гудящего бетона и металла —

А эти чосеровские типажи паломников на мосту Хаура — торговцы гребнями, предсказатели будущего, нищие с обезьянками, игроки в карты, звездочеты, чистильщики обуви, полуголый садху, что растянулся на широ-

ком тротуаре, а рядом лежал его посох — группа огромных черных буйволов, они поперли вверх по асфальтовой горе к центру — куда мы ездили сегодня в повозке, загрузив в нее разом и рюкзак, и сарод, и двух девушек — сквозь черную дымку раннего вечера к Огромному Вокзалу Хаура, там толпы на платформах, спешка-гонка с багажом, чтобы найти нужные, заранее забронированные полки, и задвинуть гробик сарода в футляре под нижнее сиденье, и сунуть туда же полосатый зонтик и пишущую машинку, а рюкзак Питера поставить уже в проход — я сидел себе на полке и писал и читал Селина, пригнув голову в тряске вагона.

* * *

Бенарес: прогулка в первый вечер —

Бродил, спотыкаясь, между кострами и коровами там, где сжигают умерших.

Уставился на коровье вымя, и корова вдруг прыгнула, оттолкнувшись всеми четырьмя ногами одновременно, «занервничала».

Коровы (их одиннадцать) таскались по гхату Маникарника* в полночь, при свете полной луны, и жевали тростниковые веревки, мусор, оставшийся от мертвецов, что валяется на песке у поленниц, на которых горели завернутые в белое полотно трупы.

Сел не на тот автобус, чтобы ехать домой, а ведь уже гордился про себя, как быстро разобрался в здешних автобусных маршрутах — но привез он меня к вокзалу Каши, а не к казармам, где мы остановились.

Одет был по-западному, в черный свитер и клетчатую байковую рубашку, ночью прохладно.

Прошел вдоль гхатов, мимо зонтов и людей, спящих и на верхних, и на нижних ступенях гхата.

Среди полночных пустых улиц высокий, ясный звон колокольчиков вело, они неслись вниз по наклонным пандам, объезжая магазинчики, перезваниваясь друг с другом, перекликаясь.

Темная, рембрандтовская буйволова голова и плечи, мужчина мигнул, выплянув наружу из своего алькова — напугавший буйвол в темной нише.

Побродил туда-сюда по гхатам, один над другим песчаные уступы, на разных уровнях, у лестницы увидел красный круглый черпак, который пускает в ход, чтобы потушить огонь, когда тело уже стorerело — увидел его на первой ступени у стены и сказал сам себе «Ух ты, старый черпак!», вспомнив про тот, на который наступил психоаналитик на Нимталла-гхате — и решил не искушать судьбу, не наступать — подумал, правда: «Рано или поздно и тоже наступлю на черпак и разобью его» — и присел не подалеку, хотел разглядеть горящий труп — смотрел пристально, со стены. Всего минуты через две кто-то прошел мимо — индеец в шарфе, чтобы защититься от холодного ночного воздуха, провожавший кого-то в последний путь — он и раздавил черпак, наступив на него. Потом я снова услышал этот звук треснувшей глины, когда отбросил в сторону плошку из-под молока*.

И донесся тот высокий, тонкий, нежный, полночный перезвон, что тут же напомнил мне (когда я слушал на гхате звон с бенаресской башни) башенные чаши на ж/д вокзале в Лиме, в Перу «Уже пробили раз, а больше никогда».

ком тротуаре, а рядом лежал его посох — группа огромных черных буйволов, они поперли вверх по асфальтовой горе к центру — куда мы ездили сегодня в повозке, загрузив в нее разом и рюкзак, и сарод, и двух девушек — сквозь черную дымку раннего вечера к Огромному Вокзалу Хаура, там толпы на платформах, спешка-гонка с багажом, чтобы найти нужные, заранее забронированные полки, и задвинуть гробик сарода в футляре под нижнее сиденье, и сунуть туда же полосатый зонт и пишущую машинку, а рюкзак Питера поставить уже в проход — я сидел себе на полке и писал и читал Селина, пригнув голову в тряске вагона.

* * *

Бенарес: прогулка в первый вечер —

Бродил, спотыкаясь, между кострами и коровами там, где сжигают умерших.

Уставился на коровье вымя, и корова вдруг прыгнула, оттолкнувшись всеми четырьмя ногами одновременно, «занервничала».

Коровы (их одиннадцать) таскались по гхату Маникарника* в полночь, при свете полной луны, и жевали тростниковые веревки, мусор, оставшийся от мертвецов, что валяется на песке у поленниц, на которых горели завернутые в белое полотно трупы.

Сел не на тот автобус, чтобы ехать домой, а ведь уже гордился про себя, как быстро разобрался в здешних автобусных маршрутах — но привез он меня к вокзалу Каши, а не к казармам, где мы остановились.

Одет был по-западному, в черный свитер и клетчатую байковую рубашку, ночью прохладно.

Прошел вдоль гхатов, мимо зонтов и людей, спящих и на верхних, и на нижних ступенях гхата.

Среди полночных пустых улиц высокий, ясный звон колокольчиков вело, они неслись вниз по наклонным улицам, объезжая магазинчики, перезваниваясь друг с другом, перекликаясь.

Темная, рембрандтовская буйволова голова и плечи, мужчина мигнул, выглянув наружу из своего алькова — вправду настоящий буйвол в темной нише.

Побродил туда-сюда по гхатам, один над другим песчаные уступы, на разных уровнях, у лестницы увидел красный круглый черпак, который пускают в ход, чтобы потушить огонь, когда тело уже сгорело — увидел его на первой ступени у стены и сказал сам себе «Ух ты, старый черпак!», вспомнив про тот, на который наступил психоаналитик на Нимталла-гхате — и решил не искушать судьбу, не наступать — подумал, правда: «Рано или поздно я тоже наступлю на черпак и разобью его» — и присел не подалеку, хотел разглядеть горящий труп — смотрел пристально, со стены. Всего минуты через две кто-то прошел мимо — индеец в шарфе, чтобы защититься от холодного ночного воздуха, провожавший кого-то в последний путь — он и раздавил черпак, наступив на него. Потом я снова услышал этот звук треснувшей глины, когда отбросил в сторону плоску из-под молока*.

И донесся тот высокий, тонкий, нежный, полночный перезвон, что тут же напомнил мне (когда я слушал на гхате звон с бенаресской башни) башенные часы на ж/д вокзале в Лиме, в Перу «Уже пробил раз, а больше никогда».

Бенарес — Вернаси, 12 декабря 1962 года

Был в Отделе туризма, белое помещение, увешанное плакатами, тут и Канченджанга*, и тибетские ламы, дующие в длинные, изогнутые роги, а на заднем плане безбрежные белые горные хребты, восходящие к облакам снега у подножия ледника — Вышел к гхатам вдоль широких вод Ганга — на небе идеальная голубая луна — ночь — совсем как в Венеции*, шагал по ступеням вверх-вниз, шел сквозь ворота, перешагивал через крутые бетонные блоки у края воды — по дороге увидел лестницу вниз и прошел над все этим, на ступень выше, вдоль всего берега — видел оборванца, он, горбясь, тащился по лестнице вниз, голова его по-зимнему обмотана плотным шарфом — шел и шел, пока не добрался до костров на гхате, и там присел на корточки и стал размышлять про само это слово, «корточки», и что дальше может случиться — как раз переворачивали черный, маленький, как кукла, обугленный труп — это был ребенок с тонкими ножками, карлик — дым летел мне в лицо — едкий запах заплесневелого дерева, прокисших костей, все одно — обошел вокруг него, мимо ряда наблюдающих за кострами, сидевших на стене, они внимательно следили, на каком уровне огонь — по лестнице, ведущей на боковую стенку у воды, побрел наверх, в Купол, откуда видны все уровни и все костры, курил и впал в раздумья — потом перебрался в другое место, где была корова, лежавшая, подогнув ноги, подняв голову, с открытыми глазами, и ухо ее шевельнулось, когда я тихо произнес «ом» — потом шел назад, вспоминая Венецию, вдоль де-кириковских*, высоких Гиостических Стен — похоже на испанскую Гранаду — и вернулся

Собирался перечислить все, что было прошлой ночью — но не смог вспомнить и перебрал события по отрывочности, в том порядке, как они всплывали в памяти — Минареты и залитые лунным светом башни — вдруг обнаружил, что иду по самому низу, по тропинке, которая и дело почти исчезает под водой (как у скалистого подножия стены, когда мы с Питером шли домой берегом Индийского океана — это было в Момбасе*, по пути от большого порта с пирсом, где причаливают дау* — из Аравии, из Качха*, из Омана — подгоняемые сезонными муссонами) — значит, я оказался у самой воды, увидел кирпичную лестницу, ведущую вверх, понял, что вернулся на тот уровень, где уже был, где длинная эспланада почти пирамидальных лестниц вдоль высокой набережной Ганга, усыпанной небольшими храмами и зонтами каменных идолов* — тут понял, что уже однажды шел по этой же лестнице к реке, которую видел прежде (прошел мимо и подивился тому, что там, внизу, с нею творится). Какой-то человек в шарфе-бурнусе, накрученном вокруг головы, медленно спускался в тень — и что он только собрался делать, подумал я, да и Джек бы, конечно, тоже подумал —

13 декабря 1962 года

Ходили с Питером в четверг вечером на гхат Маниририка. Сидел там на каменных выступах над пеплом, над песчаной отмелью, где было множество горящих пощениц, где коровы совали свои большеносые головы прямо в их основание — пламя освещало коровьи лбы, глаза их обычно прикрыты, они подхватывали и жевали желтые стебли соломы, которая идет на растопку —

парень выгнал трех коров из прямоугольного сада огня — они начали подбирать раньше времени то, что осталось после сжигания покойника — или же гонялись друг за другом, мешая проходить людям — рядом труп, завернутый целиком в белый саван, уже объятый языками пламени, весь почернел, колени обвисли, горело уже и покрывало, и из-под него слишком сильно выперло ухо, а позже все превратилось в тонкую черную мумию, лежащую в огне — разожгли самую дальнюю поленицу, потом парни с бамбуковыми баграми заткнули куда-то в середину и перевернули тело лицом в огонь, а череп свесился наружу из костра — средний труп уже прогорел насквозь, так что внутренности выпали (то есть выскочили), прямо как квелый, угольно-черный чертик из табакерки — тут, четко обрисовавшись, восстала вся его правая нога, до самого бедра, пока парень багром подправлял ее, а потом он подтащил и закинул вторую ногу, с растопыренными пальцами, и она плюхнулась, подпрыгнув, как мягкое бревно — а ладонь, пока горело туловище, медленно поднялась над грудью (не поймешь, мужчина это или женщина, хотя на запястье вроде бы был обгоревший браслет) — с обеих сторон от черного черепа плясали рыжие язычки пламени — над поднятой ладонью и над обеими ступнями, подоткнутыми повыше, которые уже отделились от всего остального и горели в центре этого одра — так превращается в пепел страх — подумал я, так сгорает во мне суета сует — Собаки, свернувшись калачиком, спали в тени на ступенях, пока луна восходила на западе, а рядом с нею был Орион, и плоский поднос Ганга простирался до дальнего песчаного отлогого берега — когда мы уходили, костры отражались в реке, белая дымка краснела всполохами над водой, закованной огромными замко-

выми ступенями набережной и высокой Дхармашалой из кирпича, куда приезжали умирающие, чтобы вдохнуть чужим погребальным костров

В зеркале уборной регионального Отдела туризма,
13 декабря 1962 года.

14 декабря 1962 года

Ел вчера банан — нежный, белый, кремовый, спелый, дешевый банан — Я еще сказал Питеру: «Природа действительно прекрасный повар». Ну, на самом деле, я сказал: «Природа — прекрасный повар».

Сегодня после полудня сидел на высоком балконе из красного песчаника, над гхатом Маникарника — видел, как тело поддели баграми и поставили торчком. в рост, так что оно упало из костра наружу и валялось, совершенно черное, на земле — это промах того, кто орудует багром — он поднял тело, под совершенно грандиозный фейерверк искр, и отскочил, зажмурившись, чтобы увернуться от жара — тут подошел его наставник, воткнул свое орудие в бок трупа и подвинул его в самую жаркую, раскаленную часть костра — голова в результате устроилась на подушке из черных поленьев.

Нашел комнату для жилья, с каменным полом и огромными дверями на три стороны, отсюда с высоты третьего этажа открывается вид на деревья с обезьянами, на небольшой рынок внизу, с одной стороны, а с другой на усеянную нищими улицу, ведущую к гхату, причем в стенах сделаны полки для книг и для образов. 43 рупии в месяц.

Суббота, 15 декабря 1962 года —

Переехал в черно-белую комнату на третьем этаже, с высокими потолками — девять великолепных дверей, по три на почти все стороны света, на север, юг, запад и еще длинный балкон, весь для меня одного на север и на юг,

с мелкой металлической сеткой, как в курятнике, для защиты от обезьяньего народца, болтающегося по соседским крышам — купил соломенные маты, глиняные горшки для воды и жестяное ведро — вкрутил яркую, сто-ваттную лампочку и поставил деревянную статуэтку Чайтаньи, а Питер, в одной из ниш над дверьми — своего краснобрюхого Ганешу с тремя изысканными глазами — слушал по транзистору Радио Пекин — сделал укол морфина с атропином, чтобы успокоиться, на чарпое (веревочная постель на деревянной раме) масса одеял для холодной зимы в Бенаресе — есть и письменный стол, и полки для накопившихся рукописей и дневников — чувствую себя дома и счастлив.

Воскресенье, 16 декабря 1962 года —

Долгая прогулка в сумерках от оранжевого моста Радж-гхат, мерцающего в закатной воде, потом вдоль набережной с гхатами — огромные стены и башни, и камни, и балконы — перспектива вдоль излуины реки совсем как вдоль Большого канала в Венеции или как вид на Джу-декку* — наконец, на кремационный гхат Маникарника, с остановками по пути, чтобы разглядеть воскресные толпы внизу — хотя людей здесь меньше, чем на Нимтал-ла-гхате в Калькутте — потом вдоль проулка у храма Вишванатх*. Зашел на завод сухого молока. Гул ж/д поездов по мосту Радж-Гхат, хотя до него по реке миль или больше — звук отражается от воды ночью, словно это гул самолета или стон реки, когда вверх по течению движется приливный вал «бор». Звук барабанов, напоминавший грохот сковородок, доносился с улицы под нашим балко-

ном — было девять вечера, шла пуджа (служба, поклонение богам) в каком-то небольшом храме за углом в переулке. Между балконными дверями на стене висит на гвозде фотография прижизненного слепка лица Блейка.

Сон-полночь

В какой-то больнице или в коридоре магазина в Бенаресе — молодая женщина, сестра милосердия, с длинными волосами, в белом платье с низким лифом, в шапочке, я вижу, что у нее белая пудра на груди, это доброжелательная, святая душа — я говорю: «Из-за белой пудры — вы словно садху на горящем гхате — это пепел такой, для чего это вы? как очаровательно!» — а она смотрит на меня с легким раздражением и говорит: «Что вы хотите сказать? Какой пепел? Это тальк, раз вы такой наивный и ничего не понимаете» — и вдруг стала нежно целовать меня в ухо, а потом прямо в губы, я почувствовал такое мягкое прикосновение, сладкое, нежное, и тогда сказал: «Извините меня, я и не думал вас оскорблять» — а она: «Не надо такого говорить нам, женщинам», и стала меня совсем смело целовать, так что я почувствовал себя совершенно пристыженным, что у меня в голове эти туманные, банальные, аскетичные мысли про всех остальных — она же все целовала меня, я чувствовал ее жар и этот странный, извечный ум, и эту живость, ей ствойственную — и сказал ей: «Хорошо, если вы хотите, я заткнусь и не буду говорить того, что думаю... но у вас там так много пудры, она мне именно то и напомнила», а она отвечает: «Ну что вы, что вы», и все целует и целует. Она приятельница или знакомая доктора Т. Лири*, так я представляю

себе это во сне. И она меня целовала в губы совсем как Питер, я был в полном восторге от этого и крайне изумлен. Вот, думаю, надо бы ее привести домой, к Питеру, она ведь такая на удивление славная. Тут я проснулся, совершенно счастливый, блаженно хихикая. А проснувшись, понял, что общий подход был, в общем и целом, как кино Л... * — в девушке этой то же вечное женственное, что в памяти о сладостном амазонском яге — о Шейле, Франческе, Мэрилин, о комугодно — Помню, еще ребенком я на Хейлдон Авеню сказал девочке (она с охапкой книг в руках шла домой из школы №12): ого, ну и грудь у тебя, здоровенная — и она стукнула меня, а потом еще гналась за мной до самого дома, лицо у нее было красное от злости и смущения — и вот это глупое происшествие, наверное, стало той трагедией, той Великой Фрейдистской Травмой, из-за которой я с того момента навсегда невзлюбил женский пол вообще — сейчас я, вполне по-дурацки, как бы подвожу базу под десятилетия собственной гомосексуальности — чтобы история такого рода меня в самом деле ужасно раздражала и я вечно ее стыдился — этой моей наивной неосведомленности — и чтобы это повлияло на меня так надолго — а ведь ничего, пожалуй, такого, особенного в ней и не было — и эта девушка во сне, она же поступила совершенно иначе, и было так все приятно, что я проснулся с мыслью «О господи, подумать только, сколь многого я не испытал!»

Женщина на улице под балконом, выходящим на гхат, — та, кому я сегодня хотел дать денег — это она визгливо кричала прошлой ночью, в 4 часа, еще в полной тьме, а около нее садху, завернувшийся в джутовую циновку, отвечал на ее возмущенные визгливые стенания среди пустынной улицы тем, что стал перебирать под

своим джутовым покрывалом молитвенные четки и около часа громко возглашал: «Рам Рам Хари Кришна Хари Рам». Я тогда вылез на балкон, поеживаясь от студеного воздуха, чтобы разглядеть их, и прошлой ночью и сегодня вечером — и даже сейчас, когда проснулся и вот записываю это, слышен ее зычный голос, она громко препирается с кем-то в тиши улицы. Зовут ее Кали Ма.

И еще та сухорукая женщина, что сидела в зольнике на Нимталла-гхате — это благородство ее жеста, каким она отшвырнула несколько монет, что я ей дал тогда, около трех центов, я, наверное, думал, она не в себе — и как она пригласила меня подсесть к ней — у нее на коже у плеча была рана, помазанная пеплом — какая удивительная, святая — ничего не просила, ничего не предлагала, только милосердие пепла и стенаний в знак понимания, что —

Лири, Л..., саньясини* на горящем гхате, эта нищенка, что вост сейчас на улице, Кларк Гейбл* — и спать, прижавшись к Питеру, в тепле, под одеялами, память о видении в Пукальпе, об отвергнутых женщинах, да еще мои давние травмы времен Патерсона — все это вспомнилось одновременно, когда проснулся.

17 декабря 1962 года

Долгая прогулка сегодня утром по гхату Маникарника — сидел с садху на крыльце из красного песчаника, курил с ними трубку ганджи (чилам) и расспросил про гурута того красавца-садху с Нимталла-гхата — один рыжеволосый садху из клана нага*, он многих помнил, знал и его. Корова положила голову мне на колени, чтобы я ее поче-

сал. Мимо проплывали американские туристы, их везли на весельных лодках.

Сон: Будто встретил Бадди Айзенберга и Берроуза — а на самом деле оказалось, что Айзенберг это очаровательная девушка — мы сидели за столиком в кафе и разговаривали, и я извинялся, что так долго не писал. Симпатичная такая, изящная, мягкая, несколько мужеподобная девушка. Надо сказать, я веду себя слишком самоуверенно. Странно, что всего за один день сны у меня дважды были связаны с девушками. «Подумать только, в моем-то возрасте», сказал я Питеру.

Сегодня утром, пока я стоял, отвернувшись от стола, я вдруг услышал, как позади меня что-то тяжело шмякнулось — едва повернувшись, увидел, как на стол, на котором много апельсинов и бананов, прыгнула обезьяна, она схватила банан и выскочила на балкон, проскочив через окно уборной — потом она сидела на высокой ветке ближайшего дерева, снимала кожуру с банана и поглядывала на меня сквозь большие листья.

Сегодня вечером в комнате курятся благовония, еще я купил соломенные циновки, чтобы покрыть половину кафельного пола, черного, как аспидный сланец.

* * *

Какое тщеславие! Какое может быть божественное благословение для всех этих политиков?
Зачем взывать к миллионам голосов
ради надежд 1960-го года

Что за крысиное проклятье или голубиная клятва
скользнули у меня из рук
чтобы помочь этому народу
Он ухмыляется у ящика для голосования, обманут,
разумен, богат, воняет луком,
и голосует за У.К. Уильямса кто одной
Ногой уже в могиле, а глазом
всё по маргариткам за окном

18 декабря 1962 года —

Сидел на камне на гхате Харишандра — внизу, подомной песчаный берег полого спускался к краю воды, по-черневшему от пепла, высокая гора поленьев вовсю пылала, и голова мертвеца была откинута назад, нос почернел, а рот не обгорел еще, у него черные курчавые волосы, (остальное) туловище и грудь, и живот, и бедра едва различимы на верхней части погребального костра, ноги виднелись с другого конца — теперь они повернуты пальцами вниз — тут же гоготали, перекрикивались гуси, эти белые, длинношеие, раздобревшие птицы, эти гуси-лебеди, они пощипывали траву у самой воды, всего в нескольких футах от пылающего огня.

Поблизости баржи, наполненные песком с той стороны реки, грузчики таскают корзины с серым песком от воды вверх по кирпичной лестнице — «О-о! — голова вот-вот отвалится» — Пламя в поленище начало угасать, белый пепел поднимался жарким током воздуха — несколько человек сидели на кирпичах, глядя в сторону погребального костра, наблюдали — Подошел человек с багром, подвинул ногу в огонь — потом, обойдя вокруг,

стал всей длиной багра напирать на черную голову (сильно откинутую назад, с разверстой черной глоткой и кадыком, которые четким силуэтом выделялись на фоне пляшущих огоньков с зеленой рекой позади) и, так пока не уложил ровно тело в самом центре рассыпающихся уже, обугленных, прогоревших бревен. По песчаной тропе вдоль реки вели осликов, дети бегали, запуская воздушных змеев, какой-то темнокожий мальчик без штанов и с косичками волос удерживал в равновесии бамбуковую палку — садху в оранжевых одеждах сидел на каменном крыльце на берегу реки, под башнями небольшого старого замка — сцена, прямо скажем, венецианская — вниз по течению плыли суда с прямоугольными парусами — воздух над погребальным костром клубился от жары, совершенно как прозрачный веер воды между моими глазами и зелеными полями и деревьями вдоль горизонта на той стороне Ганга — и набережными, шпильями краснокаменных храмов, игрушечными мечетями, деревьями и приземистыми белыми храмами, которые встроены в стены на повороте реки вверх по течению, они продолжают до длинного красного железнодорожного моста у Радж-гхата, он отсюда кажется не больше дюйма.

* * *

18 декабря, лишь разорванный джутовый мешок прикрывал низкое окошко уборной, которое выходило аккуратно на лестницу нашего дома, так что поднимающийся по ней человек мог лицезреть спущенные штаны и поношенную, пузырящуюся жижу, исходившую из заднего прохода П. Орловски энд Компани, Инкорпорейтед.

Сегодня утром сходил на кремационные гхаты и посидел с той же группой садху в их орлином гнезде на за-

сыпанном песком крыльце постоянного двора для этих странников — на костре бурлил котелок с чечевицей, угли принесли с кремационного гхата внизу, было уже 10 утра — трезубец и бамбуковое копье и латунный сосуд для воды с чашей для подаяний валялись где придется, там был один дружелюбный садху, назвавший себя «Шамбху Бхарти Баба», с кем мы уже однажды сидели и курили — сегодня, видя, что я не справляюсь с красной глиняной трубкой (чиламом), которую он сам набил, он решил присоединиться ко мне и выкурить сигарету из табака и ганджи — я тоже попробовал две его трубки, хотя и раскашлялся, так что отусилия и затрудненного свистящего дыхания в одной ноздре у меня запузырилась холодная сопля — я принес в подарок несколько бананов и зеленых пупырчатых кремовых яблок*, — и фотокамеру, поэтому сделал снимки — этот Нага-Садху очень хотел, чтобы его сфотографировали, но понять это было непросто, потому как он не говорил, а общался жестами, все показывал на пальцах — он встал, снял с себя набедренную повязку и вытащил свой член, засунув его меж ногами — одно йогическое яйцо при этом выскочило вперед — вид совершенно как у п... — специально для снимка — я сделал с десяток фотографий всей их группы, что курила вокруг котелка и жаровни — одна фотография стоящего Нага-Садху с его портками и латунными трезубцами и проч., а потом, уже под кайфом, натянул на себя обувь и пошел вдоль гхатов домой, и там в темной закрытой комнате проспал с полчаса — потом читал Маяковского, его элегию в память о Ленине

«Стариками

рассерезничались дети,
и, как дети,

плакали сдобородые»¹.
или стихотворение о Бруклинском мосте — я и забыл совсем, что оно такое славное:

«...в вечерней
сереющей мерещи
... только одни
домовьи души
встают
в прозрачном свечении окон»².

Джодрелл-бэнк*, этот банк небесных радиоволн.

Прошлой ночью сделал себе укол М[орфия], лежа на матрасе читал газету «Стейтсмен» из Калькутты, «Тайм», Маяковского, написал несколько открыток, постирал носки, платки носовые, нижнюю рубашку, член Питера, и мы с ним целовались,

А в это время под балконом у уличного фонаря в молочной лавке гремели ведрами

в темноте нищие на Десасумед-гхате* все перебирали тонкими пальцами, двигая ими под высохшим джутовым покрывалом, все перекидывали костяшки четок, «Джай Рам Джай Ситарам», и женщина на противоположном углу с

длинными, дико разметанными волосами сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, прислонясь к ступеням магазина, продававшего бири*, — я дал ей 25 новых пай-

¹ Цитата из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924).

² Цитата из стихотворения «Бруклинский мост» (1925).

са, когда еще до рассвета вышел купить молока и сигарет —

теперь площадь оживала — у меня ощущения, как у Американца в Париже в 1920 году — простолюдины здешние проснулись, радио в молочной лавке уже настроили на волну новостей на хинди, и оно неистово заорало,

Первые огни включили на той стороне улицы, уворот рынка, в киоске, который торгует сигаретами и жареной лапшой со сладкими перцами,

трое рикш ездили по кругу, ожидая возможности сняться с места и помчаться по улице

Домовладельцы, завернувшись в платки, несли латунные сосуды для воды, спускаясь по ступеням к Гангу, они проходили мимо, глядя на нищего, который лежал прямо посреди улицы, тоже завернувшись в грубую холщевую накидку — он бродил всю ночь, совершая молитвы —

и носил цветы для украшения лингамов в храмах, что смотрятся в реку, усеянную звездами и планетами —

перепалка между Рамой и Ситой на их хинди рикошетом отражалась от жестяного звучания радиоприемника, долетая до самого моего балкона —

В этот час и в Патерсоне по улице вдоль реки брели люди, тоже кашляли и шаркали ногами —

Он согнулся под фонарем на углу, пересчитывая небольшие картофелины в корзинке —

Я купил вчера точно такую, чтобы переложить туда бананы и апельсины из белых бумажных пакетов, склеенных из канцелярских листов*, исписанных на хинди когда-то, в далекий день, в полутемной конторе —

Военная музыка в виде музыкального сопровождения утренней радиопередачи, и на заднем плане звук вконец простуженного, охрипшего клаксона, —

Питер лежал в брюках на матрасе, теребя свои рыжие усы, с длинными волосами под голливудского Христа и с небольшой, тоже христовой, щетиной-бородкой —

Октавио Пас*, оказывается, в Дели, он посол Мексики, и ему приходится заниматься железнодорожными билетами для мексиканской теннисной команды — вот головная боль —

Блейк на фотографии на стене, все ждет, ждет, ждет — глаза на его прижизненной маске закрыты — задумался — или принимает радиосообщения из космического источника —

Ребята-рикши проспали всю ночь, скорчившись, накрывшись накидками, на красном кожаном скате своих пластиковых повозок —

Ночью их колокольца звучали в унисон, то оттуда, то отсюда, все быстрее и быстрее вниз по холму от Чоука к Паролии*, потом вниз и снова вверх, в том же ритме, что будильники, звеневшие на вымерших улицах — побрякивание лотка мороженщика, резкий звон колокольчика гоильщика ножей —

Огромное черное дерево нависает над моим окном, заслоняя половину площади, и все ночные фонари светят сквозь его листья, со стороны молочной лавки, где бак с белым молоком буйволиц булькает, кипя над канавкой, наполненной углями.

Кашель, словно на перекличке, летал туда-сюда через площадь, горло прочищала и колонка на углу улицы, и к рассвету из нее хлынула вода.

Большая белая рогатая корова медленно прошла по улице, совсем одна, выглядывая, чем бы заняться — прошлой ночью все коровы участвовали в отвратительной игре, прямо среди толпы, рикш, они гонялись друг за

другом, пытаясь лизнуть красные жерла задниц, и потоки мочи изливались на усеянную лужами улицу — а черные быки драли своих «баб» прямо у индуистской гостиницы «Сардау», их отделяли от нее лишь эти огромные серебристые деревья с проводами на буграх керамических глаз —

Влажный древесный уголь и первый белый дым, напивавший воздух до верхушек деревьев — обезьяны еще спали — медоеды настороже — муравьев мало — но пепел сигарет счищен с подносов в бумажные фунтики, которые валялись на крыльце вместе с кожурой бананов и апельсинов (коровье лакомство), пока не появился подметальщик

Еще не рассвело, сегодня 19 декабря 1962 года, сейчас здесь, в Бенаресе, должно быть, четыре или пять утра, я записывал это, елозя пальцами по собственному члену, и вспоминал траурный марш Шостаковича*, когда звук по радио то нарастает, то убывает, обрушиваясь на просторы Индии всей медью, всеми скрипками —

Запах жарящихся мясных пирожков* и картофеля, «Джай Ситарам», произносимое без выражения, тихие разговоры рикш о том о сем, в нескольких кварталах отсюда звон храмового колокола к первой, ранней, службе.

Уже пришла одна женщина с небольшими корзинками петрушки и редиски, она села прямо на мостовую, там, где улица поворачивала вниз, к спуску на реку, — она кашляла, сплевывала на землю и выжидала во тьме, когда же первый голубой проблеск проникнет сквозь разрывы в облаках на востоке, за рекой, как я это уже вижу сквозь деревья, между нескольких домов, сгрудившихся над ступенями, вижу со своего балкона, сплошь затянутого частой провололочной сеткой.

Настоящее есть самодостаточный предмет, что совершенно соответствует замечанию Сезанна: «Голову повернешь всего на дюйм в ту или другую сторону, и композиция вся изменилась».

И монотонно, нараспев, автоматически повторял молитву высокий мужской голос, он доносился с улицы, там, внизу, мужчины уже начали рассуждать о том о сем, слышалось чирканье спичек, утренние прохожие плавно фланировали туда-сюда, иногда собираясь группами — а ножа большого, сечки, у меня нет, не припас я ножа, только соломенные метлы, циновки и корзины, вот и все.

19 декабря 1962 года —

I

Так-так, куда попал я, что же дальше?

лежу, кругом церковный сумрак обнаженного матраса, я Труп под Саваном, ведь Питеру я только-только кончил в рот,

а член его во рту моем, на бороде моей лобок его пушится, и я

держу в своих ладоней чашах всю нежность ягодиц его — вот я один, и створчатые двери притворены, и все затемнено

под барабанный, к поздней ночи, гром в мозгу и улиц, рынка крик девичий где-то, под моим балконом —

Какая дальше заданность душе, в морфинном облегчении забытья-

дремоты, чтобы в самом древнем на свете городе очнуться —

и не нужно спешить, мешки с навозом на себе таскать,
 чтоб заработать что-то,
 чеки сами прилетают ко мне со всех концов Земли,
 достаточно, чтобы иметь Обломова все дни четвертого
 десятка моей жизни
 пока взлетают-упадают звезды и пол-луны исчезло
 вдруг, когда ночами неделями подглядывал за шторы, но
 потом
 она явилась и повисла над древними морщинами реки —
 на самолете мчи в Ванкувер, в Нью-Йорк, Москву
 ори, стенай пред бандой умников, меж войнами рожден-
 ных,
 пока карминная отметина все плужбе въедается, от чая,
 сигарет, в мой палец указательный
 в кафе бесчисленных между Сантьяго и Киото —
 Какую же еще поэму придумать может тот,
 кто неспособен Блейка или Кабира прочесть за два часа
 в трусливой жажде света —
 Теперь покажется восторг при виде чешуйчато-дракон-
 ной, сказочной вселенной
 скучнее бесконечной карточной игры, лишь бы время
 провести
 в третьем классе поезда, кружащего по экватору, собира-
 ясь письма написать
 или создать сеть из рабов, стихами опьяненных, в безу-
 мыи плоти мозга электронного —
 или просто мне отправиться домой, сидеть на заднем дворе,
 разглядывая как жиреет вишневый цвет на моем древе —
 не платя никому налогов, бормоча в постельное белье,
 пока
 все те же огни автомобиля из тюрьмы детства у меня на
 потолке —

а может, даже выдумать чудовищного Бога в пятнистых
 лавитушках грандиозного глазного яблока —
 И чаша переполнится моя, и моя живость жидкостью в
 знакомый мягкий рот прольется,
 так месяцами будет, как будто новое рождение жизни на-
 ши не совокупит
 навеки после смерти, все будет черным позабырожден-
 ным прежде —
 Ни светопреставление, ни даже ад, лишь тот, что у меня
 сейчас,
 но рту все сухо, даже встать и выйти облегчиться на холод
 с умрек непросто,
 ведь пишется поэма — какой она ни выйдет,
 мараю в здоровенной книге пустых страниц, надеюсь,
 смерть вдохнет свой смысл в корявый хаос моих стро-
 чек —
 гире лишь поводыр к грядущему сознанию, что жаждет
 оторваться от себя, стряхнуть себя, освободиться
 как над зеленым полем, над ослом стервятник кружит,
 как Ленин, бородой тряся,
 свой палец в воздух упирал, указывая на Будущее новое,
 цель для масс оборванных!
 Архаичный Рай, электрический змий-искуситель и моя
 душа, как Ева,
 вся в любопытстве пред плодом познания, шумящим пред
 се лицом радиопередачами новостей.
 У древнего яблока поэзии вкус пресной извечности смер-
 ти,
 Червь морфина точит сам себя — Питер отправился за ку-
 рицей, жаренной на Тандуре*
 это в миле отсюда на проспекте для рикш — он смог свое
 бренное тело вытащить на всеобщее обозрение улиц

где лампы яркие, узоры тканей, где алебастровые Вишну
 возлежат на ложе раскрашенной змеи — все та же беско-
 нечность,
 что по утрам меня ведет на каменный порог, к трезубцу
 и кострам и трубке
 и к голым садху, что безмолвно, крест-накрестноги, курят
 дурь, обозревая трупов кукольную плоть,
 как человеческое тело вдруг лопнет и, обуглясь, распа-
 дется на грудах дров-поленниц у полей зеленых Ганга,
 где по утрам вдали, внизу протяжные мосты пустот пол-
 тыщи миль собою заполняют,
 все к родной Калькутте стремясь, где газеты и война, где
 горящие трамваи
 у станций, где солдаты машут с поездов бездомным, про-
 каженным, тем, кто месяцами спит на холоде огромного
 цементного пола.
 Безнадежное существование Индии, повторение имени
 Бога целую кали-югу, моля о милостыне, не имея рабо-
 ты, вдали от ракет, плотин, прорывающихся от океанов
 жидкой грязи —
 Мы на Луну еще до моей смерти попадем, а может, по-
 едим и хлеба на Сатурне —
 получим весть с небес по радиоволнам через тарелку
 Джодрелл-Бэнк — спасется ум
 для новых сочетаний молекул жизни в неведомом Калей-
 доскопе лиц Китая —
 Увидят, видимо, красивых желтых щек, бровей и новых
 животов экзотику все четыре стороны света
 так что заполнится и время и пространство их вездесу-
 щей «порк-чау-мейн», свининой с жареной лапшой —
 и даже если всем вдруг достанется утка по-пекински с апель-
 синовым соусом и у каждого будет только двое детей,

не окажется ли жизнь такой же бессельной, как прежде?
 Но мне того уж не ведать — что следует делать другим
 с дыханием жизни, с легкими и яичками, которые всем
 нам даны —
 Было время, и я собирался мир довести до Верховной
 Реальности,
 Вырастить эмульсию сознания в мозгу целых народов и
 на заводах, ярко сияющих человеческими игрушками —
 Что, роботы с лампочками будут за нас умирать? — есть
 наш бифштекс, себя дадут нам трахнуть? —
 Было время, я думал, вот слезла бы кожа с потрескав-
 шихся стен бренного жилища, и под призрачной штука-
 туркой
 я б увидел грандиозный Баухаус, возведенный Богом во
 имя Бога, ради Бога в Человеке —
 Было время, мне мнилось, что терпеньем и смехом, а не
 происками, не сдержанной ухмылкой,
 гигантская радиостанция вечности настроит нас всех на
 бесконечную программу,
 что мы сами себе передаем вовеки веков — а ныне я слы-
 шу звон гонгов и стук черепных барабанов в храмах ин-
 дусских,
 крики на улицах, крестьянки палками отгоняют голод-
 ных коров, лампочка раскалена добела,
 и только так могу я сообщить таинственные подробнос-
 ти страданий
 тем, кто прочтет, ведь я и мой любимый способ смерти
 для оказавшихся в капкане безразличен —
 А вот и Питер — приволок двух больших, уже мертвых
 куриц, набитых чем-то, на обед.

II

И усевшись на матрасе, мы стали поедать холодную курятину, что стоила 25 рупий, или пять долларов, а старуха-нищенка на углу, у нижних ступеней, за кем я наблюдал сверху уже четвертый день подряд, все раскачивалась на пятках, туда-сюда. Я не сомкнул глаз прошлой ночью, сон не шел, и целое утро после восхода солнца кормил бананами обезьян на крыше, а потом пошел в полицию, чтобы сдать бумаги для регистрации по этому адресу — полицейский чин, весельчак по натуре, был в полном недоумении по поводу нашего здесь присутствия: «А зачем вы так долго хотите оставаться в Индии?»

Я и сам в недоумении, сижу вот на балконе, уставился вниз, на вечерние толпы и огни, на группу сердито рыгавших коров и быков — они скупились в одном месте, пережевывая ссохшиеся остатки листьев-тарелок*, наваленных около водяной колонки на углу. Я уставился на них в изумлении — неужели все это ходячие трупы? На кремационной площадке тела точь-в-точь как эти, только они неподвижны, там трупы умерших, тогда как здесь — кругом звонят в гонги, а через улицу продают сигареты — а вот прошел верующий индуист, просеменил шажками, ни дать ни взять помесь лупсика Кьюпи с Хью Хербертом*, вся шея у него в гирляндах цветов, в руках небольшой латунный поднос с сахарными шариками (это лакомство богов, прасад) — когда к нему обратился нищий, он остановился, радостно-лучезарный, и накопал в кармане пригоршню леденцов, которые и ссыпал тому в протянутую руку, а сам засеменил дальше по бетонированной дорожке к реке, наверное, к храму, чтобы почтить этот вечер, прежде чем впасть в полумертвое ночное оцепенение. «Они все с ума посходили, вот что! — сказал я

III

И Питеру, — тоже мне, китайское нашествие!» Им тут еще такое китайское нашествие устроят, какого ни в одно прежнее тысячелетие никто в глаза не видывал.

Весь день в постели, отходил, бодрствуя, от бессонной ночи под три четверти грана М[орфия] — время от времени выбирался на балкон поглазеть на то, что происходит на улице — Быки фыркали, поедая всякий мусор и отбросы — некоторые из них спят прямо у бетонных мусорных ящиков и емкостей для отходов в накопителях на углу улицы Гаролия

По улице двигались процессии с раскатистым «там-да-дам» барабанов — за большим барабаном, отставая от него, плелись четверо кули, которые несли рекламные плакаты, возвещающие о новом кинофильме, истории знойной любви — на них толстый герой с большими титками, двойным подбородком и круглощекая индийская кинодива — по имени «Кумкум»* — над бровью ее тщательно уложен локон — впереди процессии ребенок, бьет в тарелки.

Или проходит свадебная процессия, жених весь в желто-оранжевом шелке, подол его длинной рубахи привязан к сари невесты, и за ними следует дюжина всевозможных родственников да несколько астматически хрипящих стариков-нищих, которые ритмично ударяют в барабаны.

Или несколько раз за день небольшая группа людей проносит по улице бамбуковый паланкин, в нем покойник, замотанный в оранжевый или белый саван — люди громко возглашают «Джай Сита Рам» или «Рам Нам Рам Нам» — им приходится пробиваться через толпу, где и

медленно ступающие коровы, и рикши на велосипедах, и ручные грузовые телеги с двумя огромными колесами, и повозки, которые тащат вперед быки, но видны лишь их горбы под ярмом — процессия к кремационному гхату проходила по главной улице или вливалась в боковые улочки и узкие проходы, заставленные ларьками и киосками, где торгуют картофельными пирожками с бараниной, здесь же разливают чай, предлагают соленые орешки или печенья, разносчики тащат плетенные корзины с коричневой, острой, сухой лапшой и поджаренным горохом.

Я спустился за молоком и сигаретами — у табачного ларька меня всегда приветствуют словами «Джай Гуру» или «Джай Хинд»¹ — Я отвечаю «Джай Тарама», или «Джай Кришна», или «Джай Сита Рам», и говорю «намасте», прикладывая сложенные ладони ко лбу и к груди, не выпуская, правда, из руки зажатые в ней сигареты и спички.

Дух, молочная лавка, в ней босой продавец на корточках, на мокрой каменной поверхности, наливал чай с молоком из алюминиевой кружки в стеклянный или глиняный горшочек — местные собаки цвета, как здесь говорят, «обжаренного на гхи»^{*} — паршивые добродушные брейгелевские дворняжки, эти три собаки жили здесь в проулке, где молочный ряд, у каждой из них подбита лапа, и розовая плоть проглядывала из-под рассеченной на ребрах, покусанной другими собаками, обсиженной мухами шкуры. Один пес ковылял на трех лапах, поджав левую заднюю, выше собственных яиц, будто она задралась так высоко от спазма, да так и застряла там — он с жутким

¹ «Да здравствует гуру», «Да здравствует Хиндустан».

криком лаял на соперников, на других собак, покушавшихся на его территорию, на тротуар перед его молочной лавкой — и лакал воду из лужи на растрескавшейся бетонной мостовой, эту смесь угля-молока-коровьей мочи-помоев. Я поделился с ним молоком несколько дней назад.

В фирменной коробке ресторана «Куолити»¹ у меня было несколько куриных костей, от которых я хотел избавиться — я украдкой бросил ему пригоршню, но мне послед тут же послышалось ожесточенное рычание и визг четырех сцепившихся псов — я с чувством вины крадся вдоль торговой улицы со стороны Ганга, высматривал мусорный бак на тележке, чтобы выбросить туда мои каннибальские кости тайком от параноидальных индустров, как казалось, пристально следивших за мной.

Присел передохнуть и выпил приятного тепловатого молока, и тут увидел, как большая белая корова (та, что прямо среди бела дня вечно таскала овощи у нескольких крестьянок, сидевших на улице со своими зелеными корзинками) своим широким мудрым языком облизала шею паршивой трехногой собаки.

22 декабря 1962 года

Прошел (в своем дхоти и клетчатой рубашке) по проулкам Бенареса, срезав углы за стендами с игрушками, через красные ворота по улице Вишванатх, мимо храма — сквозь решетку увидел толпу вокруг лингама, нараставшую произносящую под медленный ритм барабана многого-

¹ «Качество» (англ.).

лосую молитву без мелодии — прекрасные гармонии, которые завершились ускорением барабанной дробы, как раз когда я выходил из заднего двора мимо огромной каменной коровы — мимо площади, где днем продавали красные и синие с желтым, яркие, цветные порошки красок, разложенные в виде конусов —

вниз на Маникарника-гхат — у меня с собой в кармане маленькие фотографии моста Хаура и голого садху-нага — чтобы показать ему — вышел на улицу мимо заготовленных поленниц, вверх по проулку, вниз по ступеням, чтобы «сделать по-большому» у реки, отвернув заднюю часть моего дхоти, ужасный понос, подмылся на ступенях у реки (левой рукой, так?) Ох, нет, правой* —

потом вверх к нижнему уровню приюта-Дхарамсала с песчаным полом, сидел в кругу с разными садху и казначеем университета, а еще знакомым мне нага и каким-то серебряноволосым человеком, у которого лицо не то боксера, не то алкоголика, но он был трезв как стеклышко и лишь курил себе ганджу у костра — угли из горящих ям приносили, сложив в глиняные плоски или держа железными щипцами, они были еще раскаленные и светились в квадрате пепельного ложа, окруженного небольшой песчаной насыпью — трезубец Шивы был воткнут в землю — садху подошел ко мне, увидел фотки, попросил послать ему — на какой-то путанный адрес на гхате в Калькутте — я пообещал — Сидел и курил трубку (вовсю кашлял, когда на меня шел дым от костра, глаза слезились, из носа текло), потом перебрался ближе к стене на соломенную циновку, тронул ноги нага-садху и поговорил с Казначеем, который знал по-английски —

далее, после долгого часа у костра, отправился к дому, синее небо было усеяно звездами, ближе всего на нем

висел пояс Ориона — Я присел на корточки пописать, на высокой каменистой тропе, прямо над рекой, и журчащий звук обрывался внизу, футах в пятнадцати —

Оглянувшись, увидел несколько костров, горевших оранжевым пламенем, отметил это и запомнил, что надо записать это, в виде хайку.

присел отлить
над Гангом ночь
и гхатов костры пылают

Около дома — перепалка между индуистом с дубинкой и сикхом в голубом тюрбане — в кольце толпы — а по улице дальше простертое навзничь тело, прикрытое тряпьем, жестяная банка расплющена и валяется на земле в нескольких футах от него — кто-то зажег спичку, поднес к ее голове, недавно обритой, несколько недель назад — ручейками стекала кровь с головы — несчастный случай с мотором»*.

Рождество 1962 года

ТАДЖ-МАХАЛ

Великолепный белый купол в небо вознесенный
 В эфирном сне четыре башни как игрушки
 И извиваются цветы по взмаху арки мраморной
 «в Германии раз в двадцать (лет) минут
 движение массовое членов» —
 Черт! — все же выжал Тадж-Махал
 слезу при взгляде со ступеней
 на перспективу: сходится она
 газоном в точку
 К балансу идеальному цветка к цветку
 (ведь перспектива есть схождение расстояний)
 во всю длину газона и деревьев на обратной стороне
 зеркально отражение
 лужайки прямо на воды пространство смотрят
 на дверку квадратную провала
 на обширной поверхности мрамора, где
 человек это вверх ногами дюйм
 рядом с одинокой мраморной башней
 у края белоплитного стола

На коем необъятный белый купол
 в полной тишине
 Кружится медленно по небу —
 света пика оперта о лотоса лепесток
 золотой трезубец в выси,
 где орлосокл медленно кружит
 в свечение розовом заката
 солнце за деревьями уже за спиной темно-зеленой листьев

Арочный проход в узоре
 мавританском делит тайну
 на две симметричные половины —
 она расщеплена от точки золотой трезубца в синем небе
 через громаду вспученного мягкого купола
 через точки железных сопл фонтанов
 что стрелами в муаре голубом пруда
 к той, черной, дверке
 на огромном квадрате увенчанном шахматной фигурой
 белый пол террасы разбежался прямыми ли-
 ниями к четырем башням минаретов
 мерцающая вспышками жирных кремовых квадратов
 уменьшающихся к высокомерным куполам
 приклеенным к плоской поверхности голубого неба

Огромные невидимые «иксы» в чреватом смыслами про-
 странстве

мозг ставший мраморным экраном
 цветов кружение вкрут наверху арки
 в Квадрате портала, над чем высятся два куполенка под
 сенью свода главного
 под единым кругом луковицы белой глазогла-
 вы головоглазой

парящей мраморной луны-планеты
стоит уж лет четыреста над Ямуной-рекой
запятнана лишь солнцем
Омыта дымки пологом сквозь трещину рассвета
И пока глаз следит как сходит на нет огромный купол
Пока он по прямой летит свободно
от шпиля к шпилю
По все уменьшающимся квадратам и пока расширяются
купола

Летающие пушечными ядрами в третий глаз
Это в стереоптиконе стробоскопическом стереофо-
ническая

Тишина, лоб белоснежный грандиозной
Вещи, высеченной в мраморе,
И вставленной в оправу смарагдовых листьев
и оранжевых маковобутонных плоских цветов

собака лает

лепесток-цветок

попугайчики на арках

центр пропал

Рикшециклет в потемках рулий

* * *

Вот что мы сделали — у Тадж-Махала на две ночи оста-
лись

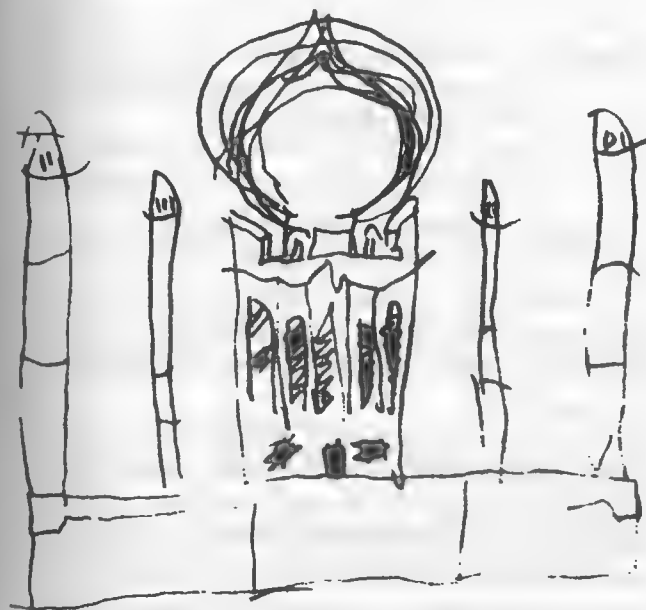
даже на рождество, под обнаженные микрофоном го-
лоса на урду

в неоновой синеве у Двери — мы спали

в холоде оконного карниза —

сухо, но внутри теплый мрамор ниши —

отгороженные от света Двери
бесцветной тьмы и мрака —
звуки эхом бьются-вьются вкруг-
вкруг клубка храмовой крыши
отзываясь то металлом, то камнем
отзываясь виброэхом первозвуча «ОМ»!*
И эти «О-О-О» все громче
в центре Пустоты Окаменелой —
Огромные волны звука вскипают из-под арки
И эхом голоса в зеленом просторе сада

* * *

О опухоль благословенная, о мрамор, наполненный глазами,

шар, раздвигающий все небо на две части,

Свистком деревья созови на путь себе

из губ могольских лунного луча

О Каменное Изречение! О Архитектура Социализма!

Мост золотой (или серебряный) висит, луною озарен,

над октябрьской рекой, отделяющей

Тадж-Махал от его черного двойника, сверкающего чуда

усеянного наверху брильянтами

И отражающего в полированном мраморе звездное небо —

Все это видел Шах-Джахан из-за вот этой

мраморной ширмы, с башни Красного Форта,

в двух милях отсюда*.

Матхура*, новогодняя ночь 196-года

Я позабыл — точное число на конце номера года — пытался определить с помощью дат и номеров на регистрации приезжего иностранца и на визе, по номеру паспорта и датам в нем —

Шел по длинным улицам Матхуры — попался щенок с грязными задними лапами, они у него скрючены под задом, хвост волочится по дороге — он обнюхивал все бульжники на мостовой и все сточные канавы, делал неуклюжие шажки передними лапами, подтаскивая за собой парализованный зад — мы скормили ему молоко и орехи — в чашке из большого листа растения, прошитого нитками —

«Мне просто надо было кому-то про это рассказать, а меня перед глазами стоят эти девушки, которых изнасиловали и оставили голыми замерзать на чикагском снегу».

В новогоднюю ночь 1956 — 1950, где же я был? В прошлом году на Красном море? Или уже в Массачусеттс*?

Что мы пережили за год, были у нас свои победы, мы в чем-то преуспели, мы сидели около горящих мертвецов и спали на теплом мраморе Тадж-Махала под одеялами в туманные ночи — бродили ночью по дворцам Фатехпур-Сикри*, под созвездием Ориона, безлунным индийским декабрем,

Сегодня на берегу речном «Кришна

Кришна»

Можно мне видеть Кришну

Прошу вас, дайте же узреть мне Кришну

За узорчатой решеткой в свете фонаря

раскрашенный мрамор

Лицо с широко раскрытыми глазами, дугою брови,

усы,

возницы, шофер, переболевший корью

И в волосах его цветы и борода в зубах, и сладкая конфета

Ворту у каменного быка —

внутри, за металлическим экраном, мерцает желтая лампочка.

Снаружи белый верх стены на фоне песка и реки и огни двойные через Ямуну, наверно, яркие розовые звезды —

Где

Смерть «Нью-Йорк пост»

в нежном розовом сиянье

Кришны нового моста
 через тьму, с огнями лавок
 посредине —
 голоса из радио несутся над водой
 Нашептывают в ухо —
 Калькутта, как она соединилась с могучим Гангом —
 Определенно стала рекой Кришны под небом звездным
 «Мы увидим Кришну?
 И поцелуем его лоб
 И губы?»
 На лингаме заостренная макушка человека
 выглядывает, каменное привиденье —
 Слава тебе и твоей корове — и черным
 Рептилиям длиннющим, что вокруг шеи
 твоей резвятся — и твой брат Шива тоже!

Я не видел Кришну, я узрел
 лишь Кришнашиву у реки
 в ночи, в саду, в саду над Ямуной
 в Матхуре
 при свечах —
 ноги под себя поджав, и легкие
 заполнив дымом и теплом
 в шелковой рубашке на полу огромном
 белая бумажейная подстилка в дюйм толщиной —
 перо в руке — и книга на подушке
 назад в эфирные мечтанья об Индии —
 Ганджа или морфин и от бессонницы таблетки —
 Сидим бок о бок, ноги скрещены
 А мысли улетают вдаль, на вечеринку
 в Манхэттене далеко — риск на темных
 океанах и в Африке — на Красных морях —

Килиманджаро, Плас Рембо*,
 Кениата ораторствует на стадионе, я и Питер единст-
 венные белые на траве —
 Нас выгнали со свадьбы в доме Мбойя* за то, что мы без
 пиджаков и галстуков явились —
 и замечательной жары Найроби — прохладны ночи ря-
 дом с кинотеатром, прямо за углом от индийского ресто-
 рана —
 пошли на большую площадь, на прием к врачу из-за бак-
 териоза —
 иль изучения матлогии или космической паранойи —
 надчеловеческие существа говорили через Микрофон-
 ное Сознание —
 Элизу* ведь они достали? — Она теперь со всеми, кто с
 цымом отлежал на гхатах
 иль пострадал от «зверств китайцев» в Гималаях —
 Ришикеш и голые аскеты-нага в Харидваре
 под ганджей строем в Ганг помчались,
 обмыт пузатого Царя Всех Нага, нага-гуру —
 У Питера большой и длинный год волос — у меня черная
 кучерявость, борода —
 в зеркалах затененных светом свечи
 и желтизной света.
 Я так однажды выглядел на фото:
 и Крэбтри* мне сказал: «Вот, ну наконец ты хоть
 похож на что-то,
 в кои веки» —
 По крайней мере, в кои-то веки, в случайной комбина-
 ции событий бывают проблески рецидивов, думаю ли
 при этом о старых друзьях, исчезнувших в такси навеки
 иль унесенных в небо самолетом —
 над Лондоном

А может, над Москвой — Поэзия лишь та, что увидела свет —

Свеча и лай собаки у ворот в павлиний сад — через реку мост с поручнем, я здесь на мелочь купил кое-какие изображения богов и демонов, у фасада лавки мелочной. у Беды Достопочтенного* — а улица Матхуры, где все прохожие, впряженные волы или повозка конная — уединенная, чистая голубая Тонга, с ключами от коттеджа, к югу от города, на реке —

Аси-гхат на Ганге в Варанаси —
тихие улицы с высокими заборами и белые
огни на этом конце города —

Мертвецы на Харишандра-гхате,
полосатая башня — уток крик сердитый
на лебедят в бамбуковом загоне для игры,
для параноиков —

Кто в розыске? Рэй Бремзер*,
Как он теперь, все думаю? Прошу, любезный мой Ле-
рой* —

Газеты я читал — сколько золота припрятано, если в
крóрах* —

Маленьких серебряных Ганеш так дорого скупать —
Вот одна свеча погасла, ставь другую полую свечу —

Год — он закончился в ту самую минуту, как всплыли в
памяти разрозненные части года —

то рождество у Тадж-Махала и восход за мраморным
экраном — и холод утр, и башни смотрят в сиянье бело-
мраморного солнца — К полудню арочные тени сдвигают-
ся неторопливо к центру — порталы точно в полдень об-
ращены на солнце —

Эй, Кришна, дай мне руку, чтобы радость испытать
той брэнной красоты

Пока еще нет боли, что меня убьет Она меня заставит
муку перевести

на что-нибудь бездумное, чтоб собственную суперло-
нку не так и помнить.

Вот Кришны статуя, и мои ноги, пусть обернутые шер-
стью одеяла, аж холодок пробрал от вида стольких звезд
и от прогулок по невиданному саду,

Ав Санто-Доминго* арестовали главу секты колдунов —

Впервые за пятнадцать лет замерзла Темза — мавзо-
и и Радхасвами* с похоронными ботаническими цвета-
ми, весь мраморный —

Вот Пури и, с преклоненной головой, пред богом Джа-
ганнатхом*

Взлез на лотосную вершину черной горы-колесницы
в Конарке, покрытой членом Вишвамитры —

Эллары стены — осьминог, похожий на Раванну, со-
гнсал троны во глубинах вод —

Махакала* великий скелет — венозный венерический
зм, Бог Смерти —

Кали богиня улицы Нимталла в ее красном одеянии
Кастро посетил Нью-Йорк, вот так причуда, вот на
Новый год подарок

В пространстве долгом, вглядываюсь внутрь, за-
крыв глаза и вопрошая: кто же я? С открытыми глаза-
ми, гон — то длинный рог витой или свисток трамвай-
ного кондуктора, что эхом отдается под высоким ку-
олом —

Услышал через лес на набережной, за дамбой — у водо-
качки при свече ночного сторожа — моя-то зашипела, я
кинул: вот-вот погаснет.

В сонном Солсбери, на юге Африки, в Родезии, Лондон, главарь, прогнал по сходням шайку, ради исхода сезонных рабочих на фермах*

Салют в честь славного шестьдесят первого, второго, третьего — «Вот это да! Никогда не забуду эту новогоднюю ночь» — «Я, надо думать, впаду уже в ма-разм»

с годами ведь голова лысеет, уменьшается, как дряхлый нос у Джанки* — словно Чомбе в Катанге или Лумумба в жару гашишном смерти

Плыви, О Ум, куда бы ни влекло тебя — Все негры не могут быть великими людьми — Он хочет уничтожить Катангу, все эти экономические дела* — долой Газеты на спине в Ямуне.

Уже наверное двенадцать, а мне лень взглянуть, который час, сижу мараю тут бумагу, пока не пробьет полночь — часов у меня нет — «Анекдоты жуткие, мороз по коже» — наш мир не хуже карикатур Жюль Файфера*

Бог мой, что ж он делает сегодня? А Нил*, в чем гараже сегодня шины оседлал? А Дж[ек], отправился на грандиозную вечеринку у Л[юсьена] —

Б[илл] получил мое письмо, в Париже все как надо — Грегори бодр, судя по письмам, все нюхает свое, старый воздыхатель...

Мой отец поднял бокал шампанского, чокаясь с экраном телевизора спокойной зимой — Снега, наверное, много по всей Восточной 34-й, и шины вязнут в заносах или в зернистом прасаде льда на асфальте —

Вишванатх-гхат — примитивные изображения ребенка, уничтожающего демонов — голова Ракши отрезана, и

Кришна поднял гору, чтобы отразить страждущие потоки дождей умирающего Индры —

Намасте, я тепла ищу на гхатах, где сжигают умерших, и под мостом, и в склепах странников, и у костров

Садху, обнаженные и бородатые, позванивают ручными тарелочками-караталами, и шик дешевый раздается:

Харе Кришна Харе Рам Джай Сита Рам Джай Радха-кришна —

Джай 1962 год

2-3 января — Матхура

Шел вдоль Ямуны, под бетонным мостом — вот гхат, на нем на песке большие группы людей играют в карты, и на кружках на берегу —

Бунгали-гхат, тут огромный, с обвисшим брюхом Го-винда Коби — (поэт Кришны). он наследный пандас храма у реки — следует правилам шастрической поэзии*, он кенотипичен, с глуповатой улыбкой, а у него усатого «уче-ника» тюркское лицо, образный, богатый английский — он одарил меня их фотографией с автографом, а также тканом бханга прямо на крыше храма-дома, под сенью дерева. с видом на широкую реку, текущую мимо, и на огромное песчаное пространство берега через дорогу от дома.

Живу в заброшенном летнем доме в Ямунабагхе (в парке) — кругом павлины на лужайках, тут мужчины и женщины ходят по дорожкам и кричат, стараясь отпугнуть обезьян, воронов и попугаев от деревьев манго — у

каждого в руках праща с двумя тетивами, чтобы метать комки глины.

Стервятники расклевывали тело ослика, белое мягкое месиво в воде, ниже Тадж-Махала — им помешала собака, она по брюхо вбежала в воду, стала отгонять стервятников —

7 января 1963 года

Сон — Полночь — Плавательный бассейн, коридор гостиницы ведет к американскому Белому дому — меня туда пригласили в гости, но у меня слишком кусачая одежда и я слишком устал, чтобы войти внутрь — тогда вышла Жаклин Кеннеди, очень любезная, очаровательная и объяснила мне, что в сам Белый дом меня нельзя провести, но не мог бы я зайти к ее сестре, в дом по соседству? Я опомнился, мне стало стыдно.

Утром мы отправились с визитом в огромный дом, он как океанский лайнер. У Лео Скира* есть здесь какое-то задание, надо что-то сделать, это, оказывается, большой автоматический корабль с раздвижными панелями, здесь урчали огромные белые динамомашины, не нуждавшиеся в смазке, проходы здесь открывались и закрывались с помощью электрического глаза — Лео работал на корабле, и оказалось, что кроме него, здесь никого нет — жуткое ощущение — я пришел навестить его именно ради этого ужасного чуда — вниз и вдоль знакомого железнодорожного полотна до огромного завода, который работает по тому же таинственному, безмолвному принципу — словно завод сам по себе был живым существом, которому время от времени требовалось внимание людей —

С нами мать Питера Лоуфорда* — и мы все читаем здороненную книгу Керуака — отличные желтые листья со стихами, в каждой строчке два-три слова

Когда колбаской
с кандибобером
ты звезданешь
на небо через
матери своей
красную жопу,
пришли мне,
милый, поцелуй,
завернутый в бинты,
чтоб мне закрыть
глаза да помереть.

Восторгаемся этим, то ли с сестрой Кеннеди, то ли с кем-то еще, со старой республиканкой, матроной из Флориды, посетившей Танжер —

а ее сын отправился купить для нее специальную машину для поездок по шоссе — местные рикши его, видишь ли, не устраивают, он же у нас Лоуренс Аравийский, конечно, он рванул в Фес или в пустыню близ Марракеша, чтоб там подобрать для нее модель получше, пикап для песчаных дюн —

просыпаюсь, а сам медленно припоминаю отдельные подробности гигантского корабля и завода, в котором не было окон и жуткие таинственные ливни в моей душе — это лишний раз говорит мне о неизученных глубинах ощущений, которые всем свойственны — возможность «передвигаться в мирах неосознанных — дает одни дурные предчувствия».

8 января —

Видел сон с Кэри Грантом — тайный духовный агент — кинопривидение

«Бенаресские волхвы»

Амулья Чакравати — молокозавод «Вита» — приятель Самарена Роя: Ачют Патварден — ашрам Кришнамурти (Фонд нового образования, на Радж-гхат)

Элис Бонер — Аси-гхат

* * *

На Маникарника-гхате: в Каши

Шамбу Бхарти Баба — нага-молчальник (чью фотографию я сделал), он друг

Шри Маханга Ганга Гири — (который является гуру Шри Прабхакара Брамачари)

(с Нимталла-гхата), живет в Лахед (или Лахад) Бхайрат Мандире около Алигуры (ни разу с ним не встречался) (говорит вышеназванный Шамбу Бхарти Баба)

Святые подвижники Бенареса:

Кали Пада Гуха Рой — у него семья — адрес: 14/7 Манасаровар, 1-я лестница над почтовым отделением Кедар-гхат

(Поговорить с Дабу Баннерджи, номер телефона 3807)

суббота 9 утра, 22 декабря 1962 года

На духовные вопросы отвечал и дал возможные мантры (дикша*)

Кутта Баба — из деревни Бонпурва (он живет на задах у университета) — ни разу не встречался, Великий Йог (у него ломаный, крестьянский хинди)

Маха Мохо Падхья Гопинатх Кавирадж

Кивст неподалеку от Малдагайя (вблизи от бенаресских ашрам — 3 фарлонга¹), это место называется «Есуда Ашрам»

Получил все эти имена от Нагананда Муктиканта, студента.

12 января 1963 года, Бенарес

Нет всему предел — нельзя заставить

клетки печени и

мозг стать огромными

Прозрачностью — чтоб диатомеи

взорвались

et le printemps m'a apporté le rire affreux

de l'idiot²

Царствие Мое не от мира сего³

Кесарю кесарево

Покуда Иерусалим не возведу

в зеленой, милой Англии моей*.

Пока плоть распятая

Не изойдет на кресте

Руки Чайтаны подняты, ладони наружу

маленькая желтая покрашенная деревянная

статуэтка

¹ Около 600 метров.

² И весна принесла мне чудовищный смех идиота (Артур Рембо, «Лето в аду»).

³ Евангелие от Иоанна, 18-36.

машет руками над дверью —
 Вверх — его поддерживает тень
 Но не так, как ты подумал, ангел,
 а совершенно противоположно
 Трансцендентность требует — твой страх
 Быть разорванным в клочья
 блуждать меж пространств вселенной
 бесконтрольно — автомобиль перевернется
 разбившись вокруг твоей головы —
 конец — оранжевая рубашка, красное кухонное полотенце,
 красная набедренная повязка,
 руки плотские пишат —
 Множество розовых рук Вишну крутятся
 держа секиры и цветы
 Стоит на оранжевом лотосе
 красная пластмассовая плошка нищего —
 а голова изрыгает пламя.
 Белая прижизненная маска Блейка, глаза закрыты.
 Стена в зеркале глубока — Что в зеркале,
 разве то реальность?
 А реальная комната реальна?
 Лежу на лопатках
 голова вверх, оглядываю комнату,
 как черепаха, со своего матраса на полу.

 Полотенца живописно свисали красные
 с черной дверцы (встроенного шкафа).
 Собаки лаяли где-то на улицах, и все дальше
 и дальше шел разговор по радио — влюблен я
 в Его создание
 Но чье Его? кто он, глаза закрывший?
 Кто он, лежащий на боку,

длинноволосый, сном дышащий?
 грешусь я смерти — но прорвал пределы скорлупы теле-
 мой —
 Что есть свет, коль нету жизни?

 Внутри ли Он этой мессы образов,
 или снаружи?

13 января —

Абсолютное пламя — смерть.
 Не следовать Лэндору, Донну*
 Но видеть очи Блейка
 Блейк мой гуру.
 Четыре различных видения — когда я вызвал Духа
 последний раз, это было ночью, я как раз шел по Тропе
 перед Новой Библиотекой в Колумбии*, на 116-й улице —
 мурашками по всему телу, ощущением безумной жути
 еще: что стусившееся черное небо рухнуло на меня —
 гкое, ужасное видение — но чего? — да ничего такого,
 то поддается конкретному описанию: вдруг, ниоткуда,
 умерещилось это аспидное, ползущее в небе нечто —
 оно небо далекой вселенной — хотя на небе как таковом
 было ничего явного, физически отчетливого, пол-
 мщего. Но было чувство живого присутствия чего-то —
 а гь невероятная — присутствие не человека, а неумо-
 нимого, бесчеловечного начала — стремившегося по-
 ютить меня — прямо там, в тот миг — С этим видением
 1948 года сравним ужас, испытанный мной под действи-
 м аяхуаски* в Перу, в ночь падающей звезды и Бога-пу-
 нья*.

С тех пор не было больше Знаков от Блейка или как можно назвать то, что случилось в 1948-м — может, так упрощенно выглядят границы человеческого восприятия — если смотреть с другой стороны — а дальше начнется область не-человеческого — Если хочешь *это* увидеть — Это серьезно — может, смерть — естественно — поскольку это вне природы умственно-телесных ощущений — так мне, наверное, сообщили — «знак» подали — велели заткнуться и жить в нынешней, временной форме — форма только такой и может быть, та, какая есть сегодня — пока она не умрет буквально. После чего дело иное, тогда она уже станет непостижимой для материи, способной постигать одну лишь плотскую, физическую вселенную — «плоть» дурное слово — тело, телесный —

Бенарес —

Прошел после полудня вдоль гхатов, там красота столпотворения омывающейся наготы, худой хозяин в набедренной повязке моет буйволов — спустя несколько недель снова попал на Маникарника-гхат — отделенная голова мужчины лет под сорок — она горела, и алая жидкость сочилась из носа или уха, текла по щеке, падала каплями с ярко-красной, раскаленной ушной раковины — кожа на голове лопнула, и кремовый череп, еще гладкий и высушенный жаром, проглядывал сквозь обугленные волосы — а дальше, на другом костре, кусок резинистой, обугленной плоти и кость длиной около фута¹, последнее, что осталось от тела (наверное, от спины или

1 30,5 см.

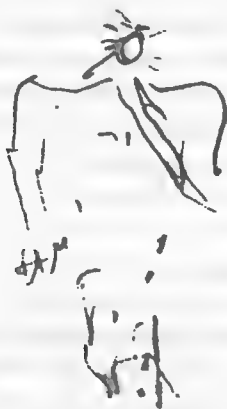
сидра?), его и задвинули баграми подальше в огонь — ним-фи-ингер-пэновского вида в бурых лохмотьях готовила себе какую-то жидкую пищу в миске на белом пепле в уже потрескавшейся яме — перемешивала палочкой пепел вокруг миски — босая — я ее уже как-то видел — поглядел, приотрывает ли она груди — точно, спереди с одного плеча висел кусок мешковины.

Сон — несколько ночей назад видел огромную фигуру из пальцев Свами Сатьянанды.

17 января 1963 года —

Сегодня [снилось] — я с колдуньей, уборщицей, она знаком от всех является садхви — я у нее на квартире — сидю на ее спине — она говорит, если хочешь, чтобы я все правильно проделала, приходи сегодня попозже, как работа закончу — то есть уборку — я слез с нее (она лежала на полу, на животе, а я сидел на ней — у окна) — может, она еще пол мыла — худая бабка — совсем как та, что приходит сметать здесь, у нас в доме, я дал ей рупию, и вчера она поклонилась мне, приложив ладони к груди — Значит, говори ей, ладно, мол, приду позже к своей женщине-мечте, моей гуру-гурии — Вернулся, пробродив (во сне) целый день — она все там же, готова уже и собралась домой — пойти заняться мной, надела шляпу с мехом — на выход — и тут говорит, остановившись у стенного шкафа в прихожей, «Ты вот хотел знать, есть ли еще какие всамделишные мастера по этим делам — Ну, как раз сегодня пришел один, он из самых лучших саддха»* — и не то из шкафа, не то из спальни возникла высокая фигура в красных одеждах — крупный мужчина в тяжелых тибетских одеж-

дах — головы у него вроде нету, но рукой сам зажимает небольшую красную дырку, там, где должна быть голова — и держит он там рукой телескоп,

а когда он отнял его от лица, я увидел крупное, красивое лицо с резкими чертами (позже, когда я уже это записывал, вдруг до меня дошло: это же Брайэн Гайсин) — во мне почувствовал наслаждение.

Проснулся и был возмущен, что Гайсин ушел — я, наверное, ревную.

* * *

Шли домой по темным проулкам от площадки, где сжигают мертвых и где мы сидели и разговаривали с садху по имени Шамбу Бхарти Баба (он принял обет молчания четыре года назад, на том основании, что «не мог сказать ничего хорошего») — а сегодня как раз вечер канун пуджи для Сарасвати (чествуют богиню музыки, поэзии и учености, поклоняются ей) — подходя к нашей

ри, мы увидели дальше по улице фейерверк и остановились поглядеть на необычную процессию — не то свадебную, не то в честь Сарасвати — шли люди, целая группа — они играли на дудках, с помощью которых заклиналиют — и еще была группа барабанщиков и волынщиков, потом освещенная передвижная платформа с картой Индии, и на ней лицо Неру, все в лампочках, которые горели от громко жужжавшего динамо, его везли следом на большом трехколесном велосипеде, и дальше еще шли слоны, на спинах которых сидели люди, потом лениво проплыли нанизанные на одну веревку верблюды, затем мимо нас протащили целую серию изображений из глины-маше или глины — сначала красного, пышнотелого, с большими розовыми ушами Ганешу, за ним Шиву с Парвати, они сидели на небольшой горе, которую несла какая-то старая женщина, удерживая в равновесии у себя на голове, потом еще разные другие божественные фигуры по несколько штук разом, а затем группа коней везла пустую коляску, увенчанную электрическими гирляндами — и пронесли человека в паланкине, со склоненной в преданности головой, потому что его золотой тюрбан с перьями был слишком высоким для низкой крыши полотняного ящика, внутри которого он сидел — и когда процессия направилась вниз по улице Десасвамедх, расположившиеся там коровы опрометью бросились бежать в измани по пустой улице, по ступеням к темной реке — их испугали огромные красные бенгальские огни, которые возыхались перед оглушительно пищащими дудками и гремящими барабанами — слоны завернули в боковую улицу — они осторожно ступали, обходя стороной седобородого слепого нищего, день-деньской сидевшего на углу, который на этом же месте и спал все ночи напролет —

мы с Питером последовали за высоченной задницей слона, продвигавшегося по узкой улочке — она маячила где-то перед нами, загораживая своей массой свет от уличного фонаря — этот огромный, круглый, как живая глыба, слоновий зад едва протискивался между каменными стенами домов и заборов в этом древнем проулке, который резко сворачивал в сторону как раз у алтаря Шивы — там слоны и остановились в нерешительности, пока их погонщики совещались между собой, не повернуть ли назад, или, может, дальше прокладывать дорогу в самую гущу шумной, ярко освещенной процессии, заполнявшей Бенгали Тола (так называлась улица), которая открывалась им впереди, где дом, в котором справляли свадьбу, блистал, несмотря на полночный час, разодетыми гостями, а через громкоговорители на крышах домов неслись оглушительно громкие песни из кинофильмов.

* * *

Естественная поэзия — трудность в том, чтобы писать Стихи, которые существовали бы, которые *звучали* бы естественно, а не надуманно.

Вообще говоря, рифмованные строки звучат искусственно — кроме тех случаев, когда проявится вдруг какой-то Гений, и эта Надуманность растворится в бурном потоке искренности или страсти, или восторга, или экстаза, или чего-то комического — как у Харта Крейна* —

Под Надуманностью здесь подразумевается просто поверхностная, но претендующая на умудренность, хорошо заметная, глупо-самодовольная искусственность и нескладность текста — таковыми являются по большей части все наименее интересные академические стихи, ко-

торые, как считается, отмечены высоким профессиональным стилем — Но не стоит смешивать это с осознанием процесса развития языка — например, стихи Айво-ра Уинтерса* именно на слух воспринимаются как нескладные, и профессиональное осознание звука у него есть лишь озвучивание занятой поэтом позиции, и это раздражает, несмотря на приложение недюжинного ума — Не человеческая естественность ощущается в поэме — но лишь его «общественная позиция», «установка» — а ведь у многих «деланных» второразрядных поэтов именно это слово стало излюбленным. «Глубина» здесь не натуральна, не естественна, она есть свойство спитетическое и т. п.

20 января —

Спал допоздна и «заспал» сны, прошло слишком много часов, чтобы их вспомнить. Прошлой ночью я трахал маленькую, кукольного вида девочку, совсем кроху — у меня чуть не случилась эякуляция, я проснулся от того, что сексуальный этот прилив-всплеск дошел уже до кончика моего члена в нижнем белье, пока я лежал рядом с Питером на матрасе, на полу. Проснулся, но все же не кончил — помню только, что трахал я эту крошку-куколку в ее дырочку в присутствии многих людей, которые смотрели на меня, совсем как в турецкой бане.

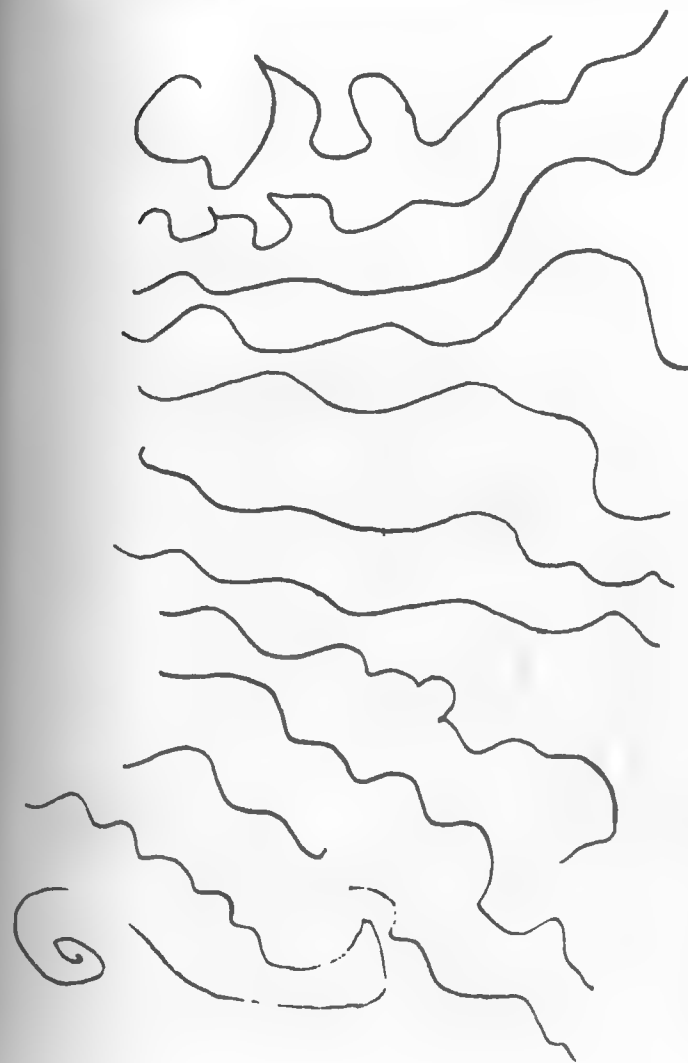
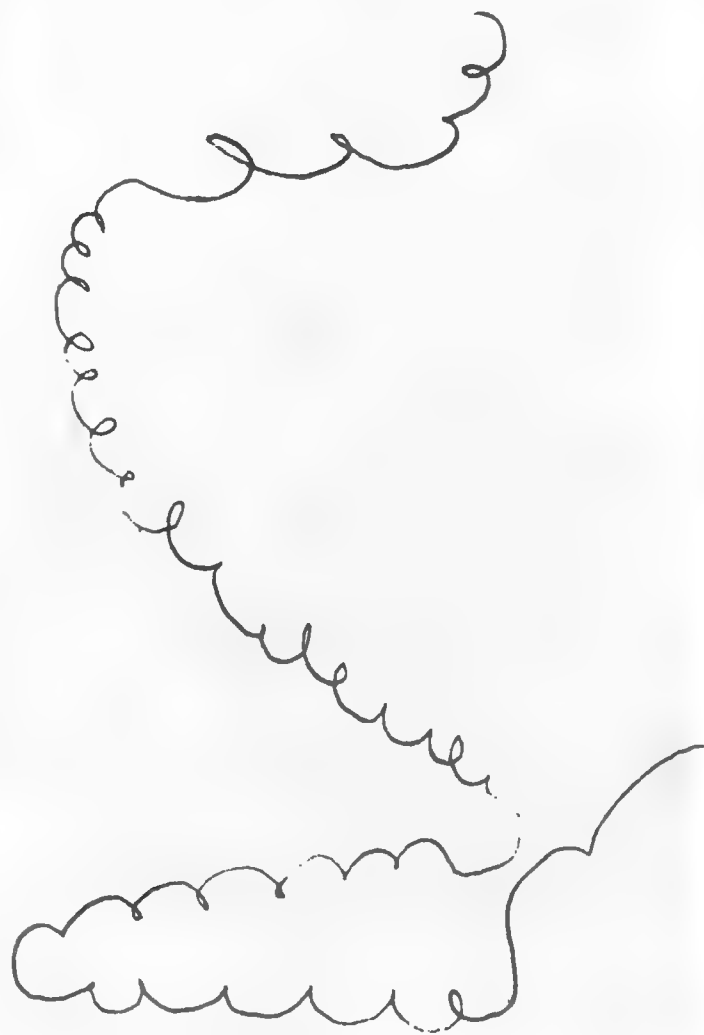
28 января 1963 года —
зловещая Америка

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ САРАСВАТИ

Джай Гуру Джай Сарасвати
у алтаря в белой комнате
 прасад в лиственных чашах
 дольки апельсина, желтые черешни, молочные
 сладости,
 твердый сладкий рис, куски гуавы.
Ковер на крыше расстелили
 сидят на корточках и на ковре
 наклонившись к волнистой мелодии
под оранжевым балдахином
 Ганг у ночных деревьев
 улица на берегу реки

Пятый день весны —
И — дрожащие голоса

юных певцов в синих пиджаках
склонились друг к другу тяжело
 застонали из груди и из чрева
о-о-о-хо-хеаоо — оо оо — Джай Гуру
Цветы разложили свои желтые и зеленые
 Бутоны по плоскостям полей
Алтарь садху из ствола дерева
 кремационный член в цветах
полон рот фасольных бутонов
 зеленая мягкость вкуса
 сладкой слюны —
Горчица да пшеница зреют
Через реку из Рамнагара
 медленной лодкой с шестом
по воде, что кажется синей —
 Худущий лодочник, чалма
 на голове, замотаны и чресла
 с тощими руками
одну анну получил у лотка на берегу
 под зонтом, у холено-ленивого
наимателя, принявшего
 монету злую
Иии Иии — Ии Ии Ии —

Спускаясь по ступеням вниз

шаг 3а

ШАЛОМ БНІЗ —

порты Трилочана

ВИДНЫ ВНИЗУ

через

ДВЕРЬ

на улицу —

ТОГО

пространства

что парит свободно

воспаря выше

то временами

ПОД ПОЛН

ЫМ

контролем

будто

шел по натянутому канату над

000

миллионами космических кораблей или планет в
самых дальних

пределах — в черной дыре самой —

наполненной твердыми предметами —

Звезды прочь летели — к ним не добратся
 никогда
 разве что испортить Время
 тоже —
 счастливая ночь рождения Сарасвати
 Богини знаний и наук
 Царицы Санскритской просодии
 Музыка над крышей —
 (тела горят на всех ступенях
 гхата Маникарника
 под верхушкой Дымящейся башни —
 смотрю вниз на босховские всполохи
 болевших зимой и умерших к весне
 — вон процессия, где четверо под выкрики
 «У Рамы Истина»
 несут двухфутовый тощий трупик
 оцепенелый под цветными шелками —

На той неделе на стене был Блейк
 глаза закрыты, хмурый, недоволен,
 что я оскорбил профессора*
 Я от стыда внутрь даже не пошел, подпер
 лицо дрожащими руками —
 Сегодня очи на лице белой маски закрыты
 чтобы слушать музыку
 с еле заметной улыбкой
 удивления перед Совершенством
 Хреновых Песнопений
 под прихлоп табл¹, под гудение гармонiuма,
 голос после полуночи все пропускал

¹ Табла — индийский ударный и ритмический инструмент.

всякие «ни-ни-ни», в партитуре «Минни¹»
 весной»; под Паганини, авансом
 великого Шлепка Создателя
 Когда бы он ни был, куда бы он ни бил
 Сегодня, сейчас он вот здесь —

* * *

не солиден»...
 кажи уж: ветер шаловливый
 играет юбкой дамы
 под магнолиями
 где хитроумная полиция готовит
 Провал Моей Любимой Музы
 Чаттануга, Монтгомери, Новый Орлеан —
 Весною в Бенаресе в феврале
 впервые сознательно выражено словами —
 долгие хождения по твердой грязи,
 близ полей на берегу —
 конце как оранжевая прожилка вспышки
 на крыльях реактивного самолета
 и выхлопы стрелой рванулись
 через плоскую реки равнину
 рябившую недвижно

Наверное, на тот момент
 уже я помочился —

¹ Минни — вскоре после появления Микки Мауса студия Диснея
 сделала ему подружку — Минни. Виду нее точь-в-точь, как у Микки Ма-
 уса, но междушей — розовый бант. Существует мультфильм под назва-
 нием «Минни весной».

2 февраля, вечер —

Что б ни происходило, почти все
от транзисторного радиоприемника вплоть
до черного провала лестницы, где только рукой по стене,
закрыв глаза на все углы внутри,
пробраться можно с улицы
Спит на моих ступенях нищий
тропа ведет назад к песчаной отмели
к ступеням у края воды
Серебреют огни, и красные всполохи
на вод седилах —

Половина явилась луны до падения тьмы
а Звезд!.. черной сини бездонье
озаряют белесые звезды
Эй, бесподобный простор
вороненой прохлады повсюду
там, за стеклами очков
включая мою внепространственную душу —
что проявляется в сексе
как взгляд возникает в глазу

Кашляю на ступенях, скорчившись
под горящей площадкой —
Дым застилает мой книзу направленный взор
на еще одно алое ложе огня —
с Большим краснобрюхим Слоном
Что сидит на подушке, весь голый
Его верная мышьяная паства
Впрочем крыса, как я
Молит о том, чтобы его Воплощенное Вдохновение

породило бы слово
от какого стало б худо асурам
Чтобы всех заглотнул он
Сокрыл в своем чреве
или дал бы им сил
превозмочь Заблуждения, Бедность,
мир увидеть
Глазами Слона.
А то таращатся асуры
И с узкой, красной головищи
с ушей огромных, белых,
что слышат Дальние шатры, наполненные
Обрами Кришны и выкриками
Верующих, громом барабана и
Безмолвием микрофона,
Глаза у них закрыты,
Им грезится голос
боготворенья

Вот поскользнулся в грязи,
Я выкурил бири, следя за обратным
проходом, назад от шагов вверх и
вниз в темноте
держась за стенку —
до вскриков, до бордюра, удобного для
испращения незрячей и нищей старухи,
что кутается в матрас на ступенях
суконной лавки —
мимо бредут громады слонов, для нее невидимки,
обходя ее узел-палатку
Всю ночь поют и поют голоса, все
прошедшие ночи рыча все одно:

Шри Рам Джай Рам Джай Джай Рам
Джай Рам Шри Рам Джай Джай Рам
Шри Рам Джай Рам Джай Джай Рам
Джай Рам Шри Рам Джай Джай Рам

* * *

«Он относится к своим родственникам, как к ядовитым змеям...»

Сон, 4 февраля 1963 года —

« После полудня — спал на матрасе на полу, устроившись на животе в темном послеполуденном забытии сползания в ночь —

Вот я на длинной улице — получил письмо от Билла — Хожу по разным ресторанам из какого-то прежнего сна, по старому, туманному, серому Гринич-Виллиджу — потерял дорогу — вижу огромную плоскость, стеклянное окно, покрытое бумажными (декоративными) цветами и створчатую дверь, узнаю их и понимаю, что я уже был здесь когда-то — однажды, может, в Мексике, в подобном ресторане со столами без скатертей, я ел наверху бифштекс с Джеком внутри — в Мехико-Сити — толкнул дверь и открыл ее, к моему облегчению внутри много посетителей, на эстраде оркестр, а за столами люди, тут же официанты и бармены — увидел, что у окна сбоку, за столиком поменьше других, сидит, как всегда в одиночку, Билл Б. и ест — я вижу все нечетко, мои глаза ведь полуприкрыты во сне — я спросил: «Ты, что ли, Билл?», а он: «Точно, се-

годня прилетел из Парижа» — «Но я ведь только что получил письмо от тебя!» «А у меня и времени не было сообщить о приезде — сейчас путешествуют так стремительно — Особые меры, специально для самолетов — просто едешь на аэродром и просишь дать билет, и они тут же находят для тебя место на следующем рейсе. А если заказывать заранее, надо заполнять различные бумаги и потом несколько недель ждать» — и он принялся долго и сложно объяснять, но я не в силах следить за его словами, хотя по общему впечатлению мне показалось, что он нашел свой способ обойти бюрократические проволочки, связанные с полетами — Я наклонился к нему, говоря что-то, мы снова вместе, через стол, близки... Быстрая перемена: я в Индии, бегу по улицам, меня преследует толпа верующих — я мчусь к реке, чтобы совершить омовение или снова встретиться с Биллом — один из охранников-индийцев хватает меня за руку и тащит за собой еще быстрее, чем мне удавалось бежать, лишь бы оторваться от разъяренной толпы — подбежали к углу, где улица сужается — на тротуаре вдруг возник угол дома, так что надо соскочить на мостовую и мчаться по ее черным, грязным бумажникам — я лечу вперед, а сам все думаю «Жаль, что пока был молод, не отдался Биллу полностью, чтобы он любил меня, потому что он мой гуру, надо мне было позволить ему трахать себя больше, и сам я должен был любить его тело, сосать его член, как ему нравилось, а не прерывать его, не отвергать его, как хотел» — и пока я обо всем этом думал, я вдруг упал, мое тело рухнуло на мостовую, прямо в положении задом кверху, как удобнее грахать — Тут вошел Питер с морфином, и я проснулся.

Сон, 10 января, 4 утра —

Будто я все пытался пробиться к первому дому через железную дорогу, затопленное ложе реки, через хижинны на лодках. У реки, на Риверсайде, встретил старого незнакомо-го друга-приятеля, который помнит меня еще с той поры, когда мы занимались свободными ассоциациями. Но не помню, что мы были знакомы, и пытаюсь разобраться. Сверкающий зеленый автомобиль заводится поворотом красной ручки плоти.

Вспотел под одеялами... проснулся от звука капающей воды и от давления в мочевом пузыре... в уборной, на короточках, вывожу из организма воду... Высказывание мадам Александры Дэвид-Нил* о принципах первичного восприятия похоже на упрощенное описание «редуцирующего клапана» у Хаксли. «Тайная устная доктрина» тибетского буддизма — и «визионерский опыт» —

Если мне снилось что-то, и я лежал, вспоминая эпизоды воспоминаний — что было картину назад или в следующей картине — иногда сон мог сам преобразоваться в иной сон, и я вновь отплывал — или комар мог покусать мою руку на странице, совсем бесчувственную.

Вот смутное воспоминание о реке — путешествовал по реке, чтобы добраться до — дома —

Там я могу выйти к Бенаресскому индуистскому университету, чтобы побродить по этим похожим на пирожок передним ступеням храма — за которыми статуя Будды — в любое время — неважно, приглашали меня туда или нет —

9 января 1962 года, Бенарес (Визит из уголовной полиции, СИД)

Политический через задний выход впорхнул на деревянных крыльях
Сидел за деревянным столом, ел себе борщ
Ну, и отвечал на его вопросы —
Он был столь вежлив, я уж подумал,
может, я Следе Свинячьих Торговых Агентов —
Как он все хрюкал, повизгивая подозрительно,
Все торговался со мной из-за удостоверения лично
сги
шел, мол, по-дружески, просто узнать захотелось,
как жив-здоров, тут ли живешь?
и шел на моих плетеных циновках и его карточка
удостоверение, что он из СИД, прыгала в руках,
рылое лицо, короткие усики, на манер Сезанна
под носом у него; он все ж отказался
Вместо салата из кухни матушки Мун,
два немца-профессора стали требовать,
Заподозрив недоброе, хоть каких-то юридических
примерных
подтверждений законности его намерений
результате были эти потерянные письма, с опечатками,
к Верховному Начальнику Всех Полиций —
потому, что двадцативосьмилетний фотограф
из «Эсквайра», с доходом тридцать пять тысяч в год,
на полном содержании Индийского Бюро Туризма,
стал всюду три фотокамеры и телефото-
скопные объективы*,
нависавшие с его любопытствующей рожи,
потом, средь бела дня, он пропал на ступенях гхата,
невидимка в лучах солнца,

Растворился во времени, как его камера, отхватив
рыло буйвола,
рога, воздетые у берега, быстрый язык
скользящий к слизи в огромной черной ноздре
омоченной Гангом —

Очень доволен, под щелчок мгновенный,
Наш Кавалер в широких брюках
Возник, чтоб щелкнуть скотину, с задержкой,
Как нос утерла, как справа сунула язык
вовнутрь, лизнула как до уха,
и чернильно-мокрую, соленослизкую
Дырку для дыхания
распробовала —

Назад к немецкому собственнику, он
не одобрял экспроприации без выкупа
на Цейлоне — нефть, бензоколонки, «Эссо» и так
далее.

Почти все понял, соответственно цветистой
Шаштре* хозяина моей квартиры

10 января 1963 года —

Черноволосая попрошайка по имени Кали Ма, завер-
нувшись в матрас на другом углу улицы, все квохтала се-
бе под нос, словно курица

Воображая, будто слепой прокаженный, что жил на
улице дальше, пытался украсть ее жестянку прямо под
взглядом ее непроницаемых мраморных глаз —

Она лишь встает на зудящих ногах, чтобы доковылять
до края тротуара и посрать, задрвав повыше свои лохмо-

ны — Муж оставил ее тут, а кто-то другой, кто лечил ей но-
гу, умер —

А полиция позже принесла нам свои извинения — тот
подчик осрамился, сообщив дантисту на первом эта-
же, к кому именно он тут ходит —

* * *

Харинама Мантра*
Харе Кришна Харе Кришна
Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама, Харе Рама
Рама Рама, Харе Харе
(Шестнадцать имен, записанных тридцатью двумя
стихами шрифта деванагари)

Отрывки, записанные под действием морфина,
14 февраля 1963 года —

Мусульмане, залиты лунным светом, шли мимо
архива близ Купола Таджа.

Мусульмане под лунным светом,
асфальтовая бомба!

Могильки и бабочки
неспешно над кустом зеленым
кружат в лучах солнца — к чему?

Глубоко прочувствовано (про «Кадиш»)

Поэзия суть «картина» сознания
Картина ноль — парадигма?
Я вроде что-то подзабыл

МЕДИТАЦИЯ В КОМНАТЕ ГРЕЗ

Блейк на стене, прижизненная маска*,
Бликов нет на алебастре, черный фон.
Здесь трещит сверчок, а там, на Банхил-филд,
На камне надпись: «Где-то в этом месте»*
Я ждал пятнадцать целых лет
все это время предвкушая Гарлем и в будущем,
Особую минуту, которая отложена теперь,
из-за оранжевой дымки на плоском зеркале Ганга и мра-
ка,
и людьми переполненных лодок
Вот трубка, рядом скудные Записки из Дальних мест
Я слушал, приходил в себя, курил,
уравновешивал на пальце ручку.
А рядом серые платформы бетона над Ступенями
И пузатые мужчины для омовенья входят в реку,
У них свисает шнур с плеча до живота,
Вот Садху бородатый совершает моцион,
Точь-в-точь разносчик на Кони-Айленд, что продает хот-
доги
«Меня унесло из Гарлема на Ганг,

С Ист-Ривер в Варанаси в поисках Тебя,
Кого, клянусь, люблю, и безнадежно»
долгий долгий грохот поездов
ползущих муравьями через мост
Чтобы доставить профессоров Шума на жар платформы
Слон на ткани, намотанной на нищенок
Сидящих на лабораторном полу станции —
Однообразные годы ждут тебя. Странник,
быстрее света иль мгновенья секса
ем пишу о том, что Я Есть
навек, хотя теперь я неспособен ощущать —
Я пропащая душа, несчастная пропащая душа
каким всегда себя я ощущал, едва мне сказали, что я
родился —
на Фэр-стрит целовал девчонку по имени Олива
Она пропала, когда я уехал в Хейлдон* —
Я, видимо, ее любил, потому что снилось мне
как я, потерянный, ходил по лестничным клеткам
и кварталам и все не мог отыскать шарики
что рассыпал на земле у стены телефонной
станции у тротуара на углу
через улицу от синагоги
Я испугался за пол-квартала
от железнодорожной эстакады — шелковая
фабрика, картонные конусы-шпули
Прошло двадцать лет, и я хотел устроиться
курьером на той же улице, где в детстве играл
Я не мог найти Оливу — о, Олива, если ты читаешь
вот это сейчас, вспомни, прошу, как я поцеловал
нашу любовную связь, я не носил очков
в те дни ты можешь хотя бы узнать на улице
цементное крыльцо и страшные отверстия стоков

Наверху на кухне фамильный стол
 семьи Фейтловиц — много лет спустя я побывал
 в страховой компании «Утренний визит» — мой любов-
 ник
 мне взялся щекотать подмышки, когда
 я оговорился: «волос на лобку» сказал —
 вот было приятно, безумно удивительно, что кто-то
 прямо среди дня пощекотал меня под мышками
 Я ведь был трусоват, и все что-то обо мне
 раз и навсегда поняли, когда я побоялся
 притвориться, будто мне безразлично, вместо того
 чтоб развалиться на газоне у Масонского Храма
 за углом от мясной лавки и честно
 отдаться этой щекотке на часок, совсем как в кино.
 Только кому До Этого Дело здесь, в Бенаресе? Мир мертв,
 как говорят буддисты. Кого-то пред рассветом
 рвет и у колонки он полощет kloкочущую
 глотку О Молочный Прилавок Момент! Но даже
 этого нет на спине, на матрасе — Ом!
 Кот мурлычет, собака лает, кашель-позыв,
 капли и стон гул поезда на мосту
 свисток его «чик-чирик»! Увы, не могу тебя видеть
 невидимка Олива, а вот поезд
 все слышу и Блейка портрет все вижу и вижу.
 О звуки! О сигарета, забывтая на глиняной
 пепельнице, с язычком дыма, мои веки тяжелы
 Жужжа, мечусь вокруг слепящей накалинной нити
 вот мошка прилипла к очкам, а Мышь
 скребется в мусоре за газетой под столом
 меня считают никчемным, сам не знаю
 отчего все это делаю, просто так
 выражаю словами улов рыбо-мыслей

несто, что в моем Ганге головы
 с закрытыми глазами приоткрылось за те два месяца
 что эта комната и мной полна была и Питером
 скребушим себе спину и зад Карта Индии
 размером с человека ее мне надо довести до дома
 Стои во мне, где-то, или это быстро
 забытые куранты времени отзвучат без
 нужной искренней ноты, разве что какой-то йог
 с леной сев переведет внимание от
 слов чтоб услышать им равный звук
 в глубинах черного ума пространства,
 нинде, лишь твои ноги-перископы сбежали вниз
 измеряя пространственность «системы взглядов»
 коровьей улицы, которая, возможно, существует,
 если я смогу спуститься вниз по черному колодцу
 лестниц в место, именуемое Дасасвамедх-
 грифт, однако прочное и цельное, коли удастся
 туда добраться, если повезет, как везет обычно.

Писать о писательстве. Критика двадцатого столетия
 должна символизировать собою, что происходит, если
 писатель наизнанку извернется, чтобы писать писатель-
 ство
 совсем как Гертруда Стайн, что с этим и умерла.
 Не хочу быть циничным, но только
 нынешние морфинные физиологические
 навесы целлофана смели дворяжки-полукровки
 своим истощным лаем — В ту ночь в постели Хэл*
 и Билл и Джек под Бензедрином заигрывал со мною на
 полу
 на Сто шестнадцатой* — Все поминал прозрачные
 целлофановые водопады — от чисто синтетической

этой абстракции я стонал от желания
чтобы меня поцеловал в губы и прижал бы
к груди своей красивый юноша, тот, кого
я возжелал прямо там, но не суждено это было
и вот я целую ночь объяснял свои
деликатные обстоятельства с обидой, что ощущал
в рыдающем горле и грустной, горячей, восемнадцати-
летней груди —
А сейчас? Что, сейчас моя грудь грустна, горяча
Как в годы былые? только если я думаю про это и дело с
концом
или хватаю Питера за колено и целую его бедро
Я мазохист, как сказано в психическом учебнике
Я всегда знал, что мне лишь такая любовь
доставалась — Никто меня не любит, я старый,
я безобразный Аллен. Ну, как я мечтал, я всегда
был такой, когда еще был мальчиком и от набитых карма-
нов
натирало мне трубочку плоти в штанинах —
Первый раз это было на Кони-Айленде
или на пляже Ревира в душе туалета — взял
внутреннюю трубку рулона туалетной бумаги вместо йони,
пораженный, когда накопившийся жар вспыхнул
где-то в паху рывками жидкого влажного огня
— до меня так и не дошло — о, смейся вечно, паяц,
будто все в самом деле так плохо — я же не жалею,
но лишь удивляюсь: как же так все быстро случилось
что я уже средних лет человек, и есть у меня три седых во-
лоска
Это несправедливо! Где же еще оставлять свои деньги,
Как не в индийской лавке на Сорок второй
уступеней Независимого Подземного Книжного Магази́на

огромное окно с репродукциями Ван-Гога —
и что-то чудесное в том, как там
западают картинки, если их показать
прикасаемому метельщику улиц, где он их может ви-
деть —
теперь улываю, положив ногу на ногу, внутрь сигареты.

Описываю: Дождь на Дасасвамедхе

Кали Ма ковыляет вверх по ступенькам под железную
решетку пристанища, нащупывая дорогу к обочине троту-
ра, вокруг велосипеда и прокаженного, что сидит у нее
в тени — чтобы написать на метле
— ее оставили Каменотесы, они прошлой ночью сотря-
сли улицу грохотом каменных блоков, сгужая их с гру-
нника
Они заставили слепца в серых лохмотьях уйти с его ме-
ста посреди дороги, где он спит и дрожит под своим одеялом
вопя всю ночь «Джай Рам!» перебирая четки или соб-
ственные яйца на джутовом ковре
Мимо которого коровы ослы собаки верблюды слоны
и медвежьи процессии барабанщики туристы прокажен-
ные и любители омовений
ступают под визг змеиных дудок и рык моторов ма-
шины вокруг его черных ушей —
Сегодня на балконе, в трусах, опираясь на железный
поручень, я видел прокаженного, который сидел себе,
незаметный, за велосипедом
он появился, перетаскивая свои ягодицы по серому
мокрому тротуару усилием забинтованных обрубков рук
и перчатках,

одна нога оттяпана ниже колена, круглый протез-деревяшка обернут черной резиной

он левой рукой подталкивал полированную жестянку размером с собственную голову (а из-под бинтов запеленутой ладони вылезал один лишь большой палец)

пред собою толкал ее, подхватывая обеими лохматимися обрубками ладоней, чтобы перенести с тротуара на мостовую в лужах,

старался сохранить равновесие, чтоб не повалиться, спускаясь с бордюрного камня, следом за своей жестянкой и ползя вперед на задую

подтаскивая тяжелую подстилку и оставляя за собою след неверный на пыльной улице

как и улитка оставляет слизистую дорожку — он в грязном асфальте у входа на рынок оставил отпечаток своего движения — вот перестал

тащить жестянку за собой упрямо и начал колотить по мостовой у водяной колонки —

Оттуда за ним внимательно следил работник — на его спине горбом сбились намотанные тряпки —

и он спросил калеку, может, тот помыл бы свою жестянку на алтаре колонки — и вообще, что это он полез сюда, когда бесплатный рис

Дают вон в том проулке у реки — Прокаженный взглянул вверх на него и передохнул, а жестянка с ним рядом доползла до лужи.

Кали, прямо стоя, помочилась, наощупь стала пробираться на тоненьких коричневых ногах назад, к Ступеням Лавки,

воздевая свои руки — тискась нащупать своих лохмотьев кучу, что лежали на мокрых каменных ступенях —

т корова задвигала еще быстрее челюстями, прожеывая эти тряпки, оставленные мокрыми всего на пять минут, их переваривая,

Пока не прогнал ее палкой парень из ларька, где гребут и масло для волос, он проснулся

От лая собаки, та зашла при виде сумасшедшего с рваными дикими черными глазами, который, обмотавшись тряпками и с кувшином воды в руках,

Застыл посреди улицы, повернулся и стал оглядывать лавки, окна, лавки и всю городскую сцену, где разыгрывалось мрачное действие.

Потом пожал плечами, пробормотал лишь «Джай Шан-эр!» воображаемым зрителям, состоявшим из Меня,

А в это время певец-баул в белом одеянии со своей однострунной Гитарой из сушеной тыквы

Присел около сигаретного ларька и стал обозревать свое окружение: он только-только прибыл в Святой Город Бенарес.

* * *

Я встретил Према в 4 утра у молочного ларька — разваривали по-английски, он выражается как англичанин («Мудаккий болван!» и прочее), получил образование в школе при храме Святого Павла в штате Мадхья-Прадеш —

«Ганджа это первый шаг к подготовке для садханы»¹ — Я святой без правил» —

Потом встретились опять сегодня вечером — чай и чаши (трубка с ганджей), он пели переводил мне песню «аччан»^{*} — вариант Омара К¹ —

¹ Видимо, Омар Хайям (англ. — Khayam).

«Когда я умру — О жена, вот тебе наказ от меня —
Когда умру — оттого, что я пил вино каждый день,
той поры, как смог пить — и память отшибло —

Но если кто-нибудь захочет совершить похоронный
обряд

Не кладите мне на губы листья тулси* и не лейте воду
Ганга

Но лишь рот окропите самодельным вином

И омойте мое тело в моем собственном Ганге, а это,
как вы знаете, вино —

Никому нельзя нести мое тело, одним лишь пьян-
цам доверюсь

Потому что если хотя бы один споткнется, покаты-
тся все

«И я тогда любимой, неверной походкой отправлюсь
на гхат для сожжения —

А если кто-то спросит вас, а кто был умерший

(Пока они околачиваться будут по канавам Бена-
реса

Кричать они будут не «Рам Нам Сат Хэй!»¹, а «Истина
в Домашнем Самогоне!»)

И если спросят, что у меня за дхарма, и мантра, и сад-
хана, и из какой я касты —

Скажите правду: мой Путь проходит через стойку ба-
ра, где я буду перебирать четки-рудракша

После каждого выпитого стакана Вина, восклицая
«Бар! Бар! Бар!»

И тысячу раз в день в святом остоленении взывая к
имени бога: «Вино! Вино! Вино!»

Я его спросил, что это за стихи?

¹ «Имя Рамы — истина!» (хинди).

«Каучуковый чанд» — каучуковые строки — и Нирала*
писал точно так же — кто-то из критиков назвал их каучу-
ковыми, резиновыми — потому что можно вынуть строч-
ки из текста или перегнуть их, короче, сделать с ними
что угодно, на что сил хватит. — Резиновый размер.

Шиваратри, 22 февраля 1963 года — 11 утра — (День рождения Шивы)

Прошлой ночью на той стороне Ганга, за черными
деревьями и за рекой, на освещенном холме, гремели
гонги

Лежал на надувном пластмассовом матрасе и шерстя-
ном одеяле в совершенно пустой комнате, с сигаретами
и книгой

«Я пишу с электрической скоростью» человек с розо-
вокупольной головой, закутанный в мягкую коричневую
вязаную накидку, шерстяной плед-афганку — приковы-
лял, с улыбкой на крупном, мясистом лице «Гуру у тебя в
сердце» — сказал Шивананда Восторг-Трансформация* —

Три садху в ряд под деревьями, один уперся взглядом
в одну точку, глаза налиты кровью, у другого коро-
ва по имени Нанди* с изуродованной челюстью, жутко торча-
щими зубами, она пережевывала ком жвачки — а третий
обмазался пеплом по ту сторону реки, около Лакшман
[жула]* —

Целый год и множество бессонных ночей в поездках;
курил на полке и читал в «Тайме» о жестокости амери-
канцев во Вьетнаме

«Красные ребята» сфотографированы в наручниках
у реки, заросшей травой, на коленях, не помню, из ка-

кой армии взявший их в плен американоглазый человек больше, чем достаточно деталей в 365-и газетах за год.

Утром, до полудня, был на тротуаре над кострами и открытых ступеней, ведущих на площадку для кремации

Проходя с Питером по гхату Маникарника, видели темного старика, которого я заметил еще несколькими днями раньше, он лежал тогда, припав к земле, свернувшись в комок, в тени на каменных ступенях — костры и

Недоразумение? — Он из тех, кто явился слишком рано, чтобы умереть здесь, теперь ждет своей очереди —

Как и в тот раз, он лежал слишком близко к огню — волосы у него седые, вьются, череп высох, пепельного цвета, виски высокие, выпуклые, его желтые глаза открыты

Поманил тонюсенькими, как щепочки, костлявыми руками — его распухшая коричневая нога блестела — позвал меня — Вниз по ступеням — он открыл глаза и выговорил «Паани! Хэ? Паани!»¹ — и воздел глиняную пепельную чашу над головой —

Ноги вытянуты, живот совершенно ввалился, мышцы нет, длинные ноги бухенвальдовского скелета, и ягодиц нет, только кость, плоский таз под белой толстой набедренной повязкой в сером пепле —

на правой лодыжке болячка от ожога — мухи нагноившейся ране и у его век —

Глаза закрыты — дрогнули брови, уши большие на высохшей, седой, пепельной голове — тонкий крупный изможденный костлявый нос —

невыразимый сумрак в отверстиях прозрачного Кого-то, Кто-то глядит в себя, внутри этих зрачков — обметанный

¹ Что-то вроде «Воды! Дай воды» (хинди).

рот приоткрыт, большие оскаленные зубы скелета — «Паани!», сухой ярко-красный живой язык —

и вымыл чашку у нижней ступени и зачерпнул большую порцию воды — он протянул руку, свою птичье-жужжащую ладонь за чайной чашкой красно-кирпичного цвета — Питер стоял над ним, с банками масла и молока и французской сетчатой сумке-плетенке —

вода лилась в его глубокий рот — «Исадхана моя была пить вино и быть истощенным»

Питер поманил меня подойти поближе, чтобы спросить у меня, на хинди —

а что именно, я в принципе не смог ни просеять им с трудом сказанное сквозь зубы, ни понять усталый, медленный взмах его длинной руки —

я отошел и на верху лестницы, за деревом уже, обнажил корзинку с желтой картошкой с карри — слева

Полный, до колик, бред: эта картошка на тарелке из пластика, на ступени под пеплом, у его головы — коричневый окорок коровы

он тут же отмахнулся от нее этой своей рукой-граблями — Есть не стал.

Позже я купался близ костров на ступенях, окруженный лодками, оттолкнул их и опустил голову под нос лодки, вглубь,

На мокрых ступенях, стоя в красной набедренной пошивке, простирал нижнее белье с красным мылом — как плещет промыл голову и трещины на ногах и уши —

Поднялся туда, где был Голый Человек, которого я прежде поприветствовал взмахом руки — он у своего пращичного костра, со съезжившимся, мягким, пепельным пеплом — покоится меж ног — ладонь приподнята

в подбадривающем жесте, так сидел Шамбу Бхартти Баба — немного оладьев, горох тушеный с гхи и тонкие картофельные ломтики, на один укус — трубку они курили по очереди с сотрудником университета

в белом исподнем — тот приветствовал меня на цинновке словами «вы только что с купания?» — сидел скрестив ноги и набедренная повязка свешивалась на железную трубу —

«Тот человек, я не понял его пепельную мысль на хинди, нельзя ли спросить его, от чего он умирает?»

Как долго и что нужно, я определить не мог — кроме картошки — правда, когда мы к нему спустились, глиняная плошка молока

рядом с головой его наполовину пуста — Я перегнулся, увидел его слабые колени и под его одеждами

страшно ссохшаяся плоть, отстающая от костей на волосатой груди — «Чтобы отнести — к воде — здесь слишком жарко» —

Мухи жужжали, садясь на его лицо при ярком свете солнца, сверкавшем на высоком своде его лба —

над горящими гхатами — перенесли под небом, моя рука подхватила его под коленную чашечку и одеревеневший позвоночник — голова повисла, за руки его нес мой друг

«Сказал, хочет прохлады, а то тут жарко, оставь у реки» —

Вниз к реке, на ступень, ослаб и нога обвисла над ступенью, вот таз сполз на следующую ступеньку, прямо к воде — мы подняли его, после

того, как упомянули Черепушку, который потерял сознание, и тут же он пришел в себя, глядя

ласковым взором прямо нам в глаза — Он был тут недели две, я его видел прежде ночью у раскаленных углей,

он держал перед собой руку, невесомую дощечку, чтобы щипать лоб, глаза —

Он что, экстремальный садху? Просто явился сюда умирать — кто он? — Мы оставили его у воды

и пошли к воротам Синдия* через храмы и Даршаны храма отца Шиваджи — выглянули с высокого балкона рамка —

Вниз на реку в ясном голубом воздухе, чистом после черного ливня прошлой ночью —

Мы видели, бродя здесь прежде — мимо туч ворон-стервятников, упорно кружащих над набережной с мечетью — в воде плыла по течению белая гниющая корова, обсиженная птицами, покачивающаяся в медленной волне под ударами кловов — ее уносило током реки в забвение — \$ — стервятники

исчертили все небо теперь из-за той Коровы, чья шея вывернута так, будто рот тянется к плечу,

Подвешенной на двух баграх, спереди и сзади, и пять работников в полночь, шлепая по грязи ступеней, тащили войлочно-серый

раздувшийся груз живота, обремененного белыми ртами — Развязали и свалили ногами к воде

на выступ, голова откинута назад, ожидая спящего лодочника, для коров —

на следующий день после полудня с башни углядел волны барражирующих, хлопающих крыльями, плотоядных птиц —

Побывал у Казначая, в его коровнике с мандиром — белыми ярко-красным порошком нанесены знаки Свастики* на мокром, пропахшем коровами камне — небольшой, с остроконечным верхом алтарь под крышей

обитатели, огромные каменные чаши в углу на массивных подставках — насесту окна посреди стены, откуда вид на большой храм, где возносят хвалу, а ближе все завалено камнями, в окруженном стенами закутке метра на два —

поиграл с младенцем. пока коровы жевали солому, залитую водой, а старик-брахман распевал молитвы, глядя мантрической рукой подгрудок коровы —

Внутри большого храма древние гимны Шанкары — хором на санскрите, призывы и слова, вопросы-ответы —

Его дочь у двери, его чай, мы сидели на пороге хлева надулицей — потом я назад шел, думал, мимо Маникарника-гхат —

Меня приветствовал Чандал*, багорщик, который дал тому человеку — пока он лежал на влажной, зыбкой тверди в четырех шагах от пепельно-коричневой воды с цветами на ней —

табак — то, что Чандал смог еще вложить ему в ладонь — и даже опустил несколько гранул его

между зубов скелета, так что тот расплылся в улыбке, кверху тормашками, я видел, как он жакнул свои жубы и стал молча мусолить во рту зерна горечи

Сейчас он здесь, мне указали, вон он, лежит с закрытыми глазами, растянувшись на нижней ступени, с распухшей ногой, в мелкой, слабо плещущейся, пурпурной воде —

Голова его покоилась на верхней белой ступени, в обрамлении седых кудрей, мухи на омертвелой ране, гноящиеся веки закрыты — безмолвие — неподвижность

Чандал указал на небо — «Харибол!»

Сложил руки перед грудью, намасте, в сторону застывшей фигуры — я приблизился, хотел увидеть его недвиж-

ное худое тело упокоенным — вмиг отошел — Кто он теперь и где? —

Сжечь и рассеять пепел над Гангом, чтобы существовать — весь день крики «Джай Рам!» и «Джай Шанкар!» — и «primititti tu ta primititti tu ta»* тоже, в вечерней тишине каменного

уступа — солнце еще ярко освещало тело, простертое на ступенях у реки — отмучившееся, в набедренной повязке — Неужели он ел ту картошку и пил то молоко передо мной, а сам уже ощущал вкус пепельного яблока 'Чего?

Прочь! Прочь! по крышам, по небу в темные облака — в надвигающееся мироздание, тот корабль, что продолжает плыть, окруженный

Водами Ганга в Индии, вблизи от домов, башен на набережной и красных остроконечных храмов, вот буйволы степенно стояли на пути — стекшая моча благоухает во влаге земляных канав —

череп в огне позже, и я не видел, как горела бровь — только большие костры и глухие удары баграми по черной плоти — обвал ног обугленных поленьев-глыб —

и «Джай Шанкар!» весь оставшийся до сумерек день — для тысяч ищущих глаз и ртов,

кричащих «Джай Рам! Джай Шанкар! Джай Шив!» сегодня на ночь, на их воображаемом ложе, где

Шива, бог Медитации и Черноты, у кого цепизмеи и браслеты и волосы, убранные холмом на голове, где через краник милый Ганг

истекает из его высоких кудрей, заколотых полумесяцем —

Шива прошептал в его ухо сегодня — и слышал во всех ушах, когда он явился

последний звук «Джай Нарайян!» в этом черном дырявом пространстве, промеж потрескивающих

поленьев — Этого человека я видел умирающим раньше и раньше и раньше — по ночам, проходя в одиночестве мимо его одинокого скелета, свернувшегося в клубок, подогнув ноги у костра — и слабую голову и руку, что отогнала корову лишь час назад, так защитив свою горькую

последнюю трапезу из картошки — тут вдруг все Певцы разом воззвали к богу Шиве и богу Раме —

«Джай джай Победа!» тому, в кого он уже превратился — как, наверное, и Эзра Паунд — отрежь себе голову, Кабир —

Мы все под стопую Кали или в бханге или чиламе Шивы, под кайфом, в грезах ганджи, в тревоге и с пересохшим ртом

последнее, что видел — Разговаривал с ним в его последний день, его последние часы — пел в храме, пока он пел в своем —

«И голова моей бабушки лопнула — омыл ее и привел в порядок и потом сжег — прямо на небо вышло все, через макушку» —

Это все та же история про Курта Швиттерса*, который играл в политику с Маринетти* —

Primititti — А Поэзия как Садхана —

Однако уверовать в Кого? И любить кого? И оплакивать кого, как не всех нас, Кто жив еще — великая мечта, пока бредешь домой вдоль гхатов, и слеза по моему Мен-тору

который учил столь мирно, терпеливо, самой кожей своей безбедренной ноги —

И все еще гремит в громкоговорителе у вершины храма, сам покрытый до плеч песком, палатка увешана цве-

тами и громкоговоритель и Нага Садху с вервием на бедрах и длинными тонкими волосами — он молится Алло! по гигантскому телефону — Кто сообщил ему номер костров?

Стаканы бханга на моем сидении из матраса и одеял в окружении книг и бутылок бханга, и местные профессора, преподающие Уолта Уитмена, погрузились в «Северно-Индийскую Патрику»*, там лишь новости о войне, и еще фотографии мягких сисек в «Плейбое» — и тайные устные доктрины в сектах Тибетского Буддизма —

«показуха продолжается во время кризиса» — кашель на улицах у Дасасвамедха — собака лает у молочного ларька — звук цикад и имя Рамы и храп в деревянной Тиши

«За первой смертью, — уверяет Томас, — нет другой»* — Он уехал и корабль

плывет вечно, Никто не знает, где Вся бродячего Голландца Вселенная —

Вернуть Отправителю, если Не будет доставлено — Га Кали-Юга явилась и Ганди видимо

лишь аватар, созидающий в Хаосе собственные правила, долой овощи обнаженное тело локомотивы и гуру Юкхале* —

«Эфир» летящий через «Поиски» —

Спокойствие, царящее в конце года — Второй Шиваратри, ночные улицы тихи и мрачны,

Не так-то много людей на улицах — пока я шел домой к грезам Кришны от иглы Питера, шел прихлебывать прохладные остатки бханга и кроткого молока —

К газетам шел и сигаретам, налогам и чувствам, стычкам между продавцами бири и ворами, крадущими одежду у мертвых, когда достается направо и налево, и старым и малым —

Раньше, на Магх-Мела в Праяге*, одного садху ударили по голове, он грохнулся оземь, с воплем ужаса, что не достанется ему мамочкин бхог* — и святые люди устроили потасовку!

«И Кохинор* не бог весть что, коли его сама
Мумтаз-Махал* наденет на пальцы ног»
Тадж не двоится в перевернутом миниатюрном образе
стеклянного открыточного пруда
в изумруде-зеркале на стене балкона в камере смертника
Шах-Джахана*, цветочнорукого безумца
улыбчивого индо-араба,
Что комкал цветок в руке у своего лица с усмешкой
порхающей на царственных губах —
Что попал в тюрьму банкротом, прежде чем успел
• свой Черный Тадж построить на той стороне реки,
соединив его Золотым Мостом с Тадж-Махалом

— «Лидер коммунистов выступил с нападками на Китай, выразив полное доверие Неру как руководителю страны

Тревога по поводу медленного развития экономики, Критике подвергся Департамент налогов и сборов» — деловое издание газеты «Стейтсмен» царапает живот читателя —

Мои глаза закрываются над книгой, Морфин поздно подействовал сегодня ночью, и наша Ма внизу эхом повторяет вопли предшествующих ночей и Джай Гагадам*?! Джай

Ганипати, кому я молился, чтобы не забыть записать его приключения, когда он путешествовал по земле на своей большой крысе,

прежде чем я напишу свое имя, «Гинсберг», у себя на лбу во время его праздника, дня Защиты Бханга, когда почтовые отделения закрыты и ничто меньше, чем смерть, или

Больше, чем жизнь, не представляется возможным здесь, в этой Балаганной Вселенной, которая воспроизводит возможное собственное Я снова и снова, и все та же лодка и труп и возвращается коровий

облик с его муу-слов*, судьба саранчевых калып в их оре: «Шанти!»

денег хватает, зад не пострадал, не тронут, лишь большой палец, лежащий на ручке, обожжен сигаретами

и указательный палец весь в пятнах грез от чрезмерного курения жгучего табака и кашель в легких от тонких бири — и

дыма трубки, разлитого в слышимом воздухе — я лишь качаю головой «нет» и «да»

Пучеглазый облаченный безмолвный Гуру заставил вибрировать свет гхата — что поделать!

4 часа утра

На рикше до Луксы*, к Гопинатху Кавираджу —
При утра назад через зарешеченное оконце

Его пучеглазое «нет», пока он сидел
словно дремал, я посмотрел на него в изумлении —
помешал его молитве* —

Беспорядочная каша Вселенных,
плававших вверх тормашками в
огромном, точнее, бездонном

Ничто
лишь эта глаз губа достающая до
весенне-мраморных полов храма

На рикше до Лоларк Кунд*, уснул по дороге —
На Аси-гхате закрытые ставни —

По переулку Намвар-Сингх
Бесцветному и ни одно окно не даст ответа

Он лишь хотел умереть.
Он был тощ и его кожа
Его обтягивала кости как
Перчатка задницу —
Из задницы отрывка —
Ом Шанти

* * *

Объяснение непонятных слов в поэме «Эфир»:

Шá Бá — труп, мертвец (бенгали)
Даха — сжигать (санскрит)
Сабадаха — бенгальское произношение
санскритского слова
Шавадаха — сжигать мертвое тело — санскрит
Абади — местность, район, поселение
(на персидском) место

Сабахадабади — то же на хинди
Саба — все, целое
Хадх — (на арабском) предел
Бади — на фарси — дурное свойство, плохое
то есть «Поставить предел всему дурному»

«Эфир» — смотри Праджна-Упанишады

Поэт
Трилочан
Шастри*
объяснил
это мне

Смотри в поэме «Эфир» строки 5 28 '60: «Древние индий-
ские Шабахадабади-плюралистические вселенные ... баш-
ни в лунном свете...»

* * *

А ну-ка, в сторону, чтоб мне
народ честной околдовать,
Пусть до основ всю землю будет сотрясать
мой этот вот кленовых листьев рэг»
— Песня-рэгтайм «Кленовый лист»* (1903)

* * *

Фрагмент длинного стихотворения-сна

Сторонних роспись рвани гребней волн
На саване холста пятнисто-голубом

то четвертая строфа, она в основном все
о вечности и проч., и во сне, быстро строка
на бумаге, я заметил для себя, что вот, наконец,
я нашел простую, традиционную форму стиха
которая не слишком демонстративно эксцентрична,
и остается простой, и пишется легко,
и сама, и что-то говорит — четырехстрочная строфа

Вот вырвался я из объятий сна, чтоб написать
его, но потерял какие-то слова, задержка,
не понимая, что не до конца еще проснулся и не
открыл глаза. Наверное, писал во сне,
и думал, что перо царапает бумагу, но понял:
теперь глаза закрыты, в пространстве сна

8 марта 1963 года —

На рассвете долго шел по длинной дороге, после ночевки в одной комнате с участниками Марша Мира (Дели — Пекин), на одеялах и коврах, поужинали тушеными овощами, спали под москитными сетками, у всех записные книжки, все что-то наспех записывают. Пришли во дворец раджи и устроились на другом ковре после чая. Питер напевал какие-то рок-н-роллы, отбивая ритм рукой по коврику.

4 часа пополудни —

Пыль, поднимавшаяся над деревней, оседала у стадиона, падали листья, желтые мухи жужжали над оранжевыми одеждами японского буддиста с сияющей лысиной, он сидел со своим веером-барабаном*, «Я приветствую Будду во всех существах, наделенных чувствами...», и Шанкар Рао Дев, старичок с белоснежным пухом на макушке и еще на подбородке, назидательно поднял палец — микрофон подносил ему ко рту, ниже подбородка, сидевший на земле, на белой подстилке, его помощник — он в шерстяном свитере и белых брюках и все умолял жителей деревни не спешить аплодировать, пока старец не договорит до конца — Скотт откинулся на зеленом стуле, стоящем на брезентовой подстилке, ею застелили пыльную землю — я сидел там, уже в отключке и подавленный тем, что они все говорят, а что именно, бог их знает — о Китае? об этом марше мира, о падающих листьях? Микрофон то и дело принимался свистеть. На головах у многих типичная шапочка-пилотка Конгресса*, а за спиной Скотт

а на корточках сидели толстые местные помощники из отделения партии. Несколько старых прядильщиков шерсти*, у каждого веретено, и нить тянется по воздуху. Во второй половине дня синева неба гуще. В толпе сидящих слушателей был очкастый человек в бело-кремовой чистой чалме, он закрывал нос платком — тысячи мух усаживались на белые рубашки — кто-то уже успел забрызгать свои белые шапочки цветной водой или запачкать порошком, в честь раннего начала праздника Холи* — вышли между деревьев через ворота начала века с дугообразным сводом — Прочел вопрос на бумажке — «Вам Мао поможет войти?» Он поднял руки, откуда я, мол, знаю, и ответил из Гиты. «Если на то будет воля Божья». На земле сидело человек сто, а может и больше, они восседали на полосатой холстине, уже покрытой облетевшими желтыми, сухими листьями раннего лета* — ряды были выстроены ровно, подковой, вокруг стояли и слушали остальные, наблюдая за действием.

В этот день рано утром один американец (Лэйзер) в спешке, дрожа, объяснял что-то группе школьников. Кто-то наступил в это время мне на ногу, содрал уже было зажившую корку на старой ране.

Неприятности с индийской уголовной полицией* — Хаксли предостерегает об опасностях, связанных с перенаселением — «Контроль над смертью»* —

20 марта 1963 года —

Шел ночью по асфальтовой университетской дорожке мимо преподавателя немецкого в Очках

У. К. Уильямс умер, сказал он с характерным акцентом под деревьями в Бенаресе; я остановился, переспросил: Умер Уильямс? Полный энтузиазма, самый наивный под Большой Медведицей. Стояли на Пороге Флигеля Международного Отдела, простого бунгало, жужжали насекомые вокруг электрической лампы пока я читал некролог в «Тайме» с медицинским заключением.

«снаружи, среди воробьев, за ставнями» Уильямс на Большой Медведице. Не умер, ведь строй словесный на страницах восторг рождает с одной лишь интонацией — его, и слова его искусны в устах у юношей смиренных даже на бенгали. Тогда жизнь есть, струясь из всех его страниц: вот Блейк, он тоже «жив», через свои, надежные каналы.

Но что сказал он на прощанье, неужто Безнадежно-Черное

в коврами увешанной спальне под острым коньком деревянного дома

там, в Резерфорде? Нет, правда, интересно, что же осталось от дара его речи после инсульта когда трепетная гибель мозга смешала его мысли? И если помолюсь его душе в Бардо Тодоле он ощутит, наверное, волну неожиданную чьего-то сострадания.

Три недели безвестности, покоя; теперь увидел: Ганга с Пассаиком едины, это все его молитва, ведь он же шел по берегу стальному, молил в реке Богиню, это он ее придумал, еще одну Мать-Гангу. Он оседлал старую ржавую субмарину Холланда* на первом этаже Патерсонского музея, вместо небесного крокодила.

Скорбите, о Ангелы Левого Крыла! что этот улиц поэт теперь скелет под тротуаром и что ушел старик столь добрый и столь кроткий, с чертами женскими лица и этими глазами, что вас видят Пасквозь: как вы хотели б оказаться среди тех шельмцов*.

Решайтесь, комарье, что все зазря зудеть вокруг моей голой груди в белой простыне — коричневые тона вибраций предсмертной музыки Вах! — лишь комар повис пред моим взором и вот сей враг мой мертв, он на ладони твоей. А память — щелк! — и вихрь воспоминаний, про Отчий глас из вихря: «И тебе быть комаром» быть богом» — соглашусь, ударь — лишь бдительность моя отгонит их — вон он, кружит над головой, чтоб в волосы — я что им, умер? — да мышь пищит в стене — Светло вдруг шею, мерзкие создания, кровопийцы, вы, микроканибалы, вы, стервятники стекла, кружащие над Питеральной горой волос — Уильямс, а теперь меня ты слышишь? Ты ведь видишь вот эту синюю страницу. Там, на Медведице Большой и телескоп. Я, правда, верю Гейзенбергу*. Процесс рожденья текста порождает чувства. Дверь моя заперта, но из мандира Кали снаружи голос нараспев — Он помешал мне думать, и в результате превратился только в свое абстрактное Ничто, в караули, пером фигурки на бумаге в красном переплете

и в иероглифы — Зеркало для Одена,
 чтоб видеть его почерк — Он на Иский* хвалил
 Уильямса, но строкой из Элиота, послеинсультного —
 историю об этом я принес к дивану с бахромой
 в гостиной, что окнами на улицу — Но Уильямс
 лишь пальцем ткнул в окно: «А-а, вас там, шельмецов,
 полным-полно» — и больше ничего;
 молчал и я, смущенный, гордый —
 поэты же вино все пили — «А про «ангельские волосы»*
 что скажете?» Нахмутив брови, налитый вермутом
 на весь диван расселся Грегори — на кухне Джек
 травил свое, все про баварские пивнушки, как под небом
 любовь романтика музыка вечерами под липами
 порой немного хайку, при свечах, у белого забора,
 у столов, кружили парочки. Ну вот, я сбился
 — ах да, Уильямс, он сказал «Мы не увидимся уж больше»
 прощаясь у калитки сада, давно — Другой раз:
 «Сколько молодых поэтов в мечтах о твоей заднице жи-
 вут»
 Что ж не написал поэмы этой, Кави Гуру —
 Садханы сладостной умелец или Чанда
 из каучука, Ах! — Молитву с минарета параспев
 мулла читает — это ганджа меня заставила писать;
 написанное, правда, бесполезно,
 оно напыщенно, бессвязно, и по теории, что выше,
 исследующий ускоряет сам процесс, пусть на секунды до-
 лю,
 так и наши мысли, они все пролетают мимо сути,
 мимо субстанций памяти, пока рука пером ведет
 вниз по странице, чтоб поставить точку, вот здесь? → •
 Начало — здесь. Вот если бы мое сознание
 не отклонялось никогда от этой точки,

от краткости исходной, говоря по делу только:
 и здесь и в данный миг курю я сигарету.
 Но продолжаю Как мы будем жить
 в нас окружившем Мире В чем вопрос?
 Ум путешествует в пространстве. Верни его назад,
 в центр лотоса — к Христу-Атману* — из Сибири
 или куда бы мысль твою ни занесло», верни ее
 к заполненной и движимой (пока пишу) странице,
 послед словам, влетающим в твой ум — но исключи
 самодостаточные звуки, что прерывают, пусть на миг,
 словесный образ в наших мыслях — пять утра
 на Улице Тенистой, открылся Кали храм и лавка
 молочная, несутся голоса сквозь зарешеченные двери
 там поют орут вопят и нараспев молитву люди
 возносят Богу — ох, неблизко! — из Штатов голос
 по радио, тут же колокол святой — да кто-то «Рамаяну»,
 наверное, запел, я снизу слышу трель, летящую наружу.
 Опять комар, зудит вокруг зажима авторучки*,
 В ее пингвиньем носе желтого металла отразилась
 лампа
 на потолке. Весь этот вздор опубликует «Пенгуин-букс»*.
 Как зачем отказывать себе? Скажи, что хочешь.
 Поассоциируй насчет процесса всех ассоциаций... —
 Взгляд отрывать от заполненной страницы
 приходится, словно я этюд пишу, где и одежда
 у стола на стуле, рубашка синяя и полотенце,
 и красные халаты — Но назад! не к лотосу,
 к странице, что уже исписана — Читатель,
 на себя мое внимание, надеюсь, обратишь? Задай вопрос
 мне первый: Кто ты? И чего желаешь? Отчего
 ты думаешь добиться этого по-своему, иначе?
 Что Доброго все это людям принесет?

Я в Марше Мира шел, с теми, кто в Пекин из Дели стрелился,
но об этом сообщить могу лишь в этом, частном
агентстве телеграфном новостей — но для чего? Для власти?

Что б я *сделал*, когда бы мне достался мир? Какое предложение я внес бы, чтоб разрешить «всемирную проблему»?

Станьте коммунистами? Или за Лумумбу отомстите — это б хорошо... И ФБР понравится. А может мне в ФБР пойти? Да ведь не примут.

На кой тогда мне ФБР? Ведь это корпорация глухая, как и правительство не что иное, как корпорация, а я... я лишь поэт — и я могу об этом заявить не опасаясь разночтений. Вставай, проклятьем заклейменный,

весь мир рабочих и скотов... И сколько нас, таких, как я, такого, что во мне? Везде, от Антарктиды до Китая — Так, выходит, существует огромный заговор чтоб перекрыть Мне газ, Их же к власти привести?...

Если ж Я до Власти дорвусь и стану Ими, Меня ведь снова ограничат потребностями этой Власти?

Ну нет! Тогда сорву с себя одежды, и вот мы голые с Хрущёвым

пред телекамерами встанем — но предварительно, конечно,

мы с ним Правительство устроим, совместное, чтоб какой-то

хмырь, наглотавшись мескалину, сам власть не взял...

Тогда в домах, в дни Всенародных Празднеств, увидит всяк

постановление это: отныне, в телевизоре иль так, всем Голым быть! И голод искоренить в тех странах, что недоразвиты. Америка, отдай Китаю свою Пшеницу и Машины. Но как вновь создать нам Индию? Бумм-бумм-бумм — внизу гремит гонг Кали бронзовый. Что ж, он льется сам собой, довольно быстро, пусть странны сочетания его, но веки мои только тяжелеют от ганджи, что я выкурил в четыре часа утра, а знать — спать...

Воскресенье, 10 утра, 24 марта 1963 года —

Написал длинное письмо Биллу, мы всю ночь не спали, провели на гхатах, черный череп опять обвисал с края дровяного ложа — Питер потом уснул на гхате, свернулся клубком на деревянном сиденье около каменной платформы — там я и забалдел и писал до утра — прилег потом прочитать это и на первой странице закрыл глаза «Я с тобою рядом» — «Я был с тобою рядом» — «Я всегда был с тобой» Голос Билла в пишущей машинке.

* * *

Славен объект воздушный шар иглѹ

Возьмем Тулуз-Лотрека

Связь с дзынь-ля-ля и

С эхом сотен капищ

Голодных плакальчиков на гхатах

Что спят в жаре ночи

Мигом мое лицо
 Просыпается с улыбкой
 Голоса щебечут, вскрики, и
 Помнят сарод москитный
 Только воробьи под стрехой
 Я спустил весь чечевичный
 Борщ-суп — что за
 оловянные
 Залы Императора

* * *

Ездил в Кхаджурахо — симпатичные деревья и храмы
 и совершенно обкуранные цикады — Питер настроен не-
 дружелюбно и бесцеремонно всю эту неделю — проснул-
 ся сегодня с мыслями о боге, и поскольку прошлой но-
 чью читал суфийских поэтов в переводах Бэнки Бихари,
 повеяло весной, хотя в Бенаресе уже лето, едва я про-
 снулся на полу, кругом голоса с рынка и дети кричат, кру-
 гом целый лотос звука — Мой сигаретный кашель, тело
 разваливается, легкие, вкус во рту дурной — Где я, в пус-
 тыне? Сейчас своеобразная летняя ностальгия — ощущение
 детских лет — ничейные участки и обеды на задних
 дворах в Патерсоне

Одиноко бреду вдоль изгороди
 Музыка Берроуза по ветренной
 улице — во рту вкус дурной, дым —
 Самоубийство легких с помощью сигарет
 Я как-нибудь проснусь вот так и все, прощай,
 Я буду обречен, пойму, рак в груди

* * *

Солнце на
 горизонте
 прожгло Арабский Круг
 бородатый с белыми облаками
 Зигзагом несколько трещин молний
 Из яркого зрачка

— вот, пригрезилась картина внутреннего взора под
 морфином.

* * *

Если его и пригласят назад, куда бы он вернулся
 Газеты снова завопят: «Ату его!»
 Бедняк когда-то, Чарли наш с пребелыми волосами
 бродил бы все один по убогим Голливуда улочкам
 И Норма Талмидж* умерла, и старые его враги,
 Морщины Хёрста* обратились в прах, а Хэди* и Луэлла*
 в маразме, все играют в карты у бассейна, под водой же
 толкают автобиографии свои, написанные кем-то.
 Нет ничего, лишь едкий смог тончайшей пленкой

по крышам, лишь промчит авто да бус всхрипнет,
а некто в клетчатом все продает на улицах
универсальную страховку — да будь он при своих усах,
в поношенных своих штанах, никто и глазом не моргнет.
никто
и дайма не подаст, а полиция и вовсе не согласна —
Да, изменился Голливуд, все ссохлось, и простак наш Чап-
лин
уж чует, как Швейцарией запахло, покончено с огром-
ным
сладким мифом, он один, большой город пропал,
а светофорами мигает радар: то зеленый, то красный...
Все дома прежних кинорежиссеров, где теннисные дере-
вья
и вокруг бассейнов в ряд официанты, и огромные комна-
ты
из красного дерева растворились в Пространстве, гряз-
ном,
и бедняга Шарло с миллионом долларов
в своих заношенных штанах бесцельно побредет
по Вайн-стрит, в поисках крыши своей бывлой студии
а его покойный кинооператор-еврей Стравинский
Сидит без дела, на пенсии, курит сигары у гробика
родимой внучки, и мир для Меня на этом кончен.
Америка двадцатых исчезла в полосах на лентах
целлулоидных, большая зеленая машина с огромными
колесами
и славной черной брезентовой крышей — Даже Бастера
Китона
прихватил ревматизм, теперь не может повалиться с ле-
стницы
в могилу и вылезти оттуда, нет, он там навсегда —

Битники и электронщики получают чек в день зарплаты
в аптеке Штроба, а вон та грудастенькая
девочка желает переспать в какой-то роли, но в кино,
ведь телесутенеры, у кого в вакулей коже бедра, и не мор-
щат
чресла в молниях застежек — эти слишком ветрены,
чтоб с ними романтично трахаться на самом последнем
сеансе.
Чарли наконец-то стал бы одиноким Чарли
и понял, что даже его фильмы с усиками гения забыты,
зудит лишь звук отснятого в Депрессию, стреляют
вспышки
голубых экранов по тротуарам перед радиوماгазином.

* * *

Сон —

Мы на радиостанции в каком-то небольшом городе —
УКВ в Гостинице, и нас интервьюирует толстяк — Питер
в разговоре вставил: «Ну, несправедливость существует...
ведь и Черчилль, ну, Уинстон Черчилль, он же убивал лю-
дей» — Все так и открыли рты от изумления, кто-то заме-
тил: «А может, и правда, почему мне знать...» — толстяк-
диктор говорит: «Ну, это ваше личное мнение» — По мне
что, бог с ним, Питер уже во второй раз оскорбляет па-
мять Черчилля — Но в маленькой студии наверху все про-
сто в панике — моржовоусый диктор говорит, что нам
«следует удалиться, а то вдруг за вами придут» — Я и вправ-
ду было направился к дверям, но потом передумал: ведь
это же трусость, нам надо было заранее все оговорить,
но, с другой стороны, я не хочу навязывать что-то Пите-
ру и все же побаиваюсь, что нас могут арестовать за кле-

вету. И мы ушли — с чувством вины — спускались по лестнице, и я все ожидал, что случится самое худшее.

* * *

Сон —

В Супермаркете большая зелено-голубая луна на небе, она стала опускаться все ниже и ниже, вокруг нее разноцветные круги, это, наверное, Сатурн — а может, это что-то вроде летающей Тарелки? — Да нет, больше, наверное, это Сатурн так близко к нам теперь —

Я вижу это с девочкой — оно спускается над крышами, по длинной улице за парковкой супермаркета — все больше и больше, пока, наконец, не сделалось размером с автобус и вот

оно успокоилось за окном, прямо около меня, откуда я все это видел, все оно словно освещено большой лампочкой, но не ярче, и вдруг все мигом прояснилось — это на самом деле Тибетские Монахи, их целый большой автобус, и они только что спустились с неба на парашютах — Какой удивительный Сюрприз они преподнесли всем к Празднику — Интересно, кто их еще видел, и что все это значит — я выбежал на тротуар — но автобус тут же начал отъезжать, они и мгновенья не подождут, им надо мчаться назад, в Штаб-Квартиру, все расписано до долей секунды — И они в своем автобусе пропали за углом квартала — Когда выбежал и увидел, что это тибетские монахи, то пришел в восторг, и думая, что здесь никто, кроме меня, не может понять их особый знак, я кланяюсь им по-китайски, не переставая, часто-часто — они все тут же встали, внутри автобуса, и поклонились в ответ мне, а автобус тем временем набирал скорость, летя по Лонг-Айлендскому шоссе — перед супермаркетом «Юджинс Хик-

свиль» тут шесть полос по ночам — И все они мчатся в автобусе, кланаясь, их монгольско-тибетские щеки поблескивают в желтоватом свете — и я снова кланяюсь, счастливый, кланяются и они, я понял вдруг, что они хотели сказать: что за странная идея спускаться на землю в автобусе — надувном шаре, а потом уноситься прочь, не дожидаясь, когда придется что-то объяснять, просто чтобы показать, что ты принадлежишь к Силам Сатурна, которые уже здесь, на Земле.

7 апреля 1963 года —

Проснулся уже во второй половине дня, день прошел зря, напрасно — напрасно проходят неделя за неделей —

Умирал человек, весь в поту, его труп с тонкими палочками рук и ног лежал на гхате под деревом — «Канкаль» Прасада* — Я дал ему два с половиной цента — всю неделю видел, как он отходит, как кровят его костлявые бедра —

Двое юношей-американцев переночевали на полу, они как сиамские близнецы, с таким видом полнейшей, под стать Билли Бадду, невинности, но ищут чего-то за пределами Америки, пытаясь увидеть жизнь людей.

* * *

Этот нищий всю неделю под гигантским деревом за железной решеткой, где спят нищие садху, полутолые прокаженные у статуи в Парке Дешбанду у конца зеленого треугольника — в нищем этом одни кости, обтянутые коричневой кожей с белыми нарывами, жужжащими мухами у его сливовой задницы в долинах бесплотного

таза, его острые плечи и голые,
восставшие чресла откуда капают алые капли,
он под солнцем белесым лежит, прикрыв лицо
все в поту, и зубы знакомо торчат — обвисли щеки,
черные глаза два дня назад потухли в жутких
серых выделениях, а позвоночник, острый, будто рыбий
хребет, все терся о сухой асфальт поблизости
от писсуара в стене цементной на углу
проулка, там грязь, тачки с мусором, стальной
лист на земле, он пуст или грязь чернеет,
гниль овощей, кругом собаки да отбросы ночи —

Индий — из Канкаля — живой скелет сидел
на корточках, высокий, ноги худы, а стопа
большая, его бурый лингам обвис к земле,
как жирный червь — пил молоко из красной плошки
ел сухари — и на бедрах его шел пир армады черной,
мух-мясоедок, он веки долу опустил уныло,
глаза зажмурил безразлично, чернощекий, он чуть
дышал,
все дергал шеей, а длинные, коричневые связки его
рук-ног покоились в канаве,
и натянутая кожа — Нет ягодиц, и нет меж ними ямки,
бедра палками торчали — он ноги подтянул к груди,
скрестил их,
хоть опора, чтоб не упасть, во сне иль без сознания — но
после
молока спросил он хлеба — И в молоке размачивал
горячем
он корку хлеба — а кругом Дерьмо в двух здоровенных
лужах,
и вонючей бурой грязью забрызгана подушка из мешков,

на ней весь в пепле садху, долговласый, он на небе
седьмом
парил от кайфа на своих лохмотьях — другое тело по
оседству —
еще урод о четырех копытцах, чьи ноги карлика узлом,
его товарка
корова серая, в навозе вся, компанию ему составила —
как-то днем он спал, головою на боку коровьем —
она его который день спасала от собак — И нагая леди,
ну просто чернослив романтики, дрожала рядом, без
защиты,
прокаженная, нет пальцев на руках, но лишь обрубки —
прошлой ночью разносились сопранистые вопли
долго ныла волюнка в горле с хрипом-всхлипом
я не мог понять: там помешательство, рак горла,
хоровой призыв —
еще не мертвых, этих, только отдающих душу, день от
дня,
но не способных говорить.
Вот на рассвете молоко
нес опрокинул, нюхая его колено — и этот попросил
дать ему тряпку для ноги и ямы живота, он «пижама»
в пыли на хинди написал, ведь говорить не мог он —
и все же прошлой ночью его я слышал голос, этот вскрик
пронзительный любви — я еще подумал,
что, боль предсмертная? Но только подошел к нему,
скелету, на спине, с открытыми глазами, он взвыл,
смесь радости и боли, слов нет, но он кивнул,
сдва я сложил свои ладони у груди
в «Намасте» восхищенном.

Бодх-Гайя, 14? апреля (1963 года) —

Смерть не есть однородное нечто.

Утро — проснулся в здании общества Махабодхи* — вентилятор вращался, высокие потолки — кашель — москитов вчера было мало — чесотка, опять все зудит — простуда, мокрота из легких — один палец ноги поранен, второй я то и дело сбивал, ударяясь о что-нибудь — немного болит горло — вижу нечетко, глаза щиплет от акромици-на от конъюнктивита — кашляю от курения, до позывов к рвоте — кхе-кхе — ох, гадость!

Снилось — высокий человек во сне катался на коньках до Австралии или гонял повсюду на электрическом автомобиле из паркового аттракциона на Кони-Айленде — в любом случае, по зеркальной поверхности, будь то море или железо — но что-то случилось, что именно, не помню — высокая фигура в костюме, как у диктора радио из Рокфеллеровского центра — Нигде.

Обеспокоен наркотиками, ЛСД. Принимать или нет*.

Прошлой ночью под деревом Бо, Звезды, квадратный храм с крышей, сходящейся в одну точку.

* * *

Раджгир: сон —

Такси с Питером едет по современной улице, как в предыдущей реальности сна — здесь находится большой парк слева, там деревья и трава на протяжении несколь-

ких кварталов, которые высятся справа, полоса зелени и лужаек ведет к реке, может, как в Чикаго —

В такси — мы только что поели в ресторане «Ордона» или в «Миро Кардона» — или у нас старая квартира в многоквартирном доме под названием «Миро Кардона», или мы живем на круглой площади Ордона-серкес — Мы в такси, едем быстро по Бродвею к гостинице — Это всего лишь случайность, что мы живем именно тут, думаю я во сне — только хорошо бы Лерой Джонс об этом не знал (во сне, разумеется) — Я не знаю, кстати, о чем, «об этом», в чем моя вина — однако это пронумеровано в Ордоне —

Тут мы уже оказались в знакомых местах, по-видимому на Бродвее, и я хотел было остановить такси и дальше ехать на троллейбусе или на метро — мы ведь просто ехали домой, то ли с корабля, то ли с самолета — но Питер, с которым я в тот день вообще не разговаривал, только сказал шоферу: «Ордона», и вот мы летели бог знает куда на окраину, где уже начинался двухдолларовый тариф — Но время все же деньги, и мы конечно так приедем домой быстрее — ему надо заняться делами, срочно послать несколько писем, это надо сделать немедленно, я представляю себе его четыре письма, авиапочтой, уже отпечатанные, ждущие только подписи —

Наша новая квартира очень изысканная, современная, в ней все как надо — она отделана красным деревом, из него же и оконные рамы, и складная кровать, которая убирается в стену. Мы дома, и вот мы уже в постели — правда, со мной не Питер, а другой, помоложе, поглубже — какой-то рассыльный из магазина, индеец — он скорее похож на Гопала, святого сироту из Парка Дешбанду для прокаженных в Варанаси —

Он только что завершил какую-то пуджу, был в храме на молитвенной церемонии вместе со всеми другими, кто только что был в комнате, но ушел, так что мы с ним в первый раз оказались наедине, в постели. Мы обсуждали с ним «Вунг», индивидуальное посвящение, он уже прошел этот обряд посвящения —

«Да, но я не был посвящен», — сказал я ему.

«Ничего страшного», — сказал он, доставая немного земли из цветочного горшка и делая большим пальцем у меня на лбу отметку-тилак, третий глаз.

«А ты имеешь право посвящать других?» — спросил я, отдавая его рукам.

«Ну вот, я нанес этот знак тебе и делал это же другим. У меня есть право на это, хотя не знаю, будешь ли ты считать такую инициацию формально правильной. Но в любом случае, я инициацию прошел, а этого уже достаточно. Просто принимай все, что с тобой случается, как данность».

Мы в постели, и он навис надо мной, моя голова у него между колен, просто улегся — моя нога или моя щека у него на бедрах — я закрыл глаза и тут же ощутил исходящие от него мягкие волны доброжелательности — моя собственная чувственность, начавшаяся с поллюций во сне, вливается мне в ноги и грудь — «Это восторг инициации?»

«Если ты это ощущаешь, то это так, это все твое, так отчего не принять это?»

Я подумал, ну, хорошо, прекрасно, но я ведь побаиваюсь испортить происходящее, начав с ним какую-то эротическую игру, протянув к нему руку или поцеловав его в щеку или дотронувшись до бедер — Я старею — но все же он ведь тут, в постели — Но кто он? —

«Но скажи, мне можно сделать, что хочется, потрогать вот здесь?»

«Почему нет? Тебе кажется, в этом есть что-то нехорошее?»

У меня ощущение, что мне поставили ловушку, а тем временем слепая волна любви вскипает, и я не хочу сопротивляться ей —

«Ну, Учитель, хорошо бы твое учение было вот в этом. Это все равно моя старая привычка — но мне кажется, а что если это всего лишь отвлекающий тест, а не правильный способ обучения?»

«Все, что ты чувствуешь, что говорит тебе сердце»

«Но мне сердце сказало дважды и каждый раз по-разному — с одной стороны, сладкое чувственное искушение моего дома, «Ордона Апартаментс» — Но ведь плоть изменчива и непостоянна, сам знаешь, вот тут сказано» —

«Да, и это правда» —

«Значит, хотя от этого и приятно, но все-таки это говорит о незрелости»

И как раз когда я высказал эту мысль, вдруг понял, вроде бы, что на самом деле незрелость в том, чтобы обряд инициации превращать в любовную сцену —

Тут я проснулся. Не знаю точно, но нежность любви не исчезла и после пробуждения ото сна.

Гора Стервятников — Раджгир, 19 апреля
1963 года —

ГОРА ГРИДХАКУТА*

Мне пора уже прятаться в тень
во рту пересохло и красное полотенце
обмотано вокруг головы
шел вверх все восклицал и пел я: *О подсолнух!*
Где путь путешествия?
теперь глаза прикрыл: *отключка*
там в черной дыре
роздыха сладкого нет и не будет
вверх по каменистому подъему тут
Бимбисара оставил своих воинов
сошел со слона
и все-то вверх да вверх
где Будда как Наполеон расхаживал
сюда-обратно по площадке
из красных кирпичей на выступающем утесе
Из-под полуприкрытых век он видел все внизу
под жгучим белым солнцем:
Раджгир, земное царство,

муравьев, власть имущих, круги в кругах
дома и повозки, курьеров, дороги,
колодцы, откуда вода утекает
сразу в прошлые и будущие
царства, какие нынче здесь, а завтра с Юпитера
подмигивают издали рентгеновским лучом
несметное число кирпичных городов и на Земле и под
ней

Нью-Йорк Чикаго Паленке Иерусалим
вон Дельфы Мачу-Пикчу Аккра
а вон и Геркуланум Раджагриха'
вы все внизу под ветра ток и щебет птиц
здесь только скалы синие оперлись
о неба синеву —

На горе Стервятников остались заброшенные камни
на коленях мухи да жара в тени
крик ворона пахнуло ветром
с долин пустынных на гору
на юг к Бодхгайе —

Ну и расшумелся же я, Гэри
распевая по пути наверх
Все вспоминал этих *юношей бледных*
да дев что в саванах снегов
и повторял «Ом Шанти» всюду на Земле
и кто как не Питер дю Перу*
по улицам бродивший Сан-Франциско
мне на горе Стервятников предстал
и ну вертеться на моих ногах туда-сюда
и пел и вырвал мне глаза
нос уши и язык и яйца и пока меня кружило

* Древнее название Раджгира.

потом все больше больше горы вырастали
вмиг проносясь вокруг меня
холмились горки и дороги мчали
вблизи меня по всей долине
И только я остановился
Земля в зрачках моих неспешно
зеленые горбы холмов докатила
и встала тоже...
Горят язык и щеки и гортань
домой меня уж гонит.

* * *

Апрель? —

Наланда — Сон — Будто лечу вокруг света, вот долетел не то до Парижа, не то до Нью-Йорка, и Билл сидит в комнате с вырезками из «Тайма», вместе с Гайсином — у него новый способ, который уже привел в бешенство критиков или буржуа, или кого-то, или меня, или же господа деятели искусств (*des Artistes*) опять негодуют, а он сидит себе там, весело ослабившись, со своей презрительной улыбочкой, полный ликования, в средней комнате своей квартиры — я это все уже не слишком понимаю, мне показалось, что меня оставили за бортом, и я уезжаю в Австрию в поганейшем настроении.

Билл, он в сером костюме, зачитал вырезку с высказываниями оппозиции — мы в каком-то городе в Европе — наверное, это нарезка Дхармы — или, на самом деле, это нарезка «Четырех благородных истин»?* — или, может, даже нарезка из Эйнштейна — Но все это вызвало раздражение у некоторой части общественности, например у этих ребят из «Правого крыла американских ученых», и вот они протестуют.

Сон 23 апреля 1963 года —

Большое сообщение в газете с заголовком сверху на всю полосу, на обороте первой страницы в «Телеграм»: «Писатель распродает имущество для компенсации налоговой прибыли» или что-то типа этого, технически имеющее отношение к налогам — Это про Берроуза — в заметке процитированы его слова «Поэтому и негритосы и красные и либералы вонючие и китаезы в конце концов станут нашими друзьями — против армий Юпитера Рака Вируса, нам бы и с Матушкой Мао не мешало породниться... Армии нужны педика, а флоту лесбиянки в качестве паллиатива при таком чрезвычайном положении» и проч. — длинные, безумные высказывания, за гранью, которые, однако, справедливы: он, похоже, попал в газеты потому, что продал некоторые глагольные изобретения, такие как нарезку.

Я разглядывал все это со своим отцом, показывал ему и говорил: «Видишь, Берроуз скоро окажет, да что там, уже оказывает либерализирующее воздействие на эту блядскую страну», а Луис довольно пассивно кивает в знак согласия «да» — я ухожу от него, осознав, как прекрасно Билл справился со своей задачей — хотя я несколько огорчен, что у меня с языка сорвались слова «блядская страна», это немного странно — В газете небольшая фотография, где взгляд вверх, вот так, вверх и вправо, у «Ли»* довольно смешное выражение, он хорошо одет, на нем галстук-бабочка, как у управляющего крупной компании.

* * *

Патна — Пракритское эхо Голгхара¹
 все кружило под каменным сводом
 пока я читал вслух «Подсолнух»
 да грусть в моём голосе эхом гудело
 уставшем от тысячи миль.

* * *

Экспресс Патна — Бенарес, апрель 1963 года

И что бы то ни было и кто бы это ни был
 Проклятый праведник, он все поет
 И как он ни умри
 Но ездил в поездах
 Проснулся на рассвете он, в белесом мира нового сиянье
 И ничего другого делать он не мог
 Ведь он скелет с глазами
 со скамейки деревянной поднялся
 глянул на поле и пальмы, стало легче
 На сердце пустота: не ждет дитя любви его и в будущем
 ни денег нету в банке пыли
 ни родины, и пред рассветом одни седые облака невы-
 разимые
 пока на лысом рикше до майдана Патны добрался в сущь
 посеял кошелек, все документы тоже
 Отходя от пьяных снов, он в безнадеге, с пересохшим
 ртом

¹ Каменное сооружение с куполом для хранения зерна, было построено британцами в XIX веке. (Примечание автора).

установился на станции на спящих
 мужчин в повязках, валяющихся прямо на цементном
 полу, на грязи
 слишком много тел забилося в города сегодня

Так или иначе, пусть с друзьями
 услышишь ты его последний шепот
 под одеялом в спальне
 или один, уставившись на странную
 больницы угловую
 стенку,
 Все одно: пути иного нет.

* * *

«Невзирая на плоды поступков»
 «В этом мире, пронизанном словами и умом... Бог Гане-
 ша вне ума и слов».

Сон, 1 мая 1963 года —

Совершенно как статуя в Кхаджурахо, я держал на ру-
 ках малыша, и он устроился на моем бицепсе — я его со-
 сал, его Хуй у меня во рту, во сне невероятное обожание —
 Питер стоял рядом.

Сон под утро, 3 мая 1963 года —

Малыш Виджъяшанкар, сын нашего хозяина-брахма-
 на, он пришел и уселся на нашей кровати и разбудил ме-

ня. Я вновь стал засыпать — во сне он стал карабкаться по мне, и наконец устроился у меня на груди, прильнул к моим чреслам.

«Гуру Гуру Гуру Гуру Гуру Гуру Гуру» — так посоветовал Ситарам Онкар Дас Тхакур (это мантра, чтобы найти себе гуру, две недели беспрестанно повторять ее, при этом никакого секса, мяса, лука, сигарет).

13 мая 1963 года — 6 утра — часть сна

Я вышел из дома и направился по тротуару главной улицы, на которой бесчисленные толпы — как в Индии в Аллахабаде во время Магх-Мела, унылые аскеты в серых одеждах и ослы, и мулы, и коровы, и парикмахеры тут как тут, сидят на корточках у дороги и звон колокольчиков рикш.

Проезжая мимо мусорной ямы на углу улицы, увидел коня, он уже изогнулся вперед, вот-вот свалится, у него от задней левой ноги осталась одна кость, а розовая подкожная ткань сгнила, разъедена, конь откатнулся назад насколько можно, чтобы не потерять равновесия, однако голова его тянулась все же вперед, в мусорную яму, а челюсти медленно, без усилия что-то жевали — когда же я пошел дальше и оглянулся, конь, вообще говоря, показался мне нормальным, кроме вот только его гниющей задней ноги. Я и раньше видел его во сне, не раз.

13 мая —

В шесть утра желтое солнце снаружи на балконе сквозь деревья проглядывал гхат Дасасвамедх я просыпаясь от звона колокольчиков рикш — провел несколько

дней в постели, болели почки — Хей Рам Рам Хей — раздался распев бхакты одетого в разнородные желто-оранжевые тряпки он похожий на средневекового клоуна каждый день проходит здесь звоня в свои маленькие тарелки поднося их к своим ушам сам клонит голову набок чтобы прочувствовать Звук — пел он печально непрестанно ритмично Хей Рам Рам Хей причем каждый раз тон голоса понижался к концу фразы а бродил он тут по кругу или останавливался послушать сам себя свое пение на улице а не то поворачивался к ступенькам ведущим вниз к реке — Я часто видел его тут каждый день уже несколько месяцев — как-то предложил ему несколько монет решив что он нищий но он отверг их.

14 мая —

Питер упаковывает вещи, он переезжает в другую комнату в Бенгали Тола.

19 мая 1963 года —

Ну вот я и остался в одиночестве в Бенаресе в пустой выбеленной комнате с черными полами под приборный гул всех этих коров барабанов и велосипедистов приглушенно доносящийся с улицы — эта комната освобожденная от мебели теперь тихая пещера на одну ночь — несколько не нужных никому предметов оставлены позади свадебного горшка с нарисованным на нем Ганешей для охлаждения воды под столом несколько кирпичей и пузырьки с красным лекарством наполовину использо-

ванных — Питер отправился ночевать к себе на новое место в комнате за милю отсюда в переулке у Бенгали Тола мы на миг взяли за руки я сказал спокночь дорогой после нескольких недель натянутых разговоров с заминками и паузами — я скоро уезжаю в Японию — потом в Америку а Питер в розовой юбке-лунги из искусственного шелка с голой грудью пошел повесив на плечо свою полотняную дорожную сумку коротко стриженный босиком мимо будки с экспозицией храма Кали и табачного ларька и за утол в переулок что доведет его до дома где он переночует в одиночестве а я на реку пойду помыть руки и полить голову водой а еще чуть-чуть взглянуть издали на костры на гхате Маникарника до того как подняться наверх и оказаться лицом к лицу с — тем чтобы оказаться в пустой комнате этой моей последней здесь ночью — вынуть белые и коричневые таблетки от дизентерии и положить рядом с постелью экземпляр Блейка и записную книжку и носовой платок и сигареты и «Ньюсуик» и «Таймс оф Индия» и пепельницу и резиновые сандалии — Постель моя теперь всего лишь одеяло на теплом полу из черного камня и простыня и надувная подушка под головой — Великолепный Ганеша Питера из красной глины с пупками и тонко прописанной белой слоновьей головой все сидит себе на посту в нише над застекленной створчатой дверью — на стене все висел лист с алфавитом хинди я так многому из него и не научился он рядом с тем что было кухонным столом заставленным корзинами с фруктами огурцами апельсинами лимонами бананами и картофелем который мы варили на маленькой железной керосиновой плитке уже убранной и пол подметен — Питер забыл зеркало — утром придет за ним — а я проснусь на рассвете чтобы искупаться внизу на ступенях у реки —

Что ж мне теперь делать с этой привычной грустью как не отдать честь горящим на гхатах кострам? —

Вспоминались многие сцены что я так и не записал — Судьба Скелета Канкаля кого мы кормили и омывали под сенью дерева пипал* около рынка внизу у лестницы в зеленый парк где жил тот прокаженный садху куривший ганджу — Его уса́тый брат в брюках двадцатилетней давности приехал из Дели и я проводил его вчера на вокзал —

А тот странный уличный шут что ежедневно проходил под балконом — я мог издали слышать характерное быстрое позванивание динь-динь его ручных колокольчиков-карата́л когда он быстро шагал мимо иногда поворачиваясь при каждом шаге на пятках в любую сторону голова его была наклонена вбок взгляд рассеянный спокойный пока он вслушивался в собственное динь-динь у самого уха он пел непрестанно без конца повторяя изо дня в день из месяца в месяц Рам Нам Хэ! Хэ Рам Нам! Рам Нам Хэ! — он в белом обтягивающем трико-чуридаре с цепью колокольчиков по всей груди в полосатой завеске-фартуке на бедрах и желтой рубашке и с оранжевым полотенцем над его худым лицом забраны в пучок черные волосы сикха и черная борода его была задрана кверху потому что голова наклонена он ведь вслушивался в звук карата́л и то и дело принимался крутиться вокруг неба и балконов произнося Рам Нам Хэ! —

Другой клоун-садху более тучный — с колокольцами на лодыжках, вокруг всего живота обвешанный оранжевыми одеждами и сукнами, с небольшим мешком для одежды через плечо я часто видел его как он шагал куда-то впрочем шаркая так сильно и так регулярно что был не хуже поезда-экспресса и его колокольца без конца отзванивали регулярный ритм его шарканья вверх по улице —

у него бледно-серое женское лицо училки из школы и притом очень доброе — бывало он трезвоня совершал марш-бросок мимо Ганди-ашрама стойки с образами Кали и останавливался при виде какого-нибудь ребенка держа своей рукою садху чашу с порошком для третьего глаза совершал процедуру ставя точку на лбу улыбаясь и отправлялся дальше своей величественно-расхристанной вечно-разнородной шаркающей походкой под бряканье колокольцев.

Садху-страж на углу парка всегда был на месте и мягким взглядом своим уже выпрашивал что-нибудь а под произносимое нараспев Джай Рааам! вытягивал руки сложенные вместе кланяясь мне когда я проходил и эхом вторил ему Джай Рам —

Весь месяц после моего возвращения из Бодх-Гайи Питер был нелюбезен и молчалив и все время настаивал на том чтобы музицировать отдельно от меня и на неприкасаемых энергиях — мы постепенно стали молчать и отвечать кратко и отрывисто и ни один из нас не повышал голоса ни я в своей грусти ни он в своем раздражении и мы перестали подолгу разговаривать за исключением одной ночи под действием морфина он мне вдруг стал говорить что я ни на что не способен что я продался поеду вот преподавать в Ванкувер так что по его суждению я нарушил торжественный обет поэта — мне сказать ему было нечего я и в самом деле ни на что не был способен и был несчастный одинокий на берегу Ганга я стал вегетарианцем и все молчал почти ничего не писал и даже траву перестал курить и кроме писания писем да почечных коллик ничто вокруг меня уже не интересовало. Все же это печальное одиночество совсем как возвращение домой.

В любом случае безмолвие в этой комнате возвращало меня назад аж в 1943 год когда я прощался с коридором Общежития Богословского факультета в Нью-Йорке где я познакомился с Л... и с Джеком.

Сейчас все личные взаимоотношения охладели исчерпались.

Я стану на позиции безличного любопытства, оттого и летаю вокруг света, надеясь что летать не потребуется.

Вдруг резко усилился шум на улице и буйволы резко изревели и палки ударили о дорогу под открытым окном сквозь ветви я вижу на ночной улице толпу и кругом разлались собаки — это некоторые быки стали бодаться испуганно ударяя рогами друг друга и нажимая и храпя.

В одну из прошедших ночей целый хор из двадцати лающих хромых собак стал все усиливаться так что прозвучала целая симфония слаженная злая им наверное не понравилась какая-то корова. А другой ночью все они подвывали вместе печально совсем иная была музыка и ноты собачьего воя достигли кульминации под лучами полной луны — но то на прошлой неделе.

22 мая 1963 года, Последняя ночь в Калькутте —

Как ночью тихо. Тикают старинные часы, полтретьего. Сверчки трещат, на потолке им не до сна. Ворота заперты снаружи, на улице... — вон спят, усатые, нагие, да желанья нет. Два-три москита разбудили зуд, и медленно кружится вентилятор — машина где-то прогремела по черному асфальту, и бык всхрапнул, наверно что-то будет —

Как время крепко въелось в стены желтые.
 Свист поезда всего ответ скотине
 рогатой. Никого. Отгонит одиночество
 лишь лай — и отклик-лай, издалека.
 На полке Пушкин, вон Шекспира
 собрание полное и Блейк, он непрочтен —
 О Дух Поэзии, зачем к тебе взывал я,
 зачем мой лепет в пустоте постелей
 под ярким зеркала овалом — идеал
 такая ночь, чтоб в безмятежной черноте
 пропасть и пережить часы покоя
 — Проснулся, пальцы липкие, во рту горчит,
 а в легких спазм от жажды сигареты,
 как быть теперь с ногами да руками,
 и глазом в голодающем скелете, что заполнил
 собой трамвая клячу ярую в Калькутте жаркой
 и Вечность — потный весь, гнилые зубы... —
 У Рильке были хоть мечты в его «Влюбленных», когда
 в груди немолодой волнение, чрево содрогнется...
 Даразве это «то»? Есть весь безбрежный космос, звезды —
 Но если мозг изменится, то суть такого
 на человеке сильно отразится — Но пока
 великий слом и зданий и планет
 прорвет препоны речи и потопит
 меня под тяжестью ее навеки.
 Спасенья нет, через Бангкок, Нью-Йорк и — к Смерти,
 которая одна лишь грезы оборвет
 всезнайки старого. Свет умножает свет
 под быстрое «бом-бом» часов напольных.
 А кожа быть желает кожей, это все,
 чем может стать она, пускай от болей в почках
 она себе уже до смерти надоела, и мечта

напрасная погибнет, напасти прервав
 — оставь бессмертье, только идиот захочет вечной муки,
 и не застрянь в каком-то закоулке мира
 втыкая морфин в руку да вкушая мясо.

Бангкок — 28 мая 1963 года

Китайские мясные деликатесы висели в лавках — ...

От переводчика (вместо послесловия)

По-моему, это удивительный и странный дневник. То вроде бы бессвязный набор записей, впечатлений, то блистательные словесные картины, портреты. Где-то рядом вписаны цельные стихотворения но есть и какие-то отрывки стихов, отдельные строки или что-то, написанное «на случай», а порой мимолетные мысли и ассоциации — все, что возникало в голове у Аллена Гинсберга за время его пребывания в Индии с марта 1962 по май 1963 года. Иногда его текст на удивление четок и ясен, даже сух.

Напомню: Гинсберг отправился в Индию довольно известным поэтом, после поездок в Мексику и Перу, после Парижа и Танжера, после Италии, Греции и Израиля, после недолгого знакомства с Восточной, Черной Африкой, однако по-прежнему в поисках себя... Нет, точнее, в поисках гуру, чтобы если не избавиться, то хотя бы как-то справиться с темными, мучительными взаимоотношениями, да с не кем-нибудь, а с самим Блейком, английским поэтом, умершим еще в 1827 году. Он впервые явился Гинсбергу как яркое, почти осязаемое видение за четырнадцать лет до путешествия в Индию, и был столь реален, столь грозен и страшен (подобное ощущение, как говорят специалисты, иногда наблюдается при шизо-

Послесловие

френии), что с тех пор стал фактом всей жизни и творчества молодого поэта-битника — а на этом этапе, ко времени поездки в Индию, фактом постоянным, тревожным и лутким.

Записи в дневнике делались не для публикации. Соответственно, спонтанные образы или стихотворения, попавшие на страницы дневника, явно неравноценны. Некоторые пассажи сегодня трудно прочесть и по-английски — хотя бы из-за перенасыщенности сиюминутными реалиями, либо оттого, что автор лишь наспех записывал сталкивающиеся друг с другом мысли и образы, никак не проясняя, не отделявая их, увлеченный лишь фиксацией мелькнувшего в сознании. Дневник поэта, разумеется, не был простым реестром реальных событий, но служил творческой кладовкой, «загашником», представлял собой его материализованное подсознание, «ничейную территорию» между еще не существующим в цельном виде, но уже начавшим возникать художественным текстом. (Заметно, что кое-что в своих записях впоследствии не понимал уже и сам автор, например, когда занялся их перепечатыванием через несколько лет после возвращения из Индии: в тексте встречаются авторские вопросительные знаки — что, мол, такое, ума не приложу).

Это в первую очередь *текст поэта*, для которого дневник в основном — лишь пунктир внутренней работы, происходившей в нем в то время. Творческой работы по созданию нового, не бывшего прежде.

* * *

Гинсберг стремился тогда изменить английский язык, сделать его более образным, убрать его скрупулезную

точность, наполнить новыми, порой неведомыми читателю образами из других культур. А в дневнике своем он тем более не стремился к прояснению, к понятности. Пусть поэтической, образной. Поэтому он лишь бросал пригоршнями реалии собственной жизни в Индии, не заботясь о предполагаемом читателе. Американское издание текста так и осталось без комментариев: мол, кому надо, поймет, остальным — не важно...

Стоит вспомнить, что за единицу текста, стиха Гинсберг тогда взял такую меру, как «дыхание», «дыхательная группа»¹. То есть, несколько упрощая — насколько хватит дыхания, воздуха в легких. И если строка у него в стихах и в прозе часто так длинна, что почти необозрима, это лишь означает, что ему дыхания на произнесение этого хватало: а объем легких у него был, видимо, феноменальный — достаточно послушать в записях, как он читает-пропевает собственные тексты-речитативы.

Он уже тогда экспериментировал (вслед за Уитменом, например), создавая строфы и предложения, соразмерные библейским, как в те времена, когда телеграфного стиля не было в помине. Поэтому строфа Гинсберга часто крупнее зазора внимания читателя. Это как рассматривать огромное сооружение — видны лишь детали, всегда только то, перед чем в данный момент ты оказался или куда смог добраться. Как в известной индийской притче о слоне и трех слепых, которые никак не могли договориться друг с другом, что же такое слон, поскольку каждый коснулся слона там, где получилось.

¹ См., например, его рассуждения об этом в «Заметках на тему «Вопля» и других стихотворений» 1959 года («Антология поэзии битников: BEAT», сост. Г. Андреева. — М.: Культура, 2004).

Записывал Гинсберг то, что приходило в голову в данный момент. Он считал это наиболее ценным. Оттого столько тире в его «предложениях». На самом деле, тире, конечно, не тире в обычном понимании сего знака препинания (тем более что в английском, по сравнению с русским, оно мало встречается и несет иную функцию¹). И вообще, в его дневнике как бы не действуют принятые в «официальном», «правильном» английском языке правила грамматики, орфографии, пунктуации. Впрочем, и предложения у него вовсе не предложения, во всяком случае, очень часто. И абзац у Гинсберга скорее что угодно, но не обычный абзац: это некая математическая матрица, некое множество предложений, поле ассоциаций. Этакая моментальная фотография тех молний, что сверкали в его мозгу, как при тропической грозе. Как бы пузырьковая камера, позволявшая визуализировать невидимые для глаза траектории полета электронов...

Пожалуй, на самом деле это и есть специально созданная «нарезка»... Как известно, первоначально этот прием был использован Берроузом в прозе: написать текст, нарезать на куски, перемешать, разложить и попытаться прочесть получившееся в результате перетасовки, однако внутренне как-то связанное, например, темой, личностью автора, историческим моментом. Прием этот просто не мог не проявиться в творчестве «младшего товарища», тем более что перед путешествием в Индию Гинсберг достаточно долго прожил у него в Танжере, тем более что у них издавна сложились взаимоотношения

¹ В английском языке, в отличие от русского, тире обычно ставится для обозначения незаконченной речи.

любви-соперничества. И Гинсберг «нарезает» свои впечатления на фразы, обрывки фраз, образы, выхваченные из потока мыслей, впечатлений. Он «нарезает» фразы на языковые структуры меньшей величины, вплоть до отдельного слова. Он изредка «нарезает» слова. И перемешивает все, причем делает это уже мысленно. И выхватывает из смеси и лежащее с краю, и то, что в данный момент представляется наиболее важным. И щедро перчит и солил тонким и не тонким юмором, по вкусу сдабривает восторгом, добавляет уксусу иронии...

Иногда у него между одним тире и следующим, по-видимому, проходит немало времени, так что одно такое квази-предложение (заключенное между двумя или же несколькими тире) может быть не связано, даже не связуемо с другим, пусть и с помощью самого грандиозного скачка воображения...

Не надо забывать, что хотя Гинсберг ехал в Индию в поисках гуру, хотя он немало знал о ней, пусть не как специалист, но как искушенный, пытливый читатель (достаточно взглянуть, например, на список книг, прочитанных за две недели пути в Индию, на пароходе), он был в этой стране, конечно, же посторонним. И несмотря на его попытки слиться с Индией (отчасти наивные, особенно по сегодняшним меркам), проникнуться ее таинствами, верованиями, обычаями, сблизиться с ее мудрецами, аскетами-садху, он был прежде всего человеком западной культуры, которому свойственно оценивать узнанное и увиденное в рамках собственных терминов. Или же, что еще больше запутывало дело, в рамках механически включенных в западное мышление восточных понятий, пришедших туда через теософию, штейнерианство и прочие «увлечения» Запада восточной мистикой

на рубеже XIX и XX веков (они были в немалой степени, кстати, спровоцированы английским завоеванием Индии и вообще включением Азии в сферу влияния европейских империй). То есть, западный человек предпочитал не принимать Индию и то, что ее составляет, как данность, а попытаться «объяснить», «интерпретировать», создать, так сказать, «научно-популярную» версию Индии для себя самого... Справедливости ради, нельзя не отметить, что такое поведение вполне обоснованно (ведь и Восток, воспринимая западную цивилизацию, также «опосредует» ее) и что его вполне можно понять: Индия для постороннего человека и сегодня, в век Интернета и «информации», предстает порой как сплошной ребус, неразбериха, мешанина, где даже в рамках одной религии, одного языка, одной культуры, одного региона и т.п. все равно порой существует такое разнообразие, такой набор фактов и трактовок, философских и исторических разночтений и мнений, что чья угодно голова крутом пойдет — даже такая изощренная и опытная в недоговорках, неточностях, случайной образности, как у поэта Аллена Гинсберга.

Вот лишь два простейших примера этой «нестыковки».

Как и Пазолини в своем дневнике о поездке в Индию (он был там в 1961 году, вместе с Альберто Моравиа), Гинсберг, особенно поначалу, называет одежду всех встречавшихся ему индийцев словом «tags» («лохмотья», «тряпье»), хотя его глазам представляли специфическим образом организованные одеяния, которые отнюдь не обязательно могли быть грязными или ветхими: просто пока его взор постороннего не привык к одежде индийцев, пока он сам не стал ее носить, он не мог называть ее

иначе, следуя за общей западной манерой неприятия всего «чужеродного». (Плюс его «маска битника», видимо, требовала соответствующей, уничижающей, иронической экспрессии.)

Или, разглядывая в Ориссе башню индуистского храма, Гинсберг называет эту наружную, внешнюю его часть словом, которое обозначает диаметрально противоположное понятие, а именно внутреннюю часть, как бы «алтарь», то самое сокровенное, что можно не увидеть даже внутри храма. Если знать символику индуистского храма, перепутать это невозможно: башня — это символ священной горы, где обитает божество, его физическое начало, «алтарь» же есть символ пещеры, где сокрыта тайная суть божества, которая, прячась от реального мира, может быть лишь редким явлением для верующего, особым откровением, наградой. Впрочем, нередко индийцы сами способствуют недопониманию, говоря одно, а видя, подразумевая другое...

Чтобы «прочитать» текст дневников Гинсберга, можно попробовать отнестись к ним не как к фактической записи событий (что в них, разумеется, тоже присутствует), а прежде всего как к поэтическому тексту.

В самом деле, когда человек пишет от руки, его мысль бежит куда быстрее, чем движется ручка по бумаге, так что он порой пропускает слова. Или же, продумав, как начать предложение, пишущий может изменить угол зрения, и тогда суть записи тоже изменится. Или мысль записывается иначе, чем та, что только что промелькнула и уже исчезла за потоком следующих, аналогичных или прямо противоположных мыслей: знаем-знаем, «мысль изреченная есть ложь», воистину и во веки веков... Так поток сознания, свободные ассоциации, которыми Гинс-

сберг охотно пользуется в своем творчестве, не менее вышуклы и сложны в его дневниках.

Опять небольшой пример. Дневник начинается с записи сна, который приснился автору за четыре месяца до его появления в Индии («вроде бы сна»: сам автор называет его сном-предчувствием). Это первое гинсберговское квази-предложение — затактовое, настроенное для читателя — почти не имеет привычных знаков препинания в их привычном употреблении, а набор используемых слов по мере течения этого как бы предложения только усиливает одновременно и реальность-зримость прочитываемых-угадываемых образов, и спутанность-заманность сна-мечты-грезы... Вот вроде бы от описания сна он перешел к описанию реального города (Бомбея, видимо, куда он и в самом деле приплыл на корабле в марте 1962 года, ведь он пишет: *«тут я вздрогнул от страха и сказал: Бомбей кажется бесконечным, я понятия не имел, как он будет»*), но тут же мы сталкиваемся, особенно при внимательном чтении, с тем, что *такого* города, с *такими* реалиями, какие намечены им в этом предложении, в Индии нет. Точнее, все его предложение-сон — обобщенный образ большого индийского города, и, возможно, оно действительно все написано до приезда в Индию, хотя не исключено, что что-то было дописано существенно позже, уже при подготовке текста к печати.

Переводчик специально поинтересовался у сведущих, искушенных в литературе индийцев, как можно было бы трактовать вроде бы простой случай: в этом сне автор отчего-то написал слово «Бомбей» с определенным драгиклем (*«I shiver with fear and say, The Bombay seems endless, I never realized how it would feel...»*). На что было сказано: здесь *The* в «The Bombay» может означать что угодно. Не ис-

ключено, что это название гостиницы, где он останавливался. Может быть, автор начал эту часть предложения с другого слова, однако потом написал название города, артикль же так и остался... Или он мог писать о Бомбее, первом индийском городе, где оказался, в метафорическом ключе — отсюда и «The Bombay». А может быть, он имел в виду огромный, одноименный залив к востоку от узкого полуострова, на котором расположен город Бомбей: его-то португальцы, «открывшие» (для Европы) это место в XVI веке, и называли «бом баия» («хорошая гавань») ... Или, может быть, и то, и другое, и третье¹ ... Что угодно может быть, и понять это на сто процентов не сможет никто, в том числе, по прошествии некоторого времени, порой и сам автор — тому доказательством, между прочим, помимо его вопросительных знаков, и порой странная, неверная орфография даже в английских, а не только в индийских словах, которую он впоследствии не стал исправлять (а издатель — тем более): какая разница, ведь для него то, как записалось, важнее того, что записано.

В этом — своя трудность перевода текста дневников Гинсберга. Что предпочесть, какую версию прочтения? Или: сколько может быть сносок к тексту? Но, как нам кажется, их порой требует сама гинсберговская образность, которая нередко лишь намекает на то, что лежит за пределами его текста, и притом в областях, о которых читатель, не проявлявший особого интереса к Индии (или к субкультуре Америки середины XX века), сегодня просто не имеет понятия. Тех же, кто уже искушен, а тем

¹ «А зачем, — спросил консультант, несколько недоумевая, — вам нужно это понимать? Он же поэт».

более специалистов, Гинсберг вообще, по-видимому, может разочаровать: он вовсе не ищет истину в Индии и в фактах ее жизни и культуры, как не стремится и к точности — нет, он пытается найти истину *в себе*, пусть даже с помощью и на основании фактов индийской жизни, культуры и мифологии...

Так что же тогда его текст, такой, как этот сон в начале дневника — результат поэтического воображения, предвосхищающего реальность в силу прочитанного и военного, запись сиюминутного, порой в парах и грезах паркотического «кайфа», или же последующая, сознательная, спустя годы после поездки, обработка текста, усугубившая его непрозрачность? Ведь Гинсберг принадлежит к числу тех, кто пользовался образами и «социативными рядами, понятными лишь ему и его окружению, лишь посвященным. Это был, так сказать, их алтарь, их пещера, их тайна, которая должна была и привлекать уверовавших в них (или в *это*, нечто новое, подобно древней ближневосточной секте эссеенов), и делить битников если не небожителями, то хотя бы мудрецами, «брахманами», готовыми, не показывая этого и даже отрицая это всем своим поведением, повести за собой «уверовавших», «паству».

Недаром впоследствии на Западе возник такой массовый и устойчивый интерес к Индии, к ее религиям, ее музыке, в какой-то мере к ее культуре и традиционному для этой страны использованию в повседневной практике изменяющих сознание веществ. Это случилось, в частности, благодаря дневнику Гинсберга, который вы сейчас держите в руках. (Хотя, разумеется, не ему одному — тогда было немало других западных интеллигентов, тоже «потерянных», «разбитых», с уже «умершим Бо-

гом», кто в поисках точки опоры в очередной раз отправился за пределы собственного географического и культурного ареала, и не куда-то в Африку или древнюю Америку, или, например, к собственным языческим корням, а на Восток — в Индию, Китай, Японию. Причём если одни шли к Будде, то другие к Мао, а третьи — просто к наркотикам, к их бесконтрольному использованию вне древнего ритуала и традиций Востока, Азии. Запад в очередной раз пришел на Восток, желая спастись от собственного разочарования, получить второе дыхание, однако в очередной раз взял только с поверхности, взял не то и не так, взял непонятое или недопонятое. И, конечно, в какой-то степени повлиял на Восток, если не в его основе, то во внешней стороне. В том, что привычно называют «современностью», «прогрессом»...

Но, по-видимому, ответ один: читая дневник поэта, надо ни на минуту не забывать, что он — Поэт, а значит — не такой, как все, не такой, как всё! Что он может позволить себе любую вольность. Что его мозг никогда не перестает «выдавать на гора» поэтический материал, а его глаза видят все не так, как остальные, «нормальные» люди. Что его больше заботит столкновение метафор, появление необычных или неиспользованных прежде слов, вариантов слов, смыслов. Что он легко перескакивает из одного потока мысли в другой и то скользит, то в диком напряжении рвется вперед, словно лосось, идущий на нерест к верховьям, против течения. Что готов на радость и на муку ради счастья выражаться на своем языке, лишь бы создать свою вселенную, свой способ выражения.

Надо помнить: Гинсберг в своем дневнике *практически никогда не фиксирует собственно события ради них са-*

мих — они интересуют его лишь как трамплин для полета в непознанное... Поэтому-то дневники его лучше читать как поэзию — не стремясь постоянно «вникнуть» в содержание. Ведь в истинной, не служебной поэзии музыка стиха, логика метафоры, логика рифмы, ритм, ощущения, чувства куда важнее какого-либо «факта», ею выражаемого.

Надо помнить: записи в дневнике часто делались под действием того или иного наркотика, так что картина записываемого, перспектива текста, все связи в нем на наших глазах «плывут», размываются, трансформируются в «то самое», ради чего он и пытался «поймать кайф»: чтобы связалось несвязываемое, возникло или было замечено несуществующее или несущественное в обычном, будничном состоянии. Вот, например, очень яркая в этом отношении запись в дневнике от 13 октября 1962 года, в которой речь идет о «Рвотном рынке» и проч., (не помимо этого, без всякого перехода, без границы, без рубежа, вплавления одного в другое есть и авторская оценка записанного, уже в пост-кайфовом состоянии).

Нюбопытно, что уже по приезде в Японию, куда он поехал прямо из Индии, Гинсберг отказался от дальнейшего приема наркотиков — по крайней мере, в тех масштабах и тех наркотиков, что прежде. Да и его взаимоотношения с Богом-Блейком перешли в иную стадию, изменились состояния непереносимого, мучительного ужаса.)

Все это не значит, однако, что дневникам поэта нельзя доверять как факту. Поэт ловит в космических вибрациях то общее, что проясняет частное. Поэт видит в деталях то, что лучше говорит о целом, чем описание самого целого. Поэт не солжет в ощущении конкрет-

ного события или факта, поскольку чувствует его по доплеку, даже если не имеет никаких доказательств или не слишком интересуется конкретикой окружающего мира.

* * *

Приведем некоторые свидетельства, говорящие о влиянии Гинсберга, труда всей его жизни на американское общество. Вот, например, такое:

«Йога была практически неизвестна в США, и своим массовым распространением обязана, пожалуй, Аллену Гинсбергу, Джеку Керуаку и другим канонизированным именам поколения битников — да еще «Битлз», которые специально отправились в Индию в 1968 году, чтобы в Ришикеше, где Ганг из горной реки становится спокойным и величественным равнинным потоком, получить просветление у ног Махариши Махеш Йоги, основателя системы трансцендентальной медитации»¹.

Из древней индийской системы медитации, ведомой одним аскетам, посвященным, подвижникам, отшельникам-йогам, на Западе йога за прошедшие полвека испытала больше трансформаций, чем «пластилиновая ворона» из мультфильма — в немалой мере из-за желания заработать на экзотике (как западных, «пластмассовых» гуру, так и доморощенных, индийских, гнавших мистику на экспорт). Поначалу на Западе к ней обращались, желая обрести очищение души, испытать перерождение, воз-

¹ «Битлз», правда, в нем разочаровались — в нем, но не в Индии вообще: вспомним хотя бы жизнь Джорджа Харрисона, который до последних дней оставался истым приверженцем Кришны.

звение, а еще поскольку это был нетоксичный путь изменения состояния все того же «кайфа». Потом прагматичный Запад неминуемо пришел к тому, что йогу лучше использовать как своего рода профилактику для снижения стресса, то есть для устранения причины инфаркта: возникли даже специализированные курсы йоги для писменников (йога для офиса), ну и, разумеется, для борющихся с одиночеством и бездельем американских домохозяек. Потом пошла третья волна: то, что сегодня мы по-русски называем словом «фитнес» — достижение оптимального физического состояния, повышения выносливости человека. К индийской системе это все еще имеет отношение, но уже весьма отдаленное.

Если рассмотреть отношения битников к Востоку (не только к Индии), станет ясно, что они были частью постоянного потока взаимовлияний, взаимообменами, своего рода модусом вивенди между Востоком и Западом. Когда сегодня, например, людей повсюду интересуют темы (в том числе в «желтой прессе») интересные тематике привычные для верований Востока, как состояние между жизнью и смертью, как психоделическая трипа, как выход души за пределы тела и проч., корни можно найти в субкультуре Запада 50-х и 60-х годов — в движениях битников и хиппи.

Битников питало несколько различных потоков: поэты-романтики, американские трансценденталисты, образность музыки черных американцев, еврейский экзистенциализм — это они брали на Западе. Восток же — в первую очередь японский буддизм, хотя и не битники, и Гинсберг один из первых, выказавший интерес к тибетскому буддизму, индуизму

и даосизму. Один из них, Филип Уэйлен, ставший впоследствии дзен-буддистом, а под конец своих дней даже настоятелем буддийского храма в Сан-Франциско, тогда на заре битничества, обнаружил в общественной библиотеке города Портленда в штате Орегон книги теософов Сийнета и Блаватской, что и привело его к изучению буддизма. (Кстати, путь на Восток для людей Запада в двадцатом веке нередко лежал через теософию.) Гэри Снайдер в 60-е годы прожил несколько лет в буддийском монастыре в Японии. Джек Керуак изучал восточные религии и переводил буддийские тексты с французского на английский. Он также пытался жить подобно буддийскому монаху и написал неопубликованную биографию Будды. Наконец, Аллен Гинсберг, особенно в последние десятилетия жизни, находился под сильнейшим влиянием тибетского учителя по имени Чогьям Трунгпа и огромную долю своей бурной энергии посвятил дхарме — сохранению и поддержанию гармонии в Мире за счет исполнения духовного предписания, сути жизни.

Правда, уже в начале 60-х годов движение битников попало в фокус внимания средств массовой информации и стало настолько профанироваться и тиражироваться, что ведущие битники пошли дальше уже обретенных рубежей и нашли для себя временный выход на стыке психоделических опытов с изменением сознания при помощи наркотических веществ и обращения к бардосостоянию-существованию между жизнью и смертью, описанному в «Тибетской книге мертвых». Контркультура в лице хиппи 60-х взяла на вооружение эксперименты Олдоса Хаксли с мескалином (еще в 1953 году), однако существенно развила их, благодаря массовому наличию еще не слишком запретных тогда ЛСД и «волшебных

грибов»¹. Хиппи и прочие шедшие за ними вариации «сопротивления»: не только опубликованные еще в 1954 году «Двери восприятия» Хаксли, но и древние, трехтысячелетние «гадательные» тексты «И-Чинг» («И-Дзин», или «Книги перемен»), и «Сиддхарту» Гессе, и различные книги, ставшие в наши дни чуть ли не каноническими, как, например, все, написанное Кастанедой. А три профессора из Гарварда (Р. Олперт, Т. Лири и Р. Метцнер) создали собственную адаптацию «Тибетской книги мертвых» для тех, кто отправлялся в наркотическое «путешествие» под действием галлюциногенов, причем именно Лири, основатель Лиги духовных открытий и страдалец от святого дела², свел древнюю мудрость к простому, четкому, очередному американскому лозунгу-приказу: Включись, настройся, улетай!», хотя за ним и крылась

¹ Это породило и правительственную «войну с наркоманией», усиление роли силовых ведомств, соответствующую коррупцию и многие другие изменения в американском обществе.

² В конце 60-х американские власти после многократных арестов за хранение наркотиков посадили Тимоти Лири в тюрьму, но он бежал, попал в Алжир, а затем в Швейцарию (где даже на некоторое время получил политическое убежище); в конце концов был арестован в США американскими спецслужбами и снова посажен в тюрьму до 6 года, когда был отпущен, как считают некоторые, зато, что «сдал» некоторых своих приятелей. А потом, уже стариком, успел стать гуру киберпанков, предсказав многое из надвигающейся компьютерной эры. Узнав от врачей, что его дни сочтены, он стал глубоко заниматься теорией смерти как главного *путешествия* (в смысле наркотического *trip*) для каждого человека и скрупулезно записывал собственные суждения. Последними его словами стало знаменитое американское, *Why not?* («Почему бы и нет?»). А через месяц после смерти его пришло электронное письмо ... от него. Что именно это было — сон или факт? Ответ, видимо, можно найти только в области эры...

вполне проработанная и самим Лири испытанная система прохождения семи обозначенных им уровней человеческого сознания. (Аналогичный подход был у индийца Шри Ауробиндо, но западный вариант с его психологическими веществами был, конечно, «понятнее» проще, универсальнее сложных построений, умозаключений и индийских медитаций.)

Результатом движения битников, которое развивалось в немалой степени под влиянием деятельности Аллена Гинсберга, стало и широкое распространение на Западе восточных философий и движений. В частности, сам Гинсберг был одним из тех, кто помог кришнаитам перенести их движение на американский континент и обрести там сильную опору. Однако, по замечанию одного из американских культурологов, «если их [битников и хиппи] утопическая риторика стала ниже градусом, а революционный пыл уступил место аполитичному прагматизму, следующие поколения по-прежнему занимаются поисками способов личного совершенствования и новых форм духовного развития в их ключе, так что во многих отношениях поиски на Востоке альтернатив доморощенным западным философским системам сегодня хотя бы стали более глубокими и серьезными».

С этой точки зрения, думается, можно считать дневник Гинсберга скорее фактором эмоциональным, хотя и этапным для него, а для читателя — способом выявить его потенциальное желание больше узнать о Востоке вообще и об Индии в частности. Тем более, что судьбы мировой истории, по-видимому, отныне и в течение очень долгого времени (что особенно заметно в наше время) будут решаться именно на Востоке в связи с его специфическим мировоззрением и отношением к вопросам жизни

и смерти. И Восток — в широком смысле слова, но обязательно включая сюда и миллиардоликую Индию — окончательно превратится из закулисного фактора в борьбе между европоцентричными «великими державами» за рынки, мировое господство, ресурсы и проч., из пассивного объекта мировой истории в активное начало, каковым он, на самом деле, всегда и являлся, пусть даже оставаясь внешне пассивным: ведь история Запада хотя бы последние две тысячи лет, хотя бы только история христианского Запада — это история его взаимоотношений, в первую очередь, с Востоком, с Азией.

Эмоционально же, по сумме впечатлений, подсознательных ощущений и проч., индийский дневник Аллена Гинсберга — свидетельство того, как все же оказалось возможным для европейца-американца ощутить дух самой сердцевины Индии, ее тайны, ее «непроизносимого знаменитого», не выражаемого словами. Причем это удалось именно поэту. И это даже несмотря на то, что угол зрения того поэта, попавшего в Индию в такое время, когда окончательно самими индийцами ломалось многое из старого, основополагающего, допрививалось извне принесенное, «общемировое», начинались попытки решения ее извечных проблем (голод, нищета, болезни, отсталость), сегодня может порой показаться суженным, специфическим, а то и случайным.

Однако именно ему удалось, пожалуй, успешнее всех интуитивно гезировать в своих неконкретных, порой на вид бессвязных и алогичных записях многое из того, что иные тексты, куда более «прозрачные» и «аналитичные», «попытки», как ни странно, лишь помогали завуалировать.

Морис Фридмэн (1900—1976) — уроженец Польши, значительную часть своей жизни провел в Индии. Под влиянием Кришнамурти стал индуистом, получил имя Свами Бхаратананда. Жил в ашраме Ганди и сделал ему прялку, которой Ганди пользовался до конца своих дней. Известна книга «Я есть То» под редакцией Фридмэна: в ней изложены беседы Нисаргадатта Махараджа, гуру из Бомбея, который разъяснял своим посетителям, ищущим истину, суть учения Адвайты-веданты (недуальности, единства).

Шри Свами Шивананда (1887—1963) — йог и мудрец, в 1932 году основал ашрам в Ришикеше (который стал широко известен на Западе в 1950—1960-е годы), а также «Общество Божественной Жизни» (1936), «Лесную Академию йоги и веданты» (1948). Издано более трехсот его работ по йоге, веданте, вопросам духовного совершенствования, которые стали практическими пособиями для подвижников (особенно известна его «Золотая книга йоги»).

Баба — уважительное обращение к аскетам, подвижникам, отшельникам. Интересно, что это слово означает «отец», «дед» и ... «ребенок».

Питер Орловски (род. 1933) — музыкант и поэт, он долгие годы, с 1954 г. и до смерти Гинсберга в 1997 г., был его любовником и постоянным спутником жизни (хотя их отношения порой носили весьма бурный характер). Родители Орловски — русского происхождения, он вырос в Нью-Йорке.

Храмы Аджанты — буддийские пещерные храмы близ Аурангабада (штат Махараштра), создавались с 200 г. до н. э. до 700 г. в двадцати девяти пещерах.

Гэри Снайдер (род. 1930) — современный американский поэт, лингвист. В 1956 г. уехал в Японию, изучал дзэн-буддизм, делал переводы буддийских текстов и японской поэзии. Вернувшись в США в конце 1960-х годов, стал одним из родоначальников экологического движения. Лауреат нескольких премий, автор шестнадцати книг поэзии и прозы.

Праджнапарамита (букв. «премудрость, переводящая на другой берег существования») — доктрина буддийской философии, трансцендентное знание, мудрость, превосходящая концептуальное мышление. **Сутра** (букв. «нить, на которую нанизаны жемчужины») — афоризмы, изречения, изречения, его рассуждения или проповедь. Сутра представляет собой диалог между учителем и учеником, объединяющие их в усилиях по передаче дхармы, или доктрины, из поколения в поколение. Праджнапарамита-сутра — один из основных философских текстов Махаяны, крупнейшего направления буддизма, центральный текст в практике дзэн-буддизма и тибетского буддизма.

Мехер-Баба (букв. «Сострадающий Отец») — духовный вождь одного из индуистско-суфистских культов. Настоящее имя — Мерван Шериар Ирани. После того как в 19 лет он поцеловал в лоб на улице города Пуны местная святая по имени Хазрат Бабаджан, у него, по его словам, спали по-

кровы оббыденного и он исполнился духовности. Большую часть жизни (а это 45 лет из 75) Мехер-Баба соблюдал полный обет молчания, общаясь только с помощью алфавитной доски или жестов, которые интерпретировал его любимый ученик. Так он продиктовал свою книгу «Бог говорит». Важный постулат его учения: помнить о Боге и любить окружающих людей, а не пытаться постичь Бога разумом («Это все равно, что пытаться видеть ушами», — писал автор). 10 июля — День молчания, когда последователи Мехер-Бабы ровно сутки хранят молчание в память об учителе.

Нимталла-Гхат — набережная в Калькутте на реке Хугли. «Гхат» (или «гхот») — каменная набережная со ступенями в реку. Здесь по индуистской традиции сжигают умерших. Утром индуисты входят по этим ступеням в реку для ритуального омовения.

Страница 32

Гопинатх Кавирадж (1887—1976) — мистик, тантрик, ведущий знаток традиции шиваизма, йогизма, индийской философии, исследователь границ человеческого сознания. Преподавал в Санскритском университете в Варанаси. Повлиял на рост интереса на Западе к йоге, тантризму, индийской философии.

Кали Пада Гуха Рой — тантрик, которого Гинсберг встретил в Бенаресе (Варанаси) весной 1963 года.

Садхана — сочетание религиозного учения и медитативной практики, дисциплина.

Шримата Кришнаджи — индуистка-подвижница из Вриндавана, окруженная ореолом святости, переводчица средневекового поэта Кабира. Гинсберг однажды запи-

сал: «Шримата Кришнаджи сказала, чтобы я взял себе в гуру Уильяма Блейка, незримого отца английских прозревших».

Вриндаван — согласно индуистской традиции, в местах, где сейчас находится этот городок, пять тысяч лет тому назад провел детские годы бог Кришна, воплотившийся в образе сына пастуха Махараджи Нанды и его жены Яшоды. Был, как все, пас телят со своими сверстниками. Но время от времени идилию нарушал очередной демон, тогда Кришна расправлялся с ним и возвращался к прерванным делам. По преданию, это он поднял холм Говардхану, чтобы защитить жителей Вриндавана от потоков ливневого дождя, посланного богом Индрой. В лесах Кришна тайком встречался с пастушками-гопи, которых зачаровывал игрой на флейте. По достижении шестнадцати лет он навсегда покинул Вриндаван.

Калимпонг — религиозный центр в штате Сикким, в предгорьях Восточных Гималаев.

Магх-Мела — ежегодный праздник в Аллахабаде, где, как верят индуисты, в Ганг, помимо Ямуны, впадает мистический поток Сарасвати. Праздник связан с мифом о пахтанье богами первичного, Молочного океана: тогда из вод явился сосуд, кумбха, с нектаром бессмертия, амритой. Раз в двенадцать лет в Аллахабаде проходит Кумбх-Мела (букв. «праздник кувшина») — шестинедельное празднество, в котором последний раз, в 2001 году, участвовало до 70 миллионов паломников. Среди них множество подвижников-садху, тех, кто отказался от привычного существования (семья, собственность, одежда) ради духовного поиска, который носит своеобразный характер и сопровождается древними, порой жестокими ритуалами. Переход в особое состояние познания садху совершают через наркотические составы и

физиологические практики (в том числе сексуальные). Женщин-садху называют «садхви».

Ганджа — специально приготовленная наркотическая смесь из цветущих побегов индийской конопли; гашиш.

Абхая — бесстрашие (*санскр.*), **мудра** — знак, магический жест, особое положение пальцев, ладоней и рук (в том числе в ритуальных танцах). Этот буддийский жест бесстрашия, самообладания, хладнокровия, укрощения бурных вод (при этом правая рука поднята ладонью вперед) — один из наиболее популярных, он часто встречается в сидячих изображениях Будды: таким жестом, согласно преданию, Будда усмирил бешеного слона, которого выпустил на него его двоюродный брат и соперник Дэвадатта.

Дихорава-Баба — йог, с которым Гинсберг познакомился в Бенаресе (Варанаси) в начале 1963 г.

Страница 33

Лакхнау — крупный город в центре северной части Индии, в прошлом столица царства. Насчет особого пристрастия жителей Лакхнау к курятине сведений нет, но известно распространенное в тех местах ремесло — изготовление расшитых бисером и мишурой тканей для праздничных женских и мужских нарядов. Такие ткани называют «чикан» (*chikan*) или «чicken» (*chicken* (*англ.*) — «цыпленок», «курятина»). Не исключено, что автор знал об этом — торговцев тканями «чикан» можно встретить во многих крупных городах Индии, они нередко занимают несколько кварталов.

Рэшбихари-Рич — район с таким названием есть, например, в Калькутте, около улицы Рэшбихари, однако он не находится на берегу моря или реки.

... на собственно земле обетованной... — Этот сон действительно приснился Аллену за три с лишним месяца до приезда в Бомбей, во время его поездки по Израилю. Он взят автором из более ранних дневников — из книги, изданной в 1977 году под названием *Journals: Early Fifties Early Sixties* («Дневники: от начала пятидесятых до начала шестидесятых») — и вставлен здесь, в «Индийских дневниках», как развернутый эпиграф.

Страница 34

... на фасаде отеля «Риверия». — Так указано в оригинале (*Riveria*), однако возможно, что на самом деле «Ривьера» (*Riviera*), для отелей название распространенное. Отметим, что издатели этого дневника (в английском оригинале) сохранили в неприкосновенности все неточности в авторском написании слов. Не только в том дело, что, например, индийские понятия и названия часто пишут по-разному, поскольку их трудно адекватно транскрибировать: у самого Гинсберга немало и фонетических описок и просто ошибок даже в английских словах; например, в посвящении, выше, у Гинсберга написано *let* вместо *led*, хотя по смыслу может быть только *led*. Порой, правда, такие «как бы описки» имеют у него особый смысл. В данном случае, например, слово *Riveria* напоминает одновременно и *river* (река) и *réverie* (наваждение, греза, словидение).

Страница 35

Грегори. — Грегори Корсо (1930 — 2001), поэт, битник, друг и, возможно, любовник Гинсберга до его отъезда в Ин-

дию. Сам Корсо последнее отрицал, ответив как-то на прямой вопрос: «Да мало ли что наплетет этот Гипзи!» В то же время известно, что Корсо на протяжении многих лет, до самой смерти Гипсберга, постоянно требовал у него (и получал) определенные, порой немалые суммы денег, так что Гипсберг выплачивал ему что-то вроде «пенсии»...

Великие Ворота Всея Индии. — В Бомбее есть триумфальная арка «Ворота Индии», в память о визите в Индию в 1911 г. британского короля Георга V и королевы Марии (ее строили с 1913 по 1924 г.). Правда, «Ворота Индии» есть и в Дели, только они были построены в 1921 г. в память о 85 тысячах солдат индийского корпуса (англичан и индийцев), погибших в первую мировую войну и в афганской кампании 1919 г. Поэтому Great All India Gate Гипсберга скорее обобщенный образ: ведь это все же только сон...

Страница 36

О Притон — то есть «опиумный притон». В переводе сохранена манера автора, который и в личном дневнике по какому-то соображению «кодировал» некоторые слова, впрочем, вполне прозрачно: соответственно, «О» (сточкой или без) — это опиум, «М» — марихуана или морфин, «Г» — героин.

Паланкин в Индии — носилки с диваном, автор же описывает *чафтой* — прямоугольный каркас, на котором вместо матраса туго натянуты переплетенные веревки.

... **двух... Евнухов-трансвеститов...** — Речь идет о евнухах-хиджра, одетых в сари. У хиджра в индийском обществе сложная, освященная многовековой традицией функция шутов, посредников, мужчин-проституток, гетер. Некогда

они жили лишь при дворе царей, военачальников как прислужники-надзиратели в гареме. Сегодня это своего рода «братство отверженных», некий «орден», и их главная задача — добыть средства на жизнь всем, кто принадлежит к их группе. Молодые хиджра кормят старых, кто не может уже «работать», заботятся о них. Хиджра часто приходят на свадьбы, требуя откупа: иначе они будут «позорить» свадьбу своим присутствием. Еще они навещают новорожденных. Если у малыша недоразвиты или деформированы половые органы, хиджра либо выкупают его у родителей, либо даже выкрадывают, чтобы растить в своей среде, давая соответствующее образование, довольно широкое: как гетеры в Древней Греции, хиджра должны не только знать все о сексе, но и уметь поддержать ученую или остроумную беседу, играть на музыкальных инструментах, танцевать, петь. Хотя в индийском обществе сегодня превалирует известная строгость нравов и сутубая ориентация на гетеросексуальные отношения, а «нетрадиционная сексуальная ориентация» является темой фактически запретной (в кино, литературе или в средствах массовой информации ее практически нет), хиджра всегда находят клиентов. Впрочем, если быть точным — это их всегда находят клиенты-мужчины: хиджра живут в определенных кварталах.

Страница 37

Сэмюэль Кольридж (1772 — 1834) — английский поэт, критик. Принимал опиум, и его поэма «Кубла-хан», по его собственному признанию, — запись видений под влиянием наркотика.

Страница 38

Чапати — небольшие круглые пресные лепешки, которые выпекают на плоском железном листе, вроде сковороды без ручки.

Страница 41

В индуизме богиня **Тара** (санскр. «звезда») — одно из проявлений Кали. Как звезда прекрасна, но вечно сжигает себя, так и Тара — это суть абсолютного, неутолимого голода, движущего всем живым. В буддизме великого пути (махаяне) Тара — бодхисатва, или манифестация Будды. В тибетском буддизме Тара стала символом просвещенного действия, особенно же духовного голода и стремления уйти от оков чисто физического мира.

Авалокитешвара — «Всевидающий владыка», буквально «Кто смотрит во все стороны» (санскр.) — в буддизме бодхисатва, олицетворение мудрости и милосердия. На изображениях бывает и в мужской и в женской ипостасях. У «него», кстати, нет конкретной половой принадлежности, и это нередко в Индии: бог не может быть мужчиной или женщиной, поэтому их изображения андрогинны. Бог — это бог, его форма может быть любой.

Тысячерукий Победитель Смерти, или Смерть бога смерти — одно из тысячи имен Вишну, второго бога индуистского верховного троебожия (вместе с Брахмой и Шивой).

Страница 42

Майтрея — Будда грядущего мирового порядка. Считается, что он родится, когда продолжительность жизни людей достигнет 84 тысяч лет, и весь мир будет находиться под управлением одного справедливого буддийского правителя.

Хотэй, Гуаньинь — образы из китайского буддизма. *Хотэй* («холщовый мешок») — один из семи богов счастья, бог веселья и благополучия. Считался эманацией Будды-Майтрея. *Гуаньинь* — спаситель-бодхисатва в облике пленительной, ласковой девушки, ее образ особенно популярен в Китае. Она спасает всех, кто взывает к ней, у нее безграничное сострадание к людям, она утешает больных, глубоких стариков, испуганных и несчастных. Она ведет к упокоению и счастью, соответствующему западным представлениям о райской жизни.

Дипанкара — первый из будд, при нем Шакьямуни принял решение стать буддой («просветленным»). (Шакьямуни, или «мудрец из рода шакьев» — одно из прозваний Гаутамы Буддхарта, принца из племени шакья в Северной Индии, который исполнился просветления и стал проповедовать учение о победе над страданием, которое впоследствии было названо буддизмом.)

Падма Самбхава. — Елена Ивановна Рерих писала: «Великий Учитель Тибета Падма Самбхава (рожденный из лотоса), известный в Тибете проповедник буддизма (жил в VII в.) основал секту «Красных шапок». Они населяют весь Сикким и Малый Тибет».

Пукальпа — город в Восточном Перу, на берегу Укаяли, которая после слияния с рекой Мараньон становится знаменитой Амазонкой. Гинсберг добрался сюда в мае 1960 г. в японских галлюциногенного отвара айахуаска (яге), кото-

рое индейцы с верховьев Амазонки используют для достижения провидческого состояния.

Лозы Смерти. — Испытав в третий раз действие яге в Пукальпе, Гинсберг, как он сам писал Берроузу, «лицом к лицу столкнулся с самою смертью», ощутил, будто «все тело, подобно лозам, оплели змеи», и сам он «превратился в змею, извергавшую из себя целую вселенную», и пока его рвало, как и остальных участников этой церемонии, он понял, что «из меня, Дьявола Аллена, покрытого вокруг горла и рук нимбом из крошечных змеиных головок, радужных, мерцающих, светящихся, извергались, как из Зверя Созидающего, как из Зверя Смерти, все мои физические страдания, весь мой страх — Быть...» (цитата по книге Бэрри Майлза «Гинсберг: биография»). Кстати, под действием яге у Гинсберга возникло ошеломившее его желание любить женщин и иметь детей.

Сома — опьяняющий напиток из сока растения сома, употребляемый в индуистском ритуале.

Страница 44

Джек, Нил, Грегори, Билл — друзья и соратники Аллена Гинсберга тех лет: Джек Керуак, Нил Кэсиди, Грегори Корсо, Уильям Берроуз.

«Красные чуваки» — недурное название. — Так назывался первый сборник переводов «левой» советской поэзии (Евтушенко, Кирсанов, Вознесенский и др.), сделанный Ансельмом Холло и вышедший в 1962 году в издательстве Ферлингетти «Сити-лайтс букс», там же, где в 1956 вышла книга Гинсберга «Вопль и другие стихотворения».

Страница 46

Стотра, или шлока — классический стих на санскрите или хвалебный гимн, отличающийся особым размером: обычно это куплет из двух строк, в каждой из которых по шестнадцать слогов. Этим размером написаны эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна».

Это и следующее стихотворение, «ГИМН ДЛЯ США», стали основой (правда, в сильно переработанном и сокращенном виде) для поэмы «Стотра для Кали в обличье статуи (Свободы)», которая была опубликована в сборнике «Новопланеты: из Европы и Азии (1961 — 1963)» в 1968 г.

Антонен Арто (1895 — 1948) — французский поэт, актер, режиссер, для преобразования драматического искусства выдвинул идею «театра жестокости». Желая покончить с диктатурой речи, использовал звук, свет, жесты, мимику. Отправился в Мексику в 1936 г., надеясь «раствориться в Боге, стать Богом», для чего участвовал там в ритуале погребения пейотля (индейцы использовали этот кактус для достижения измененного состояния сознания в ритуалах поклонения солнцу). По возвращении попал на девять лет в психиатрическую больницу.

Мемориал Линкольна в столице США представляет собой греческий храм с 36-ю дорическими колоннами и огромной статуей сидящего президента Авраама Линкольна (1809 — 1865).

Страница 47

Линия ДЬЮ (DEW Line) — так называлась Система раннего радиолокационного предупреждения (Distant Early

Warning), построенная в 1950-е годы на крайнем севере Канады, вдоль 70-й параллели, для обнаружения возможной атаки советских бомбардировщиков или ракет через Северный полюс. В 1956 г. Гинсберг, который был тогда матросом торгового флота, участвовал в доставке оборудования для создания «Линии ДБЮ» в Порт-Бэрроу, самую северную точку арктического побережья США.

Гелиогабал (201 — 222) — это имя Бога-Солнца принял уроженец Сирии Варий Авит Бассиан, ставший в 15 лет императором Рима (прежде был жрецом Гелиогабала.) Считается самым развратным из римских императоров: за краткий период правления окружил себя невероятной роскошью и насадил в Риме непревзойденную разнузданность и жестокость нравов: как скупно пишет британский специалист по античности, «он предавался самым постыдным порокам, коренящимся в некоторых обрядах восточной натуралистической веры». Это привело к волнениям среди римлян-язычников и помогло укрепить позиции ранних христиан. Гелиогабала вместе с матерью во время бунта убили солдаты, и на престол взошел его двоюродный брат, которому было тогда 12 лет.

Ваджра (санскр. «удар молнии», «алмаз») — согласно индуистской мифологии, грозное оружие Индры, царя богов, которое неразруσιμο, поскольку мощнее его нет ничего в космосе; его нельзя использовать в несправедливых целях; оно всегда возвращается к хозяину. Аналогично молниям Зевса.

Кхади — программа постепенного освобождения Индии от британской зависимости, которую выдвинул Ганди, включала такую своеобразную (но, как оказалось, небездейственную) форму пассивного протеста, как изготовление дмотканого полотна «кхади» на самопрядках в каждой се-

ме и ношение простейшей одежды из нее. Это, по мысли Ганди, разрушало созданную англичанами схему закабаления страны: хлопок (сырье), собранный в Индии, доставлялся в Англию, там из него делали ткани (товар) и везли назад, в Индию на продажу, но по высоким ценам (деньги).

Страница 48

Венцеслав — король Богемии (907—929), стремился распространить христианство, признан святым.

Телониус Монк — известный джазовый музыкант, из которых особо почитавшихся битниками.

Кальпа — цикл существования Вселенной, период в 4320 миллионов лет от зарождения до полного уничтожения мира. (Кальпа соответствует всего одному дню (или одной ночи) жизни бога Брахмы.) Бог Шива в ипостаси бога танца Натараджи символизирует перемены, движение во Вселенной, в природе, и при разрушении мира исполняет грозный танец «Тандава».

Екатерина Алексеевна Фурцева (1910 — 1974) — министр культуры СССР на протяжении 14 лет (с 1960 г., после «оттепели», до брежневских «заморозков»).

Страница 49

Эрл Броудер — глава Компартии США в 1930—1945 гг. Выдвинул идею мирного сосуществования коммунизма и капитализма, однако тогда это было весьма несвоевременно, и его быстро исключили из партии. Умер в 1974 г.

Башня Безмолвия. — Приверженцы зороастрийской веры (в Индии это парси) считают землю, воду и воздух священными, так что их нельзя осквернять грешными телами покойников. Поэтому для умерших они сооружают Башни безмолвия, где оставляют покойников, чтобы последний обряд быстро совершили хищные птицы.

Пэт Браун (1905 — 1996) — губернатор Калифорнии в 1950—60-е г., известен либеральными воззрениями, выступал за отмену смертной казни. **Кэрил Чесмен** был в 1960 г. приговорен Верховным судом Калифорнии к смертной казни за серию убийств, и губернатор попытался спасти его, отложив своей властью казнь на два месяца, поскольку считал вину его недостаточно доказанной. Однако в конце концов Чесмен был казнен.

Кристофер Сمارт (1722 — 1771) — английский поэт, которого почитали битники, в частности Гинсберг: так, он написал свою главную поэму «Вопль» под прямым влиянием Смартта, который был известен своим использованием свободного стиха.

Джон Вудраф — английский индолог, под псевдонимом «Артур Авалон» осуществил в 1913 г. перевод «Тантры великого освобождения», впервые сделав достоянием Запада тантрические идеи. Как считается, оригинал был либо частично, либо полностью сфабрикован в конце XVIII в. одним из реформаторов индуизма, однако это не означает, что выраженные в нем идеи неверны.

Майя (санскр.) — вселенское наваждение, мировая иллюзия, мираж, обман. Майя либо скрывает часть информации о мире, прикрывая его детали пеленой, покровом, либо рассеивает информацию о них, делая часть объекта невидимой, туманной.

Крепость Америка. — Так называлась оборонная доктрина США в канун второй мировой войны. Согласно ей, США должны оставаться в безопасности, хотя бы в остальных странах пылал огонь войны.

Этель и Джулиус Розенберг были казнены в 1953 г. как организаторы группы, передавшей СССР секрет созданного в США атомного оружия. Сегодня известно, что хотя они принимали какое-то участие в этом, главными исполнителями были другие, и в частности брат Этель, который работал в исследовательском центре «Лос-Аламос». Он, уже глубокий старик, недавно признался в том, что явился напрослину на сестру и ее мужа ради спасения собственной жизни и своей семьи. В 1960-е г. многие американцы считали приговор бесчеловечным преступлением американского правительства, так как вина Розенбергов была доказана в суде.

Джеймс Дин (1931 — 1955) — известный американский актер, погиб в автокатастрофе. Как и Мэрилин Монро, считается символом голливудской красоты. **Патрик Генри** (1736 — 1799) — крупный деятель в борьбе Соединенных Штатов за независимость от Англии, известен словами «Гос-

подь, дай мне свободу или дай мне смерть!», сказанными в одной из его речей.

Форист-Лон — мемориальное кладбище в городе Буффало, штат Нью-Йорк, известное своей живописностью.

Патрис Лумумба (1925 — 1961) — первый премьер-министр Республики Конго (Заир), выступил против сепаратизма и против внешнего вооруженного вмешательства. был арестован и убит.

Джон Питер Альтгелд (1847 — 1902) — первый губернатор-демократ штата Иллинойс (с 1892 по 1896), известен либеральными взглядами и действиями: в начале правления помиловал троих «хеймаркетских мучеников», поскольку проведенное им новое расследование не дало доказательств, что они взорвали бомбу (пятеро из их группы были казнены ранее — в их память во всем мире стали с той поры отмечать Первое мая). Его решение было непопулярно в народе, поскольку уже тогда в США нагнеталась анти-социалистическая истерия. Он отказался вызвать федеральные войска для разгона забастовки рабочих компаний «Пулман», и их прислал сам президент Кливленд. Альтгелд начал тюремную реформу, ввел законодательную защиту прав работающих женщин и детей. Он был неподкупен. Все это быстро завершило политическую карьеру Альтгелда. (Кстати, он пришел на губернаторский пост богатым человеком, а оставил его нищим.) К середине XX в. многие в США считали Альтгелда образцом смелого, прогрессивного политика.

Джомо Кениата (1893 — 1978) — первый премьер-министр Кении (1963), глава партии КАНУ, впоследствии президент Кении.

Эдлай Стивенсон (1900 — 1965), представитель США в ООН при Кеннеди, известный своим остроумием и красноречием (несмотря на это обе его попытки стать прези-

идентом США провалились). 25 октября 1962 г. он продемонстрировал в ООН фотографии советских ракетных установок на Кубе и потребовал от представителя СССР Зорина признать, что правительство СССР обманывало мировую общественность, утверждая, что никаких ракет на Кубе нет. Через неделю СССР демонтировал свои ракетные установки.

... и своего и русского национального гимна... — Как многие американцы, Гинсберг называл Советский Союз словом «Россия», а также писал «русский», когда чаще всего имел в виду — «советский».

Страница 56

КАНУ — Национальный союз африканцев Кении под руководством Джомо Кениаты, а **КАДУ** — Демократический союз африканцев Кении, созданный в 1960 г. умеренными политиками, которые выступали за раздел Кении после получения независимости.

СИД (CID — Criminal Investigation Department) — индийская уголовная полиция, аналог американского ФБР.

Дочери Американской Революции — женская патристическая организация в США, стоящая на консервативных позициях.

Страница 57

Шанкар — религиозный философ средневековой Индии конца VIII в. Реформатор индуизма, обобщил все предшествующие системы, признающие авторитет Вед, создал учение о недвойственности. Фактически его деятельность

привела к торжеству индуизма и уходу буддизма за пределы Индии. В другом месте своих дневников Гинсберг выдвинул такое высказывание Шанкара: «От страха Смерти я стал искать Бога, и я нашел Бога в Смерти».

Юга — обозначение мирового периода в индийской традиции; *кали-юга* — четвертая («черная») юга, длящаяся в настоящее время.

Демон-Буйвол. — Богиня-воительница Дурга — одна из ипостасей великой богини Деви. Дурга создана для борьбы с демонами-асурами, врагами богов, которые захватили небо. В каждой из десяти своих рук Дурга держит особое оружие, которое нужно, чтобы обезглавить Царя асуров, *Демона-Буйвола*.

Страница 58

Вишну обычно изображают синекожим, во лбу у него Брахма, создатель Вселенной; в верхней левой руке у него морская витая раковина (символ самого первого колебания вселенной — звука «ОМ»); в верхней правой он держит свое оружие, Сударшана-чакра, имеющее форму диска, который символизирует ум и солнце (диск выглядит как крут с крестом внутри и четырем полумесяцами в том месте, где концы креста доходят до круга).

Варуна — божество космических вод, правитель земных рек, морей, океанов.

Агни — божество огня.

Вайю — божество ветра и воздушной стихии.

Сурья — божество солнца.

Яма — божественный владыка царства мертвых.

Индра — царь небес, глава богов и небожителей.

Кубера — божество богатства и сокровищ.

Вишвакарма — главный зодчий и ремесленник богов, творец Вселенной, созидатель, поэт.

Перечислены самые грандиозные, на то время, проекты XX века: самая высокая плотина в США, самая мощная ГЭС в СССР, центры разработки атомного оружия в Англии и в США.

Страница 59

Ананта, «Бесконечный» (*санскр.*) — эпитет бога-змея Шешы, плавающего в водах космического океана. Кольца его тела служат ложем для Вишну, его тысяча голов защищают Вишну. В конце калпы Шеша извергает огонь, уничтожающий вселенную, а сам остается, так как его тело всецело духовно.

Каларатруя Мантра. — Правильно: Каларатрия-мантра. Гинсберг цитирует здесь мантру, которую произносили, принося жертву богине Кали, чтобы ее умиловить. Один очевидец этого свидетельствовал: «Жрец говорит заклинание, которое можно передать так: «Слава Кали! Кали! Слава Деви, Богине грома! Слава Тебе, богиня с железным скипетром!», а потом он должен взять в руку топор и вновь обратиться к ней со словами: «Хрэнг! Хринг! Кали, Кали! О страшная, зубастая богиня! Ешь, режь, уничтожь все дурное — руби этим топором, вяжи, вяжи; хватай, хватай; пей кровь; Сфенг; Сфенг; неколебимо, стойко; О, слава Кали!» — на чем Каларатрия-мантра завершает обряд жертвоприношения».

... капли крови бесчисленных вновь Асуров порождали. — Когда Кали бьется с полчищами демонов-асуров, она

использует взятое у различных божеств оружие, чтобы не проливать их кровь, поскольку это лишь порождает столько новых демонов, с которыми она могла бы и не справиться, несмотря на свою ненасытность, необузданность и кровожадность. Интересно, что в индийской мифологии воин именно этот образ — женщины-воительницы, порой неспособной справиться с собственным неистовством, даже если оно направлено против «зла», причем настолько, что она заодно разрушает все, в том числе и «добро». Здесь, несомненно, отклик очень древних времен, когда общество строилось по законам матриархата.

Страница 60

... на манхэттенских парней... — Имеются в виду участники проекта «Манхэттен», секретного проекта по созданию атомного оружия в США в 1940-е годы.

Доктор Хьюэр — Один из персонажей телевизионных «научно-фантастических комиксов» в 1950-е годы — передачи о путешествиях на другие планеты в далеком будущем. Они послужили базой для создания впоследствии знаменитого телесериала «Звездный путь» (Star Trek).

Гуру Грантх Сахиб — священное писание сикхов. В переводе значит «Господин-Книга».

Страница 61

Рамана Махариши (1879—1950) считается самым великим индуистским мистиком-учителем XX в., принадлежал к ветви индуизма под названием Адвайта-веданта (недвойст-

венной веданте Шакары, созданной около VIII—IX в.). Проповедовал практику самоисследования и самопознания.

У. К. Филдс (1879—1946) — в юности жонглер, впоследствии киноактер, антрепренер в Голливуде; его легендарное остроумие в то время считалось образцовым (это он изрек: «Комедия — дело серьезное!»).

Страница 63

... на записи Арто... — Гинсберг был знаком с записью радиопостановки под названием «Покончить с Божьим судом», которую Арто создал незадолго до смерти и которую во Франции запретили: в ней не только Америка изображалась как милитаристское общество, как «машина для деторождения», но и описывались кровавые и апокалиптические жертвенные ритуалы; там человеческие испражнения служили доказательством существования жизни, но также и свидетельством, что все живое — смертно. Под конец радиопостановки сам Господь оказывался на секционном столе в виде органа, изъятых из тела человечества. Все это сопровождали звуковые и шумовые эффекты — удары в гонг, трохот барабанов, звуки ксилофона (играл сам Арто), крики, бормотание, а также изобретенные Арто не существующие ни в одном языке слова — он добивался воздействия на слушателей звуком как таковым, при отсутствии смысла.

Страница 64

... подумал про Л... — Скорее всего, имеется в виду Люис Карр, с которым Гинсберг познакомился в 1943 г., ког-

да учился в Колумбийском университете. Вот его первое впечатление о нем: «Совершенно ангельского вида белокурый бледный юноша». Карр, правда, был старшим в их отношениях и давал Гинсбергу «уроки взрослой жизни».

«Бог». — Так автор называет явление, которое почти на пятнадцать лет определило его жизнь: в июне 1948 г., в жару, когда он читал стихотворение «Подсолнух» Блейка, занимаясь мастурбацией, ему явился сам Блейк, со всеми признаками божественной эманации (громоподобный загробный голос и прочее). Это видение позже несколько раз повторилось, и Гинсберг страстно желал испытывать его снова и снова — как признак собственной избранности, особого контакта с Теми, Кто По Ту Сторону. Это был великий момент в его жизни, и он, странно смеясь, говорил друзьям и близким, что обрел Бога. Но такая зависимость мучила его, делалась болезненной, заставляла искать исцеления, реального гуру, а также вызывала потребность писать. Избавление ему дал глава буддистской секты Ньингма, Даджом Ринпоче, своим простым наставлением — см. посвящение Гинсберга к этому дневнику.

Ом Мане Падме Хум. — «О ты, сидящий в цветке лотоса», слова молитвы йога Падмы Самбхава, основавшего школу Ньингмапа в Тибете.

Тибетский нож-секатор — для изготовления чаши из человеческого черепа. Однако это не обязательно воспринимать буквально: как гром и колокол — ассоциативная пара, так же соотносятся ритуальный секатор и чаша из черепа. Символика здесь такова: секатор способен пробить туман невежества, он — способ, действие, мужское начало, а чаша — символ женского начала, мудрости.

Гарри Смит (1923 — 1991). — Не подходя ни под одну категорию, он был «Эзотерическое Все»: занимался авангардным кино, писал мистические картины-откровения, был музыкальным продюсером, лингвистом, историком оккультизма, философом, изучал фольклор индейцев, как Северной, так и Южной Америки, коллекционировал все и вся — короче, как написали про него в некрологе, «был Истым Американцем». Гинсберг подружился с ним еще в 1958 г. в Нью-Йорке, и Смит показал ему свои рисованные фильмы, над которыми работал дома, в Сан-Франциско, по-серьезному «употребляя» уже появившиеся «крутые» наркотики. Вслед за Гете и Скрябиным, он занимался проблемами соотношения звука и цвета, причем в компании с такими мэтрами джаза, как Паркер, Гиллеспи, Монк. Известность Смицу принесла эпохальная «Антология американского фольклора», выпущенная в 1952 году, когда он уже жил в Нью-Йорке, как он сам это называл, «наслаждаясь щедрыми дарами корпоративных меценатов». Эта антология стала точкой отсчета для зарождавшегося рок-н-ролла. Последние годы жизни провел в чине «вольного профессора шаманизма» Института Нарона в Боулдере, штат Колорадо, который возник по инициативе Аллена Гинсберга.

Церемония Ванг. — Для получения посвящения в буддистскую практику ваджраяна необходимо пройти церемонию Полного посвящения, устных Передач и Обучения (Ванг, Лунг и Три) от квалифицированных лам, держателей признанных духовных линий Передачи. Тибетский термин «ванг» соответствует санскритскому «абхишека» (Окропление водой — центральный момент ритуала Царского посвящения).

Ямантака в буддийской мифологии ваджраяны — один из основных идамов (будд или бодхисатв, выбранных как объект медитации), его изображают синим, многоруким, многоногим и многоголовым. «Ямантака» означает «убивший Яму», то есть «убийца Смерти» (Яма — царь ада, и по легенде его победил бодхисатва Манджушри, которого тибетцы молили о спасении от мести Ямы).

Шеша (Адишеша) — «Изначальный змей»; тысячеголовый змей, на котором покоится Вишну в Причинном Океане; одно из имен Шешы — Ананта, или «Бесконечный».

«Семь лет в Тибете» — книга австрийского исследователя и альпиниста Генриха Харрера, в которой описана история его бегства в Тибет из Индии, где британцы интернировали его после объявления второй мировой войны. Харрер в конечном счете стал близким другом Далай-Ламы, даже был некоторое время его учителем. Прожил в Лхасе одиннадцать лет, до того, как Тибет заняли китайские войска.

Страница 66

Гангток — столица штата Сикким, религиозный центр в предгорьях Гималаев с несколькими монастырями буддийской школы Ньингмапа.

... разрешение выдавали всего на три дня. — Иностранцы и сейчас должны получать специальное разрешение даже на короткую поездку в штат Сикким. До 1975 г., хотя Сикким был тогда независимым княжеством, вопросы обороны «курировали» индийские власти, которые и выдавали разрешение на пребывание: здесь находится стратегический форпост Индии на Гималаях.

Страница 68

Бгавад-Гита — часть шестой книги «Махабхараты», возникла в середине 1-го тысячелетия до н. э., является философской основой индуизма.

... вращения кругов внутри кругов. — Понятие wheels within wheels переводится в словарях достаточно просто: «сложная взаимосвязь» (в словаре Мюллера). За этим скрывается, однако, древняя идея, которая выражается пиктограммой как круг, внутри которого существует несколько других кругов. В зависимости от эпохи и культуры вид этих кругов может быть различным. В простейшем случае внутренних кругов всего три, они касаются не только обрамляющего их круга, но и друг друга (точно так, как символ триединства на рериховском Знамени Мира: «Предложенное Знамя, — говорил Рерих, — имеет на белом фоне в круге три соединенные амарантовые Сферы как символ Вечности и Единения»). Предполагается, что при долгой фиксации взгляда они должны начать вращаться... В буддизме так воплощается идея «колеса жизни»: не только периодическое чередование событий в пределах одной жизни при ее поступательном движении от рождения к смерти, но также и перехода в другую жизнь — это идея сансары, или бесконечного круга перерождений, на протяжении бесконечного времени (как сказал бы математик: плюс-минус бесконечность). Канонизированное представление колеса сансары несколько более сложно: это три концентрических круга или кольца. В центральном изображены символы «трех ядов», того, что вызывает вечную юдоль, вечное вращение сансары, без выхода в нирвану, к вечной жизни. Изображены они в виде трех животных. Это невежество (его символизирует свинья), ненависть (змея) и алчность (петух) —

обычные психологические проблемы обыденной человеческой жизни без прозрения. Соответственно, выйти из круга можно, лишь осознав эти три качества и начав избавляться от них. Среднее кольцо представляет собой колесо с шестью спицами, символизирующее шесть сфер, шесть возможных состояний духа человека. Это сферы животных, людей, голодных духов, ада, неба (рая) и титанов (богов). А внешнее кольцо содержит уже двенадцать сегментов, содержащих символы состояний или действий, способствующих сохранению условий бесконечного цикла страданий в сансаре. Всю конструкцию удерживает ужасного вида существо, называемое Мара, которое является символом непрочности существования, смерти: это постоянно напоминает, что человеческая жизнь в своем обычном виде зыбка и временна, а также направлена на сохранение бесконечного круга перерождений. В буддийской практике распространено колесо дхармы, или молитвенное колесо, на котором начертаны мантры, символические слоги, как бы «выжимка», «конспект» изречений Будды. Считается, что каждый поворот молитвенного колеса эквивалентен произнесению соответствующих текстов, молитв, намеченных мантрами. А значит, происходит очищение окружающего мира. Колеса дхармы могут приводиться в движение четырьмя стихиями: твердью, огнем, ветром и водой. В первом случае колесо вращают молящиеся. Во втором, например, струением воздуха над зажженной свечой. В последних двух колеса не только приводятся в движение ветром и водой, но и одновременно очищают их. Существуют самые разнообразные конструкции таких молитвенных колес: от огромных барабанов в храмах до подвески, типа цилиндрического кулона, который можно вращать вокруг его вертикальной оси. А в самое последнее время все большее рас-

пространение получают молитвенные колеса для экранов компьютеров

Страница 69

Наоми — мать Гинсберга, которую он называет исключительно по имени.

Ньингмапа — древняя тибетская буддийская школа, возникла в VIII в. н.э. после появления великого мистика Падмасамбхавы. В основе традиции ньингма «тексты-сокровища», они были записаны, как считается, Падмасамбхавой, но ведут свое начало, в устной передаче, от исторического Будды. Тексты эти сокрыты до наступления благоприятных времен, когда они могут быть поняты. Их поиски составляют подвижническую деятельность благословенных мудрецов-учителей, держателей духовных линий.

«**Взаправдашний лев**» — стихотворение, написанное Гинсбергом в 1958 г. в Париже.

Страница 72

Хью Уистен Оден (1907–1973) — англо-американский поэт, драматург, литературный критик, оказал сильное влияние на современную поэзию мастерским использованием в поэзии повседневного языка и разговорных ритмов.

Вони портфель. — В американских фильмах и комиксах начала пятидесятых годов отличительной приметой шпиона-коммуниста был портфель. В нем обязательно были прятались какие-то секретные документы и прочее. Прове-

рить или не проверить портфель подозреваемого — на этом порой строилась кульминация фильма.

Страница 75

Марвари — группа тесно связанных между собой коммерсантов и промышленников. Их предки, торговцы из Марвара (государства на территории теперешнего штата Раджастан на западе Индии), славились своей честностью, надежностью и особой взаимной выручкой. Любой торговец желал, хотя бы по ассоциации, принадлежать к клану из Марвара. В конце концов всех торговцев на севере Индии стали называть «марвари», и слово это стало синонимом понятия «коммерсант».

Страница 78

Чандаль — средство в традиционной древней медицине, приготовляемое из растения «улат чандаль» (*Gloriosa Superba*). Местные жители используют его и как средство от паразитов, от язв, для заживления ран, ушибов, а также от импотенции и при бесплодии. Растение ядовито. Современные лекарственные средства на основе растения используются при лечении подагры и артритов.

Страница 81

Джавахарлал Неру (1889 — 1964) был премьер-министром Индии с 1947 по 1964 г., а **Сарвепали Радхакришнан**

(1888 — 1975) был президентом страны с мая 1962 по май 1966 года.

Страница 82

Action — или стиль «живописи действием» — абстрактные композиции начала 1950-х г. (например, американцев Джексона Поллока, Франца Клайна, Виллема де Кунинга), которые создавались «бессознательным» нанесением краски на холст или на любую поверхность самыми различными способами: краску разливали, бросали, капали. После этого композиция могла быть дополнительно — «осознанно» — обработана художником. По мысли критика Гарольда Розенберга, который дал этому стилю имя, здесь был проявлен процесс создания картины, что по своему значению равноценно результату процесса — самой картине.

Страница 83

Фано-поэзия. — Эзра Паунд предложил этот термин, чтобы обозначить способ «стимуляции эмоциональных ассоциаций, сохранившихся в сознании реципиента относительно собственно используемых слов или их групп».

Джон Эшбери (род. 1927) — американский поэт, один из «Нью-Йоркской школы» пятидесятых годов, автор дюжины поэтических сборников. Его поэма «Европа» написана в 1962 году, и, как сказал сам автор, «она вовсе не о Европе, но о том, что могло бы произойти там — и происходит». Поэма создана путем «расчленения» английской детской книжки и известна своей трудностью для понимания, поскольку

Эшбери рвет строку где угодно — там, где ему диктует это синтаксический смысл.

Страница 84

Леттризм — художественно-эстетическое течение, созданное в конце 1940-х в Париже Исидором Изу, который утверждал: нельзя разогнать буржуазию, не «рассеяв на первичные элементы» ее язык, систему символов и понятий, которыми она опутала общество. За основу всех видов художественного творчества бралась семантика буквы (*фр.* lettre). В поэзии Изу брал за основу мелодию, а не смысл фразы, играл сочетаниями букв, вслед за Арто вел к «пра-крику», звукам, бывшим у первобытных людей до слов.

Страница 85

Джо Эдамс — врач-психиатр, один из тех, кто в 1950–60-е годы вел эксперименты по лечебному применению ЛСД и по изменению сознания (по-видимому, не зная, что исследования, через организацию под названием Американский институт психического здоровья, финансировало ЦРУ в рамках своей программы «МК-Ультра»: использование наркотиков в своих целях и их возможное применение в качестве оружия). Эдамс работал в Институте психических исследований в Пало-Альто и в Госпитале ветеранов войн в Стэнфорде (Калифорния). Гинсберга с ним свел его друг, антрополог Грегори Бейтсон (автор первого семинара «Потенциал человека» в Исследовательском

центре «Эсален», к югу от Стэнфорда), и в 1959 г. поэт, записавшись в качестве подопытного, принял там немало ЛСД. (Интересно, что ЛСД тогда еще не считался наркотиком: а вот за две сигареты с марихуаной, которые полиция нашла в 1958 г. у одного из битников, Нила Кэссиди, судья мог дать ему срок от пяти лет до пожизненного заключения. Кэссиди отсидел целых два года в Сан-Квентинсе, знаменитой тюрьме особого режима, где содержат смертников). За участие в экспериментах платили (ни много ни мало, а 150 долларов за «сеанс»): так, например, «зарабатывали на жизнь» Кен Кизи с женой. Гинсберг тогда же подружился с Кизи, который был санитаром в психиатрической больнице (так возник его роман «Полет над гнездом кукушки»), и в 1964 г. поэт частенько участвовал в вечеринках на его ранчо, прозванных «эсид тестс» («эксперименты с кислотой»). Там часто играли «Грейтфул Дед», туда однажды пригласили «противника», печально знаменитых «ангелов ада» — начиналась так называемая психоделическая революция» 1960–1970-х, после чего различные наркотики, несмотря на формальные запреты и суровое наказание, стали частью повседневной жизни западной молодежи.

Страница 86

Уильям Карлос Уильямс (1883–1963) — крупный американский поэт. Гинсберга познакомил с ним молодой писатель Карл Соломон (ему посвящена поэма «Вопль»), и Уильямс тепло принял и Аллена, и других битников. Он, например, написал рекомендательное письмо влиятельному Кеннету Рексроту, который воз-

главлял тогда движение «Поэтический ренессанс Сан-Франциско». Уильямс ценил поэзию Гинсберга, и первое издание поэмы «Вопль» вышло с его предисловием. Именно под влиянием Уильямса Гинсберг пришел к радикальным изменениям в своей поэтике: принял открытую форму с подсчетом слогов и переменной длиной дыхания как мерой длины строки. Как свидетельствует эта запись, Гинсберг вел с ним постоянный внутренний диалог.

Страница 89

Джеймс Принсеп (1799–1840) — ученый и собиратель древностей, жил в Калькутте. Его архитектурные проекты воплощены в основном в Бенаресе, но главной страстью была нумизматика и расшифровка древних надписей. Он был первым, кто смог прочитать и перевести высеченные на скале эдикты древнеиндийского царя Ашоки (правил в III в. до н. э.).

Тхубтен Джигме Норбу — брат Далай-Ламы. Гинсберг, по-видимому, читал его книгу «Тибет — моя родина».

Страница 90

«**Нарезка**». — Имеется в виду прием литературного монтажа, использованный Берроузом: он назвал его многозначным понятием cut up — это кройка, разделка, шинковка, нарезка (но есть и значение: паясничать, фиглярствовать). Идею высказал в 1959 г. его друг, художник Брайан Гайсин, который случайно обнаружил, что если

нарезать любой текст и перемешать случайным образом, получается новый, порой весьма оригинальный текст. Правда, идея восходит к Тристану Тцара, который на одном из сборищ сюрреалистов в 20-е годы предложил «содать стихотворение от балды», вытаскивая слова из шляпы. Заслуга Берроуза, видимо, в том, что он специально писал тексты, предназначенные для такой последующей шинковки».

... а ведь уже год прошел. — Гинсберг виделся с Берроузом в августе 1961 г. в Танжере, причем тот столь активно пытался разбить его союз с Питером, что Питер вскоре ушел восвояси. А Гинсберг, которого с Берроузом связывали давние отношения, еще со студенческих лет, на какое-то время остался. Питер и Аллен встретились вновь лишь через несколько месяцев.

Страница 93

«**Эфир**». — Гинсберг написал это стихотворение в 1960 г., находясь в Лиме, Перу.

Страница 96

...Элиз... под аркою...Бельвью. — Элиз Коуэн, молодая модель из круга битников, неоднократно попадала в психиатрическую больницу Бельвью в Нью-Йорке, причем ее видели несколько раз просто отправляли ее туда. «чтоб не попала жить».

Страница 97

Гарвер — приятель Берроуза, морфинист, они вместе торговали наркотиками. Впоследствии жил в Мехико-Сити.

Билл Каннастра — приятель Керуака и У. Х. Одена, с которыми он изучал юриспруденцию в Колумбийском университете немало бродил по барам. Однажды, видимо «испытывая характер», стал вылезать из окна поезда метро, когда тот въезжал в туннель, и ему снесло голову. А Керуак потом жил в комнате Билла с подругой Билла и даже приклеил себя к стулу Билла, чтобы ничто не могло оторвать его от работы над рукописью романа, впоследствии знаменитым.

Миссия Рамакришны — индуистская просветительская религиозная организация, ее в 1897 г. основал Свами Вивекананда (1869 — 1902), ученик Рамакришны (1836 — 1886), для практического воплощения религиозно-реформаторских идей учителя.

Страница 99

APRA — Реформистская политическая партия «Революционный народный союз Америки», основана в 1924 г. за пределами Перу. В 1962 г., после десятков лет тяжелейшей политической борьбы, в том числе в подполье, партия выиграла президентские выборы, однако вмешалась армия, не дав основателю партии, Айя де ла Торре, принять бразды правления.

Страница 100

Джек Оуки — известный американский киноактер, снялся в нескольких десятках фильмов, однако вошел в историю кино исполнением роли Бензино Наполони, диктатора Бакерии, в фильме Чаплина «Великий диктатор» (1940).

Лама Галва Кармапа — один из трех самых авторитетных тибетских лам.

Страница 101

Жюль Ремю (1883 — 1946) — по мнению такого авторитета, как Орсон Уэллс, «самый великий французский актер XX века». Много и успешно работал в театре и смог повторить свои лучшие роли в кино, например, в экранизации известной трилогии Марселя Памболя.

Джоан Волмер (1924 — 1951) — хозяйка большой квартиры неподалеку, на Западной 115-й улице в Нью-Йорке. Она закончила факультет журналистики в Колумбийском университете, но у нее был младенец, муж ушел, и она сдавала комнаты. В них жили, и за деньги и «так», многие битники «первого призыва», и фактически битничество возникло у нее в доме. Ее шарм, опыт, циничность, спонтанность, «лихость» покоряли Гинсберга и его друзей: для них она «самая клевая». Она была весьма умна, и, по общему признанию, была под стать лишь изощренному Берроузу, который на целых десять лет был старше всех в этой компании. Их интеллектуальный дуэт, включая завораживающие опыты по телепатии, был удивительным. В конце концов Керуак с Гинсбергом сосватали ее Берроузу, хотя

тот вроде бы слыл «убежденным» гомосексуалистом. Но когда Берроуз поселился у нее, Джоан, по словам знакомых, как-то воскликнула: «Ты вроде как голубой, а в постели почище сутенера!» Но союз их был густо замешан на бензедрине, которым все больше жила Джоан. Потом они уехали в Техас, выращивать на ферме коноплю. Она нередко делалась от наркотиков невменяемой. А потом Билл застрелил ее, вроде бы случайно: поспорил (с нею самой), что сможет, как Вильгельм Телль, попасть в яблочко (в их случае — в стакан с джином у нее на голове). Не смог. Промахнулся. Попал в голову. Она же наутро собиралась уехать от него. С Нилом Кэссиди...

Страница 102

... как армии на Поле Крушекты — Багхавад Гита. — Имеется в виду Курукшетра («Поле Куру») — это долина, где произошло знаменитое сражение между Кауравами и Пандавами, положившее конец вражде между ними. Согласно мифу, бог Кришна поведал перед битвой Арджуне, третьему из братьев Пандавов, самую «Багхавад-гиту» («Песнь бога») — об этом повествуется в шестой книге эпоса «Махабхарата». Сегодня в месте с этим названием, к северо-западу от Дели, в штате Харьяна, между реками Сарсути и Читанг, создан мемориальный комплекс.

Страница 104

...Мортис, Тимор. — То есть «timor mortis» (лат.) — страх смерти.

Не хотел бы я быть алленом. — Это фонетический каламбур, пожалуй, не поддающийся переводу: имя Гинсберга, Allen («элэн»), в этой фразе можно услышать и как alien (произносится: «элиен») — «изгой», «чужак», «иностранец», «посторонний», «ипопланетянин». Возможно, например, так:

Джек: Не хотел бы я быть изгоем.

Но: Не хотел бы не быть я изгоем.

Да кто-то же должен — изгоем.

Помимо этого, здесь каламбур визуальный: имя Гинсберга очень похоже, чисто зрительно, на слово alone («одинокий»).

Страница 107

Мосаддык — премьер-министр Ирана с 1951 г. выступил за национализацию Англо-Иранской Нефтяной Компании (АИНК), принадлежавшей Англии. После организованного ЦРУ государственного переворота был осужден на три года тюрьмы и отправлен под домашний арест в родную деревню, где и скончался в 1967 году.

Страница 108

Бханг — слегка возбуждающий напиток, распространенный на большей части Индии. В его состав обычно входит молоко, миндаль, пряности и листья и цветы конопли.

...в сторону Ганга... — описывая Калькутту, Гинсберг называет Гангом реку Хугли, что протекает через город. Это самая западная из множества крупных протоков, через которые Ганг впадает в Бенгальский залив, и все они, как и основное

русло Ганга, показанное на карте, находятся на территории Бангладеш, вдали от Калькутты, к востоку. Правда, почти вся вода в Хугли все же из Ганга.

Трубка-чилам. — Их делают из глины, а размер может быть «на заказ»: и с наперсток, и с целый кулак.

Прасад — «подношение», «дар», жертвоприношение богам (или почитаемому учителю), обычно фрукты или сласти. После исполнения жрецом молитв и заклинаний часть подношения отдают обратно верующему, чтобы он раздал его, как символ божественной благодати, окружающим, нередко нищим или садху (собственно, эта возвращенная часть подношения и называется «прасадом»). Часть прасада оставляют для отсутствующих близких, чтобы позже приобщить их к этому акту общения с богом. У Гинсберга слово «прасад» имеет и метафорический, и иронический смысл.

Страница 109

... глаза вверх, но закрыты. — Аскеты-садху поклоняются Шиве, и в их ритуал входит курение глиняной трубки-чилам. Трубка символизирует тело Шивы, а гашиш, наполняющий ее, — его разум. Курильщик, набирая дым в легкие, приобщается к божественной сути Шивы, он желает ощутить то же экстатическое состояние, что и бог. Поэтому, когда новую трубку начинают передавать по кругу, каждый из курильщиков призывает Шиву, выкрикивая одну из соответствующих мантр. Шива ведь сам постоянно «обкурен»: он, согласно мифу, бог наркотического опьянения.

Страница 110

Жест намасте. — Читателю он, разумеется, известен: руки складываются перед грудью ладонями вместе, и человек слегка кланяется тому, кого приветствует.

Страница 114

... продавалась говядина... — по-видимому, имеется в виду буйволятина: убой коров (равно как быков и телят) запрещен по всей Индии, кроме Бомбея и штата Керала.

... в бханг... была добавлена датура... — Семена растения датура в Индии иногда добавляют в бханг — для усиления эффекта. Вот типичные проявления воздействия датуры: галлюцинации, потеря чувства пространства и времени, ярко выраженные галлюцинации — звуковые, слуховые и тактильные, взаимодействия с людьми, которых в этот момент нет рядом; неспособность что-либо вспомнить...

Страница из Паунда. — Гинсберг несколько раз встречался с Эзрой Паундом, хотя того все еще подвергали ostracism за былые промуссолиниевские взгляды, за антиамериканскую пропаганду в радиопередачах из Рима в годы войны. Паунд однажды признался ему: «Моей самой худшей ошибкой было тупое, провинциальное предубеждение против евреев, которое одно все испортило». И еще сказал, что его «Cantos» — бессмыслица, везде тупость и невежество, что он слишком многое в поэме неоправимо испортил, по недомыслию впустив в текст политику (см. в книге Бэрри Майлза «Гинсберг: биография»).

Шери Мартинелли (1918–1996) — художница и литератор, некогда известная манекенщица, она из тех, кого «все

любили» и кем «все восхищались»: ей протезировала Анаис Нин (см. ее «Дневники»); она была музой Эзры Паунда (см. его поздние «Cantos»); у нее в Гринвич-Виллидже бывали и Чарли Паркер, и весь «Модерн-Джаз Квартет»; ее работы коллекционировали Род Стейгер и Э.Э. Каммингс; ее обожал Марлон Брандо, и, наконец, ее знали все ведущие битники (а Гинсберг много лет был ее близким другом).

У.К.У. — Уильяму Карлосу Уильямсу (см. коммент. к с. 86).

Куркума — индийский шафран, пряность, придающая вареному рису желтовато-оранжеватый оттенок. В Индии считают, что он предохраняет от гепатита.

Страница 115

Флосси — Жена Уильямса, Флоренс.

Страница 116

Патерсон — название не только конкретного города в штате Нью-Джерси, где родился сам Гинсберг и где жил и работал детским врачом У.К. Уильямс, но и вымышленного, обобщенного города, в котором живет герой его пятикнижной поэмы «Патерсон» (1946–1958), врач и поэт, тоже по имени Патерсон. Патерсон в поэме олицетворяет импульс преобразования, достижения нового, мужское начало, которое, однако, ищет плодотворного единства с природой, женским началом, чтобы из бесформенности могла родиться форма.

Страница 117

Мост Хаура через реку Хутли прозван «воротами в Калькутту»: это дорога в центр города от главного железнодорожного вокзала Хаура. Он, может, не самый большой в мире (более полукилометра в длину и 25 метров в ширину), но самый загруженный (ежедневно им пользуются более 2 миллионов человек).

«Уилс Голд-флейк» — марка популярных британских сигарет, которые выпускались с 1883 г. Их неоновая реклама была для Гинсберга частью калькуттского фона.

Джа-М'альфна. — Правильнее: Джамаа эль Фна — центральная торговая площадь Марракеша, древней столицы Марокко, находящейся в окружении высоких гор.

Страница 119

Махадева — великий бог (*санскр.*), один из эпитетов Шивы, который, согласно некоторым представлениям, возлежит на Гималаях и курит каннабис (мариуану), а волосы его спадают с гор в виде священной реки Ганг. Когда садху, перед тем как закурить трубку с ганджей, пронзительно выкрикивают «Боом-боом Махадева!», обращаясь к небу, они тем самым выражают Шиве свое почтение (покурить — то же, что помолиться) во всеуслышание сообщают, что являются его последователями, а также приглашают других садху разделить этот ритуал.

Бардотодол — буквально означает: «освобождение после смерти посредством умения слышать в плоскости»; этот текст известен на Западе под названием «Тибетская книга мертвых». Он был записан Падмасамбха-

вой в VIII в., после того, как много столетий передавался в устной традиции. Бардотодол — опыт существования индивидуума в зазоре, в «плоскости» между его смертью и новым рождением.

Страница 120

Оргоны — вид энергии, об открытии которой в 1939 г. заявил Вильгельм Райх, утверждая физическую реальность либидо (он был учеником Фрейда). В самом названии он соединил понятия «организм» и «оргазм». Он считал, что космическая оргоническая энергия, функционируя в живых организмах как специфическая биологическая энергия, управляет в этом своем качестве всем организмом и выражается в эмоциях так же, как в чисто биофизических движениях органов. Идеологи битников и «новых левых» взяли на вооружение теорию характера Райха, в которой ведущую роль играет возможность снятия напряжения за счет переживания оргазма.

Брахмачари — «ученик», «духовный искатель», человек на первой ступени духовной жизни (их всего четыре), отказывающийся от потворства любым чувственным страстям. Такой ученик проводит с гуру от 5 до 25 лет, обучаясь премудрости в условиях строгой дисциплины и под постоянным присмотром учителя. Изучивший Веды получает священный шнур — отличие высших сословий. После этого он может жениться и начать семейную жизнь (вторая ступень). Третья ступень, после того как выросли дети, — уход от семьи, затворничество, приготовление к смерти. И четвертая — монашество, странничество, но это уже в глубокой старости.

Страница 121

Ганготри — селение в Западных Гималаях на высоте более 3 километров, одно из мест паломничества индуистов: здесь находится храм Атри, богини Ганга, и неподалеку из источника вытекает Бхагирати, одна из трех рек, которые ниже образуют Ганг. В этих глухих местах и живут отшельники. Отсюда до Ришикеша, где Ганг выходит на равнину, или до Хардвара, еще ниже по реке, около 200 км.

Хардвар — в переводе «Врата бога» один из четырех городов, где происходит праздник Кувшина (Кумбх-мела). По легенде когда боги пытались отнять у асуров похищенный кувшин с нектаром бессмертия, амритой, из Молочного Океана, четыре капли все же расплескались в потасовке, направ туда, где сегодня находятся города Аллахабад (Прайт), Хардвар, Уджайн и Насик.

Страница 122

... призывающей к ... убийствам. — Согласно мифологии, богиня Кали, способная справиться с демонами, не способна затем справиться с самой собой и остановиться; она продолжает совершать кровожадные деяния.

Страница 123

... босиком и в пижамах... — Гинсберг называет «пижамой» обычный для Индии и вполне приличный «уличный» костюм: внизу панталоны, а сверху простая длинная рубашка до колен с разрезами по бокам.

Джерри Колонна — напарник известного американского комика Боба Хоупа в его юмористических радиопрограммах 1930—1940-х годов. Обладал сильным, сладкозвучным голосом и прекрасно играл на тромбоне, что, разумеется, без конца обыгрывалось в скетчах. («О, я испортил столько чудных песен!», — говорил сам Колонна.)

... на твоей [то есть Джека Керуака] записи... — Речь о популярном в 1940-1950-е годы музыкальном комике Спайке Джонсе (1911—1965), оригинальном исполнителе и дирижере. В своих номерах и пародиях он использовал смелые звуковые эффекты, да и тексты его также славились рискованной игрой слов. Для битников он был одним из современных кумиров хотя бы потому, что не оставлял камня на камне от надуманного, чопорного, элитарного «высокого искусства». В то же время он так по-своему, «от противного», приближал массы к настоящему искусству — ведь его творчество лежало в пограничных областях музыкальных стилей. Керуак, который обожал би-боп и скэт, не мог не полюбить озорной стиль Спайка Джонса.

Жан-Луи Барро (1910—1994) — великий французский мим, актер, режиссер театра.

Страница 124

Тандава. — Есть семь разновидностей танца, которые бог Шива исполняет вместе с Дэви на теле убитого асуры Апасмары, из них наиболее известен «танец блаженства» — *ананда-тандава*.

Нагараджа — «Царь танца», то есть Шива.

Фред Астер (1899—1987) — американский актер, непревзойденный мастер танца (в том числе чечетки), снимался

и мюзиклах, особенно прославился в дуэтах с Джинджер Роджерс.

Хоуп Сэвидж — подруга Грегори Корсо, которая тогда также путешествовала по Индии.

Страница 125

Мокша (избавление, освобождение) — предельная, окончательная цель стремлений индивидуума, мыслимая как избавление от всякой изменчивости, от перерождений, страданий и превратного бытия в сансаре (странствовании из жизни в жизнь).

Страница 126

Чичен-Ица — город в государстве майя на полуострове Юкатан (Мексика), сооружен в IX в. Здесь сохранилась самая большая из площадок для игры в мяч: 135 м в длину и 70 м в ширину. Играли две команды по семь игроков. Эта игра связана с жертвоприношениями игравших, но ученые до сих пор спорят, у кого отрезали голову — у капитана проигравшей или выигравшей команды: ведь ритуальный уход из этого мира рассматривался у майя как благодать.

Баул («безумный [от любви к богу]» (*бенгал.*) — бродячий певец, обычно из низших слоев. Баулы принадлежат к бенгальской мистической секте, которая не признает кастового и классового деления общества, отвергает любые условности. Их песни доступны лишь пониманию посвященных. Учение баулов сложилось из метафизических воззрений, испытавших сильное влияние тантризма и вишнуизма,

также практики хатха-йоги. Один из обрядов баулов длится четыре дня (это особым образом организованный ритуальный акт любви) и предназначен для их слияния с богом в пределах собственного тела, обретения состояния «смерти при жизни».

Страница 128

Мемориал Виктории — белораморный комплекс в Калькутте, построен в начале XX в., в его архитектуре использованы мотивы Тадж-Махала, однако в целом здание, стоящее посреди огромного парка, выглядит не столько величественным, сколько тяжеловесным. Сейчас в нем музей.

... неожиданно понял в темном кинотеатре... — Речь идет о фильме «Царь царей» (1961), пожалуй, самой неудачной экранизации истории Христа, в котором главную роль сыграл молодой картинно красивый голливудский актер Джеффри Хантер, за что кинофильм прозвали «Иисус для тинейджеров».

Страница 130

Пароход «Амра» построен в 1938 году, в 1962 году ходил в основном между Дар-эс-Саламом и Бомбеем. В 1965 г. был отправлен на слом.

«Святые на марше»... (о Винобе Бхаве)... — Точное название книги «Святой странник Индии». Она посвящена Ачарье Винобу Бхаве (1895—1982) — последователю Ганди, аскету, участнику национально-освободительного движе-

ния. Выступал с призывами к справедливому перераспределению земельной собственности (движение «бхудан»).

Истории джатака. — Серия древних сказаний (проза, перемежающаяся стихами), часто в виде притч, волшебных сказок о животных; содержит истории о перерождениях Будды.

Страница 131

Нагарджуна — ключевая фигура философии махаянского буддизма, его имя овеяно легендами. В настоящее время считается, что он жил во II—III вв., наиболее достоверно его авторство установлено лишь по отношению к пяти произведениям (а приписывают ему около двухсот текстов).

О'Хара, Уэйлен, Ричардс — поэты-современники Гинсберга, который знакомился с их последними произведениями, делая «не отстать от жизни», следил за новинками поэзии.

Страница 133

... в связи с Блокадой и Кубинским Кризисом... — 22 сентября 1962 г. Кеннеди выступил по телевидению с сообщением об обнаружении советских ракетных установок на Кубе, которые могли угрожать США. Для предотвращения новых военных поставок США установили морскую блокаду Кубы, однако называлась она, по юридическим соображениям, «карантином» или «изоляцией».

... другой галактики. — Цитата из «Голого завтрака» Бернса: «... Ходили слухи, что он представитель треста гигиенических насекомых из другой галактики».

Брайен Гайсин (1916—1986) художник — в конце 1950 — начале 1960-х годов жил в Париже в (как он сам его назвал) «клоповнике», что позже назвали «Бит-отель», а потом уехал в Танжер. Гайсин часто выступал как катализатор творчества, как генератор идей для окружавших (так, идею «нарезки» Берроузу подал именно он). Сегодня он почти забыт, хотя написал около пятнадцати книг, множество «непредметных» картин, музыки, по большей части «неконкретной». В Танжере он держал ресторан под названием «1001 ночь», где его гости, например джазист Орнет Коулмен или «Роллинг стоунз», впервые слышали музыку племени жажука — мастеров трансовой музыки, которую он первым популяризировал. И, конечно, одним из первых стал экспериментировать с грибами и псилоцибином. В общем, при всей взаимной нелюбви между ним и «младшим товарищем» Гинсбергом, у них было немало общего.

...из **техасской тюрьмы в Париже** ... — маленький городок (сейчас 26 тысяч жителей) на северо-востоке Техаса, посреди бескрайних степных просторов, известен благодаря знаменитому фильму Вима Вендерса «Париж. Техас» (1988).

Страница 134

Квадраты. — Керуак использовал в своей поэзии ритмику джаза и части своего сборника называл не «стихотворение» или «поэма», а «квадрат», то есть законченная тема джазовой композиции, на которую производится импровизация и которая повторяется и варьируется многократно

Страница 135

Сунил Гангули — калькуттский поэт, который тогда ездил вместе с Гинсбергом и еще одним американским погром-буддистом, Джоном Джиомо, на Джессор-роуд — главную дорогу из Восточного Пакистана (с 1971 г. — Бангладеш) в Калькутту. По ней бежали в Индию миллионы людей, ставших жертвами насилия, в основном на религиозной почве. Они и так были без крова над головой, а тут их еще застигло сильное наводнение, начался массовый голод, болезни. Увиденные страдания так поразили Гинсберга, что родилось стихотворение-воспоминание «Сентябрь на Джессорской дороге» (Боб Дилан исполнял его позже вместе с Гинсбергом, Орловски, Корсо и другими).

Кхир — охлажденное сладковатое блюдо на десерт из молока, риса, сахара, миндаля, кардамона, с изюмом и орехами.

Страница 136

Пуджа — церемония поклонения божеству в храме или в святом месте, порой продолжается много часов: утром божество пробуждают музыкой, звоном колокольчиков, курением благовоний, подносят ему цветы, рис, плоды. Иногда изображение божества моют и чистят, в больших храмах перед ним выступают храмовые танцовщицы — девадаси.

Найя-пайса. — После 1957 г. Индия отказалась от прежней, британской системы денежного счета и перешла на десятичную. При этом рупия не девальвировалась, однако теперь в ней было не 64, а 100 мелких монет, пайса. Новую пайса до 1964 г. называли найя-пайса.

Страница 137

«Бихарцымы». — Штат Бихар, на запад от Западной Бенгалии, считается, пожалуй, самым бедным в Индии.

Даршан — «видение», «встреча»: индуист идет в храм, чтобы испытать явление образа бога или святого, ощутить его присутствие. Это как бы «вглядывание»: берущий даршан впивается глазами в того, кто дает даршан, причем на мудреца-праведника или на изображение Бога полагается смотреть не мигая, сосредоточив все душевные силы на впитывании исходящей от них благодати. Считается, что общество мудреца может смягчить накопленную карму. То же и паломничества: в священных местах (например, на Ганге, в святых городах, в Гималаях) легче осуществить такую «встречу», при которой Бог поможет постичь свою природу, даст благословение. Получив даршан от Бога (или святого подвижника), верующий знает: Бог меня тоже видит, он готов проявить ко мне свою милость. В современной Индии существует множество храмов, где за немалое даяние разрешается несколько минут лицезреть какое-нибудь особенно почитаемое изображение.

Киртан — совместная медитация, когда на какой-либо мотив поется мантра, порой в сопровождении музыкальных инструментов, традиционных (караталы) или современных (гитара, аккордеон). Слово «киртан» означает «пение, пение мантры». В Аюр-Веде сказано, что это очищает сознание. Обычно сопровождается танцем, который, как считается, около 7000 лет назад изобрела Парвати, жена основателя Тантры, Садашивы. Киртан имеет символическое значение, и дает психо-физический эффект, подготавливая разум и тело к улубленной медитации.

Одна анна — одна шестнадцатая рупии. Хотя старые монеты уже не ходили, люди по-прежнему называли их наименования: в данном случае нищий просил подать ему около 6 пайса.

... коснулся его ног рукой... — жест уважения, почтения, прощания, он завершает общение.

Страница 139

«Рам Хари Бол». — Буквально «Назови имена: Рам, Хари» — призыв, молитва, «по касательной» обращенная к богу Вишну, Хранителю: Рама — инкарнация Вишну, а Хари — сго не имеющее формы, вездесущее проявление.

Страница 141

... очередного фильма про веселящий газ... — Комедийные фильмы, начиная с 1906 г., не раз обыгрывали ситуацию, когда зубной врач по ошибке или намеренно дает пациенту веселящий газ. Так, Чарли Чаплин в 1914 г. снял короткую немую комедию под названием «Веселящий газ».

Страница 144

Бирбхум — провинция в Бенгалии, известна своими непроходимыми лесами.

Бама Кэпи. — Таку автора. Правильно было бы Бама Кхепи или Вамакшепа (1837—1911): «кхепи», или «чокнутым», его прозвали еще родители за безумное, оргиастическое покло-

нение Дэви, Богине-Матери, супруге Шивы (например, он регулярно крал у соседей ее изображения, чтобы медитировать по ночам на берегу реки). Бама то часами катался по полу с войлами «Джай Тара!» (Богиня Тара победит!), то устраивал в доме разгром, если Кали не являлась ему во время медитации. Он вошел в шактистскую, полушаманскую секту, каких немало в этом глухом углу Западной Бенгалии. Шакты — приверженцы поклонения божественной энергии, шакти, сокрытой в женском проявлении, ипостаси верховного божества (его благодатный аспект — богини Сати, Парвати, Амма, а злое — Дурга, Кали, Чанди). Главный объект почитания богини — ее женский орган, йони, иногда в соединении с мужским, лингамом. Обряды шактов связаны с йогической практикой, их психофизиологический тренинг несовместим с брахманическим ритуалом. Их цель — путем культовой практики изменить свой психофизиологический статус, внутренне уподобиться женскому аспекту божества, слиться с ним. (Это вовсе не «ритуализированный разврат»: Бама, например, так и остался девственником.) Когда Бама достиг совершенства в ритуалах, он готовился стать жрецом в храме Тары. (Тара — еще одна манифестация Кали. Храм в Тарапите известен тем, что здесь у богини, опутанной священными нитями, всего две руки и гирлянды из змей, а ее муж, Шива, сосет ее грудь, лежа у нее на коленях.) Но не смог помешали «странности». Бама — типичный юродивый: кто еще будет ходить совершенно нагим, поедать прасад, взятый у богини до его освящения, да еще делиться им с бродячими собаками? Храмовые жрецы хотели избавиться от него, нарушающего все возможные правила их религии, однако это ни к чему не привело: известно множество историй о чудесах, видениях и проч., связанных с этим.

Арденс — девичья фамилия матери Шекспира.

Страница 145

Чайтанья — религиозный реформатор и проповедник кришнаитского бхакти (предпочтительного служения одному из богов), жил в XVI в. в Бенгалии. Проповедовал экстатическую любовь к Кришне, отрицал кастовое неравенство, призывал к смирению и аскетизму. **Гауренга** (или «золотой») — одно из прозваний Чайтаньи, который признавал лишь один ритуал: санкиртан, или совместное воспевание имени бога, танцевальные процессии и проч. Самый звук имени Чайтаньи, по мнению его последователей, обладает столь же сильным духовным воздействием, как мантра «Харе Кришна». Кришнаиты почитают его как аватара Кришны и Радхи. (Сам он идентифицировал себя с Радхой, супругой Кришны, которая всегда объята любовью к божественному супругу.)

Читта — материальное воплощение конкретного духовного органа, который порождает ощущения, объективно верные или нет. Цель йоги — свести на нет активность читты.

Дхарма — совокупность установленных правил для продолжения существования космического порядка. Можно сказать и «правила», и «мораль», и «устой», и «закон» — смотря по контексту. (Как сказано в одной энциклопедии, «это важнейшее понятие индуистской культуры не имеет эквивалента на Западе».)

Страница 147

Кундалини — та энергия, что зиждется внутри тела человека, ее можно совершенствовать с помощью медитации.

Кулу (буквально «пастух овец») обозначает дремлющую силу Кундалини.

Лунги — простая универсальная одежда — безразмерная «мужская юбка», кусок ткани, закрученный на поясе, разнообразность дхоти (которая выглядит несколько сложнее и параднее).

Страница 149

...в шафрановых одеждах саньясини... — То есть женщина эта ушла от мирских забот, выполнив свой долг перед семьей, и теперь стала аскетичной паломницей-садхви. Это последняя, четвертая ступень жизни: уйдя из семьи, изучив священные тексты и выполнив предписанные обряды, человек обязан покинуть свою лесную обитель и в глубокой старости стать бездомным странником. Имея только посох и сосуд для воды, аскет странствует один, в полном молчании, пренебрегая потребностями плоти. Только тогда, оставаясь бесстрастным ко всему вокруг, человек, согласно Упанишадам, может устремляться к истинной цели своей жизни, то есть освободиться от круговорота рождений и смертей (мокши).

Кунти — мать братьев Пандавов.

Страница 150

... очередную порцию М. — В оригинале «Т.», что обозначает «tea» («чай»): так на сленге называют марихуану.

Страница 151

... мельниц тьма. — Видимо, это неточная, по памяти, цитата из стихотворения Блейка «Новый Иерусалим» (1804): «And was Jerusalem builded here / Among these dark Satanic mills?» («ужели здесь Иерусалим / Среди сатанинских мельниц встал?» — перевод А. Левичевой и С. Бреля). В то же время Гинсберг и в одном из поздних своих интервью приводит именно такую форму цитаты и также говорит: «Речь о противопоставлении природы и гипериндустриализированной цивилизации. Речь о той же борьбе, какую вел Блейк с самого начала, когда он сказал «Прочь сатанинских мельниц тьма», или когда он говорил о «темных сатанинских мельницах ума», как и о промышленных мельницах, которые затмили собой английские ландшафты. Итак, точка отсчета у нас была Блейк, даже в использовании наркотиков». (Интервью 1986 г. напечатано в книге «Спонтанный ум: избранные интервью 1958 — 1996 гг.».)

Страница 156

80 тысяч циклов. — Так у автора: выше было 8 тысяч.

Пракрити. — Согласно классической философской школе санхья Пракрити есть первоматерия, основа всего существующего, а Пуруша — духовный принцип, противопоставляемый ей. Интересно, что Пракрити — мужское начало, которое пассивно, и его существование нужно для активности женского, материального начала.

Нилакантха — «Синегорлый» (санскр.) — прозвание Шивы. При изначальном пахтании Молочного океана дэвами и асурами возник яд калакута, грозивший погубить и богов

и возникшую жизнь на земле. Чтобы избежать этого, Шива выпил яд, но задержал его в горле, и оно посинело. Кришна, как аватар Шивы, отличается тем же качеством — «синегорлостью».

Страница 157

Даси. — «Даса» сейчас употребляется в значении «слуга», «раб», а в давние времена означало «дикарь», «невежа». «Даси» — женский род от «даса».

Страница 158

Картик. — По индийскому (лунному) календарю картик попадает на октябрь-ноябрь.

Страница 159

Шангиникетан. — Школа, которую Рабиндранат Тагор основал на собственные средства в 1901 г. в семейном поместье у западнобенгальского города Болпура в 200 км от Калькутты. Название означает «мирная обитель»: Тагор желал воплотить здесь свои представления о единении с природой и развитии умственных способностей. К 1924 г. на базе школы был открыт университет Вишва Бхарати, где была основана специальная программа для исследователей Запада, желавших углубленно изучать Индию.

Страница 160

Шуньята — «пустота», «пустотность», понятие классического буддизма, означающее «отсутствие собственной природы».

Страница 164

Таттвартха-Сутра — или «Афористический текст об истинной природе реальных вещей» — философский канон джайнизма, записан и прокомментирован мудрецом Умасваги в VII в. Его сравнивают (по значимости) с Кораном, Авестой, Библией или Гитой. Он содержит детальное описание вселенной, место человека в ней и пути освобождения человека от кармы, а также постулирует: главная цель всего живого — достижение счастья, которое было бы вечным, идеальным и ни от чего не зависящим. Для этого требуется очищение тела, ума и речи посредством медитации и аскезизма. Кардинально важно правило ахимсы — непричинения вреда другим живым существам. Основал джайнизм в VI в. до н. э. Джина Махавира, живший в Бихаре (северо-восток Индии).

Страница 166

Софи Такер (1884—1966) — американская актриса театра и кино, певица, которая, вопреки моде на стройных женщин, все пятьдесят лет своей карьеры имела успех благодаря имиджу «страстной толстушки»: ее прозвали «последняя из жарких мамаш». Выступала, в частности, с песнями

негритянских композиторов, написанными специально для нее. Знаменита высказыванием: «Я и богатой побыла, и бедной тоже. Знаешь, лапа, богатой все-таки лучше».

Страница 167

Йодль. — В Европе эта техника известна как специфическая манера тирольского пения. Однако ее применяли на всех континентах.

Страница 168

Джордж Ромни (1907 — 1995) — президент крупной автомобильной компании АМС, мормон, стал губернатором штата Мичиган в 1962 г. В 1967 г. был кандидатом на пост президента США от республиканской партии, однако вскоре отказался от этой затеи: слишком прогремела история с расовыми волнениями в штате и вызовом национальной гвардии.

Страница 170

Эдвард Эстлин Каммингс (1894 — 1962) — американский поэт, радикально экспериментировал с формой, отменяя традиционное стихотворчество, пользовался популярностью, особенно среди молодежи, благодаря изысканной игре слов, а также простоте выражения мыслей; отличался повышенным вниманием к проблемам войны и секса. Ему приписывают афоризм: мозг человека занят «че-

тырьма F»: Fighting, Fleeing, Feeding and «Mating» («умень-см драться и удирать, есть и еть»).

Страница 171

Лингам, как известно, мужское начало, йони — женское. Индуисты чтят эти философские, метафизические символы, выражая их через земные формы — органы продолжения рода. (То есть это одновременно и символ и реальность, а символ каждый человек воспринимает на своем уровне.) Лингам обожествляется в культе бога Шивы. При этом не только поклоняются лингамам в храмах, но и совершают паломничества, например, к горе Кайлаш, которая вся почитается как собственно фаллос (то есть сила, энергия) Шивы, или к огромному замерзшему водопаду — ледовому лингаму в пещере на высокогорье Кашмира. Шиваиты (призерженцы Шивы) раз в месяц, в полнолуние, празднуют «ночи Шивы», шива-ратри, когда нередко не одни экзотические пляски, но даже сексуальные оргии.

... небольшого храма-колесницы... — В Конарке (штат Орисса) есть храм Сурьи (индуистского бога Солнца) в виде огромной колесницы, запряженной семью лошадьми: ведь так Сурья ежедневно совершает свой путь по небу. Упоминная «небольшой храм-колесницу», Гинсберг, возможно, говорит о нем.

На башенную часть «деула»... — Строго говоря, Гинсберг здесь неточен. Индуистский храм состоит из внутренней части, гарбагрихи, и антаралы («холла», «вестибюля») или джагмохана («портика»). Гарбагриха — алтарь, где находится образ божества, «живущего» в данном храме. В Ориссе ее называют *деул*. Снаружи, однако, видна надстроенная

над алтарем башня храма, или шикхара (ее Гинсберг и называл «деулом»). Разница в том, что башня — это символ горы, где живет божество (например, горы Кайлаш), алтарь же — символ пещеры, хранящей тайну божества, скрытую от посторонних глаз (совсем как предшественник индуистского храма — буддийский пещерный храм, чайтья).

... певзнеровской бесконечности... — Натан (Антуан) Певзнер (1884—1962) — видный конструктивист (в юности жил в России, а после 1921 г. во Франции). Его сквозные, воздушные (из металлических стержней), контррельфные абстрактные композиции состоят из открытых зрителю плоскостей и пустот.

Страница 172

... его мышка-норушка... — У бога Ганеши «средство передвижения» — мышь (или крыса).

Дамбо-Глупыш — Персонаж диснеевского мультфильма (1941 г.) про слоненка Дамбо (Глупыша): у него от рождения были такие большие уши, что все над ним потешались. Однажды он потерялся и не смог найти ни маму, ни родной цирк. Правда, обрел друга — мышонка Тимоти. И еще оказалось, что благодаря таким ушам он может летать! **Порпи** — ручной дельфин из другого диснеевского фильма, «Утенок Моби»: там утенок заделался китобоем.

Страница 173

Батия Дхарамсала. — Так у Гинсберга. Не исключено, что он ходил поклониться еще одной достопримечатель-

ности: дому на берегу океана около Пури, где окончил свои дни Бхактивинода Тхакур (1838—1914), крупный представитель вайшнавизма, один из основателей современного Индия-вайшнавизма (бенгальской школы Бхакти). Это движение основал в XVI в. Чайтанья (1486—1534), но к середине XIX в. оно распалось на различные течения, и новую жизнь в него вдохнули труды Бхактивиноды Тхакура. Гинсберг мог назвать его дом «Дхарамсалою» в шутку, по аналогии с резиденцией Далай-ламы. Дхармасалой называют приют для странствующих.

Страница 174

Луис? — Знак вопроса поставлен автором — видимо, к моменту расшифровки и перепечатки дневников он уже не помнил, кого имел в виду. Луисом звали его отца, он был умеренным социалистом, преподавал английский, писал стихи, но, в отличие от Аллена, куда более «понятные», традиционные (они пользовались известностью, в 1937 г. вышел его поэтический сборник под названием «Вечная минута»). Отношения между отцом и сыном были сложными, особенно после исполненных откровений, на шумевших поэм Аллена «Вопль» и «Кадиш». В последней сын не только поведал об отцовских внебрачных связях, но и (помимо откровенной картины своей гомосексуальности) описал, как «его безумная мать появлялась голой в его комнате. Отца покоробили, например, слова «рваные длинные губы между ног». Но сын наотрез отказался изменить хотя бы слово в своем плаче по матери.

... прямо саттвическая диета... — В индийской диете три категории пищи: тамасическая, раджасическая и сат-

твическая. Из трех сил вселенной тамас подобен инерции, покою, раджас подобен огню, направлен на действие, движение, а саттва направлена на сознание. Соответственно, саттвическая пища нужна, когда происходит работа над сознанием: это, в основном, мед, орехи, фрукты, молочные продукты.

«... третья мысль — все о могиле». — Заключительные слова Просперо из пятого акта «Бури» Шекспира. Гинсберг цитирует оригинал: «And thence retire me to my Milan, where / every third thought shall be my grave», то есть, буквально: «Оттуда удалюсь к себе, в Милан, и там / что ни подумаю, а третья мысль — все о могиле.» («Оттуда» — из Неаполя, после «бракосочетания детей».)

• Страница 175

Черная Пагода — Одно из названий храма Сурьи в Ко-нарке, штат Орисса.

Вишвамित्रа — ведийский мудрец-риши, кшатрий по рождению, он добился статуса брахмана своим подвижничеством и стал одним из семи великих риши. Наставник-гуру Рамы в «Рамаяне», он был врагом другого риши — Вашишты, но потерпел поражение. Тогда Вишвамित्रа создал новые созвездия (индийские риши могущественнее богов) и даже стал угрожать, что создаст нового верховного бога Индру. Боги затрепетали при одном известии об этом. Он же обучил Раму обращению с волшебными стрелами. Он устроил женитьбу Рамы на Сите. Индуисты высоко ценят в его образе сочетание трех качеств: храбрости, знаний и сострадания.

Страница 176

Витале. — На самом деле имеется в виду храм Вайтал Мандир, посвященный Чамунде (одно из имен Кали), в котором совершается тантрическое поклонение. Он расположен около священного водоема Бинду Сагар (Виндусагар), неподалеку от храма Лингараджа.

Раванна — «Ревущий», царь демонов-ракшасов, жил среди вод океана у острова Ланка. Прозван так потому, что однажды попытался сокрушить гору Кайлаш, на которой покоились Шива и Парвати, но Шива так прижал гору к земле, что от боли Раванна издал рев, сотрясший миры. Когда он похитил жену Рамы, тот смог поразить его только стрелой бога Брахмы. (До этого Раванна сотворил немало зла, но был неуязвимым: Брахма наделил его этим качеством за десять тысяч лет подвижничества!)

Чайтья — любое священное место (например, дерево, родники и проч.) В буддизме это строение, внутри которого находится ступа, предназначенная для хранения священных реликвий, мощей. Гинсберг называет «чайтьей» подковообразные арки, украшающие индийские храмы и алтари, где стоят статуи (в данном случае, храмовых танцовщиц).

Страница 177

... **молящаяся мышь**... — Каноническое ездовое животное Ганеши — крыса (rat), но Гинсберг называет ее мышью (mouse). По легенде это великан Гаджамукха. Ганеша победил его, превратив в крысу своим волшебным бивнем, правда, утратил его в битве, оттого на изображениях у Ганеши всегда один бивень.

... силки и обломанный топорик... — Ганешу чаще изображают с четырьмя руками, в них он держит атрибуты, символы его сущности — бога мудрости и устранителя препятствий, покровителя торговли и путешественников. В его руках топорик (обрубать иллюзии и ложные учения), стрекало, или палка погонщика слона (не только управлять слоном с помощью ее уколов, но и «пронзать» заблуждения), петля (для обуздания дикого слона: это символ победы над страстями и желаниями) и чаша со сладостями (знак помощи тем, кто чист сердцем и помыслом). Эти символы варьируются от района к району Индии и даже от храма к храму: индийская мифология и иконография очень вариативны.

... ну прямо мисс Ганипати, формами в свою маму, Парвати. — Ганеша, сын Шивы и Парвати, очень полный, и фигура у него не то девочки, не то мальчика.

Матх (место уединения, храм) — индуистский монастырь, возглавляемый авторитетным духовным лидером. Здесь речь о матхе Ордена Рамакришны в Бхубанешваре. Сам Орден был создан еще в 1886 г. в Калькутте учеником Рамакришны, Свами Вивеканандой (1863 — 1902), который одним из первых стал распространять на Западе идеи ранней идеологии индуизма — Веданты. Сейчас в мире около двух тысяч матхов. При них можно изучать и «светские» дисциплины, поскольку Орден поставил перед собой задачу вообще помогать духовному развитию личности.

Страница 178

Биндусавар. — Правильнее Бинду Саробар (или Виндуса-гар, «Капля океана») — это священный резервуар храма

Лингаграджа. Согласно преданию, в нем находится вода всех святых источников Индии. Сейчас здесь около пятисот храмов VIII-XIII в. н. э. (прежде было более семи тысяч). На острове павильон в честь вероучителя Шанкара (788–812 гг.), и там один раз в году его статуя погружается в священную воду. Здесь проходит древний фестиваль колесниц Ашокаштами.

Бак Роджерс — Герой популярной серии научно-фантастических комиксов «Бак Роджерс в 25-м веке» (издавалась с 1929 по 1967 год!). Купола индуистских храмов Гинсберг сравнивает с изображением Земли в комиксе: после череды ядерных войн она превратилась в единый куполообразный город Нью-Чикаго, где в основном жили мутанты.

В горах **Удаягири** неподалеку от Бхубанешвара находятся пещерные храмы джайнов, индуистов и буддистов, украшенные резьбой, барельефами не только религиозного, но и светского характера.

Страница 179

В джайнизме титул **«тиртханкар»** получал достигший просветления, ставший джиной («завоевателем»), тот, чье учение вошло в канон джайнизма. Статую такого человека и устанавливают в джайнистских храмах для поклонения, хотя это — не божество, а основатель общины джайнистов, которая должна помочь найти путь (брод) через реки человеческих страданий («тиртха» — букв. «брод»). Джайны почитают 24 тиртханкара, однако ученые считают, что только двое из них реально существовали.

... подсолнух... выглядел вот так... — Как уже говорилось, видение, связанное с Блейком, случилось в 1948 г., при чтении стихотворения Блейка «Подсолнух». Как описал Гинсберг в «Псалме четвертом» из сборника «Кадиш» (1960), «[я] повернул страницу, и стал разглядывать живой подсолнух, и слышал голос, голос Блейка, он читал с земною мерностью: голос восставал из страницы прямо ко мне в тайное ухо, о каком прежде я и не догадывался...» В 1955 г. Гинсберг написал «Сутру подсолнуха».

Кабир (1440—1518) — широко известный в Индии поэт, имя которого окружено легендами. В ту пору происходил синтез индо-мусульманской культуры, который ярко проявился в поэзии Кабира. Он был из индуистской семьи, но воспитывался в мусульманской. Кабир не принимал формальные обряды обеих религий, повторяя: «Бог не в храме, а в сердце человека».

Страница 180

... в зону боевых действий в горах... — В 1962 г. начались боевые действия в Северо-восточной пограничной полосе, на территории между Бутаном, Китаем, Бирмой и Бангладеш. В августе 1962 г. туда вошли китайские войска, индийская армия не смогла дать им отпор, и лишь впоследствии, под сильным давлением со стороны ООН и великих держав, Китай отвел их на прежние позиции.

Куттак — один из самых древних городов штата Орисса, находится на пересечении транспортных магистралей. Был административным центром штата до возвра-

щения столицы в Бхубанешвар, древнюю столицу Ориссы.

Страница 182

Орсон Уэллс (1915—1985) — известный американский кинорежиссер, сценарист, актер, продюсер. Его фильм «Гражданин Кейн» (1941) признан одной из вершин кинематографа XX в.

Факиры — посвященные члены суфийского нищенствующего ордена. Гинсберг иногда употребляет это слово, говоря о садху. Однако в этом месте речь, видимо, в самом деле о странствующих фокусниках, которые способны совершать разные «чудеса» — например, материализовать священный пепел или драгоценности. Они же нередко прекрасные гипнотизеры.

Боб Донлон — знакомый Гинсберга в 50-е годы, из Сан-Франциско.

Страница 184

Кедернат, Бадхринат — Два места важного паломничества верующих индуистов в верховьях Ганга в Гималаях.

УТКАЛ — Университет штата Орисса, созданный в 1936 г., расположен примерно в пяти километрах от железнодорожного вокзала Бхубанешвар.

Страница 185

Бартлби — герой новеллы американского писателя Германа Мелвилла (1819—1891) «Писец Бартлби» (1853), который на все поручения босса: («Бартлби, проверьте, пожалуйста документ, Бартлби, отнесите письмо на почту») тихо и вежливо отвечал: «Не хотелось бы».

Страница 187

Фильм «**На юге Тихого океана**» (1958) был популярен, но не имел того огромного успеха, как одноименный бродвейский мюзикл Роджерса и Хэммерстайна (оба сделаны по книге Джеймса Мичинера об истории любви в годы второй мировой войны на островах Тихого океана).

Страница 189

Сарод — струнно-щипковый музыкальный инструмент, его считают самым громким из них. У него четыре основных струны и четыре резонирующих, а на грифе металлическая пластина, из-за чего звук «плывет» (почти как у гавайской гитары).

Страница 190

Расгулас — восточная сладость вроде пончиков, в виде небольших шариков размером с тефтельку, готовится из смеси сухого молока, муки, сахара, масла, пряностей и обжаривается на масле.

Страница 198

... службу информации... — Речь об USIS, Информационной службе США, предшественнице нынешней правительственной информационной службы USIA. Тогда она имела 89 отделений по всему миру.

Капи — «город света» (другие переводы: «город-свегоч», «излучающий божественный свет») — одно из названий Варанаси (Бенареса), едва ли не главного из семи священных городов индуизма (индуисты верят, что именно на этом месте Шива создал Вселенную). После смерти быть сожженным на берегу Ганга в Варанаси — мечта любого индуиста: это позволяет достичь мокши, то есть освободиться от извечного круга смерти-рождения, от перехода в новую инкарнацию. Поэтому немало индийцев в глубокой старости, на пороге смерти приезжают в Варанаси умирать.

Дороти Норман — Американская журналистка и фотограф, была известна своими либеральными позициями, которые выражала в издаваемом ею журнале «Два раза в год» (1938—1948). В нем осуждались расовая дискриминация, решения Верховного суда США, преступления нацистов в Европе и проч. После войны она стала изучать религии, философию и пыталась способствовать улучшению социальных условий в Индии.

Страница 199

Телестар. — На самом деле «Телстар». В 1962 г. впервые в мире телепрограмма была передана через Атлантический океан с помощью американского спутника «Телстар», а 9

января 1963 г. в странах Запада начались регулярные международные телетрансляции (в СССР в 1965 г.).

Джибананда Дас — бенгальский поэт (1899 — 1954), известен наравне с Тагором. Был первым сюрреалистом в бенгальской поэзии, его поздние стихи перенасыщены мотивами смерти (словно предчувствием его собственной преждевременной кончины: он погиб, попав под трамвай).

Страница 201

Капитан Клэггерт, Билли Бадд — герои новеллы Германа Мелвилла «Билли Бадд, формарсовый матрос» (1924). Капитанармус Клэггерт, невзлюбив Билли, обвинил его в том, чего тот не совершал. Билли, страдавший заиканием, от волнения никак не мог выговорить ни слова, а Клэггерт не желал его выслушать. Билли, придя в бешенство, ударил его и случайно убил мучителя. Свидетелей не было, и капитан судна, хотя и благоволил к Билли, по закону был обязан повесить его на рее.

... про извержение, случившееся у Керуака. — После успеха романа «На дороге» (1957), который Гинсберг помог «пробить» в печать, за пять лет у Керуака вышло многое из написанного им прежде и лежавшего «в столе».

... представители Красного Китая ... должны занять место в ООН. — КНР лишь в 1971 г. стала полноправным членом ООН, вместо Тайваня.

Страница 203

Бурдван (ныне Бардхаман) — небольшой город в Западной Бенгалии, место паломничества шиваитов: здесь издав-

на стоит комплекс из ста восьми «лингамных» храмов, посвященных Шиве. Кроме того, это крупный транспортный узел, промышленный и университетский центр.

Селин — Луи-Фердинан Детуш (1894 — 1961), врач, герой первой мировой войны, имевший тяжелое ранение, как писатель стал известен под псевдонимом Селин. В первом своем романе «Путешествие на край ночи» (1932) не позволил издателю изменить ни единого слова, и первое издание романа вышло с цензурными купюрами... Мировоззрение Селина принимали социалисты, фашисты, коллаборационисты — все считали его «своим», хотя он сам не принадлежал ни к одной партии. Троцкий называл его «моралистом», отрицавшим прогресс, революцию, социальные реформы вообще... Однако Селин не верил и в человечество. И даже в человека. Он был поглощен смертью, она поработила его: «Литература принадлежит смерти», — повторял писатель.

Страница 204

Гхат Маникарника считается индуистами наиболее священным из более чем ста гхатов Варанаси (Бенареса), предназначенных для омовения в Ганге и для кремации. По легенде, пруд на гхате вырыл сам бог Вишну, а вода в нем — его пот, скопившийся от его усилий при создании мира. «Маникарника» переводится как «серьга с драгоценными камнями», потому что Шива якобы обронил здесь серьгу: ему так понравился этот мир, что он содрогнулся от удовольствия. Между прудом и гхатом есть отпечаток ноги на камне, оставленный, согласно легенде, богом Вишну.

Страница 205

... отбросил в сторону плошку из-под выпитого молока. — В Индии молоко и молочные изделия традиционно продают в небольших глиняных горшочках размером с кулак.

Страница 206

Канченджанга — Вершина-восемьмитысячник, третья в мире по высоте, находится в Сиккиме (Восточные Гималаи), резко возвышаясь над окружающими горами. Со всех сторон окружена крупными ледниками. Местные племена считают, что Канченджанга находится не на земле, а на небе, поэтому именно туда уходят души умерших. Местные мифы говорят: первых мужчину и женщину бог создал из льда Канченджанги. У них были дети, но однажды старшие, позавидовав красоте младшего сына, убили его. За это отец с матерью изгнали их с горы — и так произошло человечество...

... совсем как в Венеции... — Гинсберг был в Венеции в июле 1957 г., когда впервые поехал в Европу.

Джорджо де Кирико (1888–1978) — крупный итальянский художник, основатель метафизической школы в живописи. Оказал большое влияние на таких сюрреалистов, как Ив Танги и Сальвадор Дали, которые восприняли и развили его резкую контрастность цвета, искажение перспективы, сочетание несочетаемых или случайных предметов на фоне призрачных, зловещих ландшафтов или городских видов и проч. Интересно, что с середины 1930-х годов он обратился к академической манере живописи и стал модным портретистом.

Страница 207

... это было в Момбасе... — Гинсберг побывал в Восточной Африке по пути из Израиля в Индию в начале 1962 г.

Дау — быстроходные торговые парусные суда водоизмещением до трехсот тонн, известные в Индийском океане с глубочайшей древности. Их часто неправильно называют дхау или доу.

Качх — полуостров у берегов Аравийского моря, в западном штате Гуджарат. Отсюда еще с Древним Египтом и Месопотамией велась бойкая морская торговля, благодаря сезонному постоянству направления муссонных ветров в приэкваториальных районах Земли.

Пандит («ученый муж») — почтительное обращение к уважаемому человеку. В Индии можно видеть памятники (как древние, так и современные) в виде бюста знаменитого человека (например, Ганди), над головой которого раскрытый зонт, тоже из камня (или цемента). Объяснение простое: при жизни ученики или почитатели всегда носят над учителем зонт, чтобы защитить его от солнца или от дождя, поэтому зонт — это атрибут почтения; вот он и защищает статую от того же, но больше — от посягательства пилы.

Страница 211

... как вид на Джудекку... — Пролив в Венеции, между двумя ее главными частями — островом Сан-Джорджо Маджоре и Джудеккой, называется Канале делла Джудекка. (Джудеккой в средневековых итальянских городах на-

зывали либо еврейское гетто, либо просто улицу около синагоги.)

Храм Вишванатх («Золотой храм Шивы») знаменит тем, что в нем находится один из двенадцати джьотир-лингамов, «светоносных» лингамов Шивы, особых, самых священных из существующих в Индии. Древний храм разрушил еще в XVII в. Аурангзеб, мусульманский правитель Могольской империи, но в XVIII в. индийский купец дал средства на восстановление храма, только поставили его не на исконном месте, а по соседству, напротив мечети, выстроенной на его древнем основании.

Страница 212

Т. Лири — профессор из Гарварда, один из тех, кто фактически создал моду на ЛСД.

Страница 213

... как кино Л... — Здесь, как и в других случаях, сокращением «Л...» Аллен трепетно обозначает имя Люсьена Карра, в которого он был в студенческие годы безнадежно влюблен.

Страница 214

Саньясини — женщина-аскет, странствующая в одиночку. Саньяса — последняя стадия жизни индуиста, когда, покинув лесную обитель, он (саньясин) должен стать бездомным странником, при полном молчании и в небрежении к

своей плоти, оставаясь равнодушным и бесстрастным ко всему окружающему. Это позволит прийти к конечной цели жизни, к освобождению из круговорота рождений и смертей (мокше). Переход в саньяси — серьезное событие в жизни последователя индуизма. При обряде посвящения вступающий на этот путь совершает девять специальных жертвоприношений, десятое — за самого себя; он в последний раз возжигает огонь (потом ему это будет запрещено), вдыхает священный дым, отбрасывает священный шнур дважды рожденного (у него уже не будет права на его ношение — он выходит из этого мира, где существуют кастовые предписания), выбрасывает те вещи, что у него есть, выбривает голову, оставив на ней только одну прядь, окунается в воду, делает несколько шагов по земле и произносит священную формулу «Ом бхух саньястам майя...» («Мною сотворено саньясинство»). Посвящение в саньяси — предпоследний ритуал последователя индуизма (после посвящения в ученики, свадебного обряда, обряда при зачатии ребенка, при первом кормлении его твердой пищей и др.). Последний ритуал совершается после смерти, у погребального костра (см. также коммент. к с. 147).

Кларк Гейбл (1901 — 1960) — знаменитый голливудский киноактер, игравший во многих довоенных киношедеврах, однако кульминацией его карьеры была роль Ретта Батлера в фильме «Унесенные ветром» (1939).

... садху из клана нага... — Помимо аскетов садху, бывают нага-садху. Последние практически всегда полностью обнажены. (У садху, кстати, существуют разнообразные объединения, кланы, вожди, столкновения, собрания. Все как у всех: человек — общественное животное.)

Страница 218

... зеленых пуырчатых кремовых яблок... — Эти плоды семейства анноновых (*Annona reticulata*) еще называют «бычье сердце». Про них у И.А. Гончарова (1812 — 1891) во «Фрегате Паллада» читаем: «...еще были тут называемые по-английски кастард-эпплз (custard apples) плоды, похожие видом и на грушу, и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами. ... нет лучше плода: мягкий, нежный вкус, напоминающий сливочное мороженое и всю свежесть фрукта тонким ароматом».

Страница 219

В обсерватории **Джодрелл-Бэнк** Манчестерского университета (Англия) в 1957 г. был установлен самый крупный на то время радиотелескоп для изучения радиоизлучения из космического пространства.

Десасумед-гхат — точнее, гхат Дасасвамедх, рядом с ним снимали жилье Аллен с Питером. «Дасасвамедх» (в переводе «жертва десяти коней») — десять жертв, которые совершил Брахма, чтобы испытать царя Девдаса. Этот гхат — одно из самых желанных мест на Земле для совершения индуистом тиртхи, перехода из этого мира в мир духов (тиртха — брод, переправа).

Бири, или биди, — дешевые индийские сигареты, на вкус практически самосад.

Страница 220

... пакетов, склеенных из канцелярских листов... — В те годы в Индии в магазинах в качестве оберточной бумаги обычно еще использовали страницы из конторских книг, бухгалтерских отчетов и проч. Соответственно, была целая «индустрия» сбора и распределения такой бумаги — все немущие могли что-то заработать, продавая найденную бумагу, выброшенную за ненадобностью.

Страница 221

Октавио Пас (1914—1998) — мексиканский поэт, писатель (лауреат Нобелевской премии 1990 г.), дипломат. Использовал в своем творчестве символы древних мифов Мексики и Индии. Об Индии однажды сказал: «[Это] гигантский котел, тот тигель, в котором первоначально сплавилось все и который более эффективен и горяч, чем его американский эквивалент».

Гаролия (или Гадолия) — торговый центр в самом центре Бенареса, прямо над главным гхатом Дасасвамедх, а **Чоук** (перекресток) — большая площадь с базаром неподалеку.

Страница 222

... траурный марш Шостаковича... — Возможно, марш из 4-й симфонии, написанной в 1930-е годы.

... запах... мясных пирожков... — Хотя Гинсберг в святом городе индуистов, тут нет противоречия. Полное ве-

гетарианство обязаны соблюдать лишь брахманы-индусты и джайны. В диете простолюдинов, членов низших каст, людей, выполняющих физическую работу, мясо обязательно присутствует (иногда даже говядина). В ряде районов Индии, впрочем, в основном на периферии страны, говядину употребляют в пищу (например, в Ориссе, в Кашмире, в горных районах Гималаев). Правда, если мясо едят, то реже, чем на Западе — примерно один раз в неделю.

Страница 225

Тандур — то же, что среднеазиатский тандыр: глиняная печь, в которой готовят блюда на раскаленных углях и пекут на поду лепешки.

Страница 228

... остатки листьев-тарелок... — Тарелки нередко изготавливают из широких, прочных листьев, прошивая их нитками — особенно часто этим пользуются торговцы, продающие пищу с лотков на улице.

... ни дать ни взять помесь пупсика Кьюпи с Хью Хербертом... — Куколка-«гольшок» Кьюпи встречается и в России, только у нее нет имени: большеглазая, белокурая, с хохлом на большой, как у младенца, голове и с толстеньким, как у Будды, тельцем почти того же размера, она была создана в двадцатые годы на основе рисунка Купидончика в женском журнале «Лейдис хоум джорнэл». Его уменьшительное имя, Кьюпи (от Cupid), стало названием игрушки.

Хью Херберт (1887—1952) — голливудский актер-комик, его в СССР знали, потому что все видели после войны «трофейный» фильм о Штраусе «Большой вальс» (1939). Он снялся в 109 кинофильмах, но в основном играл эксцентричных миллионеров, и все американские мальчишки в былые времена копировали его характерную походку, жестикуляцию и «фирменное» восклицание «Y-y!».

Страница 229

Кумкум — индийская киноактриса, снималась с 1936 по 1979 г., иногда одновременно в нескольких кинофильмах (так, в 1955-м — сразу в девяти). В СССР ее видели в известной кинокартине «Мать Индия» (1957), режиссер Мехбуб Хан, где она, правда, была на втором плане, после звезд первой величины, таких, как Наргис и Сунил Датт.

Страница 230

... местные собаки цвета «обжаренного на гхи»... — То есть палевые, или светло-рыжеватые, обычно гладкошерстные, некрупные.

Страница 232

Нет, правой... — Левая рука в Индии считается «нехорошей», «нечистой». Для этого есть все основания: после естественных отпавлений индийцы подмываются, используя левую руку. Поэтому едят они всегда только правой, пе-

редают что-то или берут у других тоже только правой рукой. Есть левой неприлично, и прикасаться ею к другому человеку не принято, особенно если это лицо другого пола.

Страница 233

... несчастный случай с «мотором». — То есть моторикшей. Эта очень типичная для Индии открытая по бокам трехколесная повозка с мотоциклетным двигателем (сейчас все чаще на сжиженном газе) может развивать скорость до 40 км/час.

Страница 237

Отзванивая вибро-эхом первозвука «ОМ!»... — Гинсберг, по-видимому, сознательно допускает здесь поэтическую «контаминацию». Ведь Тадж-Махал — строение не индуистское, а мусульманское: это усыпальница любимой жены Великого Могола Шах-Джахан (правил между 1627 и 1658 гг.), которая умерла, рожая ему четырнадцатого ребенка. Но поэт, видимо, помнил и то, что, вслед за своим дедом, Акбаром, Шах-Джахан еще был толерантным правителем (в отличие от Аурангзеба, своего сына, который за полвека правления уничтожил немало и индуистов, и их храмов). Акбар, Джахангир и Шах-Джахан способствовали созданию в Индии, особенно на севере, единственного в своем роде сплава мусульманско-индуистской культуры, существующего, несмотря ни на что, и поныне.

Страница 238

... с башни Красного форта, в двух милях отсюда. — Предание гласит, что по другую сторону реки Шах-Джахан мечтал возвести свою усыпальницу, двойник Тадж-Махала — мавзолей Мумтаз-Махал, но из черного мрамора. Однако строительство Тадж-Махала, длившееся 17 лет, и без того поглотило почти половину казны, и его сын Аурангзеб, сославшись на недовольство налогоплательщиков, совершил успешный переворот: свергнув отца, заодно перебил собственных братьев (что не редкость в истории), дабы устранить других претендентов на престол. Шах-Джахан он заключил в крепость Красный форт, построенную, как и Фатехпур-Сикри, его дедом Акбаром Великим, и целых девять лет, до самой смерти, бывший правитель видел из тюремных покоев лишь Ямуну да Тадж-Махал. Сын, правда, исполнил последнюю волю отца: похоронил его вместе с любимой женой.

Матхура. — Согласно преданию, бог Кришна был рожден в Матхуре в царской семье.

Страница 239

Массауа — морской порт в Эритрее, на берегу Красного моря.

Фатехпур-Сикри («Город победы»). — Эту новую столицу повелел заложить в 1569 г. могольский правитель Индии Акбар. Он желал объединить страну, утвердить в ней мир. Для этого он приказал выстроить там «Молитвенный дом» для жрецов разных религий, чтоб в нем рождалась новая вера, объединяя мусульман и индуистов под властью Акбара:

для одних он был бы новым пророком, для других — воплощением Будды. Но по каким-то причинам лет через 15 столицу пришлось оставить (говорят, ушла вода), и она дожидлась до наших дней величественной, несколько похожей на оперную декорацию, с грандиозным по размаху дворцовым комплексом, продуманным во всех деталях, но на всем — печать векового запустения, необжитости. От Агры до Фатехпур-Сикри 30 км, туда часто возят туристов после посещения Тадж-Махала.

Страница 241

Плас Рембо — площадь, названная в честь известного французского поэта-декадента Артюра Рембо (1854—1891), центральная площадь в городе-порте Джибути на Африканском Роге, где Гинсберг останавливался на пути в Восточную Африку (тогда это маленькое государство называлось Французский берег Сомали). Артюра Рембо, уйдя от поэзии к коммерции, после 1880 г. долго жил неподалеку, в абиссинском городе Харэре, и через Джибути торговал кожей и кофе, а в 1886 г. поставлял оружие Менелику, правителю области Шоа, который благодаря военным победам над соперниками впоследствии стал правителем Эфиопии. Так или иначе, сейчас площадь переименована в честь местного политика Махмуда Харби Фараха.

Томас Мбойя (1930—1969) — видный политический и профсоюзный деятель Кении, популист, в 1964 г. вошел в правительство, возглавляемое Джоомо Кениатой.

Элиз Коуэн (1933—1962) — знакомая Гинсберга с 1953 г., по-видимому была влюблена в него. Писала стихи, водила компанию с некоторыми битниками. Гинсберг уважитель-

но называл ее «сумасшедшая интеллектуалка», порой проводил с ней какое-то время — но и только. Лишь однажды он долго прожил у нее, однако со своим любовником. Джойс Джонсон, мемуаристка битников, знавшая обоих, писала: «Элиз появилась в жизни Аллена лишь на миг. Аллен же стал вечностью в жизни Элиз». Так или иначе, после очередного приступа депрессии Элиз, прыгнув с седьмого этажа, разбилась насмерть.

Ли Крэбтри — блистательный клавишник, приятель поэта, он, с подачи Гинсберга и не без его «раскрутки», в 1965 г. создал фолк-роковую группу «The Fugs», известную антивоенной направленностью. Гинсберг иногда исполнял свои стихи под аккомпанемент Крэбтри.

Страница 242

Беда Достопочтенный (ок. 672—735) — англосаксонский летописец, монах. Написал на латинском языке «Церковную историю народа англов». Причислен к лику святых.

Рэй Бремзер (1934—1998) — один из поэтов-битников. Максимально отработал заявленный битничеством эстетический идеал «отвязного» художника: отказ от буржуазного существования и принятие морали преступного мира. В реальности было вот что: в начале 1960-х годов он попал в тюрьму за торговлю наркотиками, а когда получил условное освобождение, бежал в Мексику вместе с женой и младенцем. Там не хватало денег на еду и наркотики, и он был сутенером собственной жены, которая в результате бросила его, а ребенка сдала в приют.

Лерой Джонс (род. 1934, с 1967 года, после принятия ислама — Имам Амири Барака) немало сделал для изда-

ния битников: он с первой женой издавал журнал «Юген», где увидели свет многие их тексты. Гинсберги и другие битники регулярно встречались в их доме. Следом за Малколмом Иксом он, тоже афроамериканец, начал исповедовать воинствующий сепаратизм, клеймя белых вообще как «дьяволов». Стремился изобрести такой стиль и язык, который был бы понятен только чернокожим. Его литературные эксперименты 1960-х годов критики называли «зачастую маловразумительной, но местами великолепной» прозой.

Крора — индийско-пакистанская единица денежного счета, равна 10 миллионам рупий.

Страница 243

Санто-Доминго — столица Доминиканской Республики, в Карибском море.

Мавзолей Радхасвами. — В Агре находится самадхи (мавзолей) Шивадаяла (1818–1878), который в 1861 г. основал эзотерическую реформистскую вишнуитскую секту Радхасвами. Его сторонники считают, что освобождение от сансары (перехода в еще одну инкарнацию) придет, если в своих ритуалах они будут воспроизводить предания о Радхе, пастушке, ставшей женой бога Кришны. Соответственно, церемонии секты предписывают ее членам переодеваться в женские одежды, изображая гопи, подружек Радхи, которых также ублажал любвеобильный бог: ведь одно из совершенных им чудес — во Вриндаване он, по преданию, одновременно удовлетворил тысячу пастушек.

Джаганнатха («владыка мира») — в индуистской мифологии поздняя аватара Вишну-Кришны, наиболее чтимая в Бенгалии и Ориссе.

Махакала («великий черный») — в буддийской мифологии ваджраяны это идам (божество-охранитель) и дхармапала («защитник дхармы»), он темно-синего цвета и имеет грозный вид. Согласно одной из легенд, в глубокой древности он был в Индии махасиддхой («великим достигшим», то есть достиг совершенства путем йогической практики) и принял обет защищать дхарму (основы, «то, на чем держится») при помощи устрашения в случаях, когда сострадание окажется бессильным.

Страница 244

... ради исхода сезонных рабочих на фермах... — Отклик на события конца 1962 г. в Южной Родезии (ныне Зимбабве): там в 1961 г. была принята конституция, закрепляющая власть белого меньшинства. Великобритания еще с 1923 г. не имела там полной власти, но ООН потребовала от Великобритании сделать все возможное, чтобы добиться отмены конституции и признания права негритянского большинства на равное голосование с белыми.

... как дряхлый нос у Джанки. — Тут Аллен посмеивается над Берроузом. «Джанки» («дурь», дрянь — *англ.*) — так называют заправских героинщиков. Роман «Джанки, или Исповедь неисправимого наркомана», написанный на личном опыте Берроуза, вышел в 1953 г. при участии Гинсберга, который был «тайным литагентом» автора, уехавшего тогда в Мехико (после убийства жены, которое не сочли умышленным). Несмотря на многолетние излишества по части наркотиков, в том числе и героина, у Берроуза было на удивление хорошее здоровье, и дожил он до преклонных лет (умер в 83 года). В 1962 г. Берроузу было

48, Гинсбергу «всего» 35, вот Аллен и пошучивает над «стариком».

... все эти экономические дела... — В правительстве Республики Конго, едва она получила независимость в 1960 г., сразу же возникли острые разногласия, в основе которых были экономические интересы бывшей метрополии — Бельгии. Моиз Чомбе, глава богатой полезными ископаемыми и относительно развитой провинции Катанга, был (при поддержке Бельгии) за федеральное устройство страны, а первый премьер-министр страны Патрис Лумумба — за централизованное правление. Лумумба настаивал на развитии госсектора. Это было чревато «социализмом», поэтому его решили отстранить от власти (Бельгия координировала военную помощь и выступала арбитром в конфликтах между органами власти в столице Конго и на местах). «Умеренными» были признаны Чомбе и полковник Мобуту, последний и пришел к власти, став потом на 30 лет жестоким диктатором. «Социалиста» же Лумумбу расстреляли в январе 1961 г.

Жюль Файфер (род. 1929) — известный американский карикатурист, славившийся остроумием.

Нил Кэссиди (1926 — 1968) при жизни почти не печатался, хотя, как сказал один критик, «без него Поколение Битников не состоялось бы»: его бурная жизнь и неуемный сексуальный аппетит описаны многими, от Керуака до Кизи. Гинсберг, возможно, шутливо поминает здесь подростковые «подвиги» Нила, который сам признал как-то, что еще подростком угнал около пятисот автомобилей — почти всякий раз, когда хотелось покатать очередную подружку.

Страница 245

... правилам шаштрической поэзии... — священный свод законов индуистов. Среди важнейших шаштр: поэтика, грамматика, наука управления, законоуложения и эротика.

Страница 246

Лео Скир — писатель, журналист, кинокритик, учился вместе с Элиз Коуэн и Джойс Джонсон, был знаком с битниками. После самоубийства Элиз Скир долго хранил 83 ее стихотворения, пока, наконец, их не напечатали.

Страница 247

Питер Лоуфорд (1928—1984) — голливудский киноактер, снялся в 88 фильмах, входил в так называемый Rat Pack, то есть первую обойму актеров (вместе с Фрэнком Синатрой, Дином Мартином, Элизабет Тейлор, Эстер Уильямс). Был женат на сестре Джона Кеннеди, и именно он, кого и так некоторые называли «президентским сутенером», познакомил президента с Мэрилин Монро во время вечеринки у себя дома.

Страница 248

Дикша — индивидуальное посвящение, процесс, посредством которого наставник передает ученику трансцендентное знание. При этом ученик избавляется от всех прежних

дурных наклонностей. Через дикшу человек освобождается и от всех прошлых обязательств.

Страница 249

Покуда Иерусалим не возведу / В зеленой, милой Англии моей. Гинсберг парафразирует завершающие строки стихотворения Блейка «Иерусалим» (1804). В русском переводе (К.С. Фарае) они звучат так: «Покуда мы не возведем / Иерусалим в отчизне милой». Стихотворение широко известно в Англии (оно опирается на сведения, что, возможно, Христос побывал в Британии вместе с Иосифом Аримафеем). В 1918 г. стихотворение положили на музыку, и оно стало популярным у британских суфражисток, боровшихся за предоставление избирательных прав женщинам. С 1922 г. оно, в оркестровке Элгара, часто исполняется: достаточно сказать, что ежегодная программа серии известных «промежных концертов» в лондонском концертном зале «Ройял Альберт Холл» по сложившейся традиции всегда заканчивается его исполнением.

Страница 251

... не следовать Лэндору, Донну... — Уолтер Лэндор (1775–1864) — английский писатель и поэт-романтик, якобинец, борец, «деклассированный аристократ», у широкой публики популярен не был, но его почитали Шелли, Соути. Браунинг, Суинберн. **Джон Донн** (1571–1631) — поэт-метафизик, лорд-хранитель печати, богослов, лучший проповедник своей эпохи. Его стихи славятся блистательной и

озорной игрой слов, удивительными контрастами, а также образами из наук и занятий, вроде бы не близких собственно поэзии (таких, как математика, физиология, юриспруденция). Донн, которого мучил страх смерти, сам отслужил по себе похоронную мессу, правда, за несколько недель до кончины.

Колумбия. — Имеется в виду Колумбийский университет, где Гинсберг учился с 1943 по 1948 г. В 1945-м его исключили на целый год. Вот как это вышло. Аллен поссорился с экономкой и, чтобы доказать, что она плохо работает, написал пальцем на слое пыли на подоконнике «Анаш Батлер без яиц». (Батлер был президентом университета.) И «для полного прикола» добавил: «Евреев на хуй». И нарисовал череп и кости. Экономка-ирландка пожаловалась декану. Аллена наказали явно несоразмерно проступку. По видимому, дело было в том, что в то утро экономка застукала в его комнате Джека Керуака (Аллен оставил его переночевать, когда тот засиделся с вечера). Декан, сам благоволивший к красавцу-футболисту Джеку, предпочел наказать Аллена за «антисемитскую выходку». Ей тогда еще были «невидимками», и «приличные люди» вслух «об этом» не говорили. Когда профессор Триллинг, из симпатии к Аллену, решил узнать, в чем дело, декан лишь написал что-то на бумаге, показал из своих рук и тут же уничтожил листок. Самое глупое, говорил позже Аллен, что у них с Джеком «тогда ничего не было».

Айахуаска («вино мертвых») — галлоциноген, употребляемый индейцами верховьев Амазонки, отвар из определенного вида лианы. Сами они говорят: «Увидишь все, что захочешь увидеть. Например, умершего родственника. Решишь для себя что-то очень важное. Только после этого месяц нельзя быть с женщиной».

... в ночь падающей звезды и Бога-пузыря. — Есть такая трактовка этого шизофренического эпизода 1948 г., сильно повлиявшего на жизнь Гинсберга: некоторые люди под действием психической болезни у близких родственников начинают вести себя предельно здраво, контролируя свое состояние. Но Гинсберг, который очень переживал долгую и тяжелую болезнь матери, стихийно выбрал иной путь: понимая про себя, что он на самом деле «практически здоров», внешне стал вести образ жизни на грани безумия. Возможно, пытался познать, где граница, за которую ушла мать, и, познав, контролировать себя, а также поддерживать состояние такого максимального психического сближения с нею.

Страница 253

... он из самых лучших саддха... — Возможно, описка автора: саддха — процесс, фактор на пути к просветлению, притом в буддизме, тогда как садху — аскет или ревностно верующий мирянин, приверженец индуизма.

Страница 256

Харт Крейн (1899 — 1932) — американский поэт, был близок футуризму. Большое влияние на него имели Т.С. Элиот и А. Рембо. В 1926 г. вышел сборник лирики «Белые здания». Главное произведение Крейна, поэма «Мост», о Бруклинском мосте, большое полотно прошлого, настоящего и будущего Америки, исполненное видений, осталось незавершенным: поэт покончил жизнь самоубийством.

Страница 257

Айвор Уинтерс (1900 — 1968) — американский поэт и критик, с 1928 по 1968 год профессор Стэнфордского университета, исследователь творчества Йейтса.

... оскорбил профессора. — Гинсберг таким поэтическим способом рассказывает здесь о неприятном происшествии, имевшем место, когда его пригласили выступить в Бенаресском индуистском университете. Под конец чтения стихов глава кафедры английского языка и литературы не выдержал и заявил: такая поэзия чудовищна, она вульгарна и непристойна. Аллен ответил: «Это ваши слова вульгарны и непристойны!» Глава кафедры, не привыкший, чтобы ему перечили, вскипел: «Почему это мы должны выслушивать всю эту гадость, а потом не можем и слова критики сказать!» На что Аллен ядовито заметил: «Что, самому выступить не терпится?» Профессор, побелев, отрезал: «Ног твоих здесь больше не будет!!» Но Аллен, любивший, чтобы последнее слово было за ним, только отмахнулся: «Да будет выпендриваться!» Разумеется, этим он восстановил против себя всех присутствующих. «Если б профессор был белым, вы бы не посмели так себя вести!» — закричали со всех сторон [правда, только оттого, что не знали Аллена: посмел бы!]. — «Мало нам вашей гнилой пшеницы и старых самолетов, вы еще этой грязью хотите растлить чистоту индийской поэзии!» После чего все они (в основном, кстати, члены Индийской компартии) послали экземпляр поэмы «Вопль» в местную уголовную полицию, подчеркнув все «неприличности». И написали заявление, чтобы полиция выставила автора из города. (По книге Бэрри Майлза «Гинсберг: биография».)

Страница 272

Александра Дэвид-Нил (1868–1969) — на самом деле эта фамилия пишется Néale, то есть Александра Давид-Неаль, французская путешественница, исследовательница буддизма. После поездки по Цейлону и Индии с 1912 г. жила в Сиккиме, изучая у отшельника искусство телепатии и согревающего дыхания (тумо). Она была первой женщиной Запада, которая побывала в Тибете и, прожив там несколько лет, изучила тибетский язык и буддизм настолько, что получила тибетский эквивалент степени «доктор философии».

Страница 273

... таская повсюду три фотокамеры и телефотоскопные объективы... — Если изложить прозой, «что было», суть такова: Аллен с Питером и так уже были на заметке у «органов», у СИД, а тут еще приехал «с телефотоскопными объективами» Питер Тэрнер, фотограф американского журнала «Эсквайр». Его вызвало Индийское бюро туризма, чтобы в спецвыпуске журнала про Индию был фотоочерк о пребывании Гинсберга и его друга в Бенаресе. После отъезда Тэрнера агент СИД стал докучать Аллену и напугал его богобоязненных хозяев, соседей и даже лавочников: якобы, эти американцы пьют виски, и вообще они «аморальные личности», и из страны их вот-вот выставят, а у кого неприятности будут?.. Аллен пошел с заявлением в бенаресский аппарат СИД, требуя разъяснить: что именно им с Питером инкриминируют, что это за типы врываются к ним в дом без спросу, и когда все это кончится? Дошел он до самого верха, но в результате уже наугро к хозяину его квартиры, перепугав его, лично явился

какой-то крупный полицейский чин и посоветовал ... ни о чем не беспокоиться, а к самому Аллену опять «забрел на огонек» все тот же «мистер Сингх», про кого полиция лишь сообщила, что у него «особые полномочия» и они, мол, не в курсе. (По книге Бэрри Майлза «Гинсберг: биография».)

Страница 274

Шастра — «система», «структура», «организация», «композиция», «компоновка» (*санскр.*). Например, «Вашту-шастра» — ведическая система возведения зданий и организации пространства, зиждящаяся на более общих законах, которые справедливы и для иных областей, за пределами архитектуры или строительства.

Страница 275

Харинама Мантра. — Сегодня эта «Великая мантра», махамантра последователей Кришны, пожалуй, всем известна. Сам Гинсберг на вопрос, что он изучал, пока был в Индии, сказал: «...главным образом, Мантра-йогу, то есть йогу, в которую входят молитвы и распевание мантр». Эту мантру рекомендовал ему Шивананда при их встрече в Рипикеше. В одном интервью он высказал такую мысль: «Это приводит в состояние экстаза. [Махамантра] многим последователям Свами полностью заменяет ЛСД и другие наркотики». «Это» — повторение мантр более 1700 раз в день. Стоит напомнить, что в 1963 г. всемирной организации кришнаитов еще не было. Ее, «Международное общество сознания Кришны», основал в июле 1966 г. в Ист-Сай-

де, «неблагополучном» районе Нью-Йорка, Бхактиведанта Свами Прабхупада (1896—1977). Осенью 1966 в парке на Томлинсон-сквер кришнаиты устроили первый санкиртан, «парад очищения», публичное прославление имени бога Кришны. Гинсберг жил неподалеку, он часто приходил в этот парк, играл на гармонiuме, распевал киртаны. Как он однажды сказал, «об этом меня просил Свами». Кто знает, может, и не только об этом: ведь уже в январе 1967 при участии Гинсберга в Сан-Франциско был организован концерт-фестиваль «Mantra Rock Dance» с участием таких звезд, как Дженис Джоплин, «Грейтфул Дед», «Джеффerson Эрплейн», и доход от него был передан только что организованному храму кришнаитов в хиппистском районе Хейт-Эшбери, где уже вовсю бушевала эпидемия ЛСД. Перед концертом Гинсберг рассказал более чем пяти тысячам зрителей, что такое махамантра и как она «полезна для тех, кто возвращается из улета: она стабилизирует сознание на входе в реальность». Вот почему ее надо распространять всюду, сказал поэт, и ему одобрительно улыбался Свами, которого он пригласил на сцену. Аллен после поездки в Индию часто публично исполнял махамантру: на демонстрациях в защиту мира, во время поэтических чтений, на празднике в Праге и даже в Союзе писателей в Москве... «Пусть это светский киртан, — сказал Аллен, — но все же это Харе Кришна!» (Приверженцы кришнаизма верят, что произнесение имени бога очищает сознание и мир вокруг.) Интересно, что Гинсберг то называл Свами своим учителем еще со времен поездки в Индию (например, на вопрос судьбы во время процесса над так называемой «Чикагской семеркой» в 1970 г.), то утверждал, что впервые они встретились в Нью-Йорке, а махамантру Аллен полюбил сам по себе, еще в Индии. Так или иначе, ли-

деры контр-культуры (а также ее «дилеры») сделали ставку на поклонение богу Кришне, который до тех пор был не слишком известен на Западе. С помощью таких тяжеловесов, как хотя бы «Битлз» (вспомним их «кришнаитские» хиты, «My Sweet Lord» Харрисона, «Give Peace A Chance» Леннона и др.), движение поклонения богу Кришне вышло далеко за рамки Индии и уже вскоре приняло характер крупного, хорошо организованного бизнеса.

Страница 276

Блейк на стене, прижизненная маска... — До изобретения фотографии в XIX в. стали делать «на память» маску — феноменально реалистические отпечатки лица, для чего голову погружали в алебастр (дышать приходилось через соломинку во рту). Маску Блейка выполнил в 1823 г. мастер по имени Девил — в ней в самом деле какая-то дьявольская мощь. Фотографию этой маски Аллен всюду возил с собой.

«Где-то в этом месте». — Блейк похоронен в безымянной могиле на лондонском кладбище Банхил-филд, куда отвозили «диссентеров», тех, кто не принадлежал к «официальной», англиканской, вере. («Банхил» — искаженное Bone Hill, «гора костей»: здесь хоронили чуть ли не с VII в., но к концу XVII в. — одних лишь «сектантов»: методистов, квакеров, баптистов и прочих. Кстати, и атеистов.) Лишь в середине XX в. там был установлен памятный могильный камень с надписью «Поблизости лежат останки поэта и художника Уильяма Блейка и его жены Кэтрин Софии».

Страница 277

Она пропала, когда я уехал в Хейлдон... — От Паттерсона, родного города Гинсберга, до Хейлдона всего три километра.

Страница 279

Хэл Чейз (род. 1921) поступил в Колумбийский университет в 1943 г. после службы в армии. Он приехал из Денвера (штат Колорадо), получив грант на образование за свои проведенные еще в школе антропологические исследования американских индейцев. Некоторое время он снимал комнату в знаменитой квартире на 115-й улице у Джоан Волмер, где встретился со всеми битниками (а с Гинсбергом они снимали комнату на двоих). Он, объективно говоря, стал катализатором битничества, хотя не принимал в нем участия как художник. Но именно он познакомил Керуака с Нилом Кэссиди, да еще подал идею написать о разных его выходах, показав Джеку письма Нила. Кстати, Чейз, пожалуй, единственный из окружения битников, кто не опубликовал воспоминаний о том времени: он вообще чужд публичности. С 1960-х жил в городке Болинас в Калифорнии, к северу от Сан-Франциско, занимался изготовлением лодок и лютней.

... на Сто шестнадцатой... — Возможно, опечатка в оригинале: все упомянутые выше друзья Гинсберга жили на Западной 115-й, в Гарлеме, у Джоан Волмер.

Страница 283

... первый шаг к подготовке для садханы... — В практику медитации йогов входят: во-первых, достижение осознания собственного физического состояния и сосредоточение внимания на происходящем, особенно внутри себя; во-вторых, произнесение мантр — звука, слова, фраз, которые повторяются для себя, а не для окружающих; в-третьих, осуществление собственно медитации. Все три составляющих выполняются при условии расслабления (релаксации) наружных и внутренних мышц тела и правильного, глубинного дыхания. А достичь этого позволяет аутогенная тренировка или, в индийской традиции, использование веками проверенных растительных релаксантов с ароматическим дымом.

Баччан, или бхаджан — в широком смысле это духовная практика: медитация, джапа (повторение имени бога), пение песен, посвященных богу или его воплощениям.

Страница 284

Тулси — индийский базилик. Связан в мифологии с именем бога Вишну и поэтому занимает важное место в религиозных обрядах. Часто в индуистских храмах (и нередко во дворе дома) куст базилика высажен в особый горшок-куб с образами богов на всех его сторонах, и в нем же есть углубление для масляной лампы. Вайшнав (поклоняющийся Вишну) носят ожерелья из стеблей базилика.

Страница 285

Нирала, «Единственный в своем роде» — прозвание Сурьяканта Трипатхи (1896—1961), одного из наиболее значительных поэтов Индии, писателя, критика, родоначальника романтического направления «чхаявад», под влиянием которого развивалась индийская литература 1920-30-х гг. Для него характерен сплав ведантизма, национализма, мистицизма, любви к природе и гуманизма. Нирала первым в индийской поэзии стал использовать белый стих. Следовал традиции Вивекананды и Рамакришны.

Свами Шивананда — адепт трансформации личности. В своей «Золотой книге йоги» он писал: «Жизненная трансформация записана во всей жизни и личности преданного. Эту стадию практики характеризует полная душевная самоотдача. Ищущий живет в своем собственном блаженном мире, исполненном всепоглощающей, всеобъемлющей любви к идеалу его сердца».

... **корова по имени Нанди**... — В честь Нанди, белого священного быка, ездового животного Шивы.

Лакшман-Джула — подвесной мост через Ганг около Рипикеша длиной 240 метров. По легенде, именно в этом месте Лакшман, брат Рамы, смог перебраться через реку с помощью джутового каната. Здесь стоит храм Лакшмана, и окружающие места порой также называют Лакшман Джула.

Страница 289

Синдия — династия правителей-маратхов из княжества Гвалиор (ныне в штате Мадхья Прадеш). Они не подчини-

лись британцам; и в 1803 г. произошла решающая битва между английской армией, использовавшей наемных солдат-сипаев, и войсками князя Синдии.

Свастика — древний знак во многих культурах мира, по сути крест с загнутыми концами. В Индии это знак благоденствия и благополучия, правильного хода событий, символ Брахмы, бога солнца Сурьи, один из знаков Будды, явленный на его стопе. (Иногда считают, что свастика с концами, загнутыми «по часовой стрелке», есть символ благополучия, а «против часовой» (саувастика) наоборот — дурное предзнаменование.) Свастику «по часовой стрелке», правда, повернутую на 45°, с 1920 г. использовали нацисты в Германии: по их теории, это был символ арийского происхождения германцев (которые, подобно древним ариям, завоевавшим север и центр Индии около 1500 г. до н.э., способны, якобы, утвердить превосходство белой расы). Сегодня в Индии считается, что фашисты пытались украсть и опорочить древний священный символ.

Страница 290

Чандал (или чандала) в Варанаси — носильщик трупов. Они из касты неприкасаемых и, согласно традиции, могут выполнять только «грязную» работу: например, быть носильщиками паланкина, собирать мусор, убирать человеческие экскременты. Им также вменялось в обязанность казнить преступников и хоронить умерших, не имеющих родственников. Любой контакт с неприкасаемым-чандалом недопустим для людей из более высоких каст. Их считали столь «нечистыми», что человек, увидевший неприкасае-

мого, должен был тут же посмотреть на солнце. Из животных им разрешалось владеть только собаками или осликами. Они имели право носить лишь одежду, снятую с мертвецов, и пользоваться лишь разбитой посудой. Чандалы не имели права быть на улице «просто так», а тем более после наступления темноты: когда они не работали, им полагалось сидеть дома. Им запрещалось читать священные тексты... Хотя сегодня в Индии по конституции записано равенство людей из разных каст и запрещается дискриминация по кастовому признаку, все-таки по-прежнему можно ощутить влияние сложившейся с древности системы отношений между кастами.

Страница 291

«Priimiiittitiii», стихотворение немецкого дадаиста Курта Швиттерса (1887–1948), Гинсберг назвал среди источников, составивших генеалогию его «Вопля». Гинсберг писал, что рассматривал его как модель структуры для передачи чистого звука: «...практическая основа поэзии — это эстетика рта и уха. [...] Как создать логическую меру и симметричные структуры из переменного дыхания длинной строки? Конкретно, именно эта маленькая пирамида звука у Швиттерса, эта анафорическая фугоподобная структура его «Priimiiittitiii» дала форму для дифференциальной литании, использованной в Части Третьей «Вопля» (а потом и в Части Четвертой «Кадиша».)» (Из комментария А. Гинсберга к факсимильному изданию рукописи поэмы «Вопись».)

Страница 292

Курт Швиттерс — художник и поэт, изобрел специфический вид коллажа («Мерц»), оказав сильное влияние на ход современного искусства. «Мерц» — коллаж из любых отходов индустриальной цивилизации, переосмысленных художником. Отсюда все «найденное искусство»: аранжировки мусора, ржавого металла, предметов с помойки, с пляжа. Отсюда же «скульптура из хлама» (джанк-скульптура), поп-арт, ассамбляж, конструкции и прочее.

Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944) — поэт и идеолог, основатель движения футуристов, еще с 1918 г. поддерживал Муссолини: в насилие Маринетти ценил эстетическое значение само по себе, независимо от контекста. «Игры в политику», о которых упоминает Гинсберг, возможно, намек на эпизод, когда в 1934 г. Швиттерс был приглашен на прием в честь Маринетти по поводу открытия в Берлине его выставки «Аэропиттура» («Воздушная живопись»). Подвыпив, Швиттерс вдруг стал держать речь, почти открыто издеваясь над присутствовавшими на приеме фашистскими лидерами (там был и Гитлер). Маринетти, хотя и сторонник Муссолини, прежде всего оставался художником, и, понимая серьезность ситуации, он перебил Швиттерса, чтобы зачитать свою поэму «Нападение на Адриано-поль», изобиловавшую футуристическими словесными и фонетическими выкрутасами (типа «приимииититтии туу таа»), но она вызвала лишь смешки у присутствовавших «руководителей культуры». Тогда вошедший в экстаз Маринетти рухнул на стол и сдернул скатерть, опрокинув еду на высоких гостей. Возможно, его эскапада спасла тогда Швиттерсу жизнь. В 1937 г. Швиттерс бежал из нацистской Германии, а его работы попали на устроенную нацистами

выставку «Дегенеративное искусство» (что было равноценно если не смертному приговору, то полному ostracismu). Маринетти же уговорил Муссолини не показывать эту выставку в Италии.

Страница 293

«Северо-Индийская Патрика» — название газеты, которая много десятилетий издавалась в Аллахабаде.

«За первой смертью нет другой». — Завершающая строка из стихотворения Дилана Томаса (1914–1953) «Право первым оплакать смерть, огнем, ребенка в Лондоне», которое он написал сразу после налета фашистской авиации, когда в городе от зажигательных бомб начались пожары. Вся строфа (в переводе С. Бойченко) звучит так:

Глубоко покоится дочь Лондона,
В длинных друзьях плащей,
Песчинках в дали века,
Темных венах матери дорогой,
Тайна беспечальной водой отдана
Темзе скачущей.
За первой смертью нет другой.

Гопал Кришна Гокхале (1866 — 1915) был умеренным политиком, сторонником достижения независимости Индии от британского правления, однако исключительно мирным путем, например с помощью переговоров. Он выступал также за общественные реформы, стремясь улучшить положение бедных, был лидером «Общества слуг Индии». Его высоко ценил Ганди, называя своим духовным и политическим гуру.

Страница 294

Праяг — древнее название Аллахабада, стоящего у слияния Ганга и Ямуны.

Бхог — приносимые в храмы яства, деликатесы, любимые блюда бога (это в Индии расписано так, как если бы боги были живыми властителями, которых надо ублажить). После освящения и после того, как божество «вкусит» эти яства, они становятся прасадом, и их раздают всем кто пожелает. Сданном случае происшествие случилось, видимо, в храме Кали, ее Гинсберг называет «мамочкой» — от Ма Кали, или Мать Кали.

Кохинор («Гора света») — название известного драгоценного камня, бриллианта из короны Великобритании, который был найден в Индии еще в 56 г. до н.э. и имел драматическую историю.

Мумтаз-Махал — «Возвышенная избранница дворца», имя, которое получила любимая жена Шах-Джахан, после смерти которой он построил усыпальницу Тадж-Махал («Венец дворца»).

Шах-Джахан окончил свои дни в уединенной башне неподалеку от выстроенного им мавзолея, глядя на него из небольшого окна. Когда его зрение ослабело, в противоположную от окна стену врезали большой изумруд, в котором отражалась белоснежная усыпальница любимой Мумтаз (см. также коммент. к с. 238).

Джай Гагадам. — Фонетическая ошибка у Гинсберга. «Джай Джагадамба!» — так обычно выкликают хвалу Дэви-Дурге. Джагадамба означает «Матерь Мира» или Мать Вселенной, самая устрашающая инкарнация изначальной Шакти.

Страница 295

... с его муу-слов... — Гинсберг, возможно, неспроста играет здесь в фонетические загадки: его Moo-Shabdh близко mulshabdh на хинди, что означает «базовые, основные слова», «основной словарь» (shabdh — слово, звук).

Лукса — улица в Варанаси.

... помешал его молитве... — Возможно, Гинсберг не знал, что Гопинатх Кавирадж незадолго до их встречи вернулся из знаменитого ракового центра Тата Институт в Бомбее, где ему сделали операцию. Только в 1964 г. пандит Кавирадж снова стал преподавать: его назначили главой новой кафедры Йоги и Тантры в Санскритском колледже Варанаси.

Страница 296

Лоларк Кунд — храмовый пруд в Варанаси, купание в котором позволяет супругам, согласно верованиям, зачать мальчика. В Индии и по сей день желанный ребенок — мальчик. Невестка, не родившая внука, плохая невестка, а родившая — хорошая. Ежегодно, согласно имеющейся официальной статистике, в Индии абортируют около 2 млн. зародышей женского пола. Правительство в связи с этим запретило медицинскую процедуру определения пола ребенка до рождения. Сегодня на 1000 мужчин в Индии приходится 926 женщин, хотя в нормальных условиях количество женских особей в популяции обязательно больше количества мужских особей (это — закон эволюции).

Трилючан Шастри — современный мэтр индийской поэзии. Один из его учеников отметил: «Он ни разу не использовал незаконченное предложение».

Страница 297

«Кленовый лист» («Maple Leaf Rag») — не первая пьеса в стиле «рэгтайм» (буквально «отрывистый, небрежный, рваный ритм»; от rags — обрывки, лохмотья, рвань), но она имела (и имеет по сей день) феноменальную популярность. Написал ее американский композитор, сын негра-раба, Скотт Джоплин (1843—1917), без имени которого сегодня невозможно представить историю музыки XX в. Гинсберг не совсем точен: пьеса была написана в 1897 г., название ее — от имени клуба «Кленовый лист» в городке Сидалия (штат Миссури), где тогда выступал Джоплин. Это был обычный бар, но с танцами. Напечатать пьесу удалось лишь в 1899 г. Она тут же разошлась по всему миру со скоростью степного пожара: только в США за первые полгода было продано 75 тысяч экземпляров нот (всего же более миллиона — только в те годы). Слова к ней написал некто Сидней Браун.

Страница 298

Веер-барабан или «утива-дайко» — «барабан-веер», (яп.). По форме такой веер напоминает ракетку для игры в настольный теннис, размер его невелик. У каждого такого барабанчика уникальный «голос». Бьют в них палочкой «бати». Буддисты японской секты Ничирен использовали их для ритмичности произнесения молитв нараспев. Сегодня они обязательно входят в состав японских ансамблей ударных инструментов — «тайко».

... шапочка-пилотка Конгресса... — Белые шапочки членов партии Индийский национальный конгресс (как у Джа-

вахарлала Неру) были призваны выражать солидарность с рабочими.

Страница 299

Несколько старых прядильщиков шерсти... — Они, по-видимому, из «старой гвардии», те, кто следовал политике сатьяграхи, гражданского неповиновения: еще в 1920-е годы Ганди объявил, что необходимо бойкотировать британские текстильные товары и производить собственные ткани на ручных станках.

Праздник Холи отмечают в марте, сразу после полнолуния. В наши дни это праздник прихода весны, праздник урожая и плодородия (в Индии первый урожай снимают в марте, ненадолго прекращаются работы в полях, вот и наступает время праздновать). В этот день полагается осыпать друг друга цветными порошками или обливаться жидкой, смываемой краской, так чтобы попало на лицо: по легенде мать Кришны посоветовала ему, подкрасив лицо Радхи, любимой пастушки, убедиться, нравится ли она ему (он было пожаловался матери, что у Радхи слишком темная кожа). А еще Холи — день, когда избавляются от старых обид. Тут даже недругу можно плеснуть краской в лицо, причем он не имеет права обижаться, а должен в ответ испачкать тебя. И старых обид за прошедший год нет как нет.

... сухими листьями раннего лета... — Лето в Индии начинается в марте. Особенно жарко в апреле-мае, а потом настанет сезон муссонных дождей и до сентября становится немного прохладнее.

Неприятности... с полицией... — Видимо, примерно в это время Гинсберга вызвали в полицию и потребовали,

чтобы они с Питером выехали из страны в трехдневный срок. Он тут же отправился в Дели, дав телеграмму премьер-министру Джавахарлалу Неру: просил пригласить на чай, чтобы объяснить ему всю ситуацию. Ответа не получил, но тем временем стал обходить кабинеты в министерстве внутренних дел и неожиданно наткнулся на чиновника, который — о чудо! — не только выслушал его, но и, уразумев суть дела, со словами «А-а, так вы у нас тут на интеллектуальном уровне!» продлил им визу еще на полгода.

Хаксли предостерегает... — В 1958 г. вышла книга Олдоса Хаксли (1894—1963) «И снова в Дивном Новом Мире», где антиутопист подводил итоги четверти века, прошедшей после его мрачных предсказаний 1932. В первой главе он подробно обсуждал разные стороны проблемы перенаселенности Земли: так, контроль за рождаемостью гораздо сложнее осуществлять, чем контроль над смертью, писал он, ведь первое требует сознательного подхода со стороны всех людей в мире, тогда как контроль за умиранием могли бы выполнять соответствующие технические службы, хотя это, конечно, неосуществимо. Например, по этическим соображениям...

Страница 300

... там, в Резерфорде? — У.К. Уильямс и родился и окончил свои дни в городке Резерфорд (штат Нью-Джерси).

... ржавую субмарину Холланда... — Первую современную субмарину (длиной почти 10 метров), построил в 1881 г. в Патерсоне простой школьный учитель Джон Холланд (1840—1914). И притом ради будущей победы Ирландии над Великобританией, по заказу ирландских эмигрантов из Общества феников. Дальше их пути разошлись, но к 1900 г. он уже получил

заказы на строительство подлюдок для военного флота не только США, но и России, Японии. А также Великобритании.

Страница 301

... оказаться среди тех шельмецов. — Это стихотворение было впоследствии напечатано под названием «Известие о смерти» в сборнике «Новости планеты» (1968). В эпиграфе сказано: «Примерно в 1957-м ходили к У.К.У., поэты Керуак, Корсо, Орловски на диване в гостиной говорили умные слова, и пораженный Уильямс, ткнув пальцем сквозь занавешенное окно на Главную улицу, сказал: «Да вас там, шельмецов, всюду полным-полно!»

Вернер Карл Гейзенберг (1901 — 1976) — немецкий физик-теоретик, сформулировал принцип неопределенности: в физических исследованиях невозможно точно указать одновременно координаты частицы и ее импульс — и чем точнее экспериментатор определит одну из этих характеристик, тем менее точным будет значение другой.

Страница 302

Иския (Искья) — остров в Неаполитанском заливе, где Оден с 1949 по 1957 г. снимал дом на все лето.

«Ангельские волосы» — одна из неразгаданных тайн природы. Эти беловато-шелковые волокна длиной до 10 сантиметров изредка находят на земле, деревьях, проводах (считается, что обычно после того, как было замечено появление НЛО). Сохранить «ангельские волосы» не удается, так как они быстро улечиваются. Состав их известен:

бор, кремний, кальций, магний, но природа происхождения их до сих пор не ясна.

Страница 303

... к Христу-Атману... — Согласно адвайта-веданте (недуалистической школе веданты), Атман — духовная сущность человека, не тождественная ни его телу, ни органам чувств, ни вниманию, ни интеллекту: все они, вместе взятые, суть ее органы. Атман — это единое сознание, до разделения на субъект познания, инструмент и объект. Это абсолютный субъект, не могущий стать объектом дуалистического опыта. Его природа — самосущее сияние и безобъектное осознание. Он всеобщ, вездесущ и вечен, полностью отличен от всякого иного и конечного, вне логики. (Буддийская философия, в отличие от индуистской, не признает реальность Атмана, утверждая, что эта категория не имеет соответствия в обыденном или духовном опыте.) Понятие Атмана неразрывно связано с понятием Брахмана. Так, суть адвайта-веданты передает изречение: «Истинен Брахман, мир же превратен, Атман и Брахман реально одно». Брахман — еще одно центральное понятие индийской философии и индуистской религии: это космическое духовное начало, безличный Абсолют, лежащий в основе всего сущего. Лишь постигая его, человек достигает джняны (метафизического знания) и мокши (избавления, предельного блаженства). В духовном опыте Брахман оказывается тождественным Атману, то есть индивидуальному духу. Брахман описывается «от противного», как нечто вне времени, пространства, слов, образа, нетленное, нестановящееся, немислимое (им самим мыслится), невидимое (им самим видится) и проч.

...вокруг зажима авторучки... Аллен предпочитала авторучки модели «Монблан» с полированным «золотым» зажимом. Именно их продавали на аукционе после его смерти.

Весь этот вздор опубликует «Пенгуин-Букс». — Издательство «Пенгуин-Букс» в самом деле опубликовало эти дневники, но только в 1990 г.

Страница 307

Норма Талмидж (1893—1957) — американская актриса немого кино. с 1909 по 1932 г. снялась в более чем 250 фильмах. С приходом звука в кино перестала сниматься.

Уильям Рэндольф Хёрст (1863—1951) — газетный магнат, создатель сенсационности как критерия продажи газет, основатель «желтой журналистики», расист. Известна его телеграмма своему корреспонденту на Кубу: «не уезжайте тчк от вас нужны фото зпт война за мной» (после чего произошел взрыв на американском корабле в Гаване, газеты Хёрста стали требовать «возмездия» — и началась американо-испанская война). История его жизни и отношений с актрисой Мэрион Дэвис стала основой для фильма «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса. Концерн Хёрста существует и сегодня, в него входит 14 ежедневных газет, 30 еженедельников, 20 журналов, 5 телестанций и 7 радиовещательных станций, несколько книжных издательств.

Хэди Ламар (1913—2000) — австрийская киноактриса, с 1938 г. снималась в классических голливудских фильмах, но после войны ее карьера пошла на убыль, и в 1957 г. она оставила работу в кино. Сегодня ее помнят в связи с двумя обстоятельствами. Она первой из профессиональных киноактрис снялась полностью обнаженной (в немецком

фильме «Экстаз» 1932 г.). А еще в 1942 г. оформила патент на особое устройство, которое позволяло на расстоянии управлять торпедами. Ценность высказанной в нем идеи «прыгающих частот» оценили не сразу, но в результате она легла в основу, например, сотовой телефонии стандарта GSM.

Луэлла Парсонс (1881—1972) — журналистка одной из газет Хёрста, вела колонку о происшествиях в Голливуде, о скандалах и слухах. Она была на яхте Хёрста в тот день в 1924 г., когда Хёрст застрелил продюсера Томаса Инса. По одной из версий, Хёрст промахнулся: он хотел застрелить Чарли Чаплина, у которого начался роман с Мэрион Дэвис. Луэлла же, по слухам, всю жизнь успешно шантажировала Хёрста, который немало платил ей за молчание. Ее колонка пользовалась бешеной популярностью, ее перепечатывали более 600 газет во всем мире. В мире кино от Луэллы зависело очень многое. Издала две автобиографии.

Страница 311

«Канкаль» Прасада. — Роман индийского писателя Джайшанкара Прасада (1889 — 1937). Слово «канкаль» в этом контексте означает «скелет». В Сиккиме существует танец Скелета, который также называют Канкаль.

Страница 314

Общество Махабодхи — общество, созданное цейлонским буддистом в 1891 г. с целью восстановления священного комплекса, главного храма Махабодхи. Храм на-

чали строить в годы правления царя Ашоки в III в. до н.э., через почти 250 лет после того, как Будда достиг на этом месте высшего просветления. В XIII в. н.э. над храмом был насыпан огромный курган (высота храма 52 метра). Благодаря этому его не разрушили могольские захватчики, и он так и простоял под землей до второй половины XIX в.

... ЛСД. Принимать или нет. — Интересно отметить, сколь быстрая эволюция в отношении Гинсберга к наркотикам произошла с ним за год, прожитый в Индии. Незадолго до этого, в конце 1960 г., Гинсберг, приняв ЛСД дома у Ти-моти Лири, ощущал себя мессией и провозглашал: «Вот что поможет людям отказаться от ненависти! Нам нужно движение мира и любви!» В тот раз ЛСД действовал долго, около шести часов, и они с Лири пришли к выводу, что именно с помощью психоделических средств удастся изменить мир. А значит, каждый должен иметь право принимать ЛСД. Правда, когда Лири стал проводить такие же опыты с другими писателями, художниками и музыкантами, результаты оказались не однозначными. Гинсбергу повезло: он не «подсел» на ЛСД, как многие, и уже в конце 1963 г., в Японии, принял окончательное решение отказаться от наркотиков.

Страница 318

Гора Гридхакута. — На горе Гридхакута Будда обратил в свою веру царя Мауров Бимбисару, одного из своих самых известных последователей. Кроме того, он отсюда обращался к людям со своими проповедями.

Страница 319

Питер дю Перу (или Дюперу) — один из «типов» с улиц Сан-Франциско, которого знали многие битники, хотя бы потому, что он обретался в основном в районе Норт-Бич, где они селились (тогда, разумеется, по причине дешевизны жилья). Гинсберг однажды охарактеризовал его так: «Типичный человек из Норт-Бича: чувствительный, пространственный и умный».

Страница 320

«Четыре благородные истины». — Проповедь своего учения Будда начал с «четырех благородных истин»: о страдании и причине страдания, об устранении причины страдания и о пути к прекращению страданий.

Страница 321

... у «Ли»... — Под псевдонимом «Уильям Ли» в 1950 г. вышел роман Берроуза «Джанки, или Исповедь неисправимого наркомана».

Страница 327

Дерево пипал (Ficus religiosa) — то самое, которое почитается буддистами, в связи с их представлением, что Будда получил просветление под ним (дерево Бо) в Бодхгайе.

Аллен Гинсберг
Индийские дневники

Директор издательства А.Гантман
Редактор Е.Тарусина
Корректор Л.Карпова
Художник А.Рыбаков
Компьютерная верстка У.Кузиной

Подписано в печать 27.12.2004. Формат 80х100 1/32
Бумага офсетная N1. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная
Усл. печ.л. 21.49 + вкладка = 22.23. Тираж 4 000 экз. Заказ № 220

Издательство Б.С.Г.-ПРЕСС
109147, Москва, Большая Андроньевская ул., д.22/31
Тел/факс (095) 631-06-02
E-mail: bsgpress@mtu-net.ru

Отпечатано во ФГУП ИПК "Ульяновский Дом печати"
432980, г.Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Аллен Гинсберг моется. Северная Индия, январь 1962 года

Гэри Снайдер, Питер Орловски, Аллен Гинсберг
сидят на стене, откуда открывается вид на хребты Гималаев.
Каусани, начало 1962 года

Питер Орловски, 1962 год

Продавец птиц в центре Калькутты, на углу Бомбейер-стрит
и Принсеп-стрит

Питер Орловски
у входа в ресторан
гостиницы «Амджадия»,
июль 1962 года

Очередь рикш на улице. рядом с гостиницей «Амджадия»,
13 июля 1962 года

Трансвестит (хиджра) поет на углу гостиницы «Амджадия»

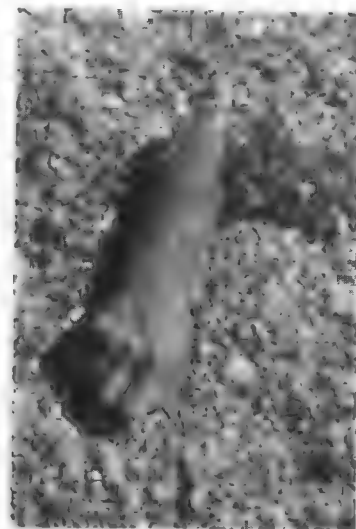
Питер Орловски и старуха-нищенка

Владелец лавки
напротив
гостиницы
«Амджадия»,
где продавались
дешевые
индийские
сигареты-биди,
октябрь
1962 года

Увечный нищий и его помощник на улице Чандни-Чоук
в Калькутте

Конечности около рельсов

Аллен Гинсберг у развалин храма в Пури-Конарке, штат Орисса, 1962 год

Аллен Гинсберг присел на землю рядом с нищим

Прокаженные курят чилам (трубку с ганджей) на ступенях Дасавамедх-гхата около Ганга в Бенаресе (ныне Варанаси), декабрь 1962 года

Здесь, на мысе под мостом Хаура, не раз сидел автор

Гинсберг на углу улицы, Калькутта, 20 октября 1962 года

Питер Орловски и Аллен Гинсберг в Калькутте

Аллен Гинсберг на калькуттской улице

Кали Ма из папье-маше, Западная Бенгалия

Кали-Ма (см. стихотворение «Описываю: Дождь на Дасавамедхе», с. 281)

Шамбу Бхарти Баба, 18 декабря 1962 года

Мальчик-нищий,
больной проказой.
Дасавамедх-гхат,
Бенарес

Питер Орловски лежит на матрасе, с длинными волосами
под голливудского Христа и с небольшой, тоже христовой,
бородкой. Бенарес

Один пес ковылял на трех лапах, поджав левую
заднюю (см. с. 231)

Обезьяны частенько навещали крышу дома брахмана,
где Гинсберг и Орловски прожили полгода. Бенарес,
19 декабря 1962 года

У дороги сидела женщина с корзинками петрушки
и редиски, там, где улица поворачивала к реке (см. с. 222)

SacdeVoyage

ALLEN GINSBERG INDIAN JOURNALS

Гинсберг, Аллен. Индийские дневники.
Он создал в Индии свой мир. В Индии, в Индии, в Индии.

Гинсберг, Аллен. Индийские дневники.
Памочен, он создал в Индии свой мир.
Памочен, он создал в Индии свой мир.
Памочен, он создал в Индии свой мир.
Памочен, он создал в Индии свой мир.

SacdeVoyage

АЛЛЕН ГИНСБЕРГ ИНДИЙСКИЕ ДНЕВНИКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

ALLEN GUTHRIE
INDIAN
JOURNALS

он стал в 1985 членом...
Индонезии, представляющей...

Гити бергт еднотворен постои и
намогачи, кои станаа доверливи
најголемиот познатиот, како
на Уоткинсон и на други, и
својот не можат да се доверат на
интервенционистичката политика.

Sac*de*Voyage

АЛЛЕН ГИНСБЕРГ ИНДИЙСКИЕ ДНЕВНИКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ